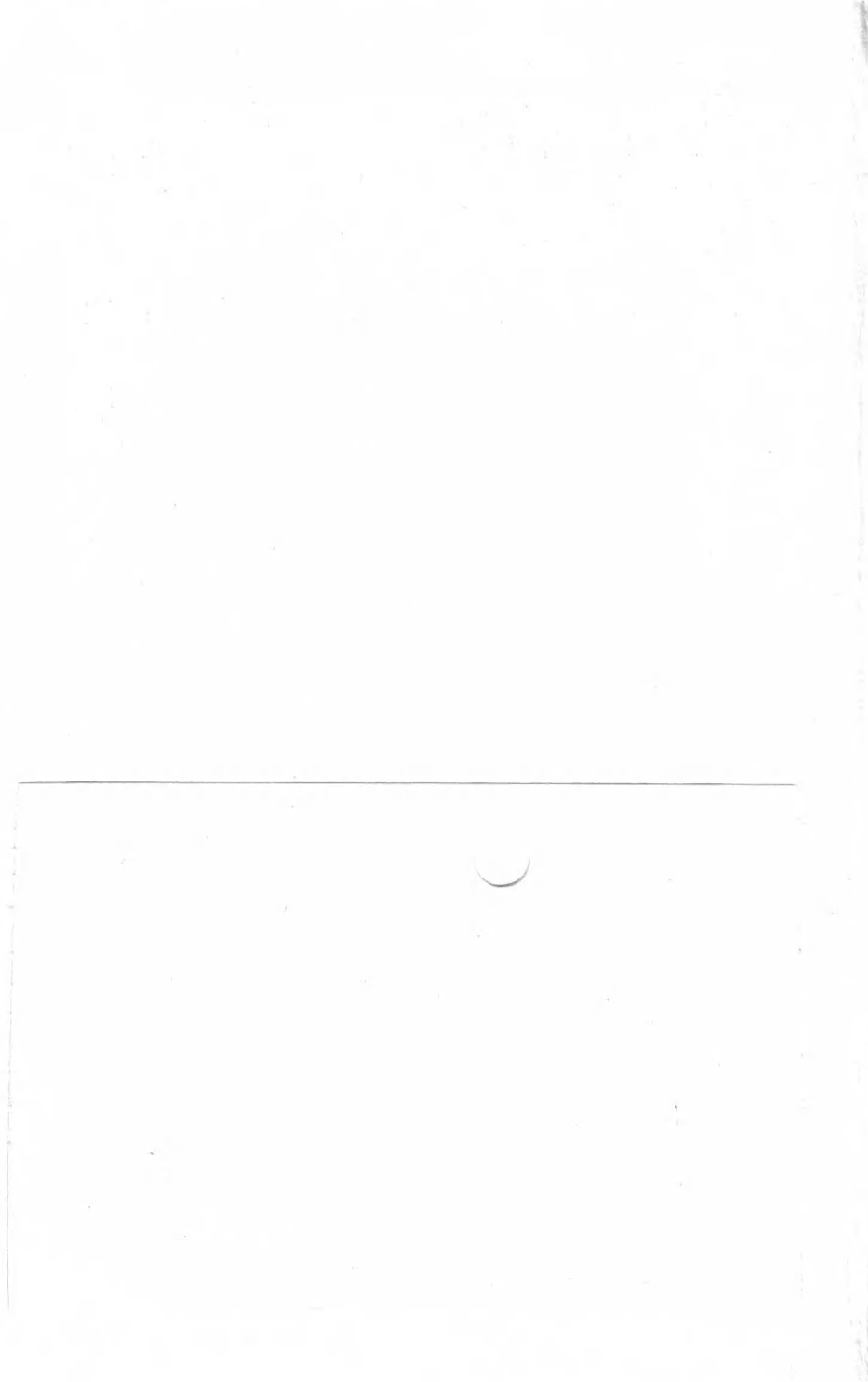
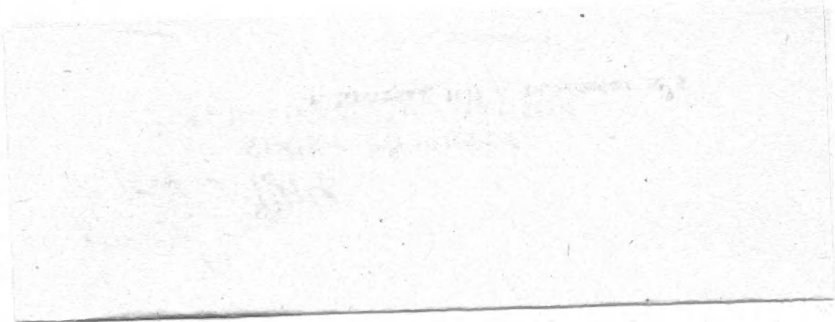

Дэвид Яллоп

**КТО
УБИЛ
папу
римского?**

Дэвид Яллоп

**КТО
УБИЛ
папу
римского?**

David A Yallop

In God's Name

Дэвид Яллоп

**КТО
УБИЛ
папу
римского?**

Москва
Прогресс
1986

ББК66. 2 (4В)
Я 51

> 00

Перевод с английского Н.А. Мюрисеп
Редактор В.С. Шумский

Яллоп Д.

Я 51

Кто убил папу римского? Пер. с англ. — /Предисл. Н.А. Ковальского. — М.: Прогресс, 1986. — 312 с., с. ил.

В книге английского публициста, написанной в жанре политического детектива, рассматривается вопрос о роли Ватикана в современном мире, о происходящих там процессах, связях с реакционными кругами Запада. В центре повествования — расследование причин смерти папы Иоанна Павла I. В книге содержится большой фактический материал разоблачительного характера об облике современного Ватикана.

— 25229 —

© 1984 by Poetic Products Ltd. Jonathan Cape Ltd.

© Перевод на русский язык, предисловие, издательство "Прогресс", 1986.

Я $\frac{0804000000 - 400}{006 (01) - 86}$ КБ-53-3-85

ББК66. 2 (4В)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Предисловие автора	20
Пролог	22
Дорога в Рим	29
Вакантный престол	55
Внутри конклава	66
Корпорация Ватикан	82
Тридцать три дня	157
Объятые страхом	206
Во имя наживы	248
Послесловие автора к русскому изданию	305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Был ли действительно умерщвлен папа Иоанн Павел I, в прошлом кардинал Альбино Лучани, который пробыл на папском престоле лишь 33 дня, или умер естественной смертью?

Таков вопрос, который поставил перед собой 48-летний англичанин, автор документальных детективов, всегда интересовавшийся сложными криминальными историями.

Еще до книги "Кто убил папу римского?" (в английском издании она называется "Во имя божие") он заслужил репутацию человека, умевшего дотошно расследовать самые запутанные дела. Вышедшие из-под его пера публикации принесли ему имя и успех. В их числе "День, когда оборвался смех" о голливудском актере немого кино Роско (Фатти) Арбэкле и убийстве, в котором он обвинялся. Опубликование другой книги — "По ту сторону разумного сомнения?" — завершилось оправданием человека, обвинявшегося до этого в двойном убийстве, и выплатой жертве судебной ошибки компенсации в миллион долларов. Расследование автора по делу "Йоркширского потрошителя" завершилось признанием правильности его выводов следственными органами и опубликованием новой книги под названием "Избави нас от зла".

Как рассказывал в одном из интервью сам Дэвид Яллоп, работа над книгой о смерти Лучани началась с того, что он получил письмо из Италии с просьбой заняться сугубо исключительным случаем: убийством Иоанна Павла I. Д. Яллоп встретился с автором письма и обнаружил, что имеет дело с видным церковным деятелем, который по понятным причинам не хотел раскрытия своего имени.

Потребовались колоссальный труд, множество встреч в Риме и Нью-Йорке, в Англии и Латинской Америке, умение вызвать на откровенность тех людей, которые что-то знали, скрупулезная исследовательская работа с документами, сопоставление и анализ полученных данных. Наконец в итоге появилась книга, которая, став бестселлером, переведена на многие языки.

Д. Яллоп не одинок, когда высказывает мнение о насильственной смерти Иоанна Павла I. Слухи об этом возникли на Западе после того, как 29 сентября 1978 года было объявлено, что он ушел из жизни. Английская "Гардиан" обратила внимание на то, что уже в те дни "многие в Италии, в том числе не только склонные к сентенциям жены бакалейщиков, говорили: "Его, наверное, убили". На невыясненные обстоятельства смерти папы Лучани указывает итальянский публицист П. Мариотти: "Всем бросилась в глаза лживость официальных заявлений. Так что же читал папа Лучани на смертном одре — Фому Кемпийского или заметки к своей проповеди? Ложь породила слухи. В Сан-Лоренцо, старой части Рима, можно было услышать фантастические предположения горожан: "Люди из курии убили его потому, что он стал брать нашу сторону".

Д. Яллоп убежден в том, что Иоанн Павел I был убит. Тем не менее это лишь версия. Официальный Ватикан придерживается противоположного мнения. Пройдет, видимо, немало времени, прежде чем о причинах смерти можно будет судить с исчерпывающей достоверностью.

Чем привлекла к себе внимание многочисленных читателей эта книга? Представляется, что интерес к ней вызван не только тем, что она профессионально написана и что все ее многоплановое содержание увлекательно разворачивается в связи с конкретным событием — смертью Иоанна Павла I. Дело в том, что она срывает покров тайны с современного клерикализма, вскрывает сложные переплетения интересов правых кругов католической церкви, монополистического капитала, империалистических спецслужб. Это книга об обществе, где политические убийства, государственный терроризм становятся нормой, проявлением духовного вырождения. И хотя убийство Иоанна Павла I не доказано, оно вполне могло иметь место, так же, как убийства президента США Джона Кеннеди, кандидата в президенты его брата Роберта Кеннеди, председателя Совета министров Италии Альдо Моро.

Ватикан многолик. Все зависит от того, с какой стороны на него смотреть, что брать за критерий его оценки. Для любителей искусства Ватикан — это прежде всего уникальное и грандиозное собрание шедевров великих мастеров прошлого, главным образом Возрождения. Здесь гением Браманте, Рафаэля и Микеланджело возведен собор святого Петра, поражающий воображение размерами и роскошью внутреннего убранства. В папских дворцах в течение веков собирались выставленные сегодня в пинакотеке бессмертные творения Джотто, Леонардо да Винчи,

Караваджо, Мурильо, многих других великих живописцев. У многих Ватикан ассоциируется с Сикстинской капеллой, лоджиями и станцами Рафаэля, с утопающими в зелени дворцовыми садами, ухоженными первоклассными специалистами своего дела.

Знатоки и историки культуры отдадут должное Ватикану за его богатейшие архивы, собрания редчайших рукописей и старинных книг. Здесь хранятся "Божественная комедия" с иллюстрациями Боттичелли, "Часослов", украшением которого стали бесценные миниатюры. Да и книгохранилищем с литературой двадцатого века может гордиться ватиканская библиотека, оборудованная в соответствии с самыми современными требованиями библиотечной науки.

В кругах научной общественности Ватикан известен папской Академией наук, основанной в 1603 году. Среди ее членов несколько лауреатов Нобелевской премии. В последние годы в рамках академии были подготовлены доклады, осуждающие гонку ядерных вооружений и планы "звездных войн". С папской академией сотрудничают и советские ученые.

Для 800 миллионов католиков Ватикан — центр духовного притяжения, где некогда, по преданию, принял мученическую смерть "князь апостолов" Петр, а ныне живет глава католической церкви — папа римский, полный титул которого несколько длиннее: он — епископ Рима, преемник князя апостолов, первосвященник всемирной церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит римской провинции, носитель верховной власти государства-города Ватикан. Отсюда через Римскую курию, состоящую из священных конгрегаций, трибуналов, служб, папа и его окружение направляют деятельность национальных католических церквей во всем мире. Здесь принимаются решения, обязательные для всех католиков. Они охватывают все сферы духовной жизни: мораль, этику, нормы поведения. Католическая церковь разработала также свою социальную доктрину, теологию по всем важнейшим вопросам политической и общественной жизни. Эти поучения излагаются в форме энциклик, моту проприо, других видов посланий, в выступлениях самого папы.

Заявляя о себе внешнему миру, Ватикан стремится представить себя прежде всего мировым центром католической церкви, осуществляющим сугубо духовные, пастырские функции. Папа хочет, чтобы в нем видели властителя душ верующих, и эту власть полагается считать полученной от бога. Так как духовное объявляется выше материального, земного, то и власть

церкви ставится выше всего светского, в том числе выше власти светского государства. Церковь претендует на то, чтобы выступать в качестве наднациональной, всемирной моральной силы, она "присутствует повсюду" и, как говорится в одном католическом издании, "объединяет, спасает и освящает людей всех цивилизаций". Заинтересованность в спасении душ верующих, в укреплении их веры, в чистоте религиозного учения, в евангелизации мира — вот главное, чем, согласно официальной версии, руководствуется в своей деятельности Ватикан.

Однако у Ватикана есть еще одно обличье, о котором ничего не узнаешь на страницах "Оссерваторе романо" и "Чивильта каттолика". Это мир политических интриг и наживы, патологического антикоммунизма и страха за будущее капиталистического строя, смятения в связи с кризисом церкви и авантюризм на путях его преодоления. Этот мир рассматривает себя как часть капиталистического истеблишмента и не мыслит себе существования вне его. Не все в Ватикане стоят на этих позициях, но те, кто стоит, достаточно сильны и влиятельны для того, чтобы воздействовать на деятельность мирового центра католицизма.

В книге Д. Яллопа папа Иоанн Павел I гибнет как человек, который не вписался в систему уже существовавших в Ватикане отношений и, более того, вознамерился произвести перемены, которые угрожали привилегированному положению сил реакционного клерикализма. С папой расправляется та среда, которая и есть Ватикан, неведомый туристам и миллионам верующих.

Такой Ватикан сложился не сразу. Своими корнями он уходит в средние века, когда не считал нужным особо скрывать творившийся произвол, преступления, обман, грабеж подданных. С конца XIX в. складывается современная финансовая империя Ватикана, которая расширялась по мере его вставания в мировую систему империализма. Союз с итальянским, а затем германским фашизмом определяет в тот период политическую ориентацию папства. После второй мировой войны правые круги Ватикана все больше тяготеют к Соединенным Штатам, добиваются сближения центра мирового католицизма с крупнейшей империалистической державой современности.

Со своей стороны и Соединенные Штаты проявляют к Ватикану возрастающий интерес. В течение длительного времени практическая реализация этого интереса наталкивалась на соперничество между католической и протестантскими церквями в США, однако затем американские сторонники развития контак-

тов с Ватиканом взяли верх. Их усилия увенчались установлением дипломатических отношений между США и Ватиканом в январе 1984 года.

Этому предшествовала длительная борьба и в США, где влиятельные силы намеревались включить Ватикан в свою орбиту, и в самом Ватикане, где были по этому вопросу разные точки зрения.

Подключились к этому различные спецслужбы, и прежде всего американские, которые в течение нескольких десятилетий, как это показано в книге Яллопа, пристально следят за развитием дел в Ватикане, поддерживают, по сообщениям западной печати, связи с определенными кругами и представителями Римской курии. Эти связи установлены со времен второй мировой войны, когда в 1944 году глава Бюро стратегических служб США, переросшего впоследствии в ЦРУ, генерал Уильям Доновэн получил из рук папы Пия XII большой крест Ордена св. Сильвестра, которым награждаются те, кто "ратными подвигами, либо сочинениями, либо выдающимися деяниями своими распространяли веру, охраняли церковь и вставали на ее защиту". "Ратные подвиги" заключались, видимо, в том, что он установил сотрудничество с главой католической разведывательной службы "Про део" отцом Морлионом. Это имя всплыло в 80-е годы в связи с провокацией против болгарского гражданина Антонова, которого обвиняют в участии в покушении на жизнь папы Иоанна Павла II.

А во время второй мировой войны, как сообщает американский журнал "Мазер Джоунс", Морлион получал деньги от американцев, передавал им информацию о расстановке сил в Ватикане, знакомил с конфиденциальными отчетами, поступавшими от папских нунциев и апостольских делегатов. В послевоенные годы осуществляется развитие такого сотрудничества, так как в глазах американской разведки Ватикан — ценный источник разведанных, стекающихся сюда в форме докладов папских дипломатов, руководителей национальных церквей и религиозных орденов со всего света. По свидетельству американского журнала, ЦРУ поддерживает правые группировки в Ватикане и католической церкви, содействует их упрочению.

Аналогичного мнения придерживается польская газета "Жолнеж вольности", полагающая, что "в послевоенный период ЦРУ сумело внедрить своих агентов в Римскую курию". Через этих агентов было обращено внимание руководителей Ватикана на необходимость борьбы против теологии освобождения в Латинской Америке, так как она противоречила долгосрочным

стратегическим планам США в этом регионе. "ЦРУ использует для своих целей также католические организации с антикоммунистическим направлением, — пишет газета. — В обмен на поддержку, особенно финансовую, члены этих организаций выполняют часто агентурную работу в разных акциях ЦРУ, например они подкладывали бомбы в церквях Сальвадора, содействовали государственному перевороту в Чили".

Сведения о связях ватиканских деятелей с американскими спецслужбами носят отнюдь не единичный характер. На их основе два автора — англичанин Гордон Томас и канадец Макс Морган-Уиттс — опубликовали в 1985 году книгу "Год Армагеддона: папа и бомба", в которой утверждают, что ЦРУ регулярно снабжает руководство Ватикана информацией, направляя ему специально подобранные досье. Хотя Ватикан официально опроверг эти обвинения, авторы продолжают настаивать на достоверности своего материала, заявляя, что они получили его от высокопоставленных должностных лиц самого Ватикана.

В Италии все больше утверждается мнение, что за политическим терроризмом в этой стране скрываются американские и итальянские спецслужбы. Член комиссии по вопросам обороны палаты депутатов коммунист Э. Черкветти заявил, что наиболее могущественные покровители терроризма на Апеннинском полуострове находятся за тысячи миль, а зависимость от них итальянских специальных служб обусловлена секретными протоколами, заключенными в рамках Североатлантического блока. Председатель группы Итальянской социалистической партии в палате депутатов Р. Формики прямо обвинил итальянские секретные службы в том, что они подчиняются командованию НАТО и непосредственно ЦРУ, поддерживают тайные связи с мафией, неонацистами и другими преступными силами, заинтересованы в дестабилизации обстановки в Италии. Депутат Европейского парламента от Итальянской соцпартии Джанни Баджет Боццо замечает по этому поводу: "Невидимая рука стирает следы преступлений "черного терроризма" или возлагает всю вину на какого-нибудь одного преступника, которого затем или невозможно поймать, или его оправдывают, либо он убегает из тюрьмы с помощью сообщников..."

В Италии обратили внимание на причастность спецслужб к обстоятельствам убийства председателя христианско-демократической партии А. Моро, когда его заподозрили в намерении пойти на то, чтобы привлечь коммунистов к участию в правительстве. Итальянские спецслужбы, как писала "Унита", "не стали расследовать деятельность агента ЦРУ Рональда Старка,

замешанного в похищении и убийстве видного деятеля ХДП Альдо Моро". Впоследствии оказалось, что к этому приложил руку генерал Музумечи, один из руководителей итальянской военной секретной службы СИСМИ, который практически делал все, чтобы завести следствие в тупик в течение тех пятидесяти дней, когда Альдо Моро после похищения находился на конспиративной квартире террористов.

С деятельностью спецслужб связаны многие действующие лица книги Яллопа, в том числе Л. Джелли, П. Марцинкус, Ф. Пацэнца и другие. Их имена вновь всплыли в связи с расследованием в середине 80-х годов незаконной деятельности итальянских секретных служб и судом над некоторыми из их руководителей.

Обращает на себя внимание, что и по сей день эти международные авантюристы продолжают пользоваться поддержкой могущественных покровителей на Западе. Так, в одной из стран Латинской Америки укрылся главарь масонской ложи "П-2" Личо Джелли, провозгласивший, что "масонство должно стать влиятельным центром незримой власти, способным объединить людей, решающих судьбы нации". В 1984 году он объявил, что был бы готов вернуться в Италию при условии помещения его "под домашним арестом" на собственной роскошной вилле "Ванда" в Ареццо (Тоскана). Создается впечатление, что Джелли продолжает пользоваться своей властью над людьми, которые, являясь членами ложи "П-2", проводили в стране политику реакции, содействовали коррупции, подрывали демократические основы итальянской конституции. "Джелли располагает финансовыми средствами и властью, — говорит председатель парламентской комиссии по расследованию деятельности "П-2" Тина Ансельми. — Система круговой поруки и сообщничества, созданная вокруг него, допускает некоторые гипотезы относительно того, что Джелли находится к нам ближе, чем мы предполагаем". К этому следует добавить, что, по данным итальянского журнала "Мондо" (май 1985 года), американские официальные лица обратились к Джелли с предложением передать им секреты ложи "П-2" в обмен на обеспечение его полной безопасности в США, а также гарантии, что ни при каких обстоятельствах он не будет выдан итальянским властям.

В США укрылся и другой международный авантюрист, Франческо Пацэнца, связанный с Центральным разведывательным управлением и одним из его представителей в Риме, "тихим американцем" Майклом Ледином. Агджа, стрелявший в 1981 году в папу Иоанна Павла II, назвал на суде имя Пацэнцы как человека, с которым он "сотрудничал". Попавший в поле зрения

итальянского правосудия еще в связи с крахом "Банко Амброзиано" и смертью его главы Роберто Кальви, Пащенко сумел бежать из Италии на самолете, предоставленном в его распоряжение одним из руководителей СИСМИ, генералом Музумечи. Благоволил к нему и сам глава этого ведомства генерал Сантовито. В течение нескольких лет Пащенко под покровительством американских друзей пользовался всеми благами в США, но в начале 1985 года был арестован и посажен в нью-йоркскую тюрьму по требованию итальянских судебных властей. Следует заметить, что потребовалось два года, прежде чем в США удовлетворили это требование. И это несмотря на то, что миллионы долларов, исчезнувшие из "Банко Амброзиано", осели, как это вскрыли американские финансовые органы, на нью-йоркском банковском счету Пащенко. Сидя в тюремной камере, Пащенко публикует заявления, в которых дает понять, что если он начнет говорить, то многим лицам, находящимся на свободе, несдобровать.

Такие персонажи книги Д. Яллопа, как Марцинкус, Кальви и Синдона, связаны прежде всего с преступными финансовыми операциями, которые они осуществляли, пользуясь, в частности, доступом к ватиканской казне через Институт религиозных дел, являющийся, по существу, Ватиканским банком. Эти дельцы успешно эксплуатировали в своих целях тот финансовый механизм Ватикана, который сложился задолго до них, Ватикан — это капиталистический концерн, владеющий большой недвижимой собственностью в Италии и за рубежом, капиталовложениями во многие отрасли в различных странах мира, значительными золотыми запасами, хранящимися в основном в США.

Стремление к наживе, погоня за богатством издавна были присущи папству. Не являются исключением и последние десятилетия, когда Ватикан оказался втянутым в целый ряд скандальных финансовых операций, в том числе и тех, о которых рассказывает Д. Яллоп.

Эти операции не случайные эпизоды в истории Ватикана. У них есть своя предыстория. Так, в начале 60-х годов нашумело дело с "фондом Бальцано", который возглавлял некий отец Дзукка. Этот фонд в размере 2,5 млрд. лир стал предметом финансовых спекуляций его управляющих, которые грели руки на сомнительных операциях с использованием капиталов фонда. "Богобоязненные" управители (почти все они имели отношение к религиозными кругам) скупали и перепродавали земли даже в далекой Венесуэле, а в самой Италии совершили ряд

мошеннических сделок.

В те же годы Ватикан и один из его финансовых деятелей, Массимо Спада, вице-президент "Банко ди Рома", были уличены в незаконных операциях со строительством домов в итальянской столице и злоупотреблением положениями конкордата, по которым святой престол имел определенные льготы в деловой активности на территории Италии.

Тогда же разразился скандал в связи с опубликованием в итальянских журналах "Эспрессо" и "Астролабио" материалов, из которых следовало, что Ватикан уклоняется от уплаты налога с прибыли на акционерный капитал. Доход, который он получил в 1963 году лишь со своих капиталовложений в "Италчементи", компании во главе с "королем цемента" Карло Пезенти, составил 3 518 475 998 лир. Газеты сообщали, что, исходя из суммы прибылей, общий объем вложений Ватикана в итальянские акционерные общества составлял в то время на менее 100 млрд. лир. Это ставило Ватикан на первое место среди итальянских держателей акций.

В последующие годы в деловых кругах Ватикана все больше ощущается ориентация на американский капитал. В значительной степени это было связано с появлением в Ватикане американского архиепископа Пола Марцинкуса, быстро ставшего здесь влиятельной фигурой и прибравшего к рукам бразды правления финансовой деятельностью папства. Свои не всегда удачные финансовые операции Марцинкус пытался компенсировать, пользуясь бесконтрольностью и своей почти абсолютной властью в ватиканском финансовом ведомстве, откровенным мошенничеством.

Чем больше Марцинкус веровал в свою безнаказанность, тем больший размах приобретала его деятельность и тем шире становились его связи. Он усвоил, что неплохие дивиденды можно получить от сотрудничества с итальянской мафией, которая имела тесные связи с некоторыми представителями финансовой и банковской системы страны. Ватиканские финансисты пришли на помощь мафиози в "отбеливании" денег, которые те добывали непосредственно в результате своего грязного бизнеса, содействовали переводу крупных сумм за рубеж, пользуясь влиянием в филиалах "Банко Амброзиано" на Багамских островах.

Некоторые священнослужители сами недалеко ушли от мафии. Шумный резонанс получило в Италии дело четырех монахов из Мадзарино на Сицилии, которые обвинялись на суде в Мессине в предумышленном убийстве, в попытке убийства и в вымогательстве денег. Они превратили кельи монастыря в логово

клерикальной мафии.

Немало историй о незаконной распродаже священнослужителями церковного имущества, в том числе ценнейшей утвари и церковных зданий, поведала итальянская печать, так как они были расположены на участках, на которые позарились строительные компании, получившие их "по сходной цене" от предприимчивых церковников. За ограбление одной из древнейших церквей Неаполя и продажу утвари антикварам сели на скамью подсудимых священники Алессандро Веско и Гвидо Мартинелли.

Таким образом, все то, о чем рассказывает Д. Яллоп в своей книге в связи с обстоятельствами смерти папы Иоанна Павла I, развивалось на широком фоне обыденной действительности, где финансовые интересы Ватикана сочетались с преступной деятельностью мафии, выходили за рамки законности, претворялись в жизнь в атмосфере коррупции и вседозволенности.

Жульнические махинации, на которые пошли Марцинкус, Синдона, Кальви и другие, не были чем-то единичным, исключительным в этой среде, скорее они были логичным ее выражением.

Аферисты чувствовали себя в такой обстановке как рыба в воде. Не случайно поэтому столь стремительное восхождение Синдоны по лестнице делового мира. Поддержка Ватикана закрепила за ним репутацию "божьего банкира". А в 1984 году, уже находясь на скамье подсудимых, Синдона утверждал, что он намерен вернуться в США и по просьбе американского президента оказать помощь комиссии по борьбе с организованной преступностью.

Хотя некоторые из авантюристов-финансистов оказались вынужденными дать отчет органам правосудия, так как нарушили правила игры, допускаемые деловым миром, тем не менее выступления Синдоны в суде, заявления Пацэнцы свидетельствуют, что они отнюдь не считают себя побежденными. Более того, они переходят в наступление, рассчитывая на поддержку влиятельных защитников. И это неудивительно: например, потребовалось десять лет после краха "Банко Амброзиано", прежде чем американские власти согласились выслать Синдону из США в Италию, где он предстал перед судом.

Что же касается американца Пола Марцинкуса, то среди всех персонажей книги Д. Яллопа он поставил рекорд "непотопляемости": и по сей день он продолжает руководить Ватиканским банком — Институтом религиозных дел. В этой связи стоит заметить, что Ватикан по-прежнему не публикует каких-либо сведений о финансовой деятельности своего банка. Скан-

дал со сделками, совершенными Марцинкусом совместно с Кальви и Синдоной, постарались замять и даже выплатили "добровольный взнос" кредиторам в размере примерно 250 млн. долларов. Конечно, репутация Марцинкуса в Ватикане пострадала, но, как сообщили американские газеты "Лос-Анджелес таймс" и "Вашингтон пост", большую поддержку ему оказал посол США при Ватикане У. Уилсон. Более того, Марцинкус пошел даже в гору, возглавив своеобразное секретное казначейство, подчинившее себе все экономические службы Ватикана и отчитывающееся только перед папой. Состоявшееся в марте 1985 года заседание Совета кардиналов по изучению организационных и экономических проблем святого престола дало понять, что положение дел Ватиканского банка беспокойства не вызывает.

В книге есть один аспект, который заслуживает особого внимания. Речь идет об отношении всех основных фигур ватиканской политики к коммунизму и коммунистам. Все они махровые антикоммунисты. В книге практически нет других персонажей. Причем этот антикоммунизм Ватикана уходит корнями еще в прошлое столетие, когда коммунизм был еще лишь "призраком", а римский папа уже считал нужным ополчиться на него. Эта линия прошла через всю историю папства и в приспособленном к современности виде осуществляется и сегодня. Антикоммунизм скрепляет союз клерикальной реакции с наиболее агрессивной частью империалистических сил. Таким образом, совершенно логично, что Д. Яллоп характеризует действующих лиц своей книги как убежденных врагов коммунизма.

Каким же в этой связи предстает Иоанн Павел I? Автор сообщает, что он придерживался антикоммунистических убеждений и до избрания на папский престол. И это естественно, иначе он не был бы иерархом римско-католической церкви, ее сыном, верным ее догматам и учению в целом. Тем не менее он видел себя последователем папы Иоанна XXIII, отличавшегося либеральными взглядами и снявшего запрет с сотрудничества между католиками и коммунистами. Многие в Италии считают, что Иоанн Павел I был гибким политиком, считался с реальностями, поддерживал дружеские отношения с Альдо Моро, который полагал возможным при определенных условиях и в определенных пределах сотрудничество с Итальянской коммунистической партией.

Считаясь либералом, Иоанн Павел I придерживался в некоторых вопросах консервативных воззрений, которые получили развитие в практике его преемника — папы Иоанна Павла II.

Так, Д. Яллоп сообщает, что Лучани сомневался в правильности "восточной" политики Ватикана, которая при Павле VI характеризовалась попытками нормализации отношений с социалистическими странами. Он также считал нужным "укрепить дисциплину" в ордене иезуитов, некоторые представители которого поддерживали антиимпериалистическую борьбу в Латинской Америке и все громче осуждали капиталистические порядки. И это не единственные примеры.

Тем не менее, несмотря на всю свою преданность ортодоксальному католицизму и антикоммунистическим убеждениям, Иоанн Павел I не был настолько консервативен, как от него требовали. Он был чужеродным телом, которое отторгли, ибо своими намерениями положить конец финансовым скандалам и сомнительным политическим связям он поставил себя вне устоявшейся клерикальной среды.

За перемены в католической церкви высказывались и до Иоанна Павла I и при нем многие представители католического мира. Выражением этих настроений и явился Вселенский собор, который с либеральных позиций разработал программу перестройки деятельности церкви, реалистично оценил происходящие в мире политические и социальные процессы. Те, кто возлагал на Вселенский собор большие надежды, сегодня выступают против консервативных сил в руководстве Ватикана, пытающихся покончить с духом реформ и преобразований.

Протест против милитаристской внешней политики империализма США нашел выражение в участии многих представителей католического духовенства и верующих, их церковных организаций в антивоенном движении. Резкая критика конкретных пороков капиталистической действительности все чаще слышится в выступлениях влиятельных религиозных деятелей и даже в церковных документах. В Латинской Америке, где широкое распространение получила теология освобождения, происходит прямая ломка церковных структур — возникает "народная церковь", а также "базовая церковь", которые не признаются Ватиканом. Со стороны части католической интеллигенции высказывается осуждение авторитаризма в Ватикане, преследования инакомыслящих. Подвергается критике внешнеполитическая ориентация ватиканского руководства.

Словом, в католической церкви сегодня идет иногда подспудная, а иногда открытая борьба. Облекаясь в религиозную оболочку, она от этого не становится менее острой.

Закончив в 1984 году работу над книгой, автор и сегодня продолжает весьма решительно осуждать правые круги Вати-

кана, выявляя истинные причины смерти папы Иоанна Павла I.

В июне 1985 года Д. Яллоп направил открытое письмо папе Иоанну Павлу II, в котором, в частности, говорилось: "Выдвинутое в моей книге обвинение требует ответа, и его в конечном счете должны дать Вы. ...Вы официально засвидетельствовали свою любовь и глубокое уважение к ныне покойному святому отцу. И теперь я обращаюсь к Вам с призывом подтвердить эти любовь и уважение, создав независимую комиссию, целью которой будет расследование всех обстоятельств смерти папы Иоанна Павла I. Она должна быть наделена правом привлекать любых свидетелей и рассматривать любые свидетельства. Со своей стороны я готов представить любые имеющиеся в моем распоряжении доказательства, которые мне удалось собрать в течение последних четырех лет. Я также готов дать показания перед этой комиссией. Я абсолютно уверен, что папа Иоанн Павел I, Альбино Лучани, был убит. Многие люди придерживаются того же мнения".

Предыдущие расследования Д. Яллопа, ставшие известными широкой общественности благодаря его книгам, завершались распутыванием самых сложных ситуаций, пересмотром, казалось бы, незыблемых выводов. Кто знает, может, и эту книгу ждет со временем такая же судьба?

Н. Ковальский

Июль 1985 года

* * *

От Издательства. Для публикации в СССР автор дополнил книгу эпилогом, с тем чтобы советскому читателю было ясно, как развивались некоторые линии сюжета после того, как он закончил свой английский вариант. Большой объем книги, вышедшей на английском языке, потребовал при переводе ее некоторого сокращения, главным образом за счет второстепенных подробностей, исключение которых не нарушило цельного представления о книге и не исказило позиции автора.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга явилась итогом трехлетнего кропотливого труда и поисков. Ее появление стало возможным благодаря помощи многих лиц и содействию самых различных организаций. Большинство тех, кто выражал готовность помочь автору, просили не ссылаться на них и не называть их. Следуя правилу строго держать слово, я и на сей раз от него не отступлю. Такое условие диктовалось самой насущной необходимостью, ибо, как увидит читатель, убийства и насилие были постоянными спутниками событий, о которых пойдет речь. Следует учесть, что лишь малая часть этих преступлений была раскрыта, а это значит, что никто не помешает убийцам убирать неугодных. Иными словами, с моей стороны было бы непростительной и даже преступной неосмотрительностью огласить имена людей, которые пошли на то, чтобы приоткрыть тайну. И я перед ними в долгу.

Причины, побудившие их к откровению, весьма различны и неоднозначны, но чаще всего их рассказ предваряла фраза: "Люди должны знать правду, и, если вы готовы взять на себя смелость ее высказать, пусть будет так".

Среди тех, кто активно помогал мне и, более того, подал идею провести расследование обстоятельств смерти папы Иоанна Павла I, есть лица, непосредственно связанные с Ватиканом. Не называя их имен, я приношу им свою глубокую благодарность. Кстати, не могу не обратить внимание читателя и на тот факт, который достаточно красноречиво говорит о нравах, царящих в Ватикане: живущие в самом центре католического мира лишены возможности открыто говорить правду.

Предвижу, что моя книга станет объектом нападок и даже гнева со стороны некоторых людей. Наверное, кто-то осудит ее как попытку очернить римско-католическую церковь, само христианство в целом. Но такие упреки и нападки будут несправедливы. Целью моей работы не было и не могло быть стремление выступать против католической церкви и тем самым оскорбить убеждения миллионов людей, живущих верой в нее. Мною

двигало желание доказать, что идеалы верующих оказались в зависимости от людей, превращающих святыни в расхожий товар по цене черного политического рынка. К сожалению, в процессе работы я вновь убедился, что их закулисные махинации весьма действенны и приобретают устрашающий размах.

Как уже отмечалось, вопрос о ссылках на источники по поводу приводимых мною фактов и доказательств крайне затруднителен: ведь имя того, кто предоставил в мое распоряжение тот или иной важный документ или устно пересказал мне его содержание, не может быть названо. Но я заверяю читателя, что все сведения, детали, факты мною неоднократно проверены, перепроверены и сопоставлены друг с другом. Свою задачу я видел в том, чтобы с максимальной объективностью и ответственностью изложить собранный материал и по возможности неуязвимо обосновать выводы, к которым пришел.

Предвижу, что наибольшее недоумение вызовут мои попытки передать содержание конфиденциальных бесед между людьми, умершими к тому времени, когда я начал свое исследование. Дело в том, что в Ватикане любая аудиенция, даже если она объявлена "частной", никогда не остается секретом. И прежде всего потому, что каждый из участников впоследствии сообщает о ее содержании определенному кругу лиц. Источником моей информации и стали такого рода лица, придерживающиеся подчас диаметрально противоположных взглядов касательно избранной темы. Поэтому диалоги в моей книге носят реконструированный, но ни в коем случае не сфабрикованный характер.

Апрель 1984 года.

Дэвид Яллон

ПРОЛОГ

Духовный пастырь католиков мира, к каждому слову которого прислушивается почти пятая часть населения земного шара, обладает огромной властью. Однако любой сторонний наблюдатель удивился бы, сколь мало олицетворял собой идею власти и могущества восшедший на папский престол в конце августа 1978 года Альбино Лучани, который принял имя Иоанн Павел I. Обыденность этого улыбчивого, ничем особенным не привлекающего внимания пожилого итальянца склонила многих к мысли, что столь же непримечательным будет и его понтификат. Более информированные, однако, знали: Альбино Лучани задумал осуществить ряд поистине кардинальных преобразований в римско-католической церкви.

Утром 28 сентября 1978 года начался 33-й день его понтификата. Чуть больше месяца назад он задумал ряд мер, которые, если бы им было суждено осуществиться, оставили глубокий след, вернув у многих надежду на лучшее, а кое у кого вызвали бы злобу и ненависть.

Вечером того же дня Лучани, как обычно, ужинал в обществе своих секретарей, отца Диего Лоренци и отца Джона Маджи.

Вечерняя трапеза, как всегда, проходила в столовой папских апартаментов на четвертом этаже Апостолического дворца в Ватикане. Вокруг стола святого отца сновали сестры-монахини, принося и унося блюда, а папа спокойно съедал обычный ужин, состоявший из бульона, куска говядины, свежей фасоли и салата. Он был целиком поглощен размышлениями о событиях истекшего дня и пытался еще раз тщательно продумать свои решения. Он искренно отметил про себя, что никогда, даже в мыслях, не предполагал, что станет папой. И вдруг он — глава католического мира!

Пока монахини сестры Винченца, Ассунта, Клоринда и Габриела бесшумно прислуживали за столом, а участники трапезы внимательно следили за передачей новостей по телевидению, другие люди в иных местах испытывали глубокую тревогу в

связи с действиями нового папы.

Этажом ниже папских апартаментов горел свет в помещении Ватиканского банка. Главе этого учреждения, официальное название которого звучит весьма богоугодно — Институт религиозных дел (ИРД), Полу Марцинкусу было не до ужина. Этот прелат, родившийся в трущобах небольшого городка Сисеро в штате Иллинойс, сделал головокружительную карьеру, получив прозвище Божий банкир, но он испытал в жизни и тяжелые моменты. Сейчас он переживал именно такой, пожалуй, самый сложный момент. Резкие перемены в уверенной манере поведения всемогущего властителя несметных сокровищ Ватикана заметили в последние 33 дня даже его подчиненные. Шумный, могучего сложения, никогда не стеснявшийся бурных проявлений своего темперамента американец вдруг стал тихим и задумчивым. Он явно терял в весе, лицо покрылось морщинами и приобрело сероватый оттенок.

Ватикан в известном смысле чуть ли не деревня: и секреты там, как в деревне, долго не держатся. До Марцинкуса сразу же дошли слухи, что новый папа уже начал личное и негласное расследование деятельности вверенного ему банка, особенно методов, которыми пользовался глава ИРД. Сколько раз после прихода к власти нового папы Марцинкус сожалел, что в 1972 году ввязался в сделку с "Банка католика дель Венето".

Государственный секретарь Ватикана кардинал Жан Вийо, погруженный в тревожные раздумья, в тот вечер тоже допоздна не покидал своего кабинета. Вновь и вновь он внимательно перечитывал список новых назначений и предложений об отставке, который продиктовал ему папа не более часа назад. Вийо пытался отговорить, разубедить папу не делать столь чреватых нежелательными последствиями шагов. Однако Лучани непреклонно стоял на своем.

Надо признать, что драматические перестановки, какие задумал Иоанн Павел I, означали бы подлинную революцию не только в курии, но и во всем католическом мире. Кардиналу Вийо это было более ясно, чем кому-либо другому.

Будь они реализованы, политика Ватикана приняла бы иное направление практически во всех областях. Лично Вийо, да и все остальные, кому, согласно воле папы, завтра будет предложено подать в отставку, считают эти перемены весьма опасными. Кардинал тут же представил, какая поднимется шумиха, как только новые смещения станут достоянием гласности. Сколько газетных статей, комментариев, прогнозов, оценок! Однако истинная причина никогда не будет произнесена вслух, не попа-

дет в печать, но и ему, и папе эта причина ясна, как божий день. Отставка людей, перечисленных в списке, лишит реальной власти и могущества в Ватикане тех, кто состоит членами масонских лож.

По сведениям папы, среди ватиканских монсеньоров более ста являются "вольными каменщиками", причем есть в их числе и кардиналы, хотя, согласно каноническому праву, причастность к масонству влечет автоматическое отлучение от церкви. Более всего Лучани тревожила деятельность темной и весьма могущественной масонской ложи "П-2", протянувшей щупальца далеко за пределы Италии в попытках стяжать власть и богатство. У него не было сомнений, что "тайные братья" действуют и на территории Ватикана. Сама мысль об этом лишала Лучани сна и покоя.

Что касается Вийо, то он и до вручения ему папой рокового списка с возрастающей тревогой следил за нововведениями Иоанна Павла I.

На 28 октября назначены прием и переговоры папы с делегацией американского конгресса, а на следующий день — частная аудиенция с конгрессменами. Тема беседы — наболевший для церкви вопрос: контроль над рождаемостью.

Досье Ватикана на нового папу Вийо знал чуть ли не наизусть, как и содержание секретного меморандума, направленного Альбино Лучани, тогда еще епископа Витторио-Венето¹, папе Павлу VI незадолго до обнародования им энциклики "Хуманэ вите" ("Жизнь человеческая"), запрещавшей католикам прибегать к мерам контроля над рождаемостью. Да и личные беседы с Лучани не оставляли сомнений, какова была его позиция в данном вопросе. А это значит, что, получив власть, новый папа осуществит ее на практике. Поворот церкви на сто восемьдесят градусов в этом вопросе расколет все духовенство на воюющие партии: сторонники нового курса поспешат назвать новый подход папы величайшей реформой в истории католической церкви XX века, а противники, как и сам кардинал Вийо, отнесутся к ней как к предательству по отношению к памяти Павла VI.

В тот вечер, 28 сентября 1978 года, помимо Марцинкуса, еще один банкир, правда за океаном, в Буэнос-Айресе, то и дело мысленно возвращался к личности Иоанна Павла I. То был Роберто Кальви, глава "Банко Амброзиано", которого в последние недели все больше раздражали и настораживали некоторые действия нового папы. Он поделился тревогами с двумя могуще-

¹Область в Северной Италии.

ственными покровителями — Личо Джелли и Умберто Ортолани, неотступно державшими его под своим контролем. Надо сказать, осложнения свалились на Кальви еще до того, как кардиналы избрали папой Альбино Лучани. Дело в том, что в апреле 1978 года Банк Италии начал негласное расследование деятельности этого частного миланского банка. Расследование было спровоцировано неожиданной и шумной кампанией в прессе, начавшейся в конце 1977 года и направленной против Кальви. Наружу выплыли самые неприятные и компрометирующие подробности о его уголовном прошлом и настоящем. Он предстал как крупнейший финансовый мошенник, ареной преступных действий которого оказался чуть ли не весь свет.

Благодаря тесной дружбе с Личо Джелли Кальви точно знал, что именно удалось выяснить следователям из Банка Италии. Знал он и о пристальном внимании нового папы к деятельности Ватиканского банка. Кальви, как и Марцинкус, не сомневался, что рано или поздно оба независимых друг от друга расследования сойдутся в одной точке: придут к пониманию того, что оба финансовых гиганта — ИРД и "Банко Амброзиано" — на протяжении длительного времени связаны неразрывными узами, точнее, совместными крупными аферами, и что раскрытие подлинной деятельности одного означает раскрытие тайн другого. Поэтому, не теряя ни минуты, Кальви привел в движение все мощные рычаги, находившиеся в его руках, чтобы помешать следователям из Банка Италии и тем самым обезопасить дальнейшее существование своей финансовой империи, которую, между прочим, собирался в самое ближайшее время обокрасть для "личных нужд" на сумму больше миллиона долларов.

Самый поверхностный анализ положения, в котором оказался Роберто Кальви в конце сентября 1978 года, не оставляет сомнений, что, если бы преемником Павла VI на Святом престоле стал человек честный и безупречный, банкиру-мошеннику грозил бы полный финансовый крах и бесчестье, конец его банка и длительное тюремное заключение. Нет оснований сомневаться, что Кальви видел в Альбино Лучани именно такую угрозу.

Еще один банкир, сицилиец Микеле Синдона, следил в Нью-Йорке с величайшим беспокойством за действиями папы Иоанна Павла I. Этот авантюрист вот уже три года успешно боролся с попытками итальянского правительства добиться его выдачи у американских властей. Среди обвинений, выдвинутых против него, было, в частности, и обвинение в мошенничестве, стоившем государственной казне 225 млн. долларов. В мае 1978 года казалось, что Синдона проиграл. Федеральный суд

постановил, что требование итальянских властей о выдаче преступника должно быть удовлетворено.

А пока Синдона находился на свободе, ни в чем себе не отказывая. Отпущенный под залог в 3 млн. долларов, он дал указание купленным им за немалые деньги опытным адвокатам продумать, как выгоднее разыграть последнюю карту. От правительства Соединенных Штатов потребовали представить серьезные доказательства того, что решение суда о выдаче Синдоны имело под собой солидные юридические основания. Синдона устами юристов утверждал, что предъявленные ему от имени итальянских властей обвинения были делом рук ненавидевших его коммунистов и прочих левых элементов. Кроме того, миланскому прокурору адвокатами Синдоны вменялось в вину, что он утаил от следствия какие-то сверхважные факты и показания, которые якобы полностью оправдали бы "несчастную жертву коммунистического заговора". Указывалось на то, что в случае выдачи банкира итальянскому правосудию на него, дескать, немедленно будет организовано покушение. Слушание дела было назначено на ноябрь.

В течение всего лета люди Синдоны вели самую активную работу в Нью-Йорке. Нанятый им платный убийца-профессионал, мафиози Луиджи Ронсисвалле, терроризировал свидетеля обвинения Николо Бьязе, угрожая ему расправой. Мафия также угрожала расправой федеральному прокурору Джону Кенни, главному обвинителю на процессе по "делу Синдоны". Убийце был обещан чек на 100 тыс. долларов.

Учитывая, что папа Иоанн Павел I наверняка тщательно изучит дела Ватиканского банка, Синдона не сомневался, что никакие сделки с американской мафией не помогут ему избежать выдачи итальянским властям, а следовательно, разоблачения, банкротства, позора и тюрьмы. Сеть коррупции, которой оказался опутан Ватиканский банк, хранивший деньги мафии и до сих пор остававшийся вне подозрений, крепко связывала ИРД не только с Роберто Кальви, но и с Микеле Синдоной.

Там же, в Соединенных Штатах, еще один князь церкви не мог уснуть спокойно с тех пор, как в Ватикане воцарился новый первосвященник. Его инициативы настораживали кардинала Джона Коуди, архиепископа богатейшей в мире Чикагской епархии, охватывавшей 2,5 миллиона верующих, более 3 тысяч священников, 450 приходов. Годовой доход своей епархии он был склонен считать чем-то сугубо личным, а поэтому его точную цифру не называл никому, но, по самым скромным подсчетам, он превышал 250 млн. долларов. Стремление сохранить в

тайне финансовые документы епархии вызвало бурю недовольства прелатом, вселяя тревогу в сердце сверхосторожного Павла VI. К 1978 году Коуди хозяйничал в Чикагской епархии уже тринадцатый год. И на протяжении всех этих лет до Ватикана доходили мольбы о его замене. Писали монахини, священники, прихожане, лица светских профессий, единодушно просившие папу избавить их от тирана.

Для Павла VI вопрос о кардинале Коуди был подобен кровоточащей ране. Не раз он был готов отозвать Коуди, но в последний момент отменял решение. Причиной колебаний была сложная, закомплексованная натура папы Павла VI, но лишь отчасти. Он знал и о более серьезных грехах кардинала, из-за которых необходимо было подыскать другого кандидата на пост архиепископа Чикаго.

В конце сентября кардиналу Коуди позвонил из Ватикана преданный и хорошо оплачиваемый информатор, рассказавший ему все важные новости. Голос доверительно сообщил, что Иоанн Павел I действовал решительно там, где его предшественник терзался сомнениями. Одним словом, отставка кардинала была делом решенным.

За спиной по крайней мере трех из упомянутых мною лиц настойчиво маячила фигура Личо Джелли. Он давно носил прозвище Иль Буратинайо — "кукольник". Марионеток, полностью послушных ему, было великое множество по всему свету. Он контролировал тайную ложу "П-2", а с ее помощью и всю Италию. В Буэнос-Айресе, где он назначил Кальви встречу с целью обсудить трудности, возникшие в связи с приходом к власти нового папы, он вспомнил о славном времени, когда без особого труда и с триумфом вернул к власти диктатора Перона. Если кто сомневается, то можно посмотреть кадры кинохроники, запечатлевшие незабываемые моменты: благодарный Перон на виду у всех униженно коленипреклонен перед могущественным итальянцем. Итак, если Марцинкус, Синдона и Кальви поджали хвост, узнав о первых шагах нового папы, еще малоизвестного и "тихого" Альбино Лучани, то Личо Джелли был прямо и непосредственно заинтересован в том, чтобы опасное препятствие убрать со своего пути.

Я постарался нарисовать картину того рокового вечера 28 сентября 1978 года — последнего в жизни Иоанна Павла I. Шестеро могущественных и абсолютно беспринципных деятелей — Марцинкус, Вийо, Кальви, Синдона, Коуди и Джелли — имели все основания страстно желать его смерти.

И папы не стало.

Его не стало поздно вечером 28 сентября 1978 года или на рассвете следующего дня, на тридцать четвертый день пребывания на апостолическом престоле.

Точное время, когда остановилось его сердце, неизвестно, как неизвестна и сама причина.

Я абсолютно убежден, что истинная причина смерти кроется в той ситуации, которую я в самых общих чертах обрисовал на предыдущих страницах. Я не сомневаюсь, что один из шестерых в тот вечер, 28 сентября 1978 года, уже предпринял решающие шаги для устранения препятствия, которым стал Альбино Лучани с первого дня своего пребывания на папском троне.

Вскоре после избрания Альбино Лучани папой английский кардинал Бэзил Хьюм сказал: "Выбор поразил всех неожиданностью. Но коль скоро он был сделан, все поняли, что это — наилучший выбор. И ощущение верно сделанного выбора у каждого участника конклава было настолько сильным, что он не сомневался в одном: то была воля божья".

А 33 дня спустя не стало того, кто считался избранником всевышнего.

Все, что я предлагаю вниманию читателя в этой книге, явилось, как уже было сказано, результатом кропотливых поисков в течение грех лет. С самого начала работы я неукоснительно следовал такой заповеди: глубоко понять человека можно лишь при условии, если проследить его жизненный путь с ранних лет. Так возник первый вопрос, на который я стал искать ответ: что за человек был Альбино Лучани?

ДОРОГА В РИМ

Семья Лучани жила в горной деревушке Канале д'Агордо¹, в 120 километрах к северу от Венеции.

Когда 17 октября 1912 года родился Альбино, его родители — Джованни и Бортола — уже воспитывали двух маленьких дочерей Джованни от первого брака. Рано овдовев, не имея ни гроша, Джованни был лишен всякой надежды на постоянную работу. Он вряд ли мог составить хорошую партию для набожной девушки, мечтавшей посвятить себя служению господу. И вот Бортола обрела сразу троих детей. Роды были долгими и мучительными. Молодая мать с первого часа жизни первенца испытала отчаяние при мысли о его неминуемой смерти. Всю жизнь она не могла избавиться от этого страха. Его сразу же крестили, дав имя Альбино в честь близкого друга отца, работавшего с ним в Германии и погибшего при взрыве на заводе. Мальчик был очень слаб, но выжил. Залпы первой, но не последней в его жизни войны раздалились, когда он только учился ходить.

В деревне, где он рос, мужчина был редкостью. Мужчины смолоду уходили в другие города, а то и в чужие страны в поисках работы. Не было другого способа прокормить семью. Джованни искал счастье в Швейцарии, Австрии, Германии, Франции, оставляя дом ранней весной и возвращаясь лишь поздней осенью.

Семья Лучани жила в старом амбаре. Очаг топился дровами и обогревал только ту часть жилища, где Альбино появился на свет. Палисадника не было и в помине: у горцев это считалось непозволительной роскошью. Скромность быта в какой-то мере возмещалась красотой сосновых лесов и величием снежных вершин. Речка Биоли, бежавшая возле деревенской площади, была стремительна, прозрачна и прелестна, как все горные потоки.

Родители Лучани олицетворяли союз противоположностей.

¹ В то время, когда родился Альбино Лучани, деревня именовалась Форно-ди-Канале. Свое первоначальное название она вновь обрела в 1964 году по инициативе брата Альбино Лучани, Эдоардо.

Глубоко набожная Бортола проводила в церкви больше времени, чем дома, неустанно моля бога о милосердии к своей семье. Она пребывала в постоянной тревоге за здоровье детей. При малейшем насморке или кашле мчалась с ребенком на руках к фельдшеру в маленький пограничный пункт, находившийся неподалеку. У нее был неподдельный дар самоотречения. Джованни Лучани тем временем колесил по дорогам объятой войной Европы в поисках работы. Мастер на все руки, он безропотно соглашался быть строителем, нанимался механиком или электриком. Убеденный атеист и сторонник социалистических идей, он вызывал ужас у суеверных односельчан, искренно видевших в безбожнике кандидата в ад и посланца сатаны. Существование двух людей со столь противоположными убеждениями не могло быть безоблачным. В сознании Альбино Лучани навсегда остался осадок от столкновений между родителями, которые он наблюдал в тот день, когда на стенах деревенских домов были развешаны большие плакаты с именем отца, призывавшие голосовать за Джованни Лучани на выборах в местный муниципалитет как за кандидата от социалистической партии.

Несмотря на свои убеждения, отец не стал препятствовать, когда Альбино, одиннадцати лет от роду, попросил разрешения поступить в духовную семинарию.

В 1923 году Альбино покидает родной дом и поступает в начальную семинарию в Фельтре, готовый посвятить себя служению церкви, которая переживала в ту пору бурное время жестоких разногласий.

Папство, испуганное громовыми раскатами первых социалистических революций, лихорадочно искало способ остановить ураганное распространение новых идей. Объятый страхом, папа запретил даже такую книгу, как "Пять ран святой церкви" Антонио Росмини, написанную в 1848 году.

Росмини вскрывал основные причины кризиса, переживаемого католической церковью. Он выделил пять из них: социальная пропасть, отделяющая духовенство от народа; низкий уровень образования и общей культуры приходских священников; отсутствие единства, ненависть и зависть, разобщающие высшее духовенство; зависимость назначения на церковные посты от светских властей. Самым главным пороком он считал сосредоточение в руках церкви и ее служителей огромных материальных ценностей, что неизбежно делало их жертвами собственности и порождало коррупцию. Росмини писал о необходимости церковной реформы, на которой настаивал единственно из желания спасти католицизм от дальнейшего упадка. Но в результате ста-

раниями иезуитов от был лишен кардинальской шапки, возложенной на него папой Пием IX, а на его книгу был наложен полный запрет.

В Фельтре Альбино читал буквально все, что попадало ему под руку. Запоминал прочитанное почти наизусть, поскольку был наделен уникальной памятью. Мучимый множеством вопросов, порождаемых чтением, он не всегда сдерживал наивное желание получить на них ответ, забывая об опасности навлечь недовольство учителей, которые считали его прилежным, но "чересчур дотошным" мальчиком.

Летние каникулы юный семинарист всегда проводил дома. Одетый в длинную черную сутану, работал вместе со всеми в поле. В часы досуга приводил в порядок библиотеку приходского священника отца Филиппо. Время от времени мальчика навещал в семинарии отец. Этой встречи оба ждали с нетерпением. Возвращаясь осенью домой, Джованни прежде всего наведывался в семинарию к сыну. Зима для него была временем активной агитационной деятельности в пользу социалистической партии Италии.

В 23 года Альбино стал священником. Церемония посвящения состоялась 7 июля 1935 года в соборе святого Петра в Беллуно. На следующий день он отслужил свою первую мессу в родной деревне. О большем счастье, чем получить приход в Форно-ди-Канале, он не мечтал, хотя это был весьма скромный пост в рамках церковной иерархии. Среди множества родственников, друзей и представителей местного духовенства, пожалуй, самым гордым выглядел отец, который к тому времени наконец-то нашел постоянную работу сравнительно недалеко от дома, на острове Мурано около Венеции, где он нанялся стеклодувом.

В 1937 году Альбино получил назначение на должность проректора семинарии в Беллуно, которую он окончил после семинарии в Фельтре¹. Если содержание его наставлений семинаристам почти не отличалось от того, что слышал он сам в этих стенах еще совсем недавно, то форма, в которую он старался облечь свои занятия, была совершенно иной. Нудные и безжизненные мудрствования средневековых теологов он пытался сделать живыми, человеческими и возвышенными. Однако по прошествии четырех лет на посту проректора он понял, что сам нуждается в дальнейшем образовании, и решил поступить в Гре-

¹С 1937 по 1947 год будущий папа был проректором и профессором догматической и моральной теологии, канонического права и религиозного искусства в семинарии Беллуно.

горианский университет в Риме — высшее католическое учебное заведение, чтобы получить степень доктора теологии. Это означало, что придется покинуть родные места.

Однако семинарское начальство не хотело его отпускать. Лучани решил совместить занятия наукой и преподавание. Однако в письме из университета указывалось, что присутствие в Риме для очного обучения, по крайней мере в течение одного года, совершенно необходимо.

В результате многочисленных ходатайств Альбино Лучани личным распоряжением папы Пия XII было предоставлено право совмещать дальнейшее образование с преподавательской работой. 23 ноября 1946 года он с блеском защитил диссертацию и получил степень доктора теологии. Опубликована она была 4 апреля 1950 года. С этого дня он официально мог именоваться доктором теологии.

В 1947 году епископ Беллуно Джироламо Бортиньон назначил Лучани первым викарием епархии и поручил ему организацию и проведение встречи духовенства двух епархий — Фельтре и Беллуно. Новый пост возлагал дополнительную ответственность: он требовал большей широты взглядов и эрудиции. Мировоззрение Лучани уже претерпело определенную трансформацию. Не соглашаясь с доводами Росмини, изложенными им в книге "Истоки духа", он тем не менее все больше склонялся в пользу той точки зрения, что опальный теолог был совершенно прав в отношении пороков, подтачивающих здание церкви. Сам факт, что все проблемы, стоявшие перед католицизмом уже сто лет назад, не только не были разрешены, но еще больше обострились, убеждал Лучани в правоте автора запрещенных папским "Силлабусом" книг, в необходимости церковных реформ.

В 1949 году Лучани была поручена работа над разделом катехизиса в рамках подготовки к Евхаристическому конгрессу, который должен был проходить в тот год в Беллуно. Работая над порученным заданием, а также используя педагогический опыт, накопленный за годы работы в семинарии, он написал книгу под названием "Катехизис в миниатюре".

До 1958 года жизнь дона Альбино, как его называли, текла по твердо установленному и неизменному руслу. Родителей давно уже не было в живых. Он часто навещал свой деревенский дом, где жил брат Эдоардо. Навещал он и сестру, имевшую многочисленное семейство и жившую в Тренто.

Работы у первого викария Беллуно было много. Она поглощала большую часть времени. Истинным отдыхом были книги.

Тем временем апостолический престол занял новый папа,

Иоанн XXIII, родом из расположенного неподалеку Бергамо, откуда, кстати, происходил и покойный друг отца, в память о котором Альбино и был наречен.

Наиважнейшей первоочередной задачей каждого первосвященника были кадровые перемещения в верхах. Кардинала Урбани решено было сделать архиепископом Венеции. Этот пост оказался вакантным, когда кардинал Ронкалли стал папой Иоанном XXIII. Так освободилось место епископа Витторио-Венето. Подыскивая кандидатуру на это место, папа обратился за советом к епископу Бортиньону. Имя, названное в ответ, заставило папу улыбнуться: "Да, конечно, знаю-знаю. Лучше действительно не придумаешь".

Лучани с присущей ему искренностью, которую потом многие так упорно ставили под сомнение, заметил несколько дней спустя после своего назначения епископом: "Мне приходилось пару раз бывать с ним (папой) в поездке. И мы беседовали, конечно, но говорил он, а я слушал. И то, что он составил обо мне какое-то представление, даже удивительно — я ведь и рта не раскрывал".

46-летний Лучани был посвящен в сан епископа Иоанном XXIII в соборе святого Петра на третий день рождества 1958 года.

Менее трех недель спустя после посвящения Лучани в епископы, в январе 1959 года, папа беседовал с заместителем государственного секретаря Ватикана влиятельным кардиналом Доменико Тардини. Они обсуждали возможные последствия свержения режима Батисты под руководством молодого человека по имени Фидель Кастро. Непонятно было, чего ждать от нового президента Франции генерала Шарля де Голля. Говорили также о невиданных успехах науки и техники в Советском Союзе, где только что был запущен на окололунную орбиту искусственный спутник. Тревожили революционные события в Алжире, ужасающая нищета латиноамериканских стран, меняющийся облик Африки, где чуть ли не каждую неделю возникали новые страны. Папу Иоанна XXIII не покидала мысль, что католическая церковь не поспевает за жизнью. Значит, она весьма скоро будет не нужна тем миллионам людей, которые из поколения в поколение привыкли следовать за ней. Папа внутренне чувствовал, что в истории человечества назревает переломный момент, который определит последующее развитие мира в качественно новом направлении, вынудит людей искать иные ценности и скорее в сфере материальной, чем духовной.

В противоположность многим в Ватикане папа был убеж-

ден, что инициатором церковной реформы должен стать сам Святой престол. И вдруг папу осенила идея, которую он впоследствии назвал "божественным вдохновением". Конечно, спасти положение может лишь созыв Вселенского собора. Независимо от того, как возникла эта идея, нельзя отрицать, что возникла она как нельзя более кстати.

Итак, папа Иоанн XXIII решил созвать Второй Ватиканский собор. Первый Ватиканский собор в 1870 году утвердил догмат о папской непогрешимости. Церковные реформы, провозглашенные Вторым собором, и теперь, много лет спустя, вызывают ожесточенные споры и столкновения бескомпромиссных мнений.

Одиннадцатого октября 1962 года 2381 высший священнослужитель римско-католической церкви собрался на церемонию открытия первой сессии XXI Вселенского или, как его стали называть, Второго Ватиканского собора. Среди соборных отцов был и Альбино Лучани. В течение длительного пребывания в Риме, куда собрались церковные иерархи со всего света, Лучани обрел друзей, с которыми сохранил самые теплые отношения до конца жизни: это кардиналы Сюененс из Бельгии, Войтыла и Вышинский из Польши, Марти из Франции, Тиандум из Дакара. Дебаты, развернувшиеся между представителями разных направлений, позволили Лучани проверить твердость и своих позиций, в частности когда развернулось обсуждение декларации "О религиозной свободе", ставшей для него откровением.

Далеко не все были в восторге от пересмотра традиционно негативного подхода католической церкви к вопросу о веротерпимости. Люди, близкие по взглядам к ультраконсервативному кардиналу Альфредо Оттавиани — главе конгрегации священной канцелярии, — были убеждены в необходимости не только искоренить концепцию веротерпимости, но и сам дух подобных идей, осужденный еще в начале XX века папой Пием X как "модернизм". Интегрисы, как называли сторонников такого подхода, составляли подавляющее большинство среди духовенства того поколения, под влиянием которого в семинариях в Фельтре и Беллуно формировались взгляды Лучани. По их убеждению, "религиозная свобода" может и должна означать исключительно свободу выбора лишь католической веры. Любое другое вероисповедание признавалось заблуждением, а "заблуждение права не рождает". И сам Лучани проповедовал среди своих учеников ту же доктрину нетерпимости. За несколько месяцев до начала второй сессии собора ему пришлось столкнуться с проблемой совершенно другого рода. Два священника его епархии оказались втянутыми в махинации ловкого

коммивояжера, промышлявшего спекуляциями недвижимостью. Тот уговорил их войти в долю. В итоге один из них признался во всем епископу Лучани, добавив, что недостача в церковной кассе по их вине составляла более 2 млрд. лир.

Понимая, что громкий скандал, раздутый по обыкновению прессой, нанесет непоправимый ущерб престижу церкви, Лучани сам отправился к редактору издававшейся в Венеции газеты "Гадзеттино". Рассказав об этой истории, он попросил не делать сенсации из досадного происшествия. Затем он собрал все духовенство вверенной ему епархии. Тут следует отметить, что в подобных случаях католическая церковь вправе прикрываться церковным иммунитетом, а на практике это означает отказ от возмещения ущерба. Лучани же сказал в обращении к ожидавшим его решения 400 представителям духовенства: "Сообщаю вам с прискорбием, что двое из нас совершили серьезный проступок. Считаю, что епархия должна по своей воле возместить ущерб. Считаю также, что мы не должны воспользоваться иммунитетом в таком постыдном деле. Мы не можем мешать правосудию. Пусть унижение, вызванное этим скандалом, послужит уроком всем нам и вновь напомним о том, что наша церковь должна быть церковью бедной и для бедных. Я намерен с целью возмещения продать некоторые церковные сокровища и одно из зданий, принадлежащих епархии. Деньги пойдут на компенсацию ущерба, причиненного кражей, — все до последней лиры. Для осуществления всех этих мер мне нужно лишь ваше согласие".

И епископ Лучани получил его. Некоторые, однако, отмечали при этом, что Лучани, пожалуй, чересчур щепетилен в подобных вопросах. Одним из тех, на кого произвела впечатление моральная позиция епископа, оказался как раз тот спекулянт собственностью, втянувший священников в авантюру: он покончил с собой, не дожидаясь суда. Один из священников был оправдан судом, другой отбыл один год в заключении.

Семнадцатого сентября 1969 года скончался кардинал Урбани, патриарх Венеции. Обдумывая вопрос о подходящей кандидатуре для замещения вакансии, Павел VI вспомнил о епископе. Папа высоко оценил мудрость и благородство, проявленные Лучани в решении вопроса о финансовых махинациях злополучных священников. К его изумлению, Лучани с благодарностью, но твердо отклонил новое назначение, которое любому показалось бы блестящим. Дело в том, что Лучани был лишен честолюбия. Он был искренно доволен своим положением в

Витторио-Венето и считал логичным свой поступок.

Папа Павел VI вынужден был подыскать другую кандидатуру. Наиболее реальным претендентом казался кардинал Антонио Саморе, такой же консерватор, как и его духовный наставник кардинал Оттавиани. Но из Венецианской епархии стали поступать письма, настойчиво отклонявшие его кандидатуру, и папа оставил эту мысль.

Павел VI вновь стал думать о Лучани.

Лучани скоро почувствовал усиливавшийся нажим из Рима и счел себя не вправе отказать папе во второй раз. Епархия, которой было невдомек, что новый патриарх сделал все, пытаясь заставить папу остановить выбор на другой кандидатуре, ликовала, узнав, что отныне ее возглавляет "наш" Альбино Лучани.

Восьмого февраля 1970 года он, уже новый патриарх, архиепископ Лучани, прибыл в Венецию. Традиция предписывала, что церемонию должен сопровождать парад нарядно украшенных гондол, гром духовых оркестров, народные гулянья и многочисленные приветственные речи. Лучани всегда отличался негативным отношением к любой помпезности и церемониальности. Он распорядился отменить торжественную встречу и ограничился речью перед приветствовавшими его горожанами, в которой упомянул не только о богатых традициях всемирно знаменитого города, но и о том, что Венецианская епархия включает и промышленные районы, такие как Местре и Маргера. Это — другая Венеция, — заявил патриарх. — Там мало исторических памятников, но много заводов и фабрик, бедности, проблем материальных и духовных. И это многоликое и полное контрастов творение свое — Венецию — всемогущее Провидение вверило отныне моим заботам. Синьор мэр, хочу напомнить вам, что на первых монетах, выпущенных в Венеции в 850 году после Рождества Христова, было написано: "Иисусе, спаси Венецию". Этот девиз я отныне сделаю своим и от всего сердца вознесу Господу молитву: "Господи, благослови Венецию!"

На следующий день он с помощью своего нового секретаря отца Марио Сенигалли приступил к работе. Отклоняя бесчисленные приглашения удостоить своим присутствием престижные приемы, устраиваемые местной знатью, Лучани отправился с визитом в местную семинарию, посетил женскую тюрьму в Гвидекке, мужскую тюрьму в Санта-Мария-Маджоре, после чего отслужил мессу в церкви Сан-Симеоне.

По традиции патриарху Венеции полагался особый катер, однако Лучани и здесь продемонстрировал неприятие того, что

ассоциировалось у него с собственностью и с излишней экстравагантностью. От катера он наотрез отказался, неизменно предпочитая речной трамвайчик. В случае срочных поездок Лучани обращался к местным пожарникам либо звонил в полицию или таможенникам и просил одолжить ему одну из казенных лодок. Естественно, что все они почитали за честь с максимальной готовностью исполнить просьбу столь нетрадиционного патриарха.

Если возникала необходимость отправиться куда-либо по суше за пределы города, Лучани, как правило, пользовался велосипедом. Высшее общество Венеции недоуменно и неодобрительно пожимало плечами. Они-то сами были склонны к помпе, а несуетность и скромность архиепископа Венеции, который должен был бы принадлежать к их кругу, вызывали у них чувство крайней неприязни. С молоком матери они впитали: кесарю — кесарево.

Новый подход Лучани к своим обязанностям и его концепции христианского милосердия отнюдь не сводились к визитам в тюрьмы и дома призрения. Он оказался способным на решительные шаги: многие из тех священников, чьи поступки шли вразрез с его убеждением, очень скоро оказались переведенными в самые отдаленные и глухие уголки Венецианской епархии.

Один из таких священников получил от Лучани персональный урок социальной справедливости. Священник, решив повысить квартирную плату в принадлежавшем ему доме, обнаружил, что один из квартиросъемщиков, школьный учитель, остался без работы и поэтому платить больше не может. Священник решил выселить несчастного. Узнав об этом от своего секретаря, Лучани пытался увещевать меркантильного клирика, но тот недоуменно глядел на архиепископа, по памяти цитировавшего Священное писание: "Царствие мое суть не на земле". Однако это не помогло. Тогда Лучани собственноручно подписал чек на 3 млн. лир, что позволяло учителю арендовать квартиру, пока он не подыщет другое постоянное жилье. Тот учитель и по сей день как реликвию хранит в рамке на стене фотокопию чека, подписанного Лучани.

С первого дня пребывания на новом посту архиепископ Венецианский интересовался теми, кто живет в "другой Венеции". Когда рабочие Местре и Маргеры объявили забастовку, он попытался найти взаимоприемлемое решение в возникших разногласиях. Когда в 1971 году администрация предприятия в Ла-Саве объявила об увольнении 270 рабочих, оказавшихся "лишними", он заставил ее отменить бесчеловечное решение, напомнив о необходимости уважать достоинство личности.

Среди его ближайшего окружения находились и те, кому был не по душе такой патриарх. Их больше устроил бы тот, кто ограничился бы публичными проповедями на утеху жаждущим впечатлений туристам.

Папа Павел VI, однако, был доволен сделанным выбором. В 1971 году он назначил архиепископа Лучани членом синода епископов.

Темой дискуссии должны были стать задачи определения миссии духовенства на пути к достижению справедливости во всем мире. Одно из заявлений Лучани свидетельствует об остроте обсуждавшихся вопросов: "Я предлагаю, чтобы в интересах беднейших стран и с целью оказания реальной помощи им каждая из церквей, располагающих значительными денежными средствами, взялась отчислять в пользу таких стран одну сотую долю своих доходов. Деньги эти передавались бы через благотворительные организации, созданные под эгидой Ватикана. Назовем эти деньги "братской долей" и будем вносить их не в порядке благотворительности, а с сознанием того, что мы исполняем лишь свой долг, пытаюсь возместить ущерб, нанесенный нашим обществом потребления, обогащавшимся за счет стран, ныне лишь встающих на путь самостоятельного развития, с сознанием того, что мы лишь искупаем долг совести".

Начиная с 1946 года Институт религиозных дел, который более известен как Ватиканский банк, имел крупный пакет акций "Банка каттолика дель Венето". Помимо этого, часть акций последнего — вместе взятые, они составляли меньше 5 процентов — принадлежала нескольким приходам в области Венето.

В случае если бы речь шла об обычном финансовом учреждении, это меньшинство оказалось бы самым уязвимым. Однако ИРД нельзя поставить в один ряд с обычными банками.

Между Венецианской епархией и Ватиканом существовала договоренность относительно того, что обладание Ватиканским банком контрольным пакетом акций (а к 1972 году ИРД владел 51 процентом акций "Банка каттолика") должно служить своеобразной гарантией против возможного захвата руководящих позиций в "Банка каттолика дель Венето" какой-либо третьей стороной.

Несмотря на низкие процентные ставки, предоставляемые банком духовенству области Венето, он был одним из самых процветающих в стране, что подтверждало в условиях Италии правило: "кому верит пастырь, тому доверяет и паства". Следует отметить, что солидную часть капитала составляла недви-

жимость, принадлежавшая епархии на Севере страны. И вот теперь вся отлично отлаженная годами финансовая машина остановилась. Банк, который, как считал местный епископ, был его банком, во всяком случае морально, вдруг оказался в чужих руках, причем ни слова предупреждения о готовящейся сделке не слышал ни сам патриарх Венеции, ни кто-либо другой из области Витторио-Венето. Продал "Банка каттолика дель Венето" по своей воле и усмотрению президент Ватиканского банка Пол Марцинкус, а купил его Роберто Кальви, глава частного миланского "Банко Амброзиано".

Со всех сторон в резиденцию венецианского патриарха посыпались устные и письменные жалобы епископов. Кардинал терпеливо выслушивал их. Суть претензий сводилась к тому, что прежде они, нуждаясь в займах, обращались за ссудами в Ватиканский банк, и тот неизменно предоставлял их, рассматривая акции венецианского духовенства в "Банка каттолика" в качестве обеспечения. Теперь же эта часть акций, как и ценные бумаги этого банка, самостоятельно приобретенные ИРД, были проданы некоему Кальви.

Возмущенные епископы резонно доказывали Лучани, что, зная они о готовящейся сделке заранее, они сумели бы найти необходимую сумму, чтобы выкупить свои акции, которые Ватиканский банк рассматривал как обеспечение. Но еще более возмутительным в их глазах было предательство интересов венецианского духовенства, на которое пошел Марцинкус, официально представлявший Ватикан. Это ли не свидетельство падения престижа Святого престола, претендующего на роль духовного пастыря всего мира? Содеянное свидетельствовало по меньшей мере о недопустимо низком уровне моральных устоев этого человека. В немалой степени враждебность духовенства к Марцинкусу подстегивала и невысказанная, но твердая уверенность, что тот присвоил весь "навар" от этой позорной сделки.

Епископы требовали, чтобы патриарх немедленно отправился в Рим и потребовал у самого папы вмешательства и защиты. Ответственность за свои поступки диктовала Лучани необходимость детально и глубоко разобраться в создавшейся ситуации, прежде чем ставить этот вопрос перед папой.

Лучани занялся сбором кое-каких дополнительных данных. Так, он разузнал немало о Кальви, а также о некоем Микеле Синдоне. Полученные сведения привели его не только в негодование, но и убедили в том, сколь осторожным следовало быть в беседе с папой на эту тему, поскольку, как выяснилось, оба

были у Павла VI в большой милости, более того, пользовались авторитетом как финансисты. Понимая, что осторожность и осведомленность крайне важны в такой деликатной ситуации, Лучани обратился за помощью к человеку, которому имел все основания доверять. Он поделился своими тревогами с заместителем государственного секретаря Ватикана монсеньором Джованни Бенелли.

Правая рука государственного секретаря Ватикана по должности, Бенелли фактически руководил всей деятельностью дипломатического ведомства Ватикана. Более того, как доверенное лицо папы Павла VI он не только досконально знал подоплеку всех кадровых перемещений, совершаемых папой, но часто был той рукой, которая водила пером Павла VI.

Бенелли внимательно выслушал патриарха Венеции, а когда тот в задумчивости замолчал, любезно подлил еще кофе.

— Я, правда, не видел лично никаких документальных доказательств того, что все обстоит именно так, — словно оправдываясь, поднял на него глаза Лучани.

— А я видел, — тут же откликнулся Бенелли. — Контрольный пакет акций "Банка каттолика дель Венето" принадлежит теперь Кальви. 30 марта Марцинкус продал ему 37 процентов акций.

Бенелли любил оперировать цифрами и фактами, прекрасно помнил их и, когда надо, использовал для необходимых выводов. Он поведал изумленному Лучани, что Кальви заплатил Марцинкусу за покупку 27 млрд. лир, или 45 млн. долларов. Сделка составляла часть плана, намеченного Кальви, Синдоной и Марцинкусом. Посредством этой ультрасложной и противозаконной аферы Кальви купил у Синдоны компанию "Пакетти", но лишь после того, как курс акций этой компании был искусственно занижен на миланской бирже. Марцинкусу отводилась роль ширмы, за которой осуществлялась махинация, ибо Ватиканский банк обладал широкими возможностями и иммунитетом, а также безупречной доселе репутацией.

Лучани пришел в ужас:

— Что все это значит?

— Нежелание платить налоги, нелегальное движение капитала, в данном случае акций. Более того, я не сомневаюсь, что Марцинкус продал акции вашего венецианского банка по преднамеренно заниженной цене, а Кальви заплатил разницу, то есть 31 млрд. лир через другой банк.

Лучани побагровел от возмущения.

— И это церковь бедных? Ради бога...

— Нет, ради выгоды, Альбино, — прервал его жестом руки Бенелли.

— И святой отец знает об этом?

Бенелли утвердительно кивнул головой.

— И что же?

— Ничего. Вспомни, кто назначил Марцинкуса президентом Ватиканского банка.

— Папа.

— Именно. И должен признаться, я тогда полностью поддержал его. И скоро пожалел об этом!

— Что же делать мне? Что я скажу у себя в епархии?

— Только одно: набраться терпения и избегать поспешности. Рано или поздно Марцинкус споткнется — его погубит безмерное тщеславие и жажда папской похвалы.

— Что он собирается делать с этими миллионами?

— Использовать их, чтобы завладеть еще большими суммами.

— С какой целью?

— Чтобы стяжать еще и еще!

— И это в то время, когда мои священники собирают последние гроши, приносимые бедняками на церковные пожертвования?

— И тем не менее, ты должен запастись терпением. Его у тебя достаточно. Поделись им со своими священниками и епископами. А я найду ему применение.

По возвращении из Венеции Альбино Лучани созвал епископов. Вкратце, не вдаваясь в подробности, он обрисовал ситуацию, дав понять, что "Банка каттолика" навсегда утрачен для епархии. Автору этой книги пришлось беседовать с некоторыми из присутствовавших при этой доверительной беседе. Общее мнение сводилось к тому, что во времена кардинала Урбани ничего подобного не могло бы произойти. Врожденная мягкость и смирение Лучани оказались негодным оружием для борьбы против ИРД. Тогда большинство епископов и священников, включая самого Лучани, продали те немногие акции венецианского банка, которые еще оставались в их руках, тем самым протестуя против позиции Ватикана. Однако, мало кто оценил их жест. Во всяком случае, этот шаг позволил брокерам Роберто Кальви на миланской бирже порадовать его вестью о том, что в их руках оказалась еще одна небольшая доля акций венецианского банка для духовенства.

И Альбино Лучани, и многие другие в Венеции демонстративно закрыли счета в "Банка каттолика". Действительно, слышанное ли дело, чтобы патриарх Венеции перевел свой счет и

официальный счет епархии в незначительный "Банко Сан-Марко"! Доверительно и не без негодования Альбино Лучани сказал одному из своих коллег: "Деньги Кальви, как и он сам, запачканы грязью. После того, что мне довелось о нем узнать, я ни дня не оставил бы церковные деньги в его руках, даже если он предоставил бы нам ссуды без процентов".

Лучани пытался заставить директоров "Банка каттолика" изменить название, утверждая, что слово "католический" в названии их учреждения означало бы потерю престижа церкви в глазах всех католиков и являлось бы вопиющим оскорблением.

Папа Павел VI был полностью в курсе затруднительной ситуации, в которую попал патриарх Венеции в связи с неприглядной историей с "Банка каттолика". Джованни Бенелли приложил немало усилий, чтобы заставить наместника святого Петра вмешаться, но было уже поздно: сделка с Кальви состоялась. В ответ на настояния Бенелли сместить епископа Марцинкуса с поста президента ИРД папа лишь безвольно пожал плечами, однако сдержанное поведение патриарха Венеции, сумевшего удержать подвластное ему духовенство от открытого возмущения, вызвало у него уважение и глубокую признательность. Он использовал малейшую возможность для того, чтобы всякий раз превозносить благочестие и доброту человека, поставленного им во главе Венецианской епархии. На аудиенции, которую папа дал венецианскому священнику Марио Феррарезе, он трижды повторил: "Передайте венецианскому духовенству, что им надлежит любить своего патриарха, ибо он на редкость добрый, благочестивый, мудрый и глубоко образованный человек".

В сентябре 1972 года папа Павел VI по дороге в Удину, где должен был состояться Евхаристический конгресс, сделал остановку во дворце патриарха Венеции. При огромном стечении народа, на виду у сотен католиков, заполнивших площадь Святого Марка, папа демонстративно снял свою епитрахиль и надел ее на плечи пунцового от смущения Лучани. Толпа обезумела от восторга при виде столь многозначительного жеста, на которые папа был довольно скуп.

Когда Павел VI и архиепископ остались наедине, папа признался, что "ему довелось слышать о некоторых незначительных финансовых осложнениях, с которыми столкнулась эта епархия...". Он также узнал о новом начинании Лучани, который хотел основать центр для умственно отсталых в Маргерере. Он выразил архиепископу свое одобрение подобным начинаниям и заявил, что намерен сделать персональный денежный вклад. Это говорило о многом.

Полгода спустя, в марте 1973 года, папа сделал Лучани кардиналом. Следует пояснить позицию Лучани. Несмотря на глубокие разногласия с папой в вопросах финансовой политики Святого престола и в том, что касалось ИРД, он тем не менее считал себя обязанным сохранить полную лояльность по отношению к наместнику господа. Следует отметить, что итальянские епископы находятся на особом положении по отношению к Ватикану. Контроль апостольского престола над их действиями является очень жестким, а наказание за любой проступок совершается гораздо быстрее, чем в отношении неитальянцев.

Став кардиналом, Лучани смог окончательно убедиться, что Оттавиани и другие реакционеры совсем не склонны демонстрировать покорность и, больше того, ведут длительную и ожесточенную войну против папы. Их задача заключалась в том, чтобы свести на нет все позитивное, что оставил после себя Второй Ватиканский собор.

Два месяца спустя Лучани принимал гостя из Рима — Джованни Бенелли. Прежде всего Бенелли постарался убедить его, что проблемы, обсуждению которых они посвятили в прошлом году столько времени, не преданы забвению. Обнаружились новые изобличающие факты касательно американской мафии, фальшивых ценных бумаг и участия во всем этом Пола Марцинкуса.

Бенелли сказал, что 25 апреля 1973 года к нему пожаловали весьма необычные визитеры: Уильям Линч, возглавляющий отдел по борьбе с организованной преступностью и бандитизмом министерства юстиции Соединенных Штатов, и Уильям Аронвальд, заместитель начальника особого отдела полиции южного округа Нью-Йорка. Их сопровождали двое сотрудников ФБР. "Поприветствовав этих американских джентльменов, — рассказал автору этой книги впоследствии Бенелли, — я передал их на попечение трех в высшей степени компетентных сотрудников государственного секретариата из числа моих подчиненных, которые по окончании беседы, естественно, детально изложили ее содержание".

Секретный доклад ФБР, который мне довелось изучить много месяцев спустя после беседы с кардиналом Бенелли, полностью подтвердил все, что мне рассказал кардинал.

Монсеньоры Эдвард Мартинец, Карл Раубер и Жюстен Ригали слушали с величайшим вниманием. Уильям Линч сообщил, что полиция, занявшись расследованием преступлений нью-йоркской мафии, установила, что их следы ведут в Ватикан. По заданию Ватикана нью-йоркская мафия изготовила фальши-

вые облигации на сумму в 14,5 млн. долларов¹, которые в июле 1971 года были переправлены в Рим. В руках американской полиции оказались веские доказательства того, что осели они в Ватиканском банке.

Более того, Линч утверждал, что анализ полученных из различных источников сведений не оставляет сомнений, что фальшивые облигации были изготовлены и переданы мафией по просьбе лиц, занимающих самое высокое положение в финансовых кругах Ватикана. Линч добавил, что эти ценные бумаги составляли лишь часть фальшивых облигаций на общую сумму в 950 млн. долларов.

Было названо также имя высокопоставленного ватиканского финансиста, которому, судя по всему, принадлежала идея этой крупномасштабной махинации. По их сведениям, то был не кто иной, как Пол Марцинкус.

Монсеньоры слушали джентльменов из США с бесстрастными лицами, с завидным самообладанием.

На настоящем этапе расследования, продолжал Линч, многие из преступников уже находятся под арестом. Одним из тех, кто в такой ситуации почувствовал потребность облегчить душу искренним признанием, оказался некто Марио Фолини, самозванный граф Сан-Францисский, имеющий степень доктора теологии. Этот вор-профессионал и мошенник не раз уже заслуживал тюрьмы. Когда в Риме судья заподозрил его в злонамеренной организации банкротства принадлежавшей ему компании, то выдал финансовой полиции ордер на обыск в квартире Фолини. Открыв сейф, полицейские обнаружили там благословение, подписанное самим папой. Им пришлось извиниться и удалиться восвояси.

И впоследствии тесные связи Фолини с Ватиканом оказывали свое сильное действие. Фолини вскоре открыл двери в Латеранский дворец некоему австрийцу по имени Леопольд Ледль. Именно Ледль и осуществил неслыханную махинацию — покупку фальшивых облигаций на сумму 950 млн. долларов за 635 млн. долларов. "Комиссионное вознаграждение" в размере 150 млн. долларов должно было быть переведено этой бандой Ватикану, а остальное мафия забрала себе.

Американская мафия весьма недоверчиво отнеслась поначалу к такой афере, но Ледль предъявил письмо, рассеявшее все сомнения. Оно было написано на бланке ватиканской конгрегации и подтверждало, что "Ватикан имел намерение купить

¹ Здесь и далее денежные суммы приводятся по курсу, существовавшему в то время.

весь товар на сумму до 950 млн. долларов”.

Осторожный Марцинкус потребовал, чтобы в цюрихском “Хандельсбанк” был сделан пробный депозит фальшивых облигаций на сумму в 1,5 млн. долларов, желая убедиться, сойдут ли они за подлинные. В конце июля Фолини выполнил это требование. Вклад был сделан на имя представителя Ватикана монсеньора Марио Форнасари.

Другой пробный вклад на сумму в 2,5 млн. долларов был сделан в “Банко ди Рома” два месяца спустя, в сентябре 1971 года. В обоих случаях поддельные облигации не возбудили подозрения у банковских экспертов, что, безусловно, делает честь профессионализму мафиози. Однако, следуя обычной процедуре, оба банка все же отправили образцы этих облигаций в Нью-Йорк на экспертизу. В официальном ответе нью-йоркской Банковской ассоциации четко указывалось, что облигации фальшивые. Вот это и привело представителей министерства юстиции США и агентов ФБР в Ватикан.

Линч и его коллеги имели целью не только возместить сумму причиненного ущерба, но и привлечь к ответственности всех, кто так или иначе приложил руку к этой из ряда вон выходящей афере.

Фолини заявил в ходе показаний, что желание Ватикана купить такое огромное количество фальшивых облигаций объяснялось тем, что Марцинкусу и его другу, бизнесмену и банкиру Микеле Синдоне, необходимы были средства для приобретения крупной итальянской компании “Бастоджи”, которая занималась продажей недвижимости, владела шахтами, а также предприятиями по производству химикалий. Штаб-квартира корпорации находилась в Милане, как и главная контора Синдоны.

Там же в свое время архиепископ Миланский Монтини, ставший позже папой Павлом VI, познакомился с банкиром-аферистом. Со временем, когда Ватикан обрел нового хозяина, он получил и нового финансового консультанта — Синдону.

А Уильям Линч, правоверный католик, продолжал свой рассказ. В ходе следствий, проводимых министерством юстиции США, Марио Фолини выдвинул серию самых серьезных и достаточно обоснованных обвинений против Марцинкуса. Помимо того что Синдона и Марцинкус в нарушение итальянских законов хотели купить “Бастоджи”, использовав для сделки фальшивые облигации, Марцинкусу с помощью Синдоны удалось открыть на Багамах несколько тайных счетов для личного пользования.

Фолини также утверждал, что он имел личные деловые

контакты с государственным секретариатом Ватикана и что результатом усилий Бенелли явилось распоряжение о принятии самых строгих административных мер, направленных на ограничение широчайших полномочий епископа Марцинкуса как главы Ватиканского банка. Помимо этого, Фолини якобы передал Бенелли информацию о пробных вкладах, сделанных им в банки Цюриха и Рима. Сведения эти были использованы кардиналом против Марцинкуса. Наконец, Фолини уверял представителей американского министерства юстиции в том, что имел инструкции государственного секретариата Ватикана ограничиться уже сказанным и не сообщать никаких дальнейших подробностей об этой финансовой махинации американским следователям.

Закончив свою речь, Линч откинулся в кресле, напрасно ожидая реакции священников. Как я узнал позже от Линча и Аронвальда, эта первая встреча в Ватикане отнюдь не рассматривалась обеими сторонами как допрос. Она носила неофициальный характер и имела целью информировать государственный секретариат о серьезных обвинениях в адрес упомянутых лиц, сведениями о которых располагали американские власти. При этом они отдавали себе отчет, что большая часть информации была предоставлена двумя свидетелями из числа раскаявшихся мошенников, но достоверность их показаний подтверждалась информацией, которую удалось получить по другим, независимым каналам.

Именно поэтому Уильям Аронвальд решил обратиться за содействием к архиепископу Нью-Йорка кардиналу Куку. Тот, проявив оперативность, связался с Ватиканом, ходатайствуя через апостольскую делегацию в Вашингтоне об аудиенции для представителей американской юстиции.

Конечной целью визита американцев было не только передать имевшуюся в их распоряжении информацию, но и привлечь внимание к сомнительной деятельности П. Марцинкуса.

Еще подали кофе. Однако святые отцы по-прежнему хранили полное молчание, как бы погрузившись в глубокие размышления. Наконец монсеньор Мартинец, ассессор канцелярии государственного секретаря Ватикана, прервал молчание. Прежде всего он хотел заверить американских джентльменов, что он и монсеньор Раубер, будучи в курсе абсолютно всех дел, которыми ведает кардинал Бенелли, могут с полной уверенностью утверждать, что никакой информации от Фолини кардинал не получал, а что касается истории с фальшивыми ценными бумагами и пробными вкладами в банки, то о ней государственный секретариат слышит впервые. Иными словами, почтенный прелат

предпочел занять традиционную для представителей Ватикана в подобных случаях позицию. Он сказал: "В планы Ватикана отнюдь не входит оказывать расследованию, проводимому властями Соединенных Штатов, какое-либо содействие на данном этапе, поскольку речь идет о неофициальной встрече, а следовательно, задачу свою они видят исключительно в том, чтобы внимательно выслушать визитеров".

Линч и Аронвальд столкнулись с типичным для курии складом мышления, который кого угодно мог поставить в тупик.

По неписаным, выработанным веками законам Римской курии — этого управленческого аппарата Ватикана — никто из причастных к ней не должен давать никакой информации, можно лишь получать ее. Этот дух лучше, чем любая административная машина, подчиняет всех единому закону, единой дисциплине. Тщетно пытался бороться Линч с возникшей вдруг между ним и священниками глухой стеной. Он доказывал, что на сегодняшний день обнаружена лишь часть фальшивых облигаций на сумму в 4 млн. долларов. Поэтому было бы весьма целесообразно "передать представителям государственного секретариата список серий и номеров фальшивых бумаг, ибо, как следует из всех имеющихся данных, остальные облигации на сумму около 950 млн. долларов и поныне хранятся в Ватиканском банке".

Мартинец вновь увернулся. Линч стоял на своем: "Уверяю вас, мы довольно легко сможем определить, поступали ли эти фальшивые облигации на депозитный счет банка".

Но святых отцов не так-то просто было заставить сдать позиции. "Я лично, — сказал Мартинец, — не имею никаких сведений о том, что какие-либо из этих поддельных облигаций были получены нашим банком. Больше того, я не имею полномочий принимать от вас список для перепроверки. Это относится исключительно к компетенции епископа Марцинкуса, ибо на него возложена обязанность заниматься подобными вопросами. Если вам не удастся добиться аудиенции у епископа, могу рекомендовать вам направить официальное письмо апостолическому делегату в Вашингтоне".

Иными словами, надо было менять тактику. Американец молча положил на стол перед священниками документ, найденный у Леопольда Ледля при аресте. На письме стояла печать Ватикана, под ней значилось: "Конгрегация монашеских орде-нов". Это и был упомянутый заказ Ватикана на покупку фальшивых ценных бумаг на сумму около 1 млрд. долларов, кото-

рый сломил в свое время недоверие мафии. Монсеньоры разглядывали бумагу самым тщательным образом, подставляли ее к свету, подносили чуть ли не вплотную к глазам.

Мартинец задумчиво тер подбородок. Американцы подались вперед от напряжения, когда им показалось, что представленный документ убедил недоверчивых и бесстрастных клириков.

"Действительно, бланк письма выглядит подлинным и принадлежит одной из святых конгрегаций Римской курии, находящейся здесь, в Ватикане", — наконец медленно произнес Мартинец. При этих словах у американских визитеров отлегло от сердца. Но, сделав многозначительную паузу, Мартинец продолжал: "Должен отметить, что конгрегация, на бланке которой написано письмо, изменила свое официальное название еще в 1968 году, и потому на тот день, которым письмо датировано, а именно 29 июня 1971 года, настоящий бланк действительным считаться не мог. Теперь эта конгрегация называется так: "Конгрегация монашеских орденов и светских институтов".

Следователям все же повезло в достижении их основной цели: им удалось получить аудиенцию у П. Марцинкуса на следующий день, что само по себе было немалым успехом. Ватикан стремится по любому поводу напомнить, что является независимым, суверенным государством.

Во время моей беседы с кардиналом Бенелли он подтвердил, что действительно получал от Фолини информацию относительно махинаций с поддельными облигациями еще до визита американских следователей. Кардинал был уверен, что побудительным мотивом Фолини было желание спасти себя, поскольку он уже тогда понял, что его игра полностью проиграна.

На мой вопрос, насколько достоверной оказалась полученная от Фолини информация, Бенелли ограничился замечанием, что нашел ее "весьма интересной и полезной".

Утром 26 апреля 1973 года Линч, Аронвальд и двое их спутников из ФБР были приглашены в личный кабинет епископа Пола Марцинкуса. Им пришлось повторить всю свою вчерашнюю историю теперь уже самому Марцинкусу, который слушал их, попыхивая сигарой, зажатой в углу рта. Небезынтересна первая его реакция на услышанное, особенно в свете последующих заявлений: "Должен признаться, джентльмены, меня весьма беспокоит серьезность выдвинутых обвинений. Именно поэтому я постараюсь как можно полнее ответить на каждый из поставленных вопросов".

Он начал с рассказа о Микеле Синдоне.

"Мы с Микеле давние друзья, однако наши совместные

финансовые операции были немногочисленны и весьма незначительны по объему. Как вы, конечно, знаете, он является одним из крупнейших промышленников в Италии, а как финансист, поверьте мне, это человек, идущий далеко впереди своего времени!"

Восхваление Синдоне заняло еще некоторое время. Затем епископ многозначительно произнес: "Я предпочел бы, однако, не называть имена многих, кто имел непосредственное отношение к тому, о чем я должен рассказать, ибо, несмотря на всю серьезность обвинений, выдвинутых Фолини против меня, они в большинстве своем настолько абсурдны, что я не считаю возможным нарушать закон о соблюдении тайны банковских операций лишь для того, чтобы их опровергнуть".

Если беседа в Ватикане, имевшая место накануне, носила неофициальный характер, то разговор с Марцинкусом уже напоминал настоящий допрос. Собранные министерством юстиции США в ходе двухлетнего расследования сведения давали все основания полагать, что перед ними человек, задумавший и осуществивший одну из крупнейших махинаций.

"А если это действительно так, то имя Марцинкуса по праву должно стоять рядом с именем Аль Капоне", — рассуждал Линч. Но сначала предстояло еще убить медведя, а потом делить его шкуру. Линч решил поддать жару.

— В случае если этого потребуют интересы следствия, дадите ли вы согласие на очную ставку с Марио Фолини?

— Да, конечно.

— Готовы ли вы предстать перед судом США для дачи свидетельских показаний?

— Да, но только в том случае, если возникнет крайняя необходимость. Надеюсь, так далеко дело не пойдет.

— Почему?

— Потому что, кроме итальянских газетчиков, никто не выиграет от моего появления в суде.

— А при чем тут они?

— Очень просто. Итальянская пресса давно уже привыкла по всякому поводу и без повода лить грязь на Ватикан и такого случая, конечно, не упустит!

Судя по всему, Линч и Аронвальд остались глухи к сложным взаимоотношениям Ватикана с итальянской прессой.

Допрос между тем продолжался.

— Есть ли у вас секретный номерной счет на Багамах?

— Нет.

— Есть ли у вас обычный счет на Багамах?

— Нет.

— Вы уверены в том, что говорите, епископ?

— Позвольте, я поясню. Ватикан имеет финансовые интересы на Багамах, как и во многих других местах земного шара. Но инвестиции эти сделаны от имени Святого престола, а не с целью чьего-либо личного обогащения.

— Нет-нет. Мы спрашиваем лишь о ваших личных счетах.

— Ни на Багамах, ни где-либо в другом месте не существует ни личного счета, ни счета какого-либо из учреждений Ватикана, открытого на мое имя.

Американцы с удивлением посмотрели на своего соотечественника, который, судя по его категоричному заявлению, всю имеющуюся наличность носил в кармане.

Марцинкус скрыл, что с 1971 года входил в совет директоров отделения "Банко Амброзиано" в Нассау, столице Багамских островов, на чем настоял Роберто Кальви и Микеле Синдона. Имя епископа им необходимо было для прикрытия своих финансовых махинаций, чего, собственно, Синдона от Марцинкуса и не скрывал, заявив ему однажды: "Я сделал вас директором этого банка, потому что ваше имя поднимет доверие к нему".

Свою благодарность Кальви и Синдона подкрепили тем, что предоставили Марцинкусу и Ватиканскому банку 2,5 процента акций своего филиала в Нассау. Доля вскоре выросла до 8 процентов, а Марцинкус все чаще выезжал на заседания совета директоров на Багамы. Кстати, он избрал их и постоянным местом отдыха. Не давая собеседникам опомниться от ошеломляющего "признания", Марцинкус торжественно и многозначительно произнес: "Вы, конечно, понимаете, что мое положение в Ватикане особое, поскольку в качестве главы учреждения, которое известно как Ватиканский банк, я единолично контролирую все финансы государства Ватикан и подотчетен лишь одному папе. Теоретически мои действия может контролировать группа кардиналов, но на практике решение всех финансовых вопросов доверено целиком и полностью мне".

Это признание также не произвело впечатления на слушателей, один из которых спросил:

— А к чему вы все это рассказываете, епископ?

— К тому, чтобы вам стало ясно, что в связи с теми особыми полномочиями, которые возложены на меня, здесь, у подножия Святого престола, находится немало высокопоставленных честолюбцев, пышущих завистью и ненавистью ко мне.

— В самом деле?

— Да уж поверьте. Но дело не только в этом. Не забывайте,

что я — первый и единственный американец, достигший в Ватикане столь высокого положения, а это тоже многим не по вкусу.

Был ли Марцинкус, как утверждали, автором крупнейшей финансовой махинации, еще предстояло доказать, а то, что многие из лиц очень влиятельных и в Ватикане, и за его пределами ненавидели Марцинкуса, сомнений не вызывало.

Одним из них был кардинал Альбино Лучани в Венеции, возмущению и негодованию которого не было границ, когда Бенелли сообщил дополнительные факты о беззастенчивых спекулятивных махинациях епископа. Но Бенелли не догадывался, что в разговоре со своими соотечественниками Марцинкус пытался убедить их в участии и самого Бенелли в грязной истории с фальшивыми облигациями.

Из записи беседы становилось ясно одно: Марцинкус был убежден и убеждал следователей в том, что буквально все, кроме него, должны были немедленно предстать перед судом. О священнике Марио Форнасари, который был замешан в этом деле, в частности, он сказал:

— Меня многие в банке предупреждали, что этого Форнасари вообще следует всячески избегать. Вы, верно, знаете, что некоторое время назад он был разоблачен как автор клеветнических писем.

— Кого же он оклеветал?

— Правда, потом обвинения с него были сняты.

Марцинкус признал далее, что Форнасари совместно с Марио Фолини был одной из основных сил в афере с фальшивыми облигациями. По меньшей мере уже дважды он пускался в крупные финансовые авантюры.

Первая предполагала выгодную инвестицию в 100 млн. долларов. Она почему-то сорвалась. Вторая, запланированная с еще большим размахом, поскольку речь шла о 300 млн. долларов и предполагала участие, кроме Фолини, итальянского промышленника Карло Пезенти, тоже не была осуществлена. Дойдя до этого места рассказа, епископ сделал паузу и, скорбно глядя на Линча и Аронвальда, сказал, что при всем его нежелании тут не обойтись без упоминания имени Бенелли, ибо кардинал имел к делу прямое отношение. Тем самым Марцинкус проявлял болезненное самолюбие и нетерпимость, поскольку, видимо, хотел отомстить Бенелли за то, что тот позволил себе отговорить папу Павла VI от 300-миллионной сделки, в которую втягивал его Марцинкус. Епископ считал, что только он имеет право говорить с первосвященником на финансовые темы.

Одного важного обстоятельства не разъяснил Марцинкус в

своих показаниях. Возможно, потому, что его об этом никто не спросил. Как могло ему, президенту солидного банка, вообще прийти в голову соглашаться на 300-миллионную сделку с аферистом Фолини, который за восемь месяцев до этого пошел на прямое преступление, поместив в швейцарском банке поддельных облигаций на 1,5 миллиона долларов, а в "Банко ди Рома" — на 2,5 миллиона?

Вероятность того, что Марцинкус не знал об этом, совершенно исключена.

В заключение беседы с американскими представителями Марцинкус вновь напомнил о своей непричастности к расследуемому делу, о котором, по его словам, он и не подозревал. Затем он любезно принял из рук американских следователей список номеров и серий фальшивых облигаций и обещал взять дело под личный контроль.

Позднее в ходе следствия выяснилось, что круг лиц, принимавших участие в махинации с подделкой ценных бумаг, значительно шире. Причастен ли к ней епископ Марцинкус? По этому поводу Уильям Аронвальд сказал мне следующее: "Самое большее, что я могу сказать, — это то, что проведенное расследование не дает оснований ни подтвердить, ни опровергнуть эти обвинения достаточно аргументированно. Поэтому, учитывая, что на однозначный ответ у нас нет права ни в отношении самого факта нарушения закона Ватиканским банком, ни в определении вины Марцинкуса или кого-либо другого в Ватикане, мы не станем делать сенсационных заявлений в прессе".

Таким образом, и по сей день нет окончательного ответа на поставленный расследованием вопрос: кто же все-таки сделал заказ на фальшивые облигации? Основываясь на собранных данных, можно предположить две версии.

Версия первая. Ловкие мошенники Леопольд Ледль и Марио Фолини задумали провести американскую мафию и заработать целое состояние на фальшивых ценных бумагах. Они вынудили мафиози пойти на немалые издержки, связанные с первоклассным изготовлением фальшивок. Как известно, мафия, особенно элита фальшивомонетчиков, крайне чувствительна к попыткам обмануть или оскорбить их. Для расплаты с обидчиками она содержит целый штат профессиональных убийц. Оказавшись перед столь безрадостной альтернативой, как рука мафии или закон, Ледль и Фолини и прибегли к такой необычной форме, как признание органам правосудия.

Версия вторая. Фальшивые облигации на общую сумму в 950 млн. долларов были изготовлены по заказу Ватикана и

предназначались для него.

В начале 1976 года Лучани участвовал в очередной сессии итальянской епископской конференции, проходившей в Риме. Одной из обсуждавшихся тем был экономический кризис, переживаемый страной. В этой связи епископы конфиденциально рассмотрели вопрос о месте Ватикана в разразившемся кризисе и о действиях близкого друга епископа Марцинкуса, Микеле Синдоны. Его империя рухнула самым поразительным образом. Обанкротились его банки в ФРГ, Италии, Швейцарии и США. Правительство Италии выдвинуло против Синдоны целый ряд обвинений и настойчиво требовало у американских властей его выдачи. Итальянские газеты утверждали, что материальный ущерб, нанесенный Ватикану "крахом Синдоны", превышал 100 млн. долларов. Ватикан отрицал это утверждение, однако признал, что сумма убытков весьма значительна. Наконец в июне 1975 года итальянский суд заочно приговорил Синдону к трем с половиной годам тюремного заключения — максимальному сроку, который предусматривает закон по выдвинутым статьям обвинения.

Большинство епископов придерживались мнения, что папа Павел VI должен был сместить Марцинкуса с поста президента Ватиканского банка еще в 1974 году, сразу после "краха Синдоны". Однако и два года спустя друг Синдоны продолжал контролировать финансы Ватикана.

Альбино Лучани покидал Рим с тяжелым чувством. В столице даже среди прелатов церкви только и было разговоров, сколько миллионов украл у Ватикана Синдона, а вопрос об участии Ватиканского банка в "Банка привата", банкротство которого потрясло страну, обсуждался в ходе дебатов на епископской конференции.

Возвратившись домой, патриарх Венеции, который не мог наскрести достаточно денег, чтобы обеспечить учебниками школу "Дон Орионе" в Венеции для умственно отсталых, был полон самых тревожных мыслей. Лучани изложил их в письме, опубликованном в газете, издававшейся его епархией. "Краюха хлеба во имя Господа" — так он озаглавил свое письмо. Он писал о том, что необходимо оказать материальную помощь жертвам недавнего землетрясения в Гватемале, и указывал, что дает разрешение всем церквям принимать пожертвования. Затем он выразил тревогу по поводу экономического положения в Италии, отметив, что итальянский епископат и духовенство готовы оказать практическую помощь с целью выхода из кризиса.

Евангелическая проповедь была не единственным аспектом

деятельности Лучани в его бытность патриархом Венеции. Насущной задачей стало успокоение недовольных священников. Патриарх пытался умерить пыл тех, кто, по его мнению, излишне громко возмущался по поводу его решения продать церковные сокровища, принадлежавшие Венецианской епархии, в пользу домов призрения и больницы для умственно отсталых. Он призывал держаться подальше от политики: как от слишком ярых проповедников марксистских идей, так и от поборников капиталистической системы. Один из священников написал красной краской во всю стену церкви слова: "Иисус был первым социалистом". Другой с высоты своей проповеднической кафедры в Местре, неподалеку от Венеции, заявил изумленным прихожанам: "Я больше не буду работать на патриарха, пока он не прибавит мне жалованья!"

Альбино Лучани, от природы щедро наделенный чувством юмора, относился к подобным происшествиям довольно снисходительно. В июле 1978 года он говорил в проповеди в церкви Святого искупления в Венеции о том, что и духовные лица не свободны от заблуждений: "Признаю, что и его святейшество папа, кардиналы и священники остаются лишь слабыми людьми, несвободными, как и все люди, от ошибок, которые мы так часто совершаем". После этого он добавил, глядя на сидящих перед ним: "Я совершенно уверен, что папа Павел VI не избежал ошибки, доверив мне венецианский престол".

Несколько дней спустя, 6 августа 1978 года, в 21.40 Павел VI умер. Палский трон оказался вакантным.

ВАКАНТНЫЙ ПРЕСТОЛ

Не прошло и суток после смерти Павла VI, как предприимчивые букмекеры из лондонской фирмы "Лэндброукс", ничуть не смущаясь, начали делать ставки: кто станет новым папой. Газета "Кэтолик геральд" на первой полосе сурово осудила безнравственность такого шага, однако на последней напомнила читателям о последних предположениях.

По ее оценкам, больше всего шансов имел кардинал Пиньедоли, кардиналы Баджо и Полетти поделили второе и третье места, немногим уступал им Бенелли. Далее следовали кардиналы Виллебрандс, Кениг и другие. Альбино Лучани среди них не было: о нем никто не упомянул.

Ажиотаж вокруг вопроса о преемнике Павла VI начался задолго до кончины папы. 29 июля 1978 года английский журнал "Спектейтор" поместил статью Питера Хебблетуэйта, бывшего иезуита, превратившегося в язвительного исследователя ватиканских дел. Статья называлась "Кто победит на выборах?". Он сделал ставку на трех кардиналов — Пиньедоли, Баджо и Пиронио. Итальянская пресса вела себя сдержаннее.

В течение суток после смерти папы по радио звучала лишь музыка Бетховена. На следующий день ее сменил не столь трагичный Моцарт. Еще день спустя строгий музыкальный фон сменила легкая оркестровая музыка, а после этого зазвучала откровенная эстрада. На телеэкранах в течение четырех дней показывали фильмы, в которых действующими лицами являлись исключительно лица духовного звания — монахи, монахини, священники, епископы, кардиналы и папы.

Анализ англоязычной прессы августовских дней 1978 года не оставляет сомнений в том, что, если и те 111 кардиналов, которым предстояло избрать нового папу, пребывали в такой же нерешительности, как и многочисленные "ватиканологи", конклаву суждено было быть долгим и изнурительным. Те, кто верил Хебблетуэйту, оказались, пожалуй, в самой сложной ситуации, поскольку уже 13 августа в газете "Санди таймс" он присовокупил к своему списку имена кардиналов Феличи, Вийо, Вилле-

брандса, Пелегрино и Бенелли. Ровно через неделю он заявил своим читателям: "Новый папа? Возможно, Бертоли!" Еще неделю спустя очередь дошла и до Лучани. Прием, использованный Хебблетуэйтом, весьма напомнил отчеты со скачек одного английского репортера, перечислявшего в качестве победителей всех скакунов, участвовавших в заездах.

Самым удачливым оказался торговец рыбой из Неаполя. Опирируя лишь цифрами, относящимися к дате смерти покойного, он стал победителем национальной лотереи.

Несмотря на традиционную обрядность и торжественную пышность, церемония похорон Павла VI выглядела на редкость бездушной, производя впечатление оплакивания давным-давно умершего.

После энциклики "Жизнь человеческая" не появилось ни одной. За исключением выступления по поводу сначала похищения, а затем убийства своего близкого друга премьер-министра Альдо Моро, папа не совершил в течение последнего десятилетия своей жизни ничего, что побудило бы католиков сожалеть о его кончине. Снискав признание, он не снискал любви. То в одной, то в другой газете появлялись пространные статьи, всесторонне анализировавшие его политику, но, если спросить людей неискушенных, чем запомнился им Павел VI, любой мог бы ответить не задумываясь: "А, это тот папа, который запретил противозачаточные пилюли!" Жестокая эпитафия человеку, наделенному острым, блестящим умом, но с нерешительным и мятущимся духом!

В октябре 1975 года Павел VI обнародовал документ, в котором дал самые подробные распоряжения относительно своих похорон и организации конклава. В частности, он предлагал, чтобы главы всех конгрегаций и учреждений Римской курии сложили полномочия в тот день, когда будет объявлено о его кончине, впредь до распоряжений преемника. Иными словами, папа Монтини предоставлял своему преемнику полную свободу в выборе ближайшего окружения, что привело к еще большей нервозности и ажиотажу. Одним из немногих исключений в этом смысле был кардинал-камерленго Жан Вийо, возглавлявший государственный секретариат¹. Именно ему ввергались ключи святого Петра, пока трон будет оставаться свободным.

¹ Кардинал-камерленго — душеприказчик папы; от смерти одного до выбора другого папы занимает должность блюстителя папского престола, или, согласно традиционной для католической церкви лексике, "держит ключи святого Петра".

Управление всеми делами католической церкви до избрания нового понтифика возлагалось на коллегия кардиналов, которая должна была собираться на общие конгрегации. Папа особо оговорил, что из конклава исключаются кардиналы старше 80 лет. Таким образом, лишённые возможности участвовать в конклаве, они не могли повлиять на избрание нового папы.

Кардинал Оттавиани с этим приказом смириться не пожелал, и, сколотив оппозицию в составе 85-летнего Конфалоньери и некоторых других кардиналов столь же преклонного возраста, решил добиться его отмены.

Павлу VI не раз приходилось преодолевать сопротивление этой ультраконсервативной группы. Последнее сражение с ними, но уже после смерти, он все-таки выиграл. Большинство кардиналов проголосовали за неукоснительное соблюдение воли покойного папы.

В середине августа Рим стал наполняться народом. Итальянцы, правда, грелись еще под жарким солнцем на побережье, а в столицу потянулись люди с сугубо профессиональным интересом, помимо, разумеется, привычных толп любопытных туристов. Сюда съехались журналисты, эксперты, представители различных политических группировок, заинтересованных в исходе выборов, а также немало правоверных, в том числе и болезненно экзальтированных католиков. Именно эта категория римских гостей время от времени появлялась на улицах города с такими плакатами: "Мы за избрание своего папы!"

Один из "ватиканологов" серьезно заявил корреспонденту журнала "Тайм", что "затруднился бы назвать хоть одного из итальянских кардиналов, который бы стал голосовать за избрание папы-иностранца". Судя по всему, он видел кардиналов-итальянцев только издали: многие из них, и прежде всего патриарх Венеции, придерживались иного мнения. Покидая Венецию, Лучани признался своему бывшему секретарю монсеньору Марио Сенигалье, что «настало наконец время возвести на престол папу из представителей "третьего мира"». При этом он не делал секрета из того, что имел в виду кардинала из Бразилии Алоизио Лоршейдера, архиепископа Форталезского.

Лучани и Лоршейдер встречались не только в Италии. В 1975 году патриарх Венеции провел месяц в Бразилии. Оба они знали по несколько иностранных языков, были близки в своих литературных вкусах и философских концепциях. Правда, Лоршейдер, чуждый лести, никогда не выказывал Лучани своего восхищения. Позднее он писал о том времени, которое они провели вместе: "Многие у нас в Бразилии были уверены, что ны-

нешний патриарх Венеции должен был занять папский престол”.

Приехав в Рим для участия в конклаве в сопровождении молодого секретаря Диего Лоренци, кардинал Лучани узнал, что ему отведены апартаменты во дворце Августинцев, недалеко от площади Святого Петра. После участия в обязательных ежедневных заседаниях кардинальской коллегии Лучани стремился по возможности остаться один, что опять же было нетипичным. Большинство его коллег, и среди них фаворит фирмы ”Лэнд-броукс” кардинал Пиньедоли, вели куда более оживленную образ жизни.

Пиньедоли до самой смерти Павла VI был ближайшим другом папы. Больше того, как утверждали недоброжелатели, другом единственным. Во всяком случае, только он мог называть папу запросто, по-домашнему ”дон Баттиста”. Ратуя за Пиньедоли, кардинал Росси из Бразилии неоднократно напомнил своим братьям, что по традиции папа сам указывал перед смертью на своего преемника, и отмечал, что Пиньедоли, без сомнений, ”любимейший духовный сын Павла VI”.

Пиньедоли действительно был наиболее прогрессивным куриальным кардиналом, что уже было достаточно для возбуждения ненависти со стороны остальных ватиканских иерархов. Да и за что им было его любить? Он глубоко и разносторонне образован, исколесил весь мир, но главное, что не простили Пиньедоли ”братья” в мантиях, — это то, что он оказывал большое влияние на их положение в Ватикане.

Однако там считается признаком дурного тона не скрывать свои претензии на престол святого Петра. Недопустимо, чтобы кто-либо из претендентов на тиару во всеуслышание заявил о своих намерениях и тех шагах, которые будут предприняты в случае его избрания папой. Католическая церковь внешне осуждает закулисные интриги, борьбу различных враждующих группировок в среде князей церкви. На практике же они не только в совершенстве владеют оружием разного рода интриг, но и постоянно изобретают что-то новое по этой части.

Предполагается, что кардиналы с началом конклава скрываются за семью замками в Сикстинской капелле, неустанно предаваясь уединенным молитвам в своих кельях. Они ждут, когда святой дух подскажет, чье имя вписать в бюллетень во время очередного тура голосования. На практике же бросалось в глаза активное земное воздействие на божественное вдохновение. Здесь и тайные телефонные звонки, и секретные встречи, и предвыборные обещания...

В свою очередь среди ”папабилей” исстари ведется игра в

притворную скромность: во всеуслышание и как можно чаще заявлять, что его скромная кандидатура совершенно не подходит для столь высокого назначения. Правда, некоторые говорили это совершенно искренне, как, например, кардинал Бэзил Хьюм. Однако большинство произносили самоуничижительные речи в надежде, что коллеги воспримут их как ход в игре, правила которой всем давно известны.

Кардинал Пиньедоли заявил 17 августа собравшимся для вечернего чая итальянским иерархам, представлявшим все группировки внутри предстоящего конклава, что не считает себя вопреки настоятельным утверждениям прессы и своих сторонников угодным богу кандидатом в папы. По его словам, куда более подходил для этой роли кардинал Гантэн. Такое замечание вызвало немалый интерес среди присутствующих. 56-летний, с черным цветом кожи, кардинал Гантэн из Бенина еще не вышел, по понятиям Ватикана, из категории "юнцов". Идеальным для кандидатов в папы считался возраст ближе к семидесяти. Пиньедоли только что исполнилось 68. Кроме того, расизм не чужд правителям теократического государства на правом берегу Тибра, а посему само упоминание имени Гантэна сразу привлекло на сторону Пиньедоли всех кардиналов из "третьего мира", которых из 111 членов конклава насчитывалось 35.

К тому же Пиньедоли настойчиво призывал провести выборы в самый короткий срок. Первый тур голосования на конклаве предполагалось начать утром в субботу 26 августа. Идеальным, по его мнению, было бы объявление нового имени папы в воскресенье 27 августа, с тем чтобы вечером того же дня он приветствовал собравшихся на площади Святого Петра. Упорное стремление Пиньедоли склонить членов кардинальской коллегии к такому блицконклаву объяснялось прежде всего тем, что он гарантировал успех кандидату, имеющему наибольшее число сторонников.

Князьям церкви не менее, чем простым смертным, присуще желание оказаться на стороне победителя, а не в числе побежденных. Более того, Пиньедоли понимал, что для победы на выборах ему прежде всего необходима поддержка 75 некуриальных кардиналов. Как повелось от конклава к конклаву, когда завершится жестокая междоусобица среди кагорты куриальных претендентов и будет выдвинут главный кандидат, курия пойдет на все, чтобы именно ее ставленник был избран папой. А многочисленные знатоки ватиканских дел в ожидании исхода схватки довольствовались необязывающим жонглированием: Бертоли, Баджо, Феличе...

Баджо решил заручиться поддержкой влиятельного Марцинкуса. Встретившись с ним, он заверил, что в случае своего избрания оставит американца на посту главы Ватиканского банка. Надо сказать, что в противоположность большинству кардиналов, возглавлявших правительственные учреждения Ватикана, Марцинкус сохранил свой пост и после смерти папы Монтини. Более того, ничто не указывало на шаткость его положения. Именно поэтому поступок Баджо поставил многих итальянских наблюдателей в тупик. Недоумение, впрочем, быстро рассеялось бы, будь они информированы так, как многие из кардиналов.

На совещаниях высших представителей церкви серьезно обсуждались проблемы, стоящие перед церковью, и пути их решения. А потому из всех кандидатов в папы необходимо было остановиться на том, кто оказался бы способным найти решение всех поставленных вопросов.

Значение тех августовских дебатов — и это понимали все участники — выходило за рамки проблем сегодняшнего дня. Новый понтифик должен был взять на себя выработку политики католической церкви по столь важным вопросам, как дисциплина в церкви, евангелизация, экуменизм, коллегияльность в управлении и, главное, сохранение мира на земле.

Был и еще вопрос, требовавший пристального внимания. Это — состояние финансовых дел Ватикана. Следует отметить, что не только Бенелли и Лучани, но и многие курiales кардиналы недоумевали, почему же Марцинкус занимает по-прежнему свой пост? И это после того, как раскрылась его причастность к "краху Синдоны", нанесшему тяжелый урон престижу церкви. Раздавались голоса с требованием разобраться в деятельности Марцинкуса и провести расследование состояния церковных финансов. Кардинал Вийо, государственный секретарь и камерленго, вынужден был выслушать десятки жалоб на Марцинкуса.

Кардинал Джованни Бенелли из Флоренции также не переставал будоражить умы наблюдателей. Долгое время он оставался вдохновителем большинства инициатив покойного папы и тем самым нажил немало врагов. Но по крайней мере 15 членов конклава могли быть послушны его воле.

Наконец, 15 далеко не безобидных старцев, оказавшихся волей покойного папы на грани исключения из числа членов конклава, не думали сдаваться, а, наоборот, все более усиливали давление на более молодых собратьев. Эта группировка высказалась в пользу своего ставленника — кандидата крайне правых и архиреакционных кардиналов архиепископа Генуи

Джузеппе Сири, известного тем, что наряду с кардиналом Оттавиани он противился многим реформам, выдвинутому Вторым Ватиканским собором. Он был главным кандидатом от правого крыла на конклаве, избравшем Павла VI. Теперь он представлялся большинству святых старцев идеальной кандидатурой на пост преемника апостола Петра. Впрочем, единодушие и в этой группе было неполным: один из ее членов, кардинал Карло Конфалоньери, являлся убежденным сторонником избрания Альбино Лучани.

Сири неоднократно заявлял, что его позицию, как правило, неверно трактуют. Однако для понимания его инстинктивных взглядов характерен тот случай, когда одну из своих проповедей он посвятил суровому осуждению женщин, предпочитавших брюки юбкам, и призывал их вернуться к традиционной одежде, ибо она, по его убеждению, "гораздо более соответствует их основной функции на земле".

Во время девяти заупокойных молебнов воздал дань усопшему и кардинал Сири. В течение всего понтификата Павла VI он изобретал всяческие препятствия на пути осуществления любого начинания первосвященника. Теперь же он со слезами в голосе при каждом удобном случае говорил о своей приверженности его идеям и целям. Однако кампания в поддержку кандидатуры Сири не нашла поддержки в прессе. Одним из доводов, который приводили сторонники Сири в пользу его избрания, было то, что новый папа непременно должен быть итальянцем. Позиция мало обоснованная, если учесть, что из 111 членов конклава итальянцами были лишь 27. Вместе с тем она весьма показательна для настроений, царящих внутри Ватикана, где и поныне господствует твердая вера в то, что только папа-итальянец способен держать под контролем не только Ватикан и весь католический мир, но и Италию. Последним папой-иностранцем был Адриан VI — голландец, коронованный еще в 1522 году. Он пришел в ужас, столкнувшись со злом и падением нравов, которые и тогда были характерны для окружения Святого престола. В немалой степени это ускорило быстрое распространение протестантизма. Поставленный перед необходимостью найти средства борьбы с двойным злом — внутренним и внешним, грозившим гибелью католицизма, он писал апостолическому делегату в Германии:

"Вы возразите, что мы должны наконец решиться сурово осудить деяния, которые на протяжении многих лет происходят вокруг Святого престола и которые действительно должны быть преданы всяческому порицанию. То, что было свято, без-

божно попирается, благородные традиции втаптываются в грязь. Все, все меняется к худшему! И проказа эта распространяется неумолимо от головы до ног, от папы римского к тем, кто стоит у подножия его трона. Все мы, прелаты и простые священники, далеко ушли от пути истинного, завещанного нам Христом... Потому, сын мой, дайте обещание, что объектом нашего пристального внимания станет реформа церкви, и прежде всего Римской курии, ибо именно она, я убежден, является источником зла”.

Через несколько месяцев после этого заявления папу Адриана нашли мертвым. Предполагают, что его отравил собственный лекарь.

Теперь, после смерти Павла VI, кардиналы курии, составляющие меньшинство, вновь попытались навязать свою политику большинству кардиналов, не входящих в нее. На одном из первых заседаний коллегии присутствовало лишь 32 кардинала из 111. Было принято решение созвать конклав не ранее 25 августа, а первый тур голосования провести 26-го. Отсрочка на двадцать дней была максимальной, ибо покойный папа предписал, что голосование должно начаться не позднее двадцать первого дня после его смерти. Беспрецедентно затянутая, она оказалась самой продолжительной во всей современной истории папства. Еще в 1878 году, когда не было современной истории портных средств, кардиналы собрались в Риме без промедления, и уже на десятый день открылся конклав, избравший папой Льва XIII. Три недели, очевидно, казались итальянским кардиналам минимальным сроком, необходимым для того, чтобы убедить неподатливых ”иностранцев” в целесообразности избрать папу из среды соотечественников Павла VI.

Однако тут они столкнулись с непредвиденной оппозицией в лице прелатов из стран ”третьего мира”. К их несчастью, Альбино Лучани был не единственным, кто полагал, что ситуация требует избрания папы из числа представителей развивающихся стран.

Кардиналы из стран Латинской Америки собрались 20 августа на секретное совещание в Бразильском колледже в Риме. Там не было выдвинуто конкретной кандидатуры, однако общее мнение сводилось к тому, что настала пора возвести на трон истинного проповедника христианства, стремящегося не к политическим интригам, а к служению добродетели, помнящего о бедных и нищих духом, такого, который бы авторитетом личности поднял престиж церкви, укрепляя ее с помощью коллегиального управления. Иными словами, их особенно беспокоили духовные качества нового папы. Следует признать, что такие тре-

бования сужали круг возможных претендентов.

Во Флоренции архиепископ Джованни Бенелли, который, как многие ошибочно считали, добивался своего избрания на папский престол, прочел с улыбкой послание с пожеланиями латиноамериканских кардиналов в отношении кандидатуры нового папы. Бенелли и сам был бы не прочь видеть на престоле святого Петра подобного человека. Сняв трубку, он попросил соединить его с кардиналом Сюененсом в Бельгии.

Тем временем в Риме Пиньедоли устраивал один за другим роскошные приемы. Сторонники кардинала Сири в курии интриговали в его пользу, а ватиканское пресс-бюро по-прежнему передавало минимум информации газетам и агентствам.

Между тем приближался день, на который были назначены, по выражению корреспондента английской "Таймс" Питера Николса, "самые таинственные в мире выборы".

Справедливости ради следует отметить, что не только латиноамериканские кардиналы создали желаемый образ будущего папы, весьма напоминавший перечень минимальных требований из инструкции по приему на работу. Недели раньше группа католиков, объединившихся в организацию под названием «Комитет за ответственный подход к избранию папы» (КРЕП), провела любопытную пресс-конференцию в отеле "Колумбус" в Риме. Роль человека, вызвавшего принять на себя залпы вездыханных вопросов многочисленных корреспондентов, выполнял священник Эндрю М. Грили. Не будучи членом КРЕП, отец Грили и группа философов-теологов по просьбе этой организации составили документ с перечнем требований к кандидату в папы.

В этом документе содержится призыв к тому, кто претендует на замещение вакантной должности папы римского:

"ВЗЫВАЕМ О ПОМОЩИ!

Помогите найти исполненного искренней веры человека, способного открыто и доверчиво улыбаться. Его положение обеспечит ему интересную работу, гарантированный пожизненный доход, приличные бытовые условия. Заботы о его личной безопасности возьмет на себя специальная организация. Заявки направлять по адресу: коллегия кардиналов, город-государство Ватикан".

Инициатива Грили встретила резкое осуждение, которое переросло в нечто большее, когда он осмелился высказать дерзкую до безрассудства мысль о том, что решением проблемы, вероятно, могло бы стать избрание папой особы женского пола. То, что он отважился сказать такое перед толпой итальянских репортеров, по преимуществу мужчин, свидетельствовало о

безграничном мужестве отца Грили. В зале начались страшный шум и сумятица. Какая-то молоденькая итальянка набросилась на священника с кулаками, крича, что он воплощение дьявола, отягощенного к тому же сексуальными проблемами.

Несколько дней спустя профессор-теолог Ганс Кюнг в интервью популярному итальянскому журналу "Панорама" заявил, что, по его мнению, проблемы всех католиков не будут окончательно решены, пока церковь не изменит позицию провозглашенную в энциклике "Жизнь человеческая". Он отметил, что для нового папы проблема разумного подхода церкви к вопросу о контроле над рождаемостью будет одной из первоочередных.

Двадцать первого августа архиепископ Форталезский Лоршейдер выступил от имени духовенства латиноамериканских стран с речью о том, каким они хотели бы видеть своего будущего духовного пастыря. Их идеалом был человек, исполненный веры и надежды и способный внушить их страждущему миру.

Тем временем кардиналы Бенелли и Сюененс не спешили в знойный августовский Рим, готовя почву для избрания кандидата, полностью отвечавшего пожеланиям отца Грили, профессора-теолога Кюнга и латиноамериканских кардиналов. Таким был Альбино Лучани.

Когда его имя было впервые названо итальянской прессой в один из дней перед открытием конклава, этому не придали значения, сочтя очередным маневром для отвода глаз. Авторитетный знаток Ватикана Сандро Маджистер отозвался о нем как о "неприметном патриархе Венеции". Ошибку в своей оценке допустил и известный авторитет Джанкарло Дзидзола, от которого тоже следовало ожидать большей проницательности. Незадолго до того дня, когда кардиналы уединились в конклаве для избрания папы, Дзидзола опубликовал краткую биографию Лучани, озаглавив ее "С бедными, но не с левыми". Далее он цитировал слова, взятые из анонимного источника: "Самое малое, что можно сказать о его взглядах, — это то, что архиепископ является лидером правого крыла духовенства, но вернее всего было бы назвать его венецианским вариантом кардинала Оттавиани".

Сам Лучани на просьбу журналиста прокомментировать неожиданное появление его имени в списке "папабилей" со смехом отверг серьезность подобных предположений: "Ну что вы! Я в лучшем случае стою последним в запасном списке возможных претендентов".

Вполне убежденные в искренности кардинала, газетчики оставили его в покое. Имя его вообще исчезло с газетных страниц.

Далекий от предвыборного ажиотажа и царящей в Риме суеты, Лучани проводил большую часть времени в прогулках по парку дворца Августинцев, откуда виден собор святого Петра. Он беседовал с братом Клементием, садовником, трудившимся над устройством нового цветника. Лучани заметил, глядя на его мозолистые руки: "Мальчиком я много дней проводил в поле, ладони саднили от мозолей. А теперь мозолями покрылись ум и сердце".

Перед открытием конклава Лучани заботило то, что его старенькая "ланча-2000" была неисправна. Он попросил своего секретаря, отца Лоренци, отдать ее поскорее в ремонт, потому что рассчитывал вернуться в Венецию не позже вторника 29-го. Дома накопилась уйма дел.

Брат Клементий отнес сумку с ночными принадлежностями кардинала Лучани в Сикстинскую капеллу. Теперь Лучани присоединился к остальным в капелле Паулины, расписанной фресками Микеланджело. Руководимые монсеньором Вирджилио Ноз, папским церемониймейстером, и сопровождаемые хором Сикстинской капеллы, под звуки гимна святому духу кардиналы проследовали через Герцогский зал — "Сала дукале", украшенный творениями Бернини, и вошли в Сикстинскую капеллу.

Монсеньор Ноз величественно произнес: "Extra omnes!" ("Всем выйти!") — и алтарные служки, хор, группа телерепортеров покинули капеллу. Кардинал Вийо встал у самой двери изнутри, монсеньор Ноз — снаружи, и она медленно затворилась, отрезав 111 кардиналов — членов конклава от всего мира. Открыться ей суждено лишь после избрания нового папы римского. "Самое тайное в мире голосование" продолжается, пока клубы белого дыма из высокой тонкой трубы Сикстинской капеллы не возвестят терпеливо ожидающей у собора святого Петра толпе и всему миру, что папа римский избран.

ВНУТРИ КОНКЛАВА

Несмотря на все недостатки, папа Павел VI, вне всяких сомнений, хорошо знал, как обеспечить тайну избрания своего преемника в конклаве.

Секретность вообще было его манией. Согласно его воле, за три дня до конклава кардиналы должны были дать торжественный обет хранить в тайне все, что произойдет в Сикстинской капелле. Под страхом отлучения им запрещалось передавать за ее пределы какие-либо сведения "письменно, устно или знаками" относительно подробностей голосования. Кардиналам запрещалось иметь при себе радиоприемники, магнитофоны, радиопередатчики, кино- и фотоаппаратуру, технику для микрофильмирования, телевизоры. Все это наводило на мысль о том, как мало доверял на пороге смерти понтифик князьям святой римской церкви.

На тот случай, если с кем-либо из кардиналов вдруг приключится потеря памяти в промежутке между принесением этой клятвы и открытием конклава, Павел VI предусмотрел ее обязательное повторение уже после того, как все посторонние покинут Сикстинскую капеллу.

Но и это не все. Следующей мерой предосторожности в соответствии с волей почившего был тщательный обыск всего помещения, отведенного для проведения конклава. Обыск было предписано произвести лично государственному секретарю Вийо с помощью нескольких служителей с целью удостовериться, что никому из охотников за сенсацией не удалось укрыться в темных углах капеллы или "кельях" с магнитофонами, видеозаписывающими или подслушивающими устройствами. Служки, сопровождавшие кардиналов во время конклава, также подвергались личному досмотру перед тем, как переступить порог капеллы.

Предписывая в обязательном порядке обыски и досмотры, Павел VI приказал также швейцарским гвардейцам, несущим стражу в Ватикане, произвести тщательный осмотр всего здания с внешней стороны.

Покойный папа, видимо, учитывал, что первый день открытия конклава целиком уйдет на проверку и осмотры, а на голосование времени останется мало.

Пока Рим изнемогал в августовском зное, температура в помещении, где проходил конклав, накалилась выше того, что по силам было перенести престарелым князьям церкви: покойный папа дал инструкции и по поводу окон — их замуровали и опечатали. И в таких условиях 111 престарелых кардиналов должны были сохранять ясность ума, дабы принять самое важное решение в своей жизни.

Если вне стен капеллы чаяния и стремления миллионов верующих отличались тысячами различных оттенков и направлений, то желания самих участников конклава представляли собой как бы их квинтэссенцию, отражая основные направления. Консервативное крыло, сторонники крайне правой линии мечтали о реставрации папства времен Пия XII, о возврате к политике церкви до Второго Ватиканского собора, который в значительной степени модернизировал курс церкви. Их тянуло к старине, к вековым традициям, освященным былым величием. Левое крыло считало совершенно необходимой коренную ломку, учитывающую сложности современного мира, что возможно лишь при условии, если во главе церкви станет папа, который спустится к толпе, проникнется ее нуждами и, завоевав доверие миллионов католиков, вернет церкви власть над умами и сердцами миллионов. Такой папа должен будет в значительной степени демократизировать церковный аппарат и заставить епископат следовать новой политике.

Образно говоря, сторонники церковной реформы искали новое воплощение Иоанна XXIII, в то время как консервативные кардиналы желали видеть на троне преемника политики Пия XII.

Была, как всегда, и середина, которой хотелось бы взять некоторые черты у одного и у другого; представители середины стремились сделать столько шагов назад, сколько пройдено вперед.

И был Альбино Лучани, прелат, сохранивший простоту и искренность.

Одной из основных задач церкви он считал коренное изменение политики католицизма в отношении стран "третьего мира". Поэтому он твердо решил отдать свой голос на конклаве за архиепископа Форталезского Алоизио Лоршейдера, кардинала из Бразилии, человека, понимающего нужды бедных. Мысль об избрании его папой Лучани считал внушенной ему божественным провидением.

Кардиналы Джованни Бенелли и Л.И. Сюененс из Бельгии тоже определили своего кандидата. Еще до открытия конклава Бенелли не мог без улыбки читать в газетах доводы в его пользу как наиболее перспективного из "папабилей". Кардинал, однако, хранил молчание даже тогда, когда подвергся нападкам своих куриальных коллег, в частности влиятельного Перикле Феличи, старшего кардинала-диакона и одного из четырех заместителей Вийо на посту президента Управления имуществом Святого престола. Феличи заявил, что Бенелли "желает видеть папой только самого себя".

Феличи и ему подобные вскоре получили возможность убедиться, что Бенелли совершенно иначе распорядился своим голосом: желая проголосовать за Лучани, он и других членов конклава склонял к этому.

Услышав это имя, и курия, и пресса отнеслась к нему несерьезно и тотчас забыли его. По сложившейся традиции перед конклавом Ватикан распространил биографические справки о наиболее вероятных кандидатах. Справка о Лучани оказалась самой короткой. Курия разделяла мнение самого Лучани, что его имя среди реальных претендентов стоит на одном из последних мест. Как и мировая пресса, Римская курия почти не знала этого человека, за что и была вскоре наказана. А вот некуриальные кардиналы знали его хорошо. После конклава эксперты по ватиканским делам объяснили свою недалекость тем, что Лучани был "мало популярен, мало выезжал за пределы Италии и не знает иностранных языков".

Между тем Альбино Лучани бегло говорил по-немецки, по-французски, хорошо знал португальский и английский языки, а также великолепно владел своим родным, итальянским языком и латынью. Среди некуриальных кардиналов он был весьма популярен, с многими из них его связывала теплая дружба. В частности, польские кардиналы Войтыла и Вышинский гостили у него в Венеции, причем Войтыла вел с ним длительные беседы о марксизме. Во время путешествия по Бразилии в 1975 году Лучани остановился у кардинала Лоршейдера, с которым был дружен, как и с другим бразильским кардиналом, Арнсом. Среди близких Лучани по духу и складу ума следует назвать кардиналов Сюененса из Бельгии, Виллебрандса из Голландии, Марти из Франции, Кука из Нью-Йорка, Хёффнера и Фолька из Западной Германии, Маннинга из Лос-Анджелеса и Медейроса из Бостона. Кроме Бразилии, Лучани бывал также в Португалии, Западной Германии, Франции, Югославии, Швейцарии и Австрии, а также в Африке, где он, посетив бурундийский город Кирембу,

установил тесные связи между духовенством этого города и Витторио-Венето.

Лучани связывала дружба и со многими не католиками. Нередким гостем в его доме был священник с черным цветом кожи Филипп Поттер, секретарь Всемирного совета церквей. Охотно общался он и с представителями иудаизма, англиканства, православия. Лучани в течение многих лет переписывался с профессором-теологом Гансом Кюнгом. Если бы об этом знали куриальные кардиналы, Лучани никогда не увидел бы папской тиары.

Вот таким предстает человек, приехавший на этот конклав с одной мыслью: поскорее исполнить свой долг и после избрания папы отправиться домой, в Венецию, на своей старенькой, выдавшей вида "ланче". Он не исключал возможности, что игрой случая его имя может оказаться в числе "папабилей". Когда секретарь Лучани Марио Сенигалья, пожелав ему счастливого пути в Рим, посоветовал все же составить хотя бы приблизительные тексты речей "на всякий случай", Лучани со смехом отказался и добавил: "Выход всегда есть — никогда не поздно отказаться".

В Риме Диего Лоренци, служивший при Лучани секретарем с 1976 года и относившийся к нему, как и Сенигалья, с любовью, был уверен, что именно Лучани должен стать новым папой. И вновь тот отмахнулся, не желая и слышать об этом. Он напомнил Лоренци о новых правилах, введенных покойным Павлом VI: кардиналу, набравшему $\frac{2}{3}$ плюс один голос (для нынешнего конклава это означало 75 голосов), должен быть непременно задан вопрос, согласен ли он с избранием. "И если этот вопрос зададут мне, — заключил Лучани, — я скажу: простите меня, но я должен отказаться".

Утром в субботу 26 августа, отслужив утренний молебен и позавтракав, кардиналы заняли в Сикстинской капелле каждый свой трон — кресло, обтянутое красным бархатом, под фиолетовым балдахином. Правила голосования требуют, чтобы каждый кардинал написал имя кандидата, за которого он отдает голос, на бюллетене — полоске плотной бумаги с загнутым краем, сложенной вдвое. На прикрытой его части размером не больше дюйма — фамилия и герб голосующего кардинала. Вписать фамилию кандидата следует так, чтобы она осталась тайной для других.

После подачи голосов избираются те из числа кардиналов, кому будет доверен подсчет голосов, а когда они завершат свою работу, еще трое — для проверки добросовестности счет-

чиков. Павел VI постановил, что отныне для избрания папы требуется не $2/3$, а $2/3$ плюс один голос, на случай, если кандидат подаст голос за самого себя.

Итак, в раскаленной от духоты и нервного напряжения присутствующих Сикстинской капелле кардиналы приступили к первому туру голосования.

После двоекратного подсчета голосов количество бюллетеней было проверено еще раз с целью убедиться, что никто из кардиналов не голосовал дважды. Затем бюллетени были сложены вместе, пересчитаны вновь, помещены в специальную коробку и лишь тогда сожжены в присутствии кардиналов. Результаты первого тура голосования оказались следующими¹.

Сири	— 25 голосов
Лучани	— 23
Пиньедоли	— 18
Лоршейдер	— 12
Баджо	— 9

Оставшиеся 24 голоса были поданы за нескольких других кандидатов. Так, несколько голосов получили итальянцы Бертоли и Феличи, аргентинец Пиронио и поляк Войтыла, а также пакистанский кардинал Кордейро и Франц Кёниг из Австрии.

Альбино Лучани слушал с растущим удивлением, как кардинал, ведущий подсчет, назвал его имя 23 раза. В ответ на подбадривающие взгляды нескольких кардиналов, которые после оглашения результатов повернули в его сторону головы, он недоуменно пожал плечами. Почему все эти люди проголосовали за него?

Ответ, в поисках которого терялся Лучани, знали кардиналы Бенелли, Сюененс и Марти. Им удалось создать то, что они считали твердой коалицией, которая позволит избрать папой имен-

¹ Единственный официальный отчет о том, что происходило за замурованными по традиции дверьми Сикстинской капеллы, похоронен глубоко в недрах ватиканских архивов. Сведения, приведенные мною, почерпнуты из нескольких весьма информированных источников, причем цифры, названные каждым в отдельности, далеко не всегда совпадали, что указывает на вполне понятные и допустимые ошибки. То же самое относится и к именам кардиналов, которые подали свои голоса за Лучани в первом туре голосования. Несмотря на некоторые расхождения, совпадения убедили меня в полной достоверности информации в целом.

но Лучани. Помимо этих трех, за Лучани проголосовала группа кардиналов, представляющих разные страны и регионы: француз Ренар и Гуйон, голландцы Виллебрандс и Альфринк, Кёниг из Австрии, Фольк и Хёффнер из Западной Германии, Малула из Заира, Нсубуга из Уганды, Тиандум из Дакара, Гантэн из Бенина, Коломбо из Милана и Пеллигрино из Турина, Урси из Неаполя и Пома из Болоньи, а также Кук из Нью-Йорка, бразильский кардинал Лоршейдер, Екандем из Нигерии, поляк Войтыла и, наконец, Син из Манилы.

Не зная, кто именно высказался за его кандидатуру, Лучани успокоил себя, что это случайность, которую исправит второй тур голосования. Достав следующий бюллетень, он вновь написал на нем имя Алоизио Лоршейдера.

Куриальные кардиналы теперь смотрели на Лучани с моментально возникшим интересом, ибо до сих пор все их внимание было поглощено выполнением главной задачи: помешать кардиналу Пиньедоли набрать необходимое число голосов. Второй тур голосования убедил их в том, что они преуспели, и пора было осмотреться вокруг:

Сири	— 35 голосов
Лучани	— 30
Пиньедоли	— 15
Лоршейдер	— 12

Оставшиеся 19 голосов вновь были поданы за различных кандидатов, набравших по несколько голосов.

Бюллетени, как предписывает традиция, были брошены в старинную чугунную печку, стоящую недалеко от алтаря. Сырая солома и пакля давали при сгорании густой черный дым, и собравшиеся на площади Святого Петра поняли, что папа еще не избран. Однако вместо того, чтобы повалить через дымоход, дым повалил из печи внутрь капеллы. Дело в том, что, хотя в целом на похороны усопшего понтифика и подготовку конклава церковь и затратила несколько миллионов долларов, в Ватикане не удосужились прочистить дымоход. В результате вдобавок к жаре и духоте при наглухо запечатанных окнах члены конклава оказались как в душегубке. Покойный Павел VI такого развития событий не предвидел, однако предусматри-

тельно повелел, чтобы неподалеку от замурованных дверей Сикстинской капеллы дежурила небольшая бригада пожарников. Им не оставалось ничего иного, как распечатать несколько окон.

Таким образом клубы черного дыма вырвались наконец наружу, а ватиканское радио официально подтвердило, что утренние туры голосования не завершились избранием нового понтифика.

Многие из ватиканских экспертов предрекали долгий конклав, исходя из того, что 111 кардиналам потребуется немало времени для того, чтобы прийти к относительно единодушному решению. Знатоки важно кивали головами, отдавая дань собственной проницательности, когда наконец показался черный дымок со стороны капеллы, а журналисты занялись, не теряя времени, добыванием какой-нибудь сенсационной информации.

В этот момент князья церкви, участники самого многочисленного и разнородного конклава в истории церкви, толпой устремились к столовой, устроенной там же, в помещении Сикстинской капеллы.

Третий тур голосования приобретал решающее значение. Должен был решиться вопрос: Сири или Лучани? Пока не на шутку озадаченный патриарх Венеции отрешенно действовал вилкой, другие кардиналы развернули бурную деятельность. Бенелли беседовал с группой латиноамериканских кардиналов. Он говорил им, что они выполнили свою задачу и привлекли внимание церковных иерархов к необходимости пересмотреть отношение к представителям духовенства "третьего мира", но время одному из них быть папой еще не настало. Что же остается? Избрать ярого реакционера, такого, как кардинал Сири? А может быть, куда разумнее остановить свой выбор на человеке, который хоть и итальянец по происхождению, но нужды и помыслы духовенства и верующих Азии, Африки и Латинской Америки разделяет всем сердцем? Ни для кого не секрет, продолжал Бенелли, что сам Лучани в каждый бюллетень вписывал имя кардинала из Латинской Америки Лоршейдера.

Усилия Бенелли, однако, едва ли были необходимы, ибо латиноамериканских кардиналов не нужно было убеждать. Еще до приезда на конклав они тщательно взвесили все шансы на победу Лоршейдера и, придя к выводу, что они не так велики, стали искать наиболее приемлемую, по их мнению, кандидатуру среди некуриальных кардиналов-итальянцев. Среди тех, кому они показали список наиболее приемлемых кандидатов, был иезуит Бартоломео Сордже, проживавший в Риме. В течение двух часов он и латиноамериканские участники конклава тщательно обсуждали каждую из кандидатур, и в итоге остановили выбор

на патриархе Венеции Альбино Лучани. Подробности беседы поведал мне отец Сордже, с которым я имел продолжительную беседу. Напутствуя кардиналов, он сказал:

”Если вы хотите, чтобы престиж и авторитет святой церкви были подняты на должную высоту, папой следует избрать Альбино Лучани. Но не забывайте, что это человек, который не привык править, а следовательно, ему будет необходима помощь опытного и умного государственного секретаря”.

Пока Бенелли вел беседу с кардиналами из Латинской Америки, его единомышленники Сюененс, Марти и Гантэн склоняли в пользу Лучани других, все еще колеблющихся кардиналов. Кардинал из Вены Кёниг сказал, обращаясь к сидящим рядом с ним, что неитальянские кардиналы не станут возражать против того, чтобы их духовным лидером в очередной раз стал достойный итальянец.

Куриальные кардиналы напряженно обдумывали ситуацию во время того памятного завтрака в Сикстинской капелле. С одной стороны, они добились успеха и преградили путь к тиаре Пиньедоли, а их кандидат, кардинал Сири, набрал максимальное количество голосов. С другой стороны, несмотря на все давление, которое Феличи и его клике удалось оказать, было совершенно очевидно, что ни левое крыло, ни центристы не позволят Сири набрать необходимое число голосов. А вот Лучани, эта ”темная лошадка” из Венеции, наверняка устроит всех, ибо, заняв трон, будет податлив. Сторонники возврата к добрым старым временам, мечтавшие, чтобы все реформы, следовавшие за крамольным Вторым Ватиканским собором, навсегда изгладились из памяти церкви, не были, однако, уверены, что Лучани можно доверять. Их беспокоило то, что он, как и все сторонники обновления, на практике в своей епархии претворял в жизнь заветы Иоанна XXIII.

Как известно, в Англии жизнь замирает, когда приближается традиционное чаепитие в пять часов. То же происходит и в Италии с приближением сиесты в середине знойного дня. Это распространялось и на конклав. Наиболее стойкие его члены прогуливались по той части Сикстинской капеллы, которую отвели под трапезную. Они неторопливо беседовали, а менее выносливые уединились в отведенных для каждого ”кельях”, чтобы немного соснуть. Альбино Лучани, молившийся у себя в ”келье ” под номером 60, составлял исключение.

”Медь золотом не заблестит”, — бесстрастно заметил Лучани в ответ на выраженные вслух надежды доброжелателей еще до открытия конклава. Судя по всему, теперь большая

часть кардиналов, по убеждению или в силу обстоятельств, вынуждена была не согласиться с ним.

Он оказался на пороге избрания главой 800-миллионного католического мира.

Выйдя из "кельи" около четырех часов утра следующего, второго дня голосования, он попал в объятия кардинала Джозефа Малулы из Заира. Малула стал поздравлять Лучани. Патриарх Венеции покачал головой. "Меня раздражают сомнения", — только и сказал он в ответ, направляясь вместе с Малулой к началу третьего тура голосования. Вот его итоги:

Лучани — 68 голосов
Сири — 15
Пиньедоли — 10

Остальные 18 голосов существенного значения уже не имели.

Семь голосов отделяли теперь Лучани от тиары. Приложив руки ко лбу, он — и это видели многие — прошептал: "Нет, пожалуйста, нет".

Эти слова отчетливо слышали кардиналы Виллебрандс и Риберио, сидевшие по обе стороны от будущего папы. И оба протянули к нему руки, чтобы коснуться его руки в знак успокоения. Виллебрандс тихо проговорил: "Мужайтесь! Господь, возлагая бремя, даст и силы, чтобы нести его!"

Риберио молча кивнул головой в знак согласия и добавил: "Весь мир молится за нового папу".

Многими в тот знойный августовский день овладело чувство, что в конклаве присутствует как бы дух святой. Остальные придерживались более циничного мнения о том, что же вдохновляет конклав. Слышали, например, как кардинал Таофинай из Самоа пробормотал: "Власть суть в образе человеческом, в образе кардинала курии", а его глаза при этом были устремлены на кардинала Феличи.

Феличи, голосовавший в то знаменательное утро за Сири, подошел вдруг к Альбино Лучани и вручил ему конверт со словами: "Послание новому папе".

Конклав охватило волнение. Кое-кто считал, что на них снизошло божье вдохновение. И, забыв о распоряжении покойного Павла VI, каждый раз перед подачей бюллетеня приносить клятву, все устремились к своим креслам, чтобы заполнить

четвертый бюллетень. И вот результаты:

Лучани — 99 голосов
Сири — 11
Лоршейдер — 1 (голос Лучани)

Когда объявили результаты голосования, раздалась аплодисменты всех присутствующих. Было 18.05. Крайне правые, сторонники кардинала Сири, потерпели полное поражение. Двери Сикстинской капеллы открылись, и на пороге появились церемониймейстеры во главе с кардиналом-камерленго Вийо. Процессия в торжественной тишине направилась к креслу Альбино Лучани. Раздался голос Вийо, который произнес традиционную фразу по-латыни: "Согласен ли ты с избранием на должность верховного понтифика?"

Все взгляды обратились к Лучани. Вот как описал мне это кардинал Кьяппи: "Он сидел через три кресла от меня. Даже в этот решающий момент видно было, что его терзают сомнения. Также было очевидно, что кардинал Виллебрандс и Риберио стараются всячески подбодрить его".

Наконец Лучани произнес: "Да простит вас Господь за то, что вы сделали". И, помолчав, добавил по-латыни: "Согласен".

"Каким именем ты желаешь называться?" — задал следующий традиционный вопрос камерленго.

И вновь на лице Лучани появилось сомнение. Но тут он улыбнулся: "Иоанн Павел I".

Раздался удовлетворенный шепот из всех углов капеллы. В истории папства впервые вновь избранный назвался двойным именем. Имя, которое берет папа при избрании, по традиции полно значимости, поскольку красноречиво говорит о его позиции. Так, имя Пий указывало бы на крайне правые взгляды нового понтифика, что, безусловно, привело бы в восторг консервативное крыло конклава и возвестило бы о возврате к временам Пия XII.

Узнав имя нового папы, кардиналы, все еще запертые внутри Сикстинской капеллы, запели благодарственный гимн "Те деум".

А снаружи тем временем многие видели, как иезуит Роберто Туччи, директор ватиканского радио, быстрыми шагами направлялся через площадь Святого Петра к бронзовым дверям папского дворца. Капитан швейцарских гвардейцев, в обязанности которого входило салютовать вновь избранному понтифику,

пытался добиться от своих гвардейцев, избран папа или нет, но те из них, кто стоял на страже у входа в капеллу, могли сказать лишь, что слышали громкую овацию. В этот момент капитан отчетливо услышал, как запели "Те деум". Сомнения развеялись. Это могло означать лишь одно: папа избран! Капитана охватили ужас и отчаяние — парадные костюмы для эскорта гвардейцев еще не были готовы.

Да и с дымом из трубы капеллы, который должен был держать собравшихся на площади в курсе хода голосования, происходило что-то неладное. Вместо белого дымка, которого все ждали, как знак того, что новый папа избран, из высокой тонкой трубы Апостолического дворца вновь поползли буро-сизые клубы. Толпа стала разочарованно расходиться, как вдруг из мощных репродукторов раздалось: "Внимание! Внимание!" Народ хлынул обратно.

Подбегавшие первыми увидели, как массивная дверь на балконе собора святого Петра распахнулась, и на нем одна за другой стали появляться фигуры кардиналов. Было ровно 19 часов 18 минут, то есть прошел час с момента последнего тура голосования. Наконец на балкон вышел камерленго кардинал-диакон Феличе, и в тот же миг бушевавшая внизу толпа смолкла.

Среди ожидавших на площади Святого Петра был и секретарь Лучани отец Диего Лоренци, волей случая оказавшийся по соседству с какой-то семьей из Швеции. Шведы очень интересовались, чем он занимается. Молодой Лоренци, не зная, что ответить, сказал: "Я в Риме ненадолго, а работаю в Венеции". С этими словами он повернулся в сторону собора. Он увидел на балконе старшего кардинала-диакона Феличи, поднявшего руку, призывая к вниманию.

"Возвещаю вам великую радость", — произнес тот торжественно по-латыни. — У нас есть папа — кардинал Альбино Лучани!" При этом имени Лоренци обернулся к стоявшим рядом шведам, по его лицу струились слезы. Он сказал с гордостью: "Я — секретарь только что избранного папы!"

Слово "Лучани" почти потонуло в приветственных криках толпы. Шум еще более усилился, когда Феличи произнес следующую по традиции фразу, возвещая имя, которое предпочел новый понтифик: "Пожелавший избрать имя — Иоанн Павел I". Ликование толпы объяснялось радостью католиков по поводу того, что папа наконец избран, поскольку имени Лучани почти никто не знал. Большинство присутствующих впервые увидели нового папу, когда несколько мгновений спустя он вышел на

балкон собора святого Петра. В памяти у каждого из видевших его в тот вечер навсегда осталась улыбка Лучани. Казалось, какие бы проблемы ни встали перед новым первосвященником, его понтификат принесет счастье. После тягостных лет папства Павла VI личность нового папы поражала резким контрастом. Совершив традиционное благословение " городу и миру " ("Urbi et Orbi"), папа вновь одарил собравшихся улыбкой.

И в тот же миг он исчез с балкона, чтобы сразу появиться вновь, ибо капитан швейцарских гвардейцев, собравший наконец свой батальон, должен был салютовать новому папе. Лучани помахал рукой доблестной страже, и это еще больше повысило настроение присутствующих на площади. Уроженец североитальянской горной деревушки, мальчиком мечтавший стать приходским священником, стоял в этот августовский день 1978 года на балконе собора святого Петра. Имя теперь ему было Иоанн Павел I.

В тот вечер папа не распустил конклав. Заняв свое прежнее место за ужином в Сикстинской капелле, он вспомнил о тех престарелых кардиналах, которые из-за возраста не были допущены в конклав. Им уже сообщили результаты голосования по телефону. Новый папа просил передать им приглашение в капеллу на утреннюю мессу следующего дня.

Государственный секретарь предусмотрительно заготовил речь, которая содержала, по крайней мере в общих чертах, основные направления политики нового понтифика. Куриальные зубры были достаточно самоуверенны, чтобы не сомневаться в неизменности принципиальной линии церкви независимо от ее нового главы.

Когда текст вручили Альбино Лучани, он, удалившись в свою "келью" 60, тщательно переработал его, сумев придать трафаретным фразам о любви и мире конкретный смысл.

Текст речи распространили на следующее утро по окончании благодарственного молебна в Сикстинской капелле. Лучани подтвердил верность принципам и целям Второго Ватиканского собора, особо указав на необходимость коллегиальности в руководстве церковью, подчеркнув свою приверженность основному тезису "обновленцев", и высказался в пользу повышения роли епископата. Новый папа отметил также, что намерен уделить особое внимание восстановлению строгой церковной дисциплины, и в этой связи поставил задачу скорейшего пересмотра кодекса канонического права. О возможности контактов с представителями других вероисповеданий папа выразил мнение, что они должны, безусловно, иметь место, непременно расширяться, но не путем отступления от учения церкви.

Держа в руках текст принятой Вторым Ватиканским собором конституции "О церкви" (ее латинское название "Lumen Gentium"), Лучани решительно заявил о своем стремлении как главы католической церкви обратиться к ее истинно христианским истокам, к христианской простоте и искренности первых последователей Иисуса. Иными словами, Лучани желал видеть церковь такой, чтобы Христос, если бы вернулся на землю, смог бы узнать в сегодняшней римской церкви ту, которую завещал своим апостолам, — далекую от политики и меркантилизма, искавших и изуродовавших исконную идею христианства.

В полдень папа вновь появился на балконе собора. Внизу, на площади, колыхалось море из 200 тысяч человек. Миллионы верующих во всем мире увидели на экранах телевизоров Иоанна Павла I. Он вышел, чтобы благословить собравшихся перед началом службы, и в краткой речи, желая чуть приоткрыть густую завесу тайны над заседаниями конклава, умудрился нарушить разом две обязательные для папы заповеди: во-первых, нарушил неизбывную секретность, на которой патологически настаивал его предшественник во всем, что касалось выборов в конклаве, а во-вторых, отказался от монаршего "мы", знаменовавшего на протяжении веков претензию папства на верховенство церкви над светской властью. Лучани улыбнулся и начал. "Вчера..." — произнес он и сделал неожиданную паузу, недоуменно пожал плечами, как бы желая сказать: "Вчера в Сикстинской капелле со мной произошла странная история". Толпа, оценив этот жест, взорвалась одобрительным смехом. Засмеялся и сам папа. Потом сказал: "Вчера утром я направился в Сикстинскую капеллу, чтобы выполнить свой долг и проголосовать за нового папу. У меня и в мыслях не было того, чем закончилось голосование. Как только стала очевидной грозившая мне опасность, двое из братьев, сидевших рядом, прошептали мне слова утешения". Он повторил собравшимся то, что говорили ему в одобрение кардиналы Виллебрандс и Риберио.

В обычных, понятных всем словах новый папа возвестил миру о восшествии на апостолической престол. И та реакция, которая была ответом на искренность, точно отражала чувства большинства верующих во всем мире.

Вечером следующего дня, в воскресенье 27 августа 1978 года, папа ужинал с кардиналом Вийо и попросил его выполнять по-прежнему функции государственного секретаря. Вийо согласился. С такой же просьбой папа вскоре обратился и к некоторым другим членам курии, что вполне логично со стороны

папы, который, отправляясь на конклав, и в мыслях не имел выйти из него первосвященником. Вопрос о новых назначениях был слишком серьезен, чтобы решать его в первые дни и даже месяцы понтификата.

Тридцать первого августа уважаемый итальянский журнал "Мондо" обратился к Альбино Лучани с пространственным открытым письмом. Обращение призывало восстановить "порядок и нравственность" в том, что касалось ватиканских финансов, и положить конец "ловле рыбы в мутной воде", то есть финансовым спекуляциям. Письмо было опубликовано под заголовком "Ваше святейшество, правильно ли это?". Оно содержало прямые нападки на моральную сторону финансовых сделок, в которых оказался замешан Ватикан. За письмом следовала серьезная аналитическая статья, озаглавленная "Богатства святого Петра".

"Мондо" поставил перед Лучани ряд наболевших вопросов: "Имеет ли Ватикан моральное право участвовать в валютных спекуляциях на мировых рынках? Этично ли, что принадлежащий Ватикану банк организует экспорт капитала из Италии в другие страны, нанося ущерб экономике страны? Может ли Ватиканский банк содействовать итальянцам в уклонении от уплаты налогов?"

Автор статьи Паоло Панераи подверг критике связи Ватикана с Микеле Синдоной. Он заклеил Луиджи Меннини и Пола Марцинкуса за их связи с "самым циничным финансовым дельцом в мире" — Синдоной, и боссами из чикагского "Континентл Иллинойс бэнк", через который, да будет известно Вашему святейшеству, осуществляются все инвестиции Ватикана в США".

Панераи желал знать: "Почему церковь инвестирует капитал в компании как национальные, так и транснациональные, для которых единственным богом является прибыль, в компании, которые, когда создается угроза их прибыли, готовы растоптать основные права миллионов верующих бедняков, в особенности в развивающихся странах, нужды и помыслы которых столь близки Вашему сердцу?"

О личности Марцинкуса в открытом письме говорилось весьма определенно: "Он, кстати, является единственным епископом, входящим в состав директоров светского банка, отделение которого, видимо, по чистой случайности находится в знаменитом "налоговом раю" капиталистического мира — на Багамах. Читатель, наверное, уже понял, что речь идет о "Сизелпайн оверсиз бэнк" в Нассау. Практика использования налоговых льгот, которые предоставляют подобные райские уголки,

разбросанные по всему миру, вполне логична для мирян. Никто не потащит банкира в суд за то, что он обеспечивает дополнительную прибыль таким путем. Все так и поступают. Но допустимо ли такое с точки зрения Закона Божьего, которому должно соответствовать каждое деяние церкви, в том числе и в области финансовой политики? Церковь проповедует с амвона равенство, а нам представляется, что путь к достижению всеобщего равенства путем уклонения от налогового законодательства не самый чистый, ибо светское государство прибегает к налогообложению своих граждан пропорционально их доходам именно с целью достичь хоть относительного равенства”.

Официальной реакции на открытое письмо “Мондо” не последовало, однако в самом Ватикане резонанс оно вызвало большой. У тех, кто осуждал деятельность Ватиканского банка и Чрезвычайной канцелярии Управления имуществом Святого престола, оно нашло полную поддержку. Те же, кто считал, что единственная проблема заключается в том, чтобы биржевые спекуляции Ватикана приносили все возрастающую прибыль, возмутились выступлением газеты.

После публикации в “Мондо” большую статью Ламберто Фурно опубликовала газета “Стампа” под заголовком “Власть и богатство Ватикана”. Журналист подошел к проблеме финансов Ватикана с гораздо большим снисхождением и даже симпатией, не ставя вопросов и не поднимая моральных проблем. Он постарался доказать необоснованность многих обвинений в адрес Святого престола, которые выдвигались в печати на протяжении многих лет. Но Фурно указал и на ряд проблем, которые, по его мнению, потребуют от нового папы безотлагательного решения. Например, ему придется заняться подведением итогов реформы церкви, начатой еще Иоанном XXIII и успешно продолженной, по мнению журналиста, Павлом VI. Целью реформы, как известно, было сделать церковь бедной в соответствии с христианскими заповедями и тем самым вернуть ей доверие верующих. Доказать миру, что перестройка церкви действительно произошла, по мнению журналиста, можно только одним путем — обнародовать бюджет Ватикана. В заключение Ламберто Фурно писал: “Ни богатств, ни источников обогащения, превышающих непосредственные нужды церкви, у нее нет. Но это утверждение останется голословным, пока не будут представлены доказательства, ибо “на мешках с золотом Господь начертал своею дланью: “опаснее смерти””.

Новый папа с большим интересом прочел обе статьи. В нем окрепла уверенность, что необходимо немедленно и энергично

проводить намеченный курс.

Еще до своего избрания, как известно, Лучани знал о многочисленных жалобах в связи с финансовой деятельностью Ватикана, которые адресовались прежде всего кардиналу Вийо. Среди них на первое место выступало недовольство тем, как епископ Пол Марцинкус вел дела Ватиканского банка, его сотрудничество с аферистом Микеле Синдоной, тесными связями Синдоны с Управлением имуществом Святого престола. Как мы знаем, Лучани на собственном опыте имел возможность убедиться в том, к каким методам прибегал Марцинкус, управляя Ватиканским банком, когда епископ по своему усмотрению, не поставив в известность патриарха Венеции, продал Кальви контрольный пакет акций "Банка каттолика дель Венето".

Именно с тех пор Лучани начал понимать, что финансовая политика Ватикана, так же как и ее моральное обоснование, в корне неверна. Но тогда кардинал Лучани не располагал властью. Теперь в его руках была власть почти безграничная. И он решил не медлить. Уже 27 августа за ужином с кардиналом Вийо Иоанн Павел I просил своего государственного секретаря безотлагательно заняться этим вопросом. Пересмотру и тщательной проверке должна быть подвергнута вся финансовая структура Ватикана, каждый винтик этой машины. "Ни один департамент, ни одна конгрегация, ни один отдел не могут быть исключены из общей проверки", — подчеркнул Лучани.

Он сказал, что особую озабоченность у него вызывает деятельность Ватиканского банка. Полная финансовая ревизия этого учреждения должна быть проведена срочно, тщательно и негласно. Когда отчет о проведенном расследовании будет представлен, добавил новый папа, он решит, какую политику в этой области следует проводить впредь.

Таким образом, Альбино Лучани, считавший, что римско-католическая церковь должна быть церковью бедных, приступил к расследованию источников богатства церкви. Он хотел все взвесить, составить мнение, после чего действовать решительным образом.

КОРПОРАЦИЯ ВАТИКАН

В конце августа 1978 года, возглавив римско-католическую церковь, Альбино Лучани оказался руководителем поистине уникальной организации. Свыше 800 миллионов католиков, иными словами, почти $1/5$ часть населения мира, смотрела на него как на своего духовного лидера. Куда более расчетливо присматривались к нему в самом Ватикане те, кто контролирует не только вопросы веры, но и осуществляет финансовую деятельность церкви.

Ватикан является крупнейшей международной финансово-промышленной корпорацией не только по своей структуре, но и по своим целям, основная из которых — погоня за прибылью. Главе Ватиканского банка епископу Полу Марцинкусу приписывают весьма характерную для подобной философии фразу: "На одних молитвах церковь не построишь". Что ж, судя по всему, в наше время божественная сила молитвы претерпевает такую же стремительную девальвацию, как и денежные знаки.

Не будем ставить Марцинкусу в упрек это излишне прагматичное замечание. В разных странах церковь призвана решать различные задачи, а для этого нужны деньги. Другой вопрос — сколько? Следующий — как распоряжается церковь своими финансами? Среди ее деяний есть, без сомнения, и добрые, но, пожалуй, еще больше весьма и весьма сомнительных. Конечно, много пишут о благотворительности, о помощи голодным и так далее. Об этом сама церковь рассказывает подробно и рекламно. Ручаюсь, однако, если вы поинтересуетесь, каков ее доход и каковы его источники, ответа вы не найдете. Это один из тех вопросов, которые в Ватикане всегда относились к числу запретных. С другой стороны, густая завеса секретности породила одну из самых острых тайн, разжигающих любопытство.

Так насколько же богата римско-католическая церковь?

В середине 70-х годов одна швейцарская газета писала:

"...Производительный капитал¹ Ватикана исчисляется примерно в 50—55 млрд. швейцарских франков, или 13 млрд. долларов". Ватиканский официоз ежедневная газета "Оссерваторе романо" прокомментировала это заявление следующим образом: "Цифра эта, конечно, не более чем фантазия авторов. На деле производительный капитал Святого престола, включая вклады и инвестиции и в Италии, и за рубежом, едва ли достигает и сотой доли этой суммы". Данное утверждение верно настолько же, насколько правдив был бы президент крупного банка, назвавший вместо общей цифры контролируемого банком капитала сумму дневной выручки. Будь это верно, пришлось бы поверить, что все имущество Святого престола оценивается в сто с лишним миллионов долларов. Но, даже исключив ежегодную прибыль, получаемую Ватиканским банком, надо признать, что Ватикан пошел на откровенную ложь, которая настойчиво повторялась из года в год. В апреле 1975 года Ламберто Фурно из газеты "Стампа" обратился к кардиналу Ваньоцци с вопросом: "Если я оценю имущество, контролируемое всеми пятью финансовыми организациями Ватикана, в 300 млрд. лир, буду ли я далек от истины?" При этом Фурно преднамеренно исключил Ватиканский банк. Ваньоцци ответил: "Поверьте, имущество Святого престола в Италии и во всем мире не составляет и четвертой части названной вами суммы". Если бы утверждение прелата было хоть сколько-нибудь близко к истине, следовало бы заключить, что на 1 апреля 1975 года производительный капитал апостолического престола, не считая авуаров Ватиканского банка, составлял менее 75 млрд. лир, или около 113 млн. долларов. Но ведь на деле лишь одна Чрезвычайная канцелярия Управления имуществом Святого престола рассматривается как один из центральных банков Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Банком международных расчетов (БМР) в Базеле и Международным валютным фондом. Кстати, БМР ежегодно готовит отчет об основных операциях центральных банков мира с другими банками "десятки". В частности, отчет за 1975 год содержит сведения о том, что на счетах в неитальянских банках Ватикан имел 120 млн. долларов и что он представлял собой исключение в том смысле, что не имел задолженности. Да, лишь у Ватикана не было долгов!

¹ Имеется в виду капитал, приносящий прибыль. Дело в том, что Ватикан проводит разграничение между производительным и непроизводительным капиталом. К последнему он относит, например, драгоценности, произведения искусства и т. п.

И это ведь только одно из финансовых учреждений апостолического престола. Следует иметь в виду, что реальная цифра, даже в отношении лишь одной Чрезвычайной канцелярии, была совсем иной, ибо многие источники доходов хранятся в строжайшей тайне.

Как и Рим не в один день строился, так и Ватикан и его сокровища создавались не сразу. Проблема богатства церкви (а те, кто следуют учению Христа, должны видеть в богатстве зло) коренится еще в событиях IV века н.э., когда римский император Константин принял христианство и одарил папу Сильвестра I истинно по-царски, сделав его богатым папой.

Надо признать, что претензии католической церкви на свою уникальность отнюдь не безосновательны. Это и в самом деле единственная религиозная организация, центр которой имеет статус суверенного государства под названием "Город-государство Ватикан" и свою правовую систему — каноническое право. По площади же оно составляет всего лишь 0,44 кв.км, что примерно равно Сент-Джеймскому парку в Лондоне или $\frac{1}{8}$ часть Централ-парка в Нью-Йорке. Неторопливая прогулка вдоль границ этого государства займет не больше часа. Но если вам придет в голову мысль разобраться в финансовой деятельности этого государства, то придется потратить времени куда больше!

Фундамент нынешнего благосостояния Ватикана заложил Бенито Муссолини, проявив при этом неслыханную щедрость. В соответствии с Латеранскими соглашениями 1929 года, заключенными между Ватиканом и фашистским правительством, Святому престолу предоставлялись бесчисленные гарантии и привилегии.

Именно тогда Ватикан приобрел статус суверенного государства и был освобожден от уплаты налогов на имущество самого государства и его граждан, а также от налогов на импорт. По тем же Латеранским соглашениям Ватикан получал право дипломатического иммунитета и соответствующие привилегии, в том числе для аккредитованных при Ватикане дипломатов. Муссолини гарантировал, что обязательное преподавание закона божьего будет введено во всех государственных средних школах Италии, а институт брака впредь будет всецело регулироваться нормами канонического права, поставив тем самым развод под запрет. Одним словом, по Латеранским соглашениям Ватикан получал бесчисленные преимущества, и в первую очередь финансовые.

Там сказано: "Статья первая. Правительство Италии обя-

зается выплатить Святому престолу после ратификации Соглашений 750 млн. лир и одновременно передать в его распоряжение 5 процентов консолидированных государственных ценных бумаг номинальной стоимостью в 1 млрд. лир”.

По валютному курсу в момент подписания Соглашений в 1929 году это составляло 81 млн. долларов, а в 1984 году — 500 млн. долларов. Одним словом, корпорации Ватикан предоставлялась редкая возможность заняться бизнесом в максимально благоприятных условиях. Именно так он и поступил, ни минуты не колеблясь.

Стремясь распорядиться капиталом по-хозяйски, Пий XI создал специальную администрацию. Во главе нового финансового органа он поставил мирянина, инженера и банкира Бернардино Ногару, который вместе с назначением получал под свой полный контроль не только миллионы долларов наличными, но и еще одно поистине бесценное для финансиста преимущество. Дело в том, что за 100 лет до описываемых событий римско-католическая церковь кардинальным образом изменила свой подход к вопросу о предоставлении денежных ссуд, причем настолько, что может смело претендовать на то, что сумела наполнить новым содержанием само понятие ”ростовщичество”.

Традиционно под ростовщичеством понимается извлечение всякой прибыли из предоставления денежных ссуд. Но католическая церковь на протяжении восемнадцати столетий следовала ей же установленному догмату, в соответствии с которым предоставление денег под процент является богопротивным деянием. Это положение подтверждалось многими церковными соборами: Арльским в 314 году н. э., в Никее в 325, в Эксе в 789, Латеранским собором в 1139 году. Более того, Латеранский собор постановил, что ростовщичество не только предосудительно, но что повинные в нем будут впредь подвергаться отлучению от церкви. Ряд законов, вскоре принятых, дал тому правовые гарантии. В таком состоянии положение вещей оставалось достаточно долго — до 1830 года, когда католическая церковь внесла весьма существенную поправку, в соответствии с которой ростовщичество отныне означало не просто ссуду под процент, а ссуду под чрезмерно высокий процент.

Новый, предельно корыстный подход повлек за собой полный пересмотр отношения церкви к денежным ссудам.

Ногара происходил из семьи ревностных католиков, давшей церкви немало верных сынов. Трое из его братьев стали священниками, четвертый в течение многих лет был директором Ватиканского музея. Бернардино Ногара родился в Бельяно,

недалеко от озера Комо, в 1870 году. Еще в молодые годы он добился успехов в области минералогии в Турции. Сфера его деятельности не ограничивалась, однако, только геологией. В 1912 году он сыграл важную роль в подготовке и заключении мирного договора между Италией и Турцией. В 1919 году Ногара вновь появился на дипломатической арене, на этот раз в качестве члена делегации, которая участвовала в переговорах между Италией, Францией, Германией и Великобританией. Впоследствии он представлял итальянское правительство в Коммерческом банке в Стамбуле.

В тот момент, когда папа Пий XI стал подыскивать финансиста, который сумел бы оптимально реализовать выгоды, предоставленные Ватикану щедротами дуче после подписания конкордата 1929 года, близкий друг папы и его доверенное лицо монсеньор Ногара рекомендовал своего родного брата Бернардино. Дав согласие, папа и представить не мог, какую бесценную услугу оказал ему друг.

Сам Ногара, однако, отнюдь не спешил принять это предложение, обусловив согласие рядом требований. Ногара, в частности, заявил, что не должен быть связан в своих действиях еще оставшимися традиционными оговорками церкви по поводу тех или иных способов получения прибыли. Два своих основных правила он сформулировал безапелляционно и достаточно кратко:

- 1) политика инвестиций Ватикана впредь должна быть полностью свободна от каких бы то ни было доктринальных соображений и религиозной этики;

- 2) он должен иметь полномочия инвестировать капитал по своему усмотрению в любой точке планеты.

Папа без возражений принял эти условия и тем самым широко открыл двери для валютных махинаций, для игры на бирже от имени Ватикана, включая приобретение акций тех компаний, продукция которых никак не укладывалась в рамки римско-католической доктрины.

Католические проповедники по-прежнему посылали с церковных кафедр проклятия в адрес производителей бомб, танков, оружия и противозачаточных средств, а в это время Ногара приобретал для казны Ватикана акции компаний, производящих именно ту самую продукцию.

Ногара совершал сделки, играл на бирже. Он купил компанию "Италгаз", единственного поставщика газа во многие итальянские города, ввел в совет директоров компании брата будущего папы Пия XII, князя Франческо Пачелли. С прихо-

дом к власти Пия XII дух коррупции в Ватикане усилился. Правил, не зная исключений, стало: "Если в совете директоров компании заседает один из Пачелли, десять против одного, что компания принадлежит Ватикану".

Среди банков, полностью перешедших под влияние и контроль Ватикана благодаря деятельности Ногары, оказались "Банко ди Рома", "Банко ди Санто-Спирито" и "Каса ди Риспармио ди Рома". Этот человек не только обладал редкостным даром финансиста, он был наделен и удивительной способностью убеждать. Когда "Банко ди Рома" оказался под угрозой банкротства и, идя на дно, мог увлечь за собой немало ватиканского золота, Ногара убедил Муссолини передать обесцененные облигации этого банка в руки государственной компании ИРИ. Более того, Муссолини взялся возместить Ватикану полную стоимость его акций, и не по биржевому курсу, равнявшемуся практически нулю, а по номинальной стоимости. Таким образом, ИРИ выплатила "Банко ди Рома" 630 млн. долларов, а убыток был списан министерством финансов. Иными словами, колоссальный счет оплатили итальянские налогоплательщики. Духовенство же обошлось без жертв.

Спекуляции, в которые смело пускался Ногара, являлись прямым нарушением канонического и уголовного права, но, поскольку за его плечами стоял папа римский, который не считал нужным вникать в эти дела, Ногару не беспокоили подобные "мелочи".

Используя капитал Ватикана, Ногара стал приобретать контрольные пакеты акций многих солидных компаний, стремясь таким образом не просто выгодно вложить деньги, а приобрести фактический контроль над этими компаниями. При этом сам он редко входил в совет директоров, предпочитая усадить в директорское кресло доверенное лицо из числа ватиканской элиты, которому поручалось блюсти интересы церкви. Среди директоров возрастающего числа компаний все чаще появлялись имена трех племянников Пия XII — князей Карло, Маркантонио и Джулио Пачелли. Это были "уomini ди фидучиа", то есть "лица, пользующиеся доверием" церкви.

Текстиль. Телефонная связь. Железные дороги. Цемент. Электричество. Водоснабжение. Бернардино Ногара ничего не упускал из виду. В 1935 году, когда Муссолини понадобились оружие и боеприпасы для вторжения в Эфиопию, существенная их часть была поставлена заводом, задолго до того предусмотрительно приобретенным Ногарой от имени Ватикана.

Обладая определенным не только финансовым, но и полити-

ческим чутьем и опытом, Ногара ясно сознавал неизбежность новой мировой войны. Поэтому он решил перевести часть находившихся в его распоряжении ватиканских капиталов в золото. Он купил золота на 26,8 млн. долларов по цене 35 долларов за унцию, а вслед за тем продал часть его на сумму 5 млн. долларов по более высокой цене свободного рынка. Прибыль от спекуляции приплюсовалась к сумме в 26,8 млн. долларов. Подобные прибыльные "золотые" спекуляции Ногара проделывал неоднократно на протяжении всего пребывания у власти в корпорации Ватикан: между 1945 и 1953 годами он купил золота на 15,9 млн. долларов и в течение двух лет, между 1950 и 1952 годами, продал его с выгодой. Мне удалось выяснить, что часть золотых запасов на сумму в 17,3 млн. долларов до сих пор депонировано на счету Ватикана в Форт-Ноксе в США. При этом надо учесть нынешний курс: это золото, купленное по 35 долларов за унцию, сегодня оценивается приблизительно в 230 млн. долларов!

В 1933 году, в момент прихода к власти Гитлера, Ватикан вновь продемонстрировал свое умение и желание вести выгодные для него переговоры с представителями фашистского режима. В 1933 году был подписан конкордат между Ватиканом и третьим рейхом. Франческо Пачелли сыграл главную роль в достижении договоренностей с Муссолини; его брат кардинал Эудженио Пачелли, будущий папа Пий XII, сыграл не менее важную роль, будучи государственным секретарем Ватикана во время заключения конкордата с нацистской Германией.

Гитлер усматривал немало выгод в заключении союза с Ватиканом, в частности потому, что кардинал Пачелли, стоявший столь близко к папскому престолу, весьма сочувствовал нацистам и мог оказаться полезным союзником в канун мировой войны. История подтвердила верность циничных расчетов. Несмотря на сильное давление с разных сторон, папа Пий XII упорно противился отлучению от церкви Гитлера и Муссолини. Он постоянно твердил о своей нейтральности, толкуя о "справедливых войнах", пользуясь одними и теми же доводами в беседах с представителями немецкого епископата и с французскими прелатами. Французское духовенство тем не менее встало в войне на сторону Франции, а немецкое — на сторону Гитлера. Папа отказался вынести свое осуждение гитлеровской агрессии против Польши, хитроумно заявив: "Мы не можем забывать, что на территории рейха проживают 40 млн. католиков. Что ждет их, если Святой престол пойдет на подобный шаг?"

Для Ватикана одним из главных побудительных мотивов совершения сделки с фашистским режимом был финансовый интерес: церковный налог ("кирхенштойер"). Этим видом государственного налога в Германии и сейчас облагается каждый, кто получает зарплату. Теоретически можно отказаться от его уплаты, заявив о своей непричастности ни к одной из официальных церквей, но практически мало кто идет на такой шаг. Именно поэтому церковный налог исчисляется огромной суммой, составляя до 10 процентов от всего подоходного налога по стране в целом. Деньги поступают соответственно в казну протестантской и католической церквей. Таким образом, после введения налога незадолго до начала второй мировой войны в казну Ватикана стали поступать из гитлеровской Германии значительные суммы. Поступления продолжались на протяжении всей войны. В 1943 году, например, сумма составила 100 млн. долларов. В Ватикане Ногара употреблял в дело поступления из фашистской Германии с не меньшей для Ватикана прибылью, чем доходы в валюте из прочих стран.

Двадцать седьмого июня 1942 года папа Пий XII решил произвести модернизацию части Ватикана, и опять-таки с помощью Бернардино Ногары. Речь идет об Администрации религиозных дел, переименованной в Институт религиозных дел (ИРД). Это событие не привлекло особого внимания прессы, занятой кардинальными проблемами второй мировой войны. Так почти незаметно появился на свет Ватиканский банк, как вскоре стали его называть за пределами Ватикана. Это был "внебрачный сын Ватикана". Первоначально функцией Администрации, созданной в 1887 году папой Львом XIII, был сбор и распределение средств в целях расширения масштабов деятельности церкви. Ничего общего с банком эта организация в ту пору не имела. При Пии XII функции Института религиозных дел претерпели существенные изменения. Они стали заключаться в "распоряжении денежными средствами как в виде ценных бумаг, так и в виде наличности, имуществом, переданным или доверенным Институту физическими или юридическими лицами для церковных дел и финансирования благотворительных начинаний". Со всех точек зрения эта организация является банком.

Ногара самым тщательным образом изучил основные положения Латеранских соглашений 1929 года. Особое внимание он уделил ст. 29, 30, 31 конкордата, в которых речь шла об условиях освобождения от уплаты налогов и создании так называемых "церковных корпораций", свободных от уплаты

любых налогов и полностью освобожденных от всякого контроля со стороны итальянского государства. Сама формулировка "церковные корпорации" породила целый ряд противоречивых толкований. Однако Муссолини, который в это время был отвлечен другими делами, занял либеральную позицию в отношении Ватикана. 31 декабря 1942 года итальянское министерство финансов обнародовало циркуляр, согласно которому Ватикан освобождался от налогов с дивидендов, выплаченных акциями. Циркуляр был подписан генеральным директором министерства Буонкристиано, что в переводе, кстати, означает "добрый христианин". Циркуляр подробно перечислял те финансовые организации Ватикана, которые впредь освобождались от уплаты налогов. Список был большим и включал Управление имуществом Святого престола и Ватиканский банк.

Человеком, которого Ногара поставил во главе банка, оказался отец, а позже кардинал Альберто ди Жорио. К тому времени он стал незаменимым помощником Ногары, возглавив Управление имуществом, а теперь, не слагая этих обязанностей, получил должность первого секретаря и затем президента Ватиканского банка.

Итак, помимо участия в деятельности многих неватиканских банков, контрольные пакеты акций которых уже приобрел Ногара, он создал еще два чисто ватиканских банка.

Ногаре сопутствовал невероятный успех в деле укрепления финансовой мощи Ватикана. Щупальца быстро растущего финансового спрута тянулись все дальше, опутав чуть ли не весь мир. Завязывались тесные взаимовыгодные отношения с крупнейшими банками, умножались прежние связи. С семейством Ротшильдов, как парижских, так и лондонских, святые отцы установили деловые контакты еще в начале XIX века. Ногара дал им новый импульс: тесные связи вскоре установились у Ватикана с "Креди Суисс", "Хэмброс", "Морган гэранти траст", "Бэнкэрз траст компани оф Нью-Йорк". Через них Ногара действовал на нью-йоркской фондовой бирже. "Чейз Манхэттен бэнк", "Континентл Иллиойс бэнк" тоже не чуждались делового сотрудничества с Ватиканом.

Редкое чутье обнаружил Ногара не только в умении выгодно помещать капитал, но и в выборе скупаемых для Ватикана компаний. Он сумел поставить под контроль самые прибыльные компании в жизненно важных областях экономики: тут были и страховые общества, и производство стали, мучная, макаронная промышленность, станкостроение, цементные заводы, недвижимость. Кстати, если говорить о недвижимости, то,

купив 15 процентов акций гигантского строительного концерна "Сочьета дженерале immobiliare" (СДИ), католическая церковь стала обладателем огромного состояния. Поскольку СДИ принадлежит строительная компания "Соджене", Ватикан становится совладельцем сети известных итальянских гостиниц, приносящих колоссальный доход: "Хилтон" в Риме, "Итало-американа нуови альберги", "Альберги Амброзиани", "Милан", "Компания итальяна альберги кавальери" и общества "Итальяни альберги модерни". Список приобретенных в результате этой же сделки крупных промышленных компаний намного больше.

Во Франции, в самом центре Парижа, был построен вместительный административно-торговый блок на Елисейских полях, 90, а несколько позже еще два таких же — на Рю де Понтье, 61 и на Рю де Берри, 6.

В Канаде благодаря все тому же Ногаре церковь владеет высоченным небоскребом — зданием монреальской фондовой биржи, а также небоскребом Порт-Руаяль, где сдаются внаем сотни квартир, и гигантским жилым массивом в Гринсдейле под Монреалем.

В США, в Вашингтоне, Ватикану принадлежат пять больших жилых кварталов доходных домов и знаменитый отель "Уотергейт" а в Нью-Йорке — обширный жилой массив площадью 227 акров в Ойстер-Бэй. Приобретением Ватикана стал целый город-спутник Мехико-Ломас Вердес. Перечень этот отнюдь не исчерпывающий. Ногара приобрел немало акций таких гигантских монополий, как "Дженерал моторс", "Шелл", "Галф ойл", "Дженерал электрик", "Бетлхэм стил", "Ай-би-эм", "Тайван эйрлайнз".

В 1954 году Ногара, уже в весьма преклонном возрасте, оставил все свои официальные посты. Однако до самой смерти в 1958 году он не переставал следить за работой отлаженного им финансового механизма, оставаясь верным и незаменимым советником и консультантом. Пресса лишь вскользь упомянула о его кончине, не говоря о его истинном значении для Ватикана, так как все годы деятельность Бернардино Ногары хранилась в тайне. А ведь этот человек как нельзя более убедительно доказал, что если царство божие находится не на земле, то финансовая империя римской католической церкви двумя ногами стоит на ней. Кардинал архиепископ Нью-Йорка Спеллман был, пожалуй, единственный, кто воздал должное его деятельности сразу после смерти, сказав: "Величайшим явлением в жизни католической церкви после Иисуса Христа был Бернардино Ногара".

Приняв предложение Пия XII взять управление финансами Ватикана, Ногара получил в свое распоряжение 80 млн. долларов, из которых 30 млн. долларов папа уже запланировал потратить на строительство семинарий и домов для духовенства на юге Италии, на завершение строительных объектов в самом Риме, включая возведение здания библиотеки Ватикана и новой художественной галереи.

За несколько лет Ногара создал гигантскую финансово-промышленную корпорацию. Пуская в оборот медяки верующих, лиры Муссолини, гитлеровские рейхсмарки, он ставил своим преемникам финансовую империю, оценивавшуюся, даже по самым скромным подсчетам, более чем в 2 млрд. долларов, из которых 500 млн. долларов составил капитал, контролируемый специальным управлением, 650 млн. долларов — капитал Управления имуществом Святого престола, более 940 млн. долларов — авуары Ватиканского банка плюс 40 млн. долларов ежегодной прибыли от деятельности самого банка, которыми распоряжался непосредственно папа.

По капиталистическим меркам корпорация Ватикан процветала. Если же посмотреть с точки зрения церковного учения, то это был подлинный скандал, ибо наместник Христа превратился в председателя совета директоров корпорации.

Через четыре года после кончины Ногары Ватикан по-настоящему почувствовал невосполнимость утраты. Его хватка была особенно необходима теперь, когда итальянское правительство вновь подняло вопрос о введении налога на дивиденды, выплаченные акциями. Путь, который избрал Ватикан, чтобы обойти это препятствие, привел в дальнейшем ко многим роковым последствиям, включая обращение к помощи мафии, финансовую катастрофу и соучастие в нескольких убийствах. Все это произошло позже, в 1968 году. Однако решения, приведшие к столь непоправимым шагам, были приняты именно тогда.

Среди самых роковых в истории Ватикана лет 1968 год занимает одно из первых мест. В этот год появилась печально знаменитая энциклика "Жизнь человеческая"; именно в 1968 году крупные авантюристы — Горилла и Акула — прибрали к рукам два крупнейших ватиканских банка. Гориллой звали Пола Марцинкуса, а Акулой — Микеле Синдону. А рассказ о том, как они шли к контролю над ватиканскими финансами, не уступит любому детективу.

Бенджамин Франклин сказал: "В этой жизни нет ничего неизбежного, кроме смерти и налогов". Трудно оспаривать эту истину. Преемники Ногары пренебрегли ее второй частью, види-

мо забыв о неминувости первой.

В декабре 1962 года в Италии был принят закон о налоге в размере 15 процентов на выплаченные акциями дивиденды. Впоследствии, как и следовало ожидать, налог был удвоен.

Первоначально Ватикан никак не выразил недовольства новым законодательством, во всяком случае публично. Однако конфиденциально, по дипломатическим каналам, святые отцы дали понять правительству, что, "следуя духу подписанного в 1929 году конкордата, был бы весьма желателен менее строгий налоговый режим".

Начались переговоры. Секретное письмо государственного секретаря Ватикана кардинала Чиконьяни послу Италии при Ватикане Бартоломео Миньоне проливает свет на то, что подразумевалось под "менее строгим налоговым режимом". А означало это просто полное освобождение ряда финансовых учреждений Ватикана от уплаты упомянутых в законе налогов. Оказались в списке и Управление имуществом Святого престола и Институт религиозных дел.

Святой престол охотно играл на бирже, но правила игры не соблюдал. Христианско-демократическое правительство меньшинства, пользовавшееся поддержкой папы, послушно выполняло его волю, не считаясь с реакцией парламента и общественного мнения. Когда оно пало и к власти пришло правительство Альдо Моро, возглавившего коалицию христианских демократов и социалистов, портфель министра финансов получил социалист Роберто Тремеллони. Разобравшись в сути противозаконного решения, принятого его предшественником, Тремеллони не проявил склонности его поддержать, тем более что оно было принято без одобрения парламентом и, что самое важное, подписано ровно неделю спустя после того, как правительство официально подало в отставку.

Альдо Моро метался в поисках компромисса между грозящим уйти в отставку министром финансов и отнюдь не склонным сдавать позиции Ватиканом. Моро обратился к Ватикану с предложением представить правительству в качестве основания для просьбы об освобождении от налогов полный отчет о своей доли участия в акционерном капитале различных компаний с приложением соответствующего перечня. Не без оснований председатель совета министров полагал, что итальянцы должны знать, на какую сумму в случае удовлетворения просьбы Ватикана сократится государственный бюджет страны. Но именно эти-то подробности и стремился сохранить в тайне Святой престол. Как и следовало ожидать, Ватикан не внял Моро

и громко напомнил о том, что является суверенным государством. Этому "суверенному государству", судя по всему, казалось весьма логичным и допустимым использовать в своих интересах фондовую биржу другого суверенного государства, извлекая при этом немалую для себя выгоду, а вот государство не имело права выяснять степень своего убытка.

Правительства в Италии сменяли друг друга, и пресловутый вопрос о налогах время от времени выносился на обсуждение парламента. В 1964 году Ватикан, на удивление, открыто продемонстрировал, насколько чужд он заповедям Христа и насколько ближе ему заповедь Бернардино Ногары: "Расширяйте свое дело, ибо, чем оно солиднее, тем сложнее правительству осуществлять свой финансовый контроль". Под "делом" в данном случае подразумевалась корпорация Ватикан, а под "правительством" — чиновники, вынужденные мириться с "налоговым раем" в центре итальянской столицы. В июне 1964 года, когда правительство вновь возглавил Альдо Моро, "церковь бедных" пригрозила повергнуть в хаос экономику страны. В ходе переговоров Ватикан заявил итальянскому правительству, что, если в вопросе о налогах их требования не будут удовлетворены, он выбросит на рынок все до единой акции, принадлежащие ему в Италии. Момент для ультиматума был выбран удачно: фондовую биржу лихорадило, курс акций неудержимо падал. Если в такой момент на рынок была бы выброшена еще хотя бы часть ценных бумаг Ватикана, катастрофа была бы неизбежной. И правительство Италии капитулировало. В октябре того же года был готов законопроект, одобрение которого парламентом дало бы незаконному соглашению законную силу. Этот документ, правда, так и не был вынесен на рассмотрение парламента, и главным образом потому, что правительства сменяли друг друга быстрее, чем очередной министр финансов успевал как следует разобраться в унаследованном от предшественника портфеле. Святой престол тем временем в полной мере пользовался налоговыми льготами.

Ватикан не платил налогов с акций начиная с апреля 1963 года. Это стало достоянием прессы. В 1967 году газеты, особенно левые, перешли в наступление. Газетчиков интересовала причина подобной податливости со стороны правительства. Интересовало и то, сколько миллионов лир теряет государственная казна, акции каких итальянских компаний и на какую сумму принадлежат Ватикану. Цифры общей стоимости его акций на фондовой бирже страны варьировались от 160 млн. до 2,4 млрд. долларов.

Дискуссии не утихали, и в марте 1967 года тогдашний министр финансов Луиджи Прети в ответ на запрос сената вынужден был официально сказать о размерах капиталовложений Ватикана в Италии. Из его речи в сенате явствовало, что основные инвестиции от имени Святого престола осуществляли ИРД, специальное управление, а также Управление имуществом Святого престола и конгрегация пропаганды веры. Все они, как выяснилось, активно действовали на фондовой бирже. Общая стоимость ценных бумаг, принадлежавших Ватикану, по словам министра финансов, оценивалась приблизительно в 104,4 млн. долларов. Сумма, безусловно, значительно заниженная. Министр Прети не включил в нее крупные инвестиции Ватикана в государственные ценные бумаги и подлежащие долговые обязательства, по закону не облагаемые налогом. Он говорил лишь об акциях, подлежащих налогообложению. Не упомянул министр и о том немаловажном обстоятельстве, что по правилам итальянской фондовой биржи держатель акций имеет право не получать положенный ему дивиденд ежегодно, а аккумулировать его в течение пяти лет. Поэтому, если к названной сумме приплюсовать еще и эти накопления, конечный результат окажется по крайней мере вдвое больше.

Итак, реальная цифра инвестиций Ватикана в одной лишь Италии и только в ценных бумагах в 1968 году составляла как минимум 202,2 млн. долларов, не говоря об общей стоимости принадлежащей князьям церкви недвижимости, а также об их инвестициях в других странах мира.

Наконец правительство решило воздействовать на Ватикан: римская католическая церковь должна воздать кесарю кесарево. В январе 1968 года очередное переходное правительство, на этот раз возглавляемое Джованни Леоне, заявило, что к концу года Ватикан должен полностью выплатить задолженность.

Ватикан принял обиженный вид, однако согласился платить в рассрочку.

Вся эта история имела крайне отрицательные для Ватикана последствия, ибо простой верующий, ранее не интересовавшийся доходами Ватикана, уяснил, что "церковь бедных" весьма богата и выгодно помещает свои капиталы. К тому же в результате длительной шестилетней склоки между Ватиканом и правительством выяснилось, что многие компании, внешне совершенно независимые, оказались собственностью Святого престола.

Престиж Ватикана пострадал, когда итальянцы сделали для себя открытие, что за постоянный рост платы за телефон, водопровод, электричество и газ они должны благодарить лишь цер-

ковь. Но главное — теперь уже не оставалось сомнений, — что, если Ватикан и впредь собирается делать крупные капиталовложения в экономику Италии, ему придется исправно платить налоги. Такого рода проблема встала перед Павлом VI. Не в силах решить ее сам, он обратился к помощи Гориллы и Акулы.

...Пол Марцинкус родился 15 января 1922 года в США, в Сисеро — городке, где издавна хозяйничала мафия. Ежедневно совершаемые там убийства и преступления считались частью нормальной жизни, рядовыми событиями. Таким же само собой разумеющимся явлением была и коррупция, которой были подвержены все — от мэра города до мелких чиновников. Через год после появления Марцинкуса на свет случилось так, что глава американской мафии Аль Капоне перенес в Сисеро центр своей преступной империи.

Очень скоро жители Сисеро с населением в 60 тыс. человек — в основном эмигранты из Польши, Богемии и Литвы — свыклись с внезапно появившимися на тихих улицах личностями, нарушавшими привычный уклад жизни.

Аль Капоне, разместивший штаб-квартиру на 22-й улице, привез и своих молодчиков: Джейка Гузика по кличке Грязный Палец, Фрэнка Нитти — Насильник, Фрэнки — Миллионщик, Тони — Мопс и т. п.

Именно такой Сисеро и воспитал Пола Казимира Марцинкуса, сына эмигрантов из Литвы. Отец его зарабатывал мытьем окон, мать работала в пекарне. Оба плохо говорили по-английски. Как и большинство бедняков, они считали, что если уж им не улыбнулась жизнь в "рае свободы", то дети должны добиться лучшей участи честным трудом и прилежанием. И действительно, Пол, младший из пяти, не только не обманул их надежд, но поднялся на высоту, о которой не приходилось и мечтать. Его биографию можно было бы озаглавить и так: "О том, как мальчишка из захолустья становится божьим банкиром".

С легкой руки приходского священника мальчик решил избрать церковную карьеру. В 1947 году, когда Аль Капоне умер от сифилиса, Пол был посвящен в духовный сан. Пышные похороны американского бандита номер один, проходившие в Чикаго по католическому обряду, почтил своим присутствием монсензор Уильям Горман. Он заявил репортерам: "Церковь не предаст забвению совершенного зла и не прощает преступления. Мое присутствие здесь является данью его раскаянию и признанием того, что он умер, приняв последнее причастие".

Марцинкус отправился в Рим, где поступил в католический Грегорианский университет — тот самый, где Лучани полу-

чил степень доктора теологии. Марцинкус был удачлив и по окончании университета стал доктором канонического права. В Чикаго он получил место приходского священника, а вскоре стал членом епархиального церковного суда. Архиепископ Чикаго кардинал Сэмюэл Стритч был первым из представителей церковной элиты, на которого молодой священник произвел впечатление. По рекомендации кардинала Пол Марцинкус был переведен в 1952 году в англоязычную секцию ватиканского государственного секретариата. В течение семи последующих лет он прикомандировывался к папским нунциям в Боливии и Канаде. Затем вновь вернулся в Рим, в государственный секретариат. Свободно владевшего испанским и итальянским языками Марцинкуса нередко использовали в качестве переводчика.

В 1963 году в разговоре с папой Павлом VI архиепископ Нью-Йорка кардинал Фрэнсис Spellman заметил, что Марцинкус во многих отношениях просто находка. Папа прислушивался к советам главы богатейшей в мире католической епархии, за которым закрепилось прозвище Кардинал Золотой сундук. Папа решил присмотреться к Марцинкусу внимательнее.

С тех пор фортуна Марцинкусу благоволила. Однажды в 1964 году, когда папа отправился с визитом в один из бедных районов Рима, толпа, охваченная религиозным экстазом, чуть не смяла заместителя Христа. Эпизод грозил окончиться трагично, если бы не внезапное появление Марцинкуса. Усердно работая локтями, он буквально собственным телом прокладывал путь сильно перепуганному папе сквозь обезумевшую толпу. На следующий день папа выразил ему личную благодарность. С этого дня Марцинкус превратился в неофициального папского телохранителя в сутане. Именно тогда его прозвали Гориллой.

В декабре того же года он сопровождает папу в Индию. На следующий год — в Соединенные Штаты, на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Теперь, однако, Марцинкус не просто телохранитель, он — советник папы по вопросам безопасности. Какая карьера: личный телохранитель, личный переводчик, личный советник папы! Мальчишка из Сисеро далеко пошел. К этому времени Марцинкус тесно подружился с личным секретарем папы, всемогущим отцом Паскуале Макки. Тот был ключевой фигурой в папском окружении, которое в Римской курии окрестили "миланской мафией". Архиепископ Милана кардинал Монтини, став в 1963 году папой Павлом VI, привез с собой в Рим целый поезд приближенных: советников, финансистов, верных представителей из числа миланского духовенства.

Не последним среди них был Макки. Общеизвестно, что все дороги ведут в Рим. Можно лишь добавить, что многие из них проходили через Милан.

Папа Павел VI — и это отмечали многие наблюдатели — был крайне подвержен влиянию своих миланских приближенных. Их реальная власть заметно превышала те полномочия, которыми они обладали в соответствии с занимаемыми постами в церковной иерархии. Это непосредственно касалось и Макки. Он не отходил от папы, когда видел, что тот чем-либо огорчен. Он не только советовал первосвященнику, что делать в том или ином случае, он подсказывал, когда ему пора отправляться на покой, кому лучше доверить тот или иной пост, а кого понизить, переводя в бедную епархию. Уложив спать столь послушного подопечного, он, по обыкновению, ужинал в роскошном ресторане на пiazца Грегоро Сеттимо в обществе куда более уравновешенного Марцинкуса.

Макки сыграл не последнюю роль в том, что совместные поездки "Папы-пилигрима" в 1967 году в Португалию и Турцию окончательно сцементировали его дружбу с Марцинкусом. В том же году папа Павел VI создал своеобразное министерство под названием "Префектура по экономическим делам Святого престола". По идее папы, эта служба должна была составлять ежегодный отчет о финансовом положении Ватикана в целом и об изменениях финансового характера в деятельности соответствующих ватиканских органов.

Однако с самого начала эта префектура имела два серьезных недостатка. Во-первых, следуя указаниям самого папы, Ватиканский банк исключался из его компетенции, и, во-вторых, сразу же в полной мере дала себя знать патологическая склонность Ватикана к интригам и скрытности. Созданная усилиями трех кардиналов Префектура по экономическим делам была вверена попечению четвертого — Эджидио Ваньоцци. К концу первого года деятельности новое учреждение должно было представить полный отчет о состоянии финансов Святого престола. На деле, приступив к выполнению папской воли, Ваньоцци с первого же дня натолкнулся на маниакальное стремление ватиканских органов скрыть реальное положение дел. Конгрегация пропаганды веры, Управление имуществом Святого престола, да и все остальные учреждения не назвали ни одной цифры. Устав с ними бороться, Ваньоцци как-то сказал: "Даже объединенными усилиями ЦРУ и Интерпола у них не выудишь ни слова о том, какими суммами они располагают и где хранят эти деньги".

В Ватиканский банк в помощь его главе — 84-летнему кардиналу Альберто ди Жорио, в прошлом коллеге Бернардино Ногары, — папа назначил Пола Марцинкуса, посвятив его в сан епископа. На следующее утро после аудиенции у папы Марцинкус приступил к своим новым обязанностям секретаря Ватиканского банка. На деле он стал его главой. Назначение было в кармане, но, как отметил сам Марцинкус, опыта финансиста у него не было. И тем не менее вновь назначенный и несведущий в финансах банкир сосредоточил отныне в своих руках больше реальной власти в Ватикане, чем любой из его соотечественников.

Одним из тех, кто содействовал взлету Марцинкуса, был Джованни Бенелли. Именно он убедил папу Павла VI в том, что предприимчивый верзила-американец с неизменной сигарой в зубах был бы ценным приобретением для Ватиканского банка. Не прошло и двух лет, как Бенелли понял свой просчет и схватился за голову, понимая, что последствия такой ошибки будут роковыми. Но было уже поздно. Ловкий американец сумел быстро стать для папы более незаменимым, чем сам бывший папский любимчик Бенелли. Все поставила на свои места решающая схватка за власть между ними в 1977 году, когда Бенелли был изгнан из Ватикана.

Выдвижение Марцинкуса явилось одним из проявлений тщательно спланированной смены курса Ватикана. Дело в том, что папскую власть уже одинаково не устраивала и необходимость отчисления колоссальных налогов с акционерного капитала, и привлекавшие внимание капиталовложения в бесчисленные итальянские компании, в том числе производящие противозачаточные пилюли, по поводу которых Павел VI метал громы и молнии. Папа и его финансовые советники сочли, что Ватикану следует изъять основную часть своего капитала из экономики Италии и разместить ее в других странах, и прежде всего в США. Не следовало упускать как заморских барышей, так и наживы в прибыльном мире евродоллара.

Марцинкуса рассматривали как наиболее подходящий инструмент для осуществления новой финансовой стратегии. В пару с ним папа решил поставить Микеле Синдону по прозвищу Акула. Эту кандидатуру подсказала "миланская мафия". О Синдоне неверно было бы говорить, что он креатура мафии, он сам был воплощением мафии. Кроме того, он не был урожденным миланцем: туда он перебрался, чтобы сделать карьеру. На свет он появился в деревне Питти, недалеко от Мессины, на острове Сицилия.

Как и Альбино Лучани, Синдона происходил из бедной семьи. Нищее, как и у Лучани, детство сказалось на формировании его личности, только в противоположном духе. Если у Лучани голодные годы детства породили стремление облегчить участь других, то Синдона сызмала решил "избавлять других от бремени богатства".

Он родился 8 мая 1920 года. Воспитывался иезуитами. Еще в школе обнаружил склонность к математике и экономическим наукам. С отличием закончив правовой факультет Мессинского университета в 1942 году, он умудрился избежать мобилизации в армию Муссолини с помощью родственника своей невесты, монсеньора Амлето Тондини, служившего в государственном секретариате Ватикана.

В течение трех последних лет войны Синдона, отложив в сторону диплом юриста, занялся тем, что впоследствии сделало его знаменитым: скупал и продавал. Он покупал продукты на черном рынке в Палермо и переправлял их с помощью местной мафии в Мессину, где, пользуясь послевоенной разрухой, продавал товар втридорога голодающему населению.

После свержения Муссолини и высадки в Италии союзных войск Синдона решил, что кое-чем можно разжиться и у американцев. И вновь не ошибся. Дело его ширилось. Укреплялись связи с мафией. В 1946 году он покинул Мессину, увозя с собой в Милан молодую жену Рину, прекрасное знание механизма спроса и предложения и, что еще важнее, рекомендательные письма архиепископа Мессины, дружбы которого Синдона долго добивался.

Приехав в Милан, он поселился в его пригороде и стал работать в фирме, специализировавшейся на консультациях по правовым и хозяйственным вопросам бизнеса. Его обязанности заключались прежде всего в консультировании клиентов по поводу того, как лучше поместить капитал в обход запутанного налогового законодательства Италии, куда по окончании войны устремился американский капитал. На друзей из мафии произвели впечатление успехи Синдоны на новом поприще, ибо он действительно проявлял удивительную находчивость одаренного и честлюбивого человека. Однако в глазах мафии куда выше ценилось другое достоинство. Синдона был неразборчив в средствах, беспринципен, жесток и склонен к коррупции, иными словами, был для них "своим". Синдона свято чтит традиции мафии и понимает значение важнейшей из них — круговой поруки. Ведь он был сицилийцем.

Особенно оценил Синдону известный клан мафии во главе

с семейством Гамбино за его умение с необычайной ловкостью и максимальной выгодой помещать доллары, избавляя от необходимости платить налоги. Финансовые интересы семьи Гамбино охватывали чуть ли не весь мир. Центрами же ее власти и влияния были Нью-Йорк и Палермо. Дела в Нью-Йорке вели сами Гамбино, а бизнес в Палермо контролировали их ближайшие родственники на Сицилии — Инцерилло. 2 ноября 1957 года состоялась встреча этого клана мафии в Палермо, в фешенебельном "Гранд-отель де Пальм". Был там и Микеле Синдона.

Синдоне было сделано деловое предложение, на которое он с энтузиазмом откликнулся. Ему предложили заняться делами семейства по реинвестиции огромных прибылей от торговли героином. Эти незаконные доходы должен был "отбеливать" Синдона, знавший все лазейки в законах. Выбор оказался весьма удачным. Синдона к тому времени уже располагал репутацией кудесника, которому не составляет труда организовать ввоз в Италию и вывоз из нее колоссальных денежных сумм, не возбудив при этом недовольства налоговых властей. Немалую роль играло и то обстоятельство, что ко времени проведения совещания мафии "на высшем уровне" он состоял в советах директоров уже нескольких компаний. При этом нередко, отказываясь от платы за свои услуги, он просил своих клиентов выделять ему часть акций принадлежащих им компаний. Использовал он и такой метод, как манипуляции с компаниями, стоящими на грани банкротства. Он их разукрупнял, распродавал по частям, затем вновь объединял и перетасовывал, путая следы, и наконец, вывернув наизнанку, продавал с большой выгодой для себя.

Через полтора года после знаменательной встречи ведущих представителей "Коза ностра" в Палермо Синдона купил с их же помощью свой первый банк. К тому времени он твердо усвоил "золотое правило": лучший способ ограбить банк — это его купить.

В Лихтенштейне Синдона создал холдинговую компанию "Фаско АГ". Вскоре он приобрел миланский "Банка привата финансиариа" (БПФ). Основанный в 1930 году одним из фашистских идеологов, БПФ представлял собой небольшое, сугубо приватное финансовое заведение, служившее для незаконного экспорта капитала из Италии в интересах узкого круга избранных клиентов, готовых щедро оплачивать такие услуги. Фашистское прошлое прежнего владельца банка покорило сердце Синдоны, не снисходившего до того, чтобы сражаться за Муссолини, но настоящего фашиста по своим взглядам и убеж-

дениям. Со всех точек зрения банк оказался для него находкой.

В том же 1959 году, вскоре после покупки банка, он совершил и еще одну весьма выгодную сделку. Архиепископ Милана кардинал Монтини начал кампанию по сбору средств для постройки дома для престарелых. Синдона широким жестом внес всю необходимую сумму: 2,4 млн. долларов. Поэтому, когда будущий папа Павел VI, кардинал Джованни Батиста Монтини, торжественно открывал "Каза делла мадоннина", по правую руку от него стоял Синдона. Кардинал проникся к бизнесмену самыми дружескими чувствами, а со временем сделал его личным советником в вопросах, далеко выходящих за рамки сугубо финансовых интересов епархии.

Кардинал Монтини, возможно, пребывал в полном неведении относительно того, что эти 2,4 млн. долларов его новый друг получил в основном из двух источников: из рук мафии и ЦРУ. Позднее бывший агент ЦРУ Виктор Маркетти заявит: "На протяжении 50-х и 60-х годов ЦРУ широко финансировало многие начинания католической церкви, включая постройку приютов и открытие новых благотворительных учреждений. Крупные денежные суммы передавались большому количеству епископов. Один из них — кардинал Монтини. Но не берусь с уверенностью утверждать, что Монтини знал об этом. У него могло возникнуть впечатление что деньги поступали от друзей".

Эти "дружья" в стремлении любой ценой приостановить движение левых сил, и особенно коммунистов, к власти не только совершали денежные "инъекции" в экономику страны, но и с готовностью поощряли мошенников крупного масштаба, таких, как Синдона. Их вполне устраивало, что его аферы были сомнительными, что — и это главное — он уголовник из числа правых.

Акула чувствовал себя и впрямь как рыба в воде. Миланцы, не ставящие ни в грош даже римлян, не говоря уж о сицилийцах, поначалу просто игнорировали немногословного и вежливого южанина. Однако мало-помалу общественное мнение в кругах денежных тузов — а Милан считается финансовой столицей страны — признало Синдону одним из самых высокопрофессиональных консультантов по налоговым вопросам. С удивлением наблюдая, как легко и прибыльно покупает он одну за другой компании, они сначала объясняли это обычным везением новичка. А к тому времени, когда узнали, что он стал владельцем банка и доверенным лицом человека, которого прочили в папы, было уже поздно бороться с таким конкурентом. Его натиск был поистине ошеломляющим. Через свою

компанию "Фаско" он купил "Банка ди Мессина", что привело в восторг мафиози Гамбино и Инцерилло: в их распоряжение предоставлен банк на родине Синдоны.

Синдона настойчиво налаживал самые тесные контакты с Массимо Спада, одним из доверенных лиц Ватикана, занимавшим пост административного секретаря Ватиканского банка и члена совета директоров 24 других банков и компаний, в том числе "Банка каттолика дель Венето". Сошелся он и с Луиджи Меннини, еще одним из руководителей Ватиканского банка, и с отцом Макки, личным секретарем самого Монтини. "Банка привата" процветал. В марте 1965 года Синдона продал 22 процента его акций лондонскому "Хэмброз бэнк", который, основываясь на многолетнем сотрудничестве с Ватиканом, считал административные способности Синдоны и стиль его руководства выше всяких похвал. Того же мнения придерживались семейства Гамбино и Инцерилло, а также "Континентл Иллинойс", тоже купивший 22 процента акций банка Синдоны. Надо отметить, что "Континентл Иллинойс" в тот период являлся основным проводником всех инвестиций Ватикана в США. Синдона был связан с Ватиканом множеством различных нитей, в частности стал близким другом монсеньора Серджо Герри, возглавившего детище Ногары — чрезвычайную канцелярию Управления имуществом Святого престола.

В 1964 году Синдона приобрел еще один банк, на этот раз в Швейцарии, — "Финанбанк", контролировавшийся в большой степени Ватиканом. Этот банк так же, как и первый банк Синдоны БПФ, занимался в основном нелегальным экспортом капиталов из Италии за границу. Синдона купил контрольный пакет акций банка, но у Ватикана все же оставалось 29 процентов акций. Лондонский "Хэмброз бэнк" и чикагский "Континентл Иллинойс" также были крупными держателями акций "Финанбанк".

Тот факт, что такие известные финансовые учреждения, как корпорация Ватикан, "Хэмброз бэнк" и "Континентл Иллинойс", пошли на самый тесный деловой контакт с ним, с Синдоной, казалось бы, свидетельствует о том, что он вел дела своих банков самым лучшим образом. Действительно ли это было так?

Карло Бордони, основываясь на неоспоримом фактическом материале, убедился в обратном. Впервые Бордони познакомился с Синдоной в ноябре 1964 года в "студия Синдона" на виа Турати, 29, в Милане. До этого Бордони в течение некоторого времени работал управляющим миланского отделения "Ферст

нэшил сити бэнк оф Нью-Йорк”, а незадолго до их знакомства был выгнан за самовольное превышение лимитов, касающихся сделок в иностранной валюте. Вот уж за что Синдона никогда не упрекнул бы своего служащего! Он тут же предложил Бордони руководство всеми сделками БПФ в иностранной валюте. Тот, узнав, что банковский вклад едва превышает 15 млн. долларов, презрительно отказался. Ему, привыкшему к колоссальному обороту ” Сити бэнк”, исчислявшемуся миллиардами долларов, это заведение показалось мелочной лавочкой, тем более БПФ, не являясь тогда еще банком-агентом, даже не имел права на операции в иностранной валюте. Да и в международных финансовых кругах он был совершенно не известен, то есть, по выражению Бордони, ”не имел ни малейших шансов войти в престижный клуб международных банков”.

Бордони предложил иной ход, а именно создание новой посреднической компании. Как он полагал, учитывая его широкие связи, а также профессионализм, высокие комиссионные будут обеспечены. И поскольку, убеждал Бордони Синдону, речь идет уже о банковской ”группе Синдоны”, пусть пока и малоизвестной, новая сфера деятельности придаст блеск его имени, что в свою очередь будет гарантировать кредиты в иностранной валюте и для БПФ, и ”Финанбанк”.

Как позднее указывал Бордони в своих показаниях под присягой, свидетельствуя против своего бывшего хозяина в миланском суде, эта идея с самого начала пришла Синдоне по душе, и он немедленно решил приступить к ее реализации. Как не понять восторг Синдоны! Компания, не без смысла названная ”Манирекс”¹, начала свою деятельность 5 февраля 1965 года. Действуя поначалу крайне аккуратно, она оказалась весьма прибыльной. В 1967 году ее оборот составлял 40 млрд. долларов в год с суммой чистой прибыли свыше 2 млн. долларов. Прибыль, правда, испарялась в результате виртуозных деяний Синдоны еще до того, как налоговые чиновники успевали что-то подумать. Вскоре ему ”честно” полученных доходов стало недоставать, и он приказал Бордони обеспечить максимальный приток иностранной валюты в оба его банка. Бордони указал на целый ряд серьезных препятствий, делающих выполнение задачи нереальной. Здесь Акула показала свои челюсти, и оторопелый Бордони выслушал напоминания о ”силе убеждения” и ”неограниченной власти” своего нового хозяина, которые

¹”Манирекс” — англо-латинское словосочетание, означающее ”денежный король”.

он может продемонстрировать. Надо отдать Бордони должное. Он нашел в себе силы заявить в ответ, что именно в них и таится корень зла. Он сказал: "Ваша "сила убеждения" называется мафией, а ваша "власть" — это масоны. Имейте в виду, что я не стану рисковать безупречным именем в финансовых кругах и успешным стартом "Манирекс" лишь потому, что меня толкает к этому мафия!"

Очевидно, расчетливость Бордони все же взяла верх над его смелостью. В конце концов он согласился взять на себя руководство валютно-финансовой деятельностью БПФ и "Финанбанк". При этом то, с чем он столкнулся, не оставляло сомнений относительно незаконного характера финансовых приемов как Ватикана, "Хэмброс бэнк" и "Континентл Иллинойс", так и в первую очередь самого Синдоны.

Многие из своих "открытий" Бордони высказал 12 лет спустя в письменных показаниях под присягой, которые он давал в тюремной больнице в Каракасе (Венесуэла) представителям миланской прокуратуры. Он, в частности, говорил: "Придя в БПФ летом 1966 года, я был искренне поражен хаосом, царящим в делах банка. БПФ представлял собой тогда маленький банк, сводивший концы с концами лишь благодаря беззастенчивым нарушениям закона, которые умело маскировались, а также благодаря множеству подпольных операций, которые БПФ осуществлял по поручению таких крупных национальных банков, как "Кредито итальяно", "Банка коммерчiale итальяна", и других. Незаконные валютные сделки, нелегальный массовый экспорт капитала осуществлялись ежедневно и исчислялись гигантскими суммами, причем с использованием самых грязных методов".

Бордони обнаружил массу счетов с превышенными остатками без твердого обеспечения на суммы, значительно превышающие допускаемый законом лимит в одну пятую капитала и резервы банка. Бордони вскоре обнаружил также свидетельства прямого жульничества. Служащие банка снимали со счетов вкладчиков большие суммы денег без их ведома и переводили затем на специальные счета, принадлежавшие Ватиканскому банку, а тот после этого переводил деньги за вычетом 15 процентов комиссионных на личный счет Синдоны в "Финанбанк" в Женеву. Его счет там имел кодовое название "МАНИ": "Ма" — Марко, "Ни" — Нино, имена сыновей Синдоны. Те 15 процентов, что получал Ватикан в качестве комиссионных за посредничество в махинациях, составляли колоссальные суммы в зависимости от курса на черном валютном рынке.

В случае если кто-либо из клиентов жаловался, что выписанный им чек по непонятным причинам возвращался банком с пометкой, что средств на счете было меньше против суммы чека, или же недоумевал, что общая сумма на счете была меньше предполагаемой, ему сухо предлагали отказаться от услуг данного банка и выбрать другой. Если же клиент не отступал, появлялся управляющий с сияющей обаятельной улыбкой, вышепывая доверительным тоном стандартное извинение: "Произошла недопустимая ошибка. Вы должны нас извинить: эти суперумные компьютеры — сущее наказание!"

Присмотревшись к деятельности женеvского "Финанбанк", Бордони быстро понял, что и там отработан тот же метод. Административный директор, некто Марио Оливеро, вообще ничего не смыслил в банковском деле, что позволило главному управляющему банка беспрепятственно спекулировать на валютном, товарном и фондовом рынках. Если он проигрывал, то проигрыш списывался на счет клиентов, если выигрывал — брал себе. Игра показалась занимательной и начальникам отделов банка.

Участвовал в подобных махинациях и Ватиканский банк. Институт религиозных дел имел там несколько счетов, "внимательно изучив которые, — сказал Бордони, — я убедился, что Ватикан занимается фантастическими спекуляциями, оборачивающимися гигантскими убытками". Эти убытки, как и все другие, покрывались за счет нефтяной компании "Либерфинко" ("Либерийской финансовой компании"). В тот момент, о котором говорит Бордони, ее убытки исчислялись в 30 млн. долларов, а в 1973 году, когда деятельностью банка вплотную занялась швейцарская банковская инспекция, дефицит баланса этой фиктивной компании вырос до 45 млн. долларов. Швейцарские власти заявили, что если в течение 48 часов компания "Либерфинко" не прекратит своего существования, то "Финанбанк" будет объявлен банкротом. Тут на сцену выступил еще один из людей Синдоны, Джан Луиджи Клеричи ди Кавенаго. Он в тот же день открыл встречный счет на 45 млн. долларов, не внося ни лиры наличными. "Либерфинко" прекратила существование, но одновременно возникла новая компания под названием "Аран инвестмент оф Панама" с дефицитом ровно в 45 млн. долларов.

Обратившись к Бордони с просьбой разобраться в делах "Финанбанк", Синдона, как бы между прочим, заметил, что "дела там идут не совсем гладко". Сказано слишком мягко.

Тщательно во всем разобравшись, Бордони доложил хозяину без утайки, насколько "негладко" шли дела в действи-

тельности. Реакция оказалась несколько неожиданной. Вместо благодарности он услышал поток раздраженной брани, после чего Синдона буквально вышвырнул его на улицу. Дела же в обоих банках шли, как и прежде. Бордони, поняв, чем все может кончиться, попытался умыть руки, но с Синдоной это было не так-то просто. Он прибегнул к своей излюбленной тактике шантажа, что оказалось делом несложным, ибо Бордони уже успел неоднократно нарушить закон при крупных махинациях с иностранной валютой. Синдона пригрозил, что поставит в известность президента Банка Италии. Бордони ничего не оставалось, как держать язык за зубами.

С таким человеком, как Синдона, Бордони приходилось держаться осторожно. Он не мог забыть, что однажды в ярости выкрикнул ему босс: "Вы никогда не станете настоящим банкиром, потому что не только не умеете лгать, но и позволяете себе иметь принципы. И, судя по всему, никогда не научитесь пользоваться оружием шантажа, единственным, которое бьет без промаха!"

Возможно, Бордони несколько вырос бы в глазах хозяина, если бы он узнал, что его управляющий потихоньку стал переводить весьма значительные суммы на свой секретный счет в Швейцарию, "облегчив" долю Синдоны на 45 млн. долларов. Синдона мог бы успокоить собственное честолюбие тем, что все это не шло ни в какое сравнение с его собственными махинациями. И это не удивительно, ибо за плечами Синдоны была школа мафии.

Среди мастеров шантажа Синдона может считаться поистине суперспециалистом, прошедшим выучку у Личо Джелли, человека, сумевшего возвести низкое ремесло в искусство преступления. Бордони, бросивший в лицо Синдоне обвинение в связях с мафией и масонами, рисковал куда больше, чем могло ему привидеться даже в кошмарном сне. Следовало иметь в виду, что Синдона принадлежал к ложе, которая не имела ничего общего с "каменщиками", строившими храм царя Соломона, или к ложе, во главе которой стоял национальный герой Италии Гарибальди. Ложа, членом которой был Синдона, называлась "Пропаганда дуз". Ее великим магистром был Личо Джелли.

Джелли родился в центре Италии, в Пистойе, 21 апреля 1919 года. Его образование завершилось в тот день, когда юного нарушителя спокойствия с позором выгнали из средней школы задолго до ее окончания. Кстати, со школьными годами связана еще одна история, дающая представление о его многообразных задатках. В его классе один ученик отличался завид-

ной физической силой. Некоторые им восхищались, остальные просто боялись. Однажды Джелли украл у него сверток с завтраком, который дети обычно брали с собой в школу. Дождавшись, когда разъяренный верзила-переросток стал метаться по классу в поисках исчезнувших бутербродов, шепнул ему на ухо: "Я знаю, кто стащил твой завтрак, но лучше умру, чем предам парня. Одно могу тебе сказать — ищи под третьей партой". С того дня простодушный силач стал послушным телохранителем Джелли, который тем самым прошел первую стажировку в искусстве манипуляции человеческими чувствами. Его политические убеждения вполне сложились уже к 17 годам. Их основой была лютая ненависть к коммунизму. Джелли и его брат не задумываясь вступили в батальон итальянских чернорубашечников, сражавшихся в Испании на стороне Франко против коммунистов. Охотно и с удовольствием вспоминая впоследствии этот период своей жизни, Джелли добавит: "Я один вернулся живым".

Вскоре после начала второй мировой войны Джелли оказался в Албании, где получил звание обер-лейтенанта СС. Вернувшись в Италию, он продолжал служить нацистам в качестве "офицера связи", под чем подразумевалось отслеживание партизан и выдача их гитлеровцам. Именно в это время он заложил фундамент своего состояния, воспользовавшись тем, что в городок Каттаро, где он служил во время войны, фашисты свезли и спрятали золотой запас Югославии. Немалая часть югославского золота никогда не вернулась в государственную казну страны, оказавшись в руках Джелли. Сообразив, что падение фашизма неизбежно, он попытался найти партизан, среди них коммунисты составляли большинство. Джелли отработал беспроигрышный вариант: обнаружив партизанскую явку, он докладывал о ней своему эсэсовскому начальству, после чего спешил предупредить партизан о готовящейся облаве.

И так Джелли действовал до конца войны. Он был одним из последних фашистов, сдавшихся на севере Италии, неподалеку от Беллуно, где молодой священник Альбино Лучани скрывал партизан.

Комиссия по расследованию преступлений фашистов, заседавшая во Флоренции, сняла с Джелли обвинения в коллаборационизме "за недостатком улик".

Будучи оправдан, Джелли, не теряя времени, занялся организацией пресловутой "крысиной тропы" из Европы в Южную Америку для нелегального бегства недобитых фашистов. Нечего и говорить, что делал это Джелли отнюдь не бескорыст-

но: за свои услуги он установил таксу в размере 40 процентов личного состояния каждого из тех, кого он выводил на "крысиную тропу". Другим важным звеном в цепи подпольного "экспорта нацистов" стал католический священник из Хорватии отец Круёслав Драгонович. Среди тех, кому Джелли и Драгонович помогли избежать возмездия, был, в частности, палач Лиона Клаус Барбье. Издержки по вывозу этого преступника взяли на себя США, точнее, американская контрразведка, на службе которой находился Барбье.

После войны Джелли активно работал на Ватикан и ЦРУ, а с 1956 года — на итальянские секретные службы. В качестве платы за услуги было уничтожено секретное досье, избличавшее Джелли как офицера СС во время войны. Это произошло в 1956 году, а двумя годами раньше он сам воспользовался им же проложенной "крысиной тропой", отбыв в Аргентину, где вошел в тесный контакт с крайне правыми элементами. Вскоре он стал ближайшим другом и доверенным лицом генерала Хуана Перона. Одним из немногих случаев, когда заступничество Джелли перед официальным Ватиканом оказалось безуспешным, было отлучение Перона от церкви. Широкая антиклерикальная кампания, развернутая генералом Пероном, сыграла решающую роль. Утверждения Джелли, что генерал — просто неверно понятый гений, воздействия не возымели.

После свержения Перона в 1956 году Личо Джелли отнюдь не растерялся. Он решил, не теряя времени, налаживать контакты с пришедшей к власти военной хунтой. Постепенно он пустил корни во всей Южной Америке. Его внимания неизменно удостоивались те, в чьих руках оказывались власть и деньги, или по крайней мере те, кто обладал надежной перспективой приобрести либо то, либо другое. Он готов был угодить каждому, кто хорошо заплатит. По-прежнему Джелли продавал информацию: на этот раз ЦРУ и итальянской военной разведке.

В те годы, когда Синдона пробирался сквозь финансовые джунгли послевоенного Милана, Джелли неуклонно двигался по сложному лабиринту, ведущему к политической власти в Южной Америке. Опираясь на генералов, адмиралов, политиков и ответственных чиновников, и Джелли, и Синдона рвались каждый к своей цели. Синдона — к деньгам, полагая, что они и есть основной рычаг, который поможет ему хозяйничать в этом мире, Джелли — к разного рода "ценной" информации, и прежде всего секретной, в которой он видел источник подлинной власти над людьми: над теми, в чьих руках деньги, над теми, у кого политическое могущество. Сеть, сплетенная Джелли, опутывала Арген-

тину, Парагвай, Бразилию и дальше — Боливию, Колумбию, Венесуэлу и Никарагуа. Он получил аргентинское гражданство, став таким образом лицом с двойным гражданством — итальянским и аргентинским, а в 1972 году был назначен советником Аргентины по экономическим вопросам в Италии, имея задание организовать массовые закупки оружия для военного режима, включая смертоносное ракетное оружие. Этой должности предшествовали несколько более скромных. В частности, в свое время в Италии он был управляющим в фирме "Пермафлекс", известной своими мягкими матрасами, а позже в Тоскане занимал ту же должность в компании "Ремингтон рэнд". Среди членов совета директоров компании в то же время числился и Микеле Синдона.

Безошибочное чутье подсказало Джелли, каким удобным инструментом в борьбе за власть и влияние может быть масонское движение. Но, по иронии судьбы, именно его кумир Муссолини объявил масонов в Италии вне закона, видя угрозу своему режиму в том, что "братство каменщиков" действительно превращалось в "государство в государстве". Не менее любопытен и тот факт, что именно демократическое правительство страны, к которому с таким презрением относился Джелли, вернуло ложам право на существование, хотя новая конституция страны подтвердила прежнее положение, объявляя создание тайных организаций уголовным преступлением. Компромисс достигался тем, что возрожденные масонские ложи были обязаны представлять властям полный список своих членов.

Джелли вступил в одну из таких лож в ноябре 1963 года. С невероятной быстротой он поднялся до такой ступени в иерархии, которая позволяла ему в дальнейшем претендовать на избрание "Великим магистром". Возглавлявший ложу Джордано Гамберини поручил Джелли в самые короткие сроки сколотить тесный кружок друзей ложи из числа наиболее богатых и влиятельных лиц, с тем чтобы, приняв некоторых впоследствии в "масонское братство", заставить всех без исключения содействовать росту богатства и влияния ложи. В такого рода делах Джелли был незаменим. Он отдавался им с неподдельной страстью. План, сложившийся вскоре в его голове, оказался на деле планом создания нелегальной тайной организации, получившей название "П-2". "П" означает "Пропаганда" — так называлась известная в XIX веке масонская ложа.

Начал Джелли с того, что привлек в ряды "П-2" отставных, некогда высокопоставленных военных, что явилось кратчайшим путем к тем, кто занимал самые ответственные посты в армии.

По его замыслам сеть, сплетенная при помощи законов "масонского братства", должна была опутать всю господствующую олигархию страны. Нечего и говорить, что абстрактные идеалы и цели масонства его не интересовали. Но для оболванивания вновь обращенных широко применялась высокопарная риторика с использованием таинственных символов и атрибутов. Истинная цель Джелли была совсем иной: он мечтал о полном контроле ультраправых сил над Италией. Такой контроль, по его мнению, должен был осуществляться с помощью тайного, но располагающего истинной властью "невидимого правительства". Особых препятствий этому он не видел, кроме, разве того, что в результате демократических выборов к власти придут коммунисты. Но и на этот случай он тоже все продумал: тогда нужно будет устроить правый переворот, а страны Запада, без сомнения, окажут содействие, тем более Соединенные Штаты, которые с момента создания ложи "П-2" способствовали ее процветанию. Оказывать ей необходимую помощь было поручено резидентуре ЦРУ в Италии.

Членами итальянского отделения "П-2" (а отделения ложи, и весьма могущественные, существуют во многих странах) были такие деятели, как командующий вооруженными силами Италии Джованни Торизи, генералы Джузеппе Сантовито и Джулио Грассини, возглавлявшие секретные спецслужбы страны, шеф итальянской финансовой полиции Орацио Джаннини, члены правительства, видные политические деятели (исключая коммунистов), а также еще 30 генералов, 8 адмиралов, издатели и редакторы крупнейших газет, высшие судебные чиновники, видные промышленники и банкиры, среди которых Роберто Кальви и Микеле Синдона.

Список членов "П-2" держался в глубоком секрете не только от правительства, но и от самих "братьев-масонов". Все имена знал лишь Джелли.

Джелли выискивал все новые пути усиления своей организации. Основным правилом приема в нее оставалась практика личных контактов и рекомендаций со стороны испытанных членов ложи. Другие способы были куда менее этичны, и среди них предпочтение отдавалось грубому шантажу.

Каждый новый кандидат, вступая в члены "П-2", в качестве доказательства своей лояльности и полного доверия "братьям-каменщикам" должен был представить в распоряжение Джелли документы и свидетельства, компрометирующие не только самого вступающего в ложу, но и многих из тех, с кем он был связан ранее и кто представлял интерес в перспективе. Как пра-

вило, жертвам шантажа не оставалось ничего иного, как вступить в конце концов в ложу под угрозой разглашения сведений, которые могли иметь роковые последствия для репутации и дальнейшей карьеры. Именно так поступили, например, с президентом государственной нефтяной компании ЭНИ Джорджо Маццанти.

Под угрозой публикации материалов, уличающих его во взяточничестве в период дебатов вокруг подписания крупного контракта на нефть с Саудовской Аравией, Маццанти сдался и согласился вступить в ложу "П-2", представив Джелли при вступлении еще более компрометирующие факты на самого себя.

Существовал и другой, вполне соответствующий духу Джелли способ заполучить в члены ложи перспективного "брата". Через своих людей, которых уже было немало среди тех, кто имел доступ к нужной информации, Джелли выяснял имена трех наиболее вероятных кандидатов на тот или иной ответственный пост. Он тут же обзванивал всех трех, каждому доверительно сообщая, что уже предпринял необходимые шаги, с тем чтобы именно он получил желаемое назначение. Так "П-2" приобретала еще одного влиятельного члена.

Основной задачей ложи "П-2" является создание мощного заслона против любой возможности прихода к власти правительства коммунистов в Италии. Как уже отмечалось, ложа имеет множество отделений по всему свету, и прежде всего в Латинской Америке — в Аргентине, Венесуэле, Парагвае, Боливии, Никарагуа, а также в Европе — во Франции, Швейцарии и Португалии. Необычайно активны ее отделения в США. "П-2" тесно связана с мафией в Италии и США, а также с некоторыми реакционными военными режимами Латинской Америки, не говоря уже о неонацистских группировках всех оттенков. Но самыми тесными следует признать контакты с ЦРУ. Глубоко пустило оно корни и в Ватикане. Иными словами, ложа "П-2" есть связующее звено сил, объединенных общей враждебностью к коммунизму.

Вместе с тем было бы неверно представлять "П-2" только как всемирный союз антилевых сил, имеющих целью любым путем препятствовать распространению марксистских идей. На деле это международный заговор правых, преследующий множество целей. В основе его — общее мировоззрение, для которого в высшей степени характерна жажда власти и наживы, часто превалирующая над идеологией. Поэтому конечной целью членов ложи является не столько борьба с определенной идеологией, сколько ненасытное стремление к богатству и власти,

к самоутверждению, прикрывающемуся демагогическим лозунгом "защиты свободного мира". Подлинный и единственный кумир членов ложи "П-2" — это деньги.

Связи Личо Джелли расширились. Не прерывал он дружбы и со старыми приятелями, среди которых числились Стефано Делле Кьяйе, Пьерлуиджи Пальяни и Иоахим Фибелькорн — командующие частной армией, созданной в Боливии бывшим главарем лионского гестапо Клаусом Барбье и получившей название "женихи смерти". В их обязанности входили политические убийства, в частности, покушение на лидера боливийских социалистов Марсело Куирога Крус. Эти "женихи" сыграли основную роль в приходе к власти в Боливии в 1980 году генерала Гарсиа Меца. Клаус Барбье широко пользовался своим опытом нациста, являясь советником по безопасности у полковника Гомеса, руки которого были обагрены кровью боливийских патриотов.

Шайка Барбье, всячески поощряемая боливийской хунтой, особенно активизировалась после переворота 1980 года. Барбье управлял сетью нелегальной торговли, обеспечивая широкий ввоз и вывоз наркотиков с максимальной прибылью для хунты. Начиная с 1965 года в круг обязанностей Барбье входило не только обеспечение боливийского режима оружием, но и оказание подобных услуг всем правым режимам в Латинской Америке, а также Израилю. Операции с поставками оружия были отнюдь не новым занятием для Джелли. Именно на этом поприще он познакомился с Клаусом Барбье, с которым они стали "деловыми партнерами". По складу характера и убеждениям они оказались весьма близкими. И к людям подходили они с одинаковыми мерками. Например, оба искренне ценили и восхищались Стефано Делле Кьяйе и ему подобными. Этот итальянец принимал активное участие по меньшей мере в двух попытках антиправительственного путча в Италии. После провала он делал то же в Боливии. Когда там в 1982 году военную хунту сменило гражданское правительство, Делле Кьяйе бежал в Аргентину, где нашел поддержку в лице члена ложи "П-2" Хосе Лопеса Реги, создателя подразделений смерти "Три А". Рега создал, помимо того, разветвленную сеть торговли наркотиками — "кокаиновый путь" из Аргентины в США.

Важным достижением Джелли как "магистра" ложи "П-2" было привлечение таких, как Барбье, Хосе Лопес Рега и кардинал Паоло Бертоли. Бертоли, как и Джелли, был родом из Тосканы. 40 лет своей карьеры отдал дипломатической службе Ватикана. Он даже пользовался поддержкой в ходе конклава, избравшего папой Альбино Лучани.

Бертоли всего лишь один из тех, кто обеспечил Джелли доступ в Ватикан. Он ужинал с епископом Полом Марцинкусом, через которого он получал аудиенцию у папы. Да и многие другие кардиналы, епископы и священники, которые сегодня уверяют, что имени Личо Джелли раньше не слышали, в 60-х и 70-х годах считали лестным для себя оказаться в его обществе.

Одним из ближайших помощников Джелли в делах логи "П-2" был итальянский банкир и бизнесмен Умберто Ортолани. Как и Джелли, он хорошо понимал всю важность обладания секретной информацией. В период второй мировой войны он возглавлял два оперативных подразделения военной секретной службы—СИСМИ. Выходец из католической семьи, близкой к кругам церковной иерархии, он еще в молодости сумел оценить, сколь могуществен и в политическом, и в финансовом отношении Ватикан. Он знал все хитросплетения и внутреннюю жизнь Ватикана как свои пять пальцев.

Ватиканские сановники были частыми гостями в доме Ортолани в Риме. О его связях с церковными верхами свидетельствует тот факт, что с кардиналом Леркаро из Болоньи он познакомился еще в 1953 году. В ту пору Леркаро был одним из самых влиятельных людей церкви. Позднее он стал одним из четырех "модераторов" Второго Ватиканского собора. Он снискал репутацию носителя новых либеральных идей и проводника преобразований, провозглашенных Собором. Кроме того, по какому-то недоразумению его считали кузеном Ортолани, что не соответствовало истине, но никогда не опровергалось им.

В преддверии конклава, предшествовавшего избранию Павла VI, основной выбор сводился к следующему: продолжит ли новый папа реформистский, обновленческий курс Иоанна XXIII или вернется к реакционному курсу своего бывшего патрона Пия XII? "Либералам" необходим был "тихий уголок" вдали от любопытных глаз и ушей, чтобы согласовать свои позиции и выработать наиболее приемлемую стратегию на предстоящем конклаве.

Леркаро, один из лидеров этой группы, попросил Ортолани подыскать такое место встречи, где была бы гарантирована строгая конфиденциальность. Тот согласился. За три дня до конклава на его виллу неподалеку от Рима, в Гроттаферрата, собрались кардиналы, в том числе Сюененс из Брюсселя, Делфнер из Мюнхена, Кёниг из Вены, Альфринк из Голландии и сам Джакомо Леркаро.

Встреча проходила в обстановке строжайшей секретности. Она оказала решающее влияние на исход конклава. В ходе переговоров было решено, что если поддержки присутствующих и тех, кто им послушен, окажется все же недостаточно, чтобы набрать достаточное количество голосов за кандидатуру Леркаро, то он по правилам процедуры избрания отдаст все поданные за него голоса в пользу Джованни Батисты Монтини, архиепископа Милана. Вот почему после третьего тура голосования Монтини вдруг узнал, что располагает еще 20 голосами, которые и сделали его в конечном итоге папой.

Павел VI доказал, что умеет быть благодарным. Через несколько месяцев он удостоил Ортолани высокого звания "Кавалера Его святейшества", после чего различные знаки поощрения со стороны Святого престола полились потоком. Ортолани удалось даже сделать некаатолика Личо Джелли рыцарем Мальтийского ордена. Ортолани стал, кроме того, близким другом Казароли, получившего прозвище "ватиканский Киссинджер" за активный интерес к вопросам внешней политики. Через него Ортолани получил возможность проникать в любые, и недоступные для других, тайны Ватикана. Как и его хозяин Джелли, Ортолани предусмотрительно позаботился о приобретении гражданства одновременно в нескольких странах. Родившись в итальянском городке Витербо, он затем стал гражданином Бразилии, что было удобно в первую очередь потому, что между Италией и Бразилией не существует договора о взаимной выдаче преступников.

Между тем список членов ложи "П-2" становился все длиннее. В 1981 году, когда в руки итальянской полиции в Тоскане попало большое количество секретных документов из сейфов Личо Джелли, стало очевидным, что лишь в Италии эта организация насчитывала 1000 человек. Однако они представляли собой лишь верхушку айсберга. Итальянская военная разведка утверждает на основании своих сведений, что на самом деле членов ложи более 2000. Сам Джелли, который, видимо, обладает наиболее полной информацией, называет цифру в 2400 человек. В любом случае, как утверждают представители разведок нескольких европейских стран, основную часть имен еще предстоит выяснить, но уже сейчас известно, что в их число входят по крайней мере 300 человек из столпов того мира, который XX век опрометчиво позволил себе называть "свободным".

После сенсационных событий 1981 года один из тех, чье имя было разоблачено в числе пресловутой тысячи, сенатор

Фабрицио Чикитто, осмелился наконец сказать правду: «Если вы хотели пробить себе путь наверх в Италии 70-х годов, вы неминуемо должны были обратиться к помощи Джелли и ложи "П-2"»...

Тесное сотрудничество между Ватиканом и масонами, как и все, за что брался Джелли, было небескорыстным. Джелли ловко играл на патологическом страхе Святого престола перед коммунизмом. Он часто повторял известную фразу, произнесенную незадолго до начала второй мировой войны вестминстерским кардиналом Хинсли в оправдание фашизма: "Если погибнет фашизм, то и дело Господа канет вместе с ним".

Нельзя не удивляться той благосклонности, с которой сановники Ватикана взирали на внебрачное дитя ортодоксального масонства — ложу "П-2", а также тому отклику, который получили у олигархов церкви проповедуемые ее членами идеи. В течение нескольких веков католическая церковь видела в масонах исчадие ада и вслух заявляла об этом, предавая масонов анафеме в шести папских буллах, первая из которых появилась еще во времена Клементя XII, в 1738 году. Церковь, исходя из своих интересов, рассматривала это тайное общество как конкурирующую религиозную организацию, контролируруемую безбожниками, считала, что масонство ставит своей целью уничтожение католической церкви. Католик, изблеченный в принадлежности к масонской ложе, подлежал автоматическому отлучению от церкви.

Конечно, некоторые революционные движения использовали в прошлом масонство для борьбы с церковью. Классическим примером было движение во главе с Гарибальди, который сумел сплотить масонов под патриотическими знаменами в борьбе за освобождение из-под папского ига, за объединение страны и увлек за собой широкие массы населения.

С тех пор масонство переродилось. Сегодня в разных странах они действуют по-разному. Хотя они претендуют на то, что действуют во благо, их противники во всех странах относятся к ним с разной степенью осуждения и враждебности. До недавнего времени римская католическая церковь была последовательна в этом вопросе: франкмасонство, считала она, суть происки дьявола, и каждый, кто идет у него на поводу, должен быть предан анафеме. Таков традиционный подход Ватикана. Если подобной была позиция римской церкви по отношению к легальному масонству, то тем более бескомпромиссной должна была быть нетерпимость Ватикана по отношению к тайной ложе "П-2". Именно поэтому самым большим

парадоксом представляется тот факт, что большинство членов этой подрывной организации считали себя правверными католиками.

Ложа "П-2", разумеется, никогда не собиралась в полном составе, но заседания отдельных групп проходили регулярно. Обсуждавшиеся проблемы в основном сводились к необходимости проведения активной политики в духе Джелли и ему подобных с целью предотвратить самое страшное — приход к власти коммунистического правительства законным, демократическим путем.

Кто не слышал о террористических актах в Италии в течение последних 15—20 лет? Виновники многих массовых убийств до сих пор не найдены. Уверен, что, если Джелли будет когда-нибудь арестован и окажется вынужденным сказать правду, весь мир узнает истину о всех подробностях подготовки и организации этих чудовищных преступлений. Их список действительно ужасен: в 1969 году в Милане в результате взрыва бомбы на piazzа Фонтана погибло 16 человек; в Болонье в 1974 году от взрыва в экспрессе "Италикус" — 12 человек; там же, в Болонье, произошло еще одно, и, пожалуй, самое страшное преступление, когда в 1980 году от взрыва на вокзале погибло 85 человек и 182 было ранено. Если верить разочаровавшемуся в своем кумире последователю Джелли, неонацисту по имени Элио Чолини, то это массовое убийство было спланировано и разработано в деталях на собрании "П-2" в Монте-Карло 11 апреля 1980 года с участием Личо Джелли. Тот же Чолини показал под присягой, что оперативное руководство операцией было возложено на "кровавую тройку", о которой уже шла речь: Стефано Делле Кьяйе, Пьерлуиджи Пальяни и Иоахима Фибелькорна.

Цель этих ужасных террористических актов заключалась в том, чтобы восстановить общественное мнение против коммунистов, дав понять, будто убийства — дело их рук.

В июле 1976 года судья Витторио Оккорсио провел расследование связей между неонацистской организацией "Национальный авангард" и ложей "П-2". 10 июля Оккорсио был зверски убит очередью из автомата. Ответственность за преступление взяла на себя неонацистская группа "Новый порядок". Сомнительно, чтобы кто-нибудь знал разницу между всеми этими "новыми порядками" и "национальными авангардами". Суть в другом: Оккорсио, человек, которого не удалось купить, должен был заплатить собственной жизнью. Расследование было прекращено, чего и добивались неонацисты.

К концу 60-х годов Микеле Синдона числился среди ближайших друзей Джелли и был одним из членов ложи "П-2". Их многое объединяло. В частности, тот интерес, который оба вызывали у ЦРУ и Интерпола. Следует отметить, что функции этих двух организаций отнюдь не всегда идентичны. Расследование деятельности Синдоны, проведенное Интерполом, подтверждает это. В ноябре 1967 года из Вашингтона Интерпол направил в римское управление телекс следующего содержания: "Недавно получены неподтвержденные сведения о том, что следующие лица вовлечены в нелегальную транспортировку сильнодействующих наркотиков из Италии в США и, возможно, в некоторые другие европейские страны".

Первым в списке значился Синдона. Итальянская полиция отрицала наличие каких-либо сведений, подтверждающих подобную информацию. Менее чем через неделю копия телеграммы Интерпола и ответа итальянской полиции оказались в руках Синдоны. Если бы подобный запрос был послан резидентуре ЦРУ в Риме или Милане, ответ, при условии, что его сочли бы возможным дать с полной откровенностью, оказался бы утвердительным. Дело в том, что досье ЦРУ на Синдону в ту пору уже было весьма объемистым. Оно содержало исчерпывающую информацию о его тесных связях и сотрудничестве с нью-йоркской мафией, во главе которой стояло семейство Гамбино, насчитывающее 253 "близких" и 1147 "дальних" родственников. В том же досье содержались сведения о связях клана Гамбино с четырьмя другими: Коломбо, Боннано, Луккезе и Дженовезе, также обосновавшимися в Нью-Йорке. Главной целью тесных контактов между этими представителями преступного мира были производство и торговля наркотиками. Другие сферы "сотрудничества", согласно сведениям ЦРУ, включали проституцию, игорный бизнес, производство и распространение порнографии, ростовщичество, организованный бандитизм, изготовление фальшивых документов и ценных бумаг, а также организацию крупных ограблений.

Досье содержало обширный материал о том, по каким каналам сицилийские мафиози из кланов Инцерилло и Спатоли переправляли героин из Сицилии своим коллегам в Нью-Йорк, о проникновении с этой целью представителей мафии в авиакомпанию "Алиталия" и о том, как нью-йоркская мафия заплатила 50 тыс. долларов за доставку наркотиков из Палермо, отправленных без сопровождающего. В багаже находился героин, прошедший обработку в одной из пяти специальных

лабораторий на Сицилии, принадлежавших семейству Инцерилло. По данным ЦРУ, к концу 60-х годов ежегодный доход сицилийской мафии от продажи героина превысил 500 млн. долларов.

Досье ЦРУ содержало подробный отчет о 30 судах, отправлявшихся ежегодно из Ливана в различные порты на юг Италии с грузом очищенного и неочищенного героина.

Знакомство с досье вызывает серьезный вопрос: почему информация, полученная ЦРУ в 60—70-х годах, все это время не привлекала внимания властей? Ведь ЦРУ действует во исполнение президентских распоряжений. Отсюда напрашивается вывод, что вся вереница президентов США, сменявших друг друга в Белом доме на протяжении двух десятилетий, смотрела сквозь пальцы на деятельность мафии, коль скоро она способствует тому, чтобы член НАТО — Италия не оказалась в результате выборов во власти коммунистов.

Со своей стороны сицилийская мафия крайне нуждалась в таких людях, как Синдона. Резкий рост банковских вкладов и внезапное появление множества новых банков и их отделений на острове, который традиционно считается самой бедной провинцией Италии, свидетельствовали о масштабах проблем, стоявших перед мафией. И тут за дело берется Микеле Синдона. Однажды его спросили, откуда взялись средства для его грандиозных начинаний. Он ответил спокойно и не задумываясь: "На 95 процентов — это деньги, которые принадлежат другим".

Микеле Синдона оказался, по мнению папы Павла VI, тем человеком, которого следовало использовать в качестве финансового советника и прежде всего с его помощью избавить церковь от репутации одного из крупнейших капиталистов Италии. С этой целью было решено продать Синдоне львиную долю акций в самых различных компаниях и банках, приобретенных для Ватикана еще Ногарой. Корпорации Ватикан было позарез необходимо избавиться от отождествления ее с большим бизнесом.

В энциклике "Популорум прогрессию" Павел VI привел слова святого Амвросия: "Отдавая, ты отдаешь бедному не то, что есть твое. Ты лишь возвращаешь ему то, что ему принадлежит, ибо то, что ты приобрел, дано было для общего пользования всем. Земля дарована всем, а не только богатым". Однако Ватикан скрывал, что являлся крупнейшим собственником. Упомянутая энциклика провозглашала и такое: несмотря на страдания и голод целых

народов, революционные выступления не могут быть признаны подлинным избавлением от этого зла, ибо "нельзя побороть зло, прибегая к помощи еще большего зла".

Оказавшись в неразрешимом противоречии с реальностью богатейшей церкви, на словах проповедующей учение о "церкви бедной для бедных", папа и его ближайшие советники нашли выход в том, чтобы, изъяв значительную часть капитала, инвестированного Ватиканом в экономику Италии, вложить его в другие страны. Убивали сразу двух зайцев: такой маневр избавлял от необходимости платить высокие налоги итальянскому государству и одновременно увеличивал доход на каждую вложенную за рубежом единицу капитала. Произнося перед миром призывы избавиться от суеты мирской, Павел VI прекрасно знал, что корпорация Ватикан руководствуется совсем иными идеалами, на протяжении нескольких лет тесно сотрудничая с Микеле Синдоной. Все эти годы в нарушение закона капитал экспортировался из принадлежащих Синдоне итальянских банков через Ватиканский банк в некий швейцарский банк, находившийся в их совместном владении. Синдона и Ватикан ничуть не заботились о том, чтобы помочь бедным, они стремились прежде всего к тому, чтобы с наименьшими издержками вывезти капитал за пределы Италии. В начале 1968 года оказался на грани банкротства контролируемый Ватиканом "Банка уньоне", в котором Ватиканскому банку принадлежало 20 процентов акций, а Массимо Спада и Луиджи Меннини представляли ватиканские интересы в его совете директоров. Уже к 1970 году, то есть менее чем через 2 года после того, как "Банка уньоне" был куплен Синдой, этот банк вдруг, по крайней мере на словах, не только стал сводить концы с концами, но вполне мог быть отнесен к числу преуспевающих. Капитал "Банка уньоне", рассчитанный на мелких вкладчиков и дававший ссуду на льготных условиях, вырос с 35 млн. до 150 млн. долларов. Это тоже на словах. На деле же за это самое время Синдой и его сообщниками банк был ограблен на сумму в 250 млн. долларов. Большая часть денег "уплыла" через цюрихский банк "Аминкор", также принадлежавший Синдоне. Громадный убыток нанесли неудачные спекуляции серебром. Тогда же Синдона, познакомившись с Дэвидом Кеннеди, президентом чикагского банка "Континентл Иллинойс", произвел на него сильное впечатление. Произошло это незадолго до назначения Дэвида Кеннеди минист-

ром финансов США в администрации президента Никсона.

В 1969 году Ватикану стало ясно, что длительная борьба с итальянским правительством за освобождение от налогов на дивиденды, выплаченные акциями, проиграна. Вместе с тем в Ватикане понимали, что продажа на рынке всех принадлежавших ему итальянских акций и ценных бумаг поставит экономику Италии на грань катастрофы и это неминуемо обернется колоссальными потерями для самого Святого престола.

Однако папа и влиятельный кардинал Герри все же решили избавиться от основной части итальянского портфеля, которая состояла из акций гигантской компании "Сочьета дженерале immobiliare" с капиталом свыше полумиллиарда долларов. За советом вновь обратились к Акуле.

Курс акций компании приближался тогда к 350 лирам за акцию, причем Ватикану прямо и через посредников принадлежало около 25 процентов общей суммы в 143 млн. акций. Кардинал Герри поставил вопрос прямо: не хочет ли господин Синдона их купить? Синдона не раздумывая согласился. Он купит весь пакет акций по цене, вдвое превышающей рыночную. Герри и папа радостно переглянулись. Так было заключено тайное соглашение между Синдоной и Герри от имени Ватикана весной 1969 года.

Для Ватикана это была удача, которая окрыляла. Появилась надежда, что принадлежавший Святому престолу контрольный пакет акций компании "Кондотте д'Акуа", снабжающей Рим водой, а также его доля в компании "Черамика поцци", изготавливавшей фаянс и химические товары, дела которой в последнее время шли все хуже, также удастся пристроить с помощью покладистого покупателя. Акула загадочно ухмыльнулся и без разговоров принял все предложения святых отцов. На этот раз он даже не торговался.

Кто же стоял за этой операцией? Кому достались комиссионные за посредничество, выплаченные благодарным Синдоной с благославления папы Павла VI и кардинала Герри? Этим человеком был Умберто Ортолани — тень Личо Джелли. Именно он устроил сделку. Этот факт говорит не только о том, насколько глубоко пустила корни ложа "П-2" в Ватикане, но и о том, насколько совпадали интересы преступной масонской ложи, мафии и Святого престола.

Просто и приятно скупать крупные компании на чужие

деньги. Это лучше других знал Синдона, ибо все первоначальные взносы Ватикану он сделал из денег, тайно списанных, а проще сказать, украденных со счетов в "Банка привата финансиариа" (БПФ). В самом конце мая 1969 года Синдона перевел 5 млн. долларов в небольшой цюрихский "Приват кредит банк". При этом цюрихский банк получил указание перевести деньги снова в БПФ на счет акционерной компании "Мабуси". Компания "Мабуси" была основана в Вадуце, этом налоговом рае княжества Лихтенштейн, и контролировалась Синдоной. Далее деньги переводились на счет "Мабуси итальяна", также контролируемой Синдоной. И наконец, сочтя, что следы достаточно запутаны, Синдона от имени последней переадресовал эти 5 млн. долларов Ватикану. Остальная и очень немалая сумма была выплачена через посредство лондонского банка "Хэмброс" и американской корпорации "Галф энд уэстерн".

В чувстве юмора Синдоне нельзя было отказать. Дело в том, что одной из компаний, принадлежащих "Галф энд уэстерн", является голливудская "Парамаунт", выпустившая тогда один из самых шумевших фильмов десятилетия, "Крестный отец". Этот фильм, воспевающий одну из династий мафии, приносил миллионные прибыли, часть которых укрепила положение Микеле Синдоны, надежного финансового советника преступных кланов Гамбино и Инцерилло. Они в свою очередь переводили свои многомиллионные прибыли от торговли героином на счета в банках Синдоны. Круг, таким образом, замыкался.

К началу 70-х годов непрекращающийся нелегальный экспорт капитала из Италии стал роковым образом сказываться на экономике страны. Синдона и Марцинкус баснословно наживались на своих аферах, а тем временем лира стремительно и неудержимо девальвировалась. Резко возросла инфляция, достигла угрожающих размеров безработица. Росла дороговизна. Синдону это, впрочем, мало волновало. Он по-прежнему спекулировал на бирже, искусственно вздувая цены.

В те времена Синдона и его ближайший друг Роберто Кальви, фактический владелец "Банко Амброзиано", похвалялись, что полностью контролируют миланскую фондовую биржу. Это было правдой, как правдой было и то, что они незаконно использовали свое влияние. Курсы акций лихорадило по их воле. Целые компании становились пешками в игре Синдоны и его друзей, которая стала источником обогащения. Примером подобных невероятных по своему цинизму махинаций может служить история с компанией "Пакетти".

Первоначально это была мелкая компания, занимающаяся окраской кожи. Купив ее в 1969 году, Синдона задумал превратить ее в объединение компаний под тем же названием. При этом он брал пример с американского концерна "Галф энд уэстерн" — гиганта, охватывающего множество отраслей промышленности — от производства фильмов до крупных издательских фирм и авиакомпаний. Покупая "Пакетти", Синдона сделал из нее нечто вроде мусорной корзины, куда сбрасывались акции убыточных предприятий и заводов, продукция которых не находила сбыта. Но среди подобного хлама неожиданно блеснуло и жемчужное зерно: Синдоне удалось получить согласие Пола Марцинкуса на покупку пользовавшегося доверием духовенства "Банка католика дель Венето". Судя по всему, тот факт, что Массимо Спада, административный секретарь Ватиканского банка и президент "Банка католика дель Венето", стал одновременно президентом фирмы "Пакетти", убедил Марцинкуса в том, что он может безболезненно пренебречь возмущением духовенства Венецианской епархии и лично архиепископа Лучани.

Роберто Кальви, принимавший непосредственное участие в переговорах, обещал Синдоне купить у него компанию под названием "Цитропо", оформив сделку заранее обусловленной датой. Таким образом, был сделан последний шаг к тому, чтобы искусственно, в нарушении всех законов вызвать очередной кризис на миланской фондовой бирже.

Стоимость каждой акции "Пакетти" составляла примерно 250 лир. Синдона дал указание своему "Банка уньоне" скупить все акции. Через подставных лиц эти акции были куплены принадлежавшими Синдоне компаниями. Сразу же после этого биржевая цена каждой акции поднялась до 1600 лир. В марте 1972 года наступила, в соответствии с договоренностью, официальная дата покупки Кальви компании "Цитропо". Одновременно все компании, которые приобрели акции "Пакетти", выбросили их на биржу по демпинговым ценам. В итоге акции "Цитропо" были искусственно обесценены, а Кальви соответственно заплатил более высокую цену за "Цитропо" по сравнению с ее реальной стоимостью. Синдона же, обеспечивший эту сделку фальшивыми гарантиями, нелегально получил прибыль, о размерах которой говорит тот факт, что лишь в порядке компенсации он перевел в 1978 году Кальви 6,5 млн. долларов, а тот в свою очередь ровно половину этой суммы с благодарностью передал Марцинкусу.

Почему так щедро оплатил Кальви преступную сделку

с "Цитропо"? На то есть три причины. Во-первых, потому, что для осуществления сделки он воспользовался чужими деньгами. Во-вторых, потому, что его личная прибыль составила 3,25 млн. долларов. В-третьих, потому, что в благодарность за эту услугу он получил согласие на покупку "Банка каттолика дель Венето": именно такая договоренность была между ним и епископом Марцинкусом. Спрашивать согласия на подобный шаг у патриарха Венеции либо у представителей духовенства епархии, которым принадлежали акции этого банка, Марцинкус счел излишним.

Постепенно Синдона и Кальви освоили в совершенстве метод крупных афер. Никогда еще в истории банковского дела не покупали столь дорого то, что стоило крайне дешево. В результате подобной же сделки, теперь уже с акциями компании "Бастоджи", в 1972 году Кальви прикарманил еще 5 млн. долларов с помощью Синдоны и, кроме того, еще 450 млн. швейцарских франков при покупке у Синдоны 7200 акций "Финанбанк". И всякий раз компенсацию для Кальви Синдона переводил в "Финанбанк" на тайный счет, который Кальви имел совместно со своей женой. В "Юнион дё банк Суисс" (ЮБС) и цюрихском "Кредитбанк" семейство Кальви имело несколько номерных счетов. Говоря о сумме, которую Синдона всякий раз выплачивал в виде компенсации Кальви, надо иметь в виду, что не меньшую сумму он получал сам в качестве чистой прибыли.

Аппетит Роберто Кальви разгорался. Он готов был действовать и в одиночку, в обход Синдоны. С этой целью его собственный банк "Централе" в 1976 году приобрел солидный пакет акций компании "Торо ассикурационе" по цене, более чем на 25 млрд. лир превышающей действительную стоимость. В результате этой аферы 25 млрд. лир оказались на одном из счетов Кальви в швейцарском банке. Вскоре Кальви повторил пришедшийся ему по душе трюк и на этот раз нажил 20 млрд. лир на акциях той же "Централе".

Примерно то же произошло и с акциями "Банка каттолика дель Венето". Синдона знал, что Кальви затеял переговоры с Марцинкусом относительно передачи ему контроля над банком. В итоге все участники этой аферы прикарманили большие суммы.

Синдона свел Кальви с Марцинкусом в 1971 году. Таким образом, Марцинкус, который, по его собственному признанию, абсолютно ничего не смыслил в банковском деле, приобрел сразу двух "первоклассных" наставников. Тогда же Па-

вел VI назначил его президентом Ватиканского банка.

Почувя новые веяния, все финансовые учреждения стали активными участниками проводимой теперь папой и его советниками политики, преследующей цель избавиться по возможности от капиталовложений в крупные компании, продавая их первоначально на удивление сговорчивому Синдоне, а затем и его протеже — Роберто Кальви. В 1970 году, им, в частности, удалось сбыть фармацевтическую фирму "Сероно".

Дополнительным источником прибылей "Финанбанка", принадлежавшего Синдоне и Ватикану, была преступная практика двойной бухгалтерии, наносившая немалый ущерб и без того больной экономике Италии. Суть аферы сводилась к тому, что общая сумма экспорта по документам объявлялась значительно ниже реальной. Такой фальсифицированный счет оформлялся официально через Банк Италии, который в свою очередь передавал заведомо неверные сведения в государственное налоговое управление. В результате экспортер платил налоги по заниженным счетам.

Разницу между суммой по этим счетам и реальной суммой экспортной сделки покупатель за границей вносил прямо в "Финанбанк". Нередко итальянские экспортеры показывали даже убытки, которые на деле оборачивались для них налоговыми льготами, санкционированными правительством. Убытки показывало по документам и большинство принадлежащих Синдоне компаний. При этом Синдона не скупился на взятки государственным чиновникам, уверяя, что, обходя закон, совершает чуть ли не благодеяние, поскольку якобы помогает бороться с безработицей.

Приблизительно по той же схеме осуществлялись спекуляции и со сделками по импорту. Только здесь сумма сделки завышалась. Поэтому при обложении налогом в процессе таможенного оформления уплачивался искусственно завышенный налог, а компания-импортер возмещала разницу заграничному поставщику, который, согласно договоренности, переводил компенсацию на специальный счет в "Финанбанк" или в другой швейцарский банк.

Итак, "церковь бедных и для бедных", о которой так часто говорил папа Павел VI, становилась день ото дня богаче. Изъятие Ватиканом своего капитала из итальянской экономики позволило мошенникам вроде Синдоны и Кальви беззастенчиво грабить, где только можно, в интересах церкви и папы Павла VI.

"Финанбанк" выполнял еще и важную роль "прачечной" для "отстирывания" запятнанных кровью денег мафии и ложи

"П-2". Учитывая, что Ватикану принадлежали 5 процентов "Сочьета дженерале immobiliare", можно с уверенностью сказать, что в деятельности этой "прачной" он играл немаловажную роль, которая неизмеримо активизировалась, когда мафия стала пользоваться почти исключительно услугами Ватиканского банка для ввоза и вывоза своего капитала.

Об использовании Синдоной и его сообщниками счетов Ватиканского банка в БПФ уже подробно говорилось. Таким путем вывозились "грязные деньги" из страны с участием "Финанбанка". Операции всегда были двусторонними. Дело в том, что такие же "грязные деньги", заработанные мафией в Мексике, Канаде и США, точно так же "отбеливались" в Италии, когда их ввозили в страну для длительного хранения. Трюк был весьма прост. Вот что по этому поводу писал Карло Бордони: "Компании, созданные в Канаде и Мексике, служили инструментом, с помощью которого можно было доставлять через границы этих стран в США преступно добытые мафией доллары, а также огромные суммы, принадлежащие масонам, и средства из других нелегальных источников. Деньги провозились в чемоданах в Соединенные Штаты, где превращались в государственные облигации. Позже их переправляли в "Финанбанк", где они становились "чистыми" и пригодными для любых финансовых операций на вполне "законной основе".

Американские мафиози, судя по всему, не знали границ не только в переносном, но и в прямом смысле. Их деньги вкладывались в государственные ценные бумаги дочерней компанией "Сочьета дженерале immobiliare" с названием "Эдильцентро", находившейся в Вашингтоне. Оттуда ценные бумаги также попадали в "Финанбанк". Если у мафии возникала необходимость перевести определенную часть своих "отбеленных" денег в Италию, они смело пользовались каналами Ватиканского банка.

Однажды в разговоре с Бордони Синдона не удержался от циничного самовосхваления. "В основе моей философии действия, — рассуждал он, — лежит факт исключительности моей личности, равной которой нет в мире, умение пользоваться ложью и эффективным оружием шантажа".

Составной частью техники шантажа Синдона считал умение давать взятки, что в соответствии с той же "философией действия" было "не более чем просто разумным помещением капитала, ибо получивший взятку делался рабом давшего ее". Именно таким образом он тайно финансировал деятельность правящей в Италии христианско-демократической партии. В

частности, 2 млрд. лир он вложил в то, чтобы Марио Бароне, ставленник ХДП, получил пост управляющего "Банко ди Рома". 11 млрд. лир Синдона внес в кассу ХДП на финансирование широкой пропагандистской кампании против принятия закона о разводе незадолго до референдума по этому вопросу. Далее, в своем "Финанбанке" он открыл специальный счет "СИДК" для пополнения партийной кассы, на который в начале 70-х годов поступило свыше 750 млн. долларов. Синдона осуществил валютные спекуляции, которые, приняв крайне крупные масштабы, подрывали курс лиры, доллара, западногерманской марки и швейцарского франка. В частности, затеяв колоссальную аферу против лиры и пустив в ход 650 млн. долларов, он не преминул в разговоре с премьер-министром Андреотти доверительно сообщить, что до него дошли слухи о готовящейся крупномасштабной спекуляции с целью сбить курс лиры, и пообещал "разузнать" об этом подробнее. Он предложил Бордони. принять участие в спекуляции через "Манирекс" чисто "символически", якобы с тем, чтобы, внедрившись поглубже, раскрыть индикаторы спекулятивной аферы. В результате, сорвав огромный куш на им же подстроенной преступной акции, он услышал из уст Андреотти щедрую похвалу, назвавшего его "спасителем лиры". Как тут не поверить в собственную гениальность! Именно в этот период Синдону принял американский посол в Риме, который высоко о нем отзывался и назвал "самой выдающейся личностью года".

За год до этого, на приеме, который устроил Синдона по случаю покупки римской газеты "Ром дейли америкэн", он заявил, что намеривается расширить круг своих интересов и вложить еще не менее 100 млн. долларов в Соединенных Штатах. Среди тех, кто внимал его речи, находился его близкий друг епископ Пол Марцинкус. На деле же покупка "Ром дейли америкэн" уже означала расширение связанных с США деловых интересов Синдоны, ибо газета пользовалась поддержкой ЦРУ.

В то время конгресс США все тверже настаивал, чтобы ЦРУ представило полный отчет о том, куда и как расходовались ассигнованные этому ведомству миллионы. В ЦРУ решили, подобно папе Павлу VI, что настал момент, когда нелишним будет избавиться от отдельных сомнительных приобретений. Синдона настаивает, что купил газету по личной просьбе американского посла Мартина, опасавшегося, что газета может оказаться в руках левых. Мартин в самых недипломатичных выражениях отрицал подобное утверждение, с негодованием назвав Синдону лжецом.

Однако независимо от того, из чьих уст исходила просьба, газета, вне всяких сомнений, субсидировалась ЦРУ. Очевидно также, что это была не первая и не единственная услуга, оказанная Синдоной американским "рыцарям плаща и кинжала". Так, в 1970 году по прямому указанию ЦРУ Синдона скупил на сумму 2 млн. долларов облигации Национального банка Югославии. Эти облигации ЦРУ передало в руки тех, кого считало "югославскими друзьями" США. Помимо этого, Синдоне также было поручено переводить деньги от имени ЦРУ правым экстремистам в Греции и Италии.

Решив приобрести "Бастоджи", гигантскую холдинговую корпорацию со штаб-квартирой в Милане, Синдона натолкнулся на резкое сопротивление со стороны властей, объяснявшееся отчасти их боязнью резкого укрепления его позиций в финансовом мире, отчасти недоверием к сицилийцам вообще. Акула взял курс на США. Там этот джентельмен, владевший к тому времени многими банками, прикупил еще один — "Фрэнклин нэшнл бэнк оф Нью-Йорк".

Среди ведущих банков США этот стоял на двадцатом месте. Синдона уплатил 40 млн. долларов за 1 млн. его акций, что составляло 21,6 процента от общего капитала банка. Следует отметить, что он купил акции по 40 долларов за каждую при настоящей цене в 32 доллара. Более того, вновь приобретенный банк был на грани банкротства. К сожалению, в то время мало кто в США понимал, что приплывшая из Италии Акула крайне опасна, мало было и тех, кто понимал, что громадная сумма, выплаченная Синдоной за пакет акций банка, которые стоили меньше уплаченной суммы, взята у вкладчиков его итальянских банков и без их на то согласия.

Мания величия, которой страдал Синдона, к тому времени уже, видимо, достигла опасных размеров: понимая, что дорого купил колосса на глиняных ногах, он не обнаружил ни тени разочарования или досады. Прежде чем истекли сутки с того момента, как Синдона приобрел свой банк в США и не успел даже толком осмотреть отведенный ему кабинет, банк опубликовал финансовый отчет за второй квартал 1972 года, из которого следовало, что его убытки выросли на 28 процентов по сравнению с тем же периодом предыдущего, 1971 года. Синдона — "акула", "спаситель лиры" и банкир, которого Пол Марцинкус считал "человеком, идущим далеко впереди своего времени во всех вопросах, касающихся финансов", воспринял новости по-своему: "У меня есть связи во всех финансовых центрах мира. Поэтому те, кто имеет дело с Микеле Синдоной,

не отвернутся и от его нового банка!" Те же, кто вовремя продал Синдоне свою долю в банке, потирали руки, с трудом веря в неслыханную удачу.

Что касается "связей" Синдоны, то в них стоит разобраться. Они включали и гангстеров из кланов Гамбино и Инцерилло, и церковных иерархов, начиная с папы Павла VI, кардиналов Герри и Каприо и кончая епископом Полом Марцинкусом. Это были связи с политическими деятелями самого разного уровня: с Андреотти и Фанфани в Италии, с президентом США Никсоном и Дэвидом Кеннеди в Белом доме. Связи подразумевали самые тесные контакты с влиятельными финансовыми учреждениями мира — Ватиканским банком, "Хэмброс бэнк оф Лондон", чикагским "Континентл Иллинойс бэнк", с парижскими Ротшильдами. Через Джелли и его ложу "П-2" тянулись нити к тем, кто правил Аргентиной, Парагваем, Уругваем, Венесуэлой, Никарагуа. Кстати, однажды Синдона так сказал о диктаторе Никарагуа Сомосе одному из римских юристов: "Я предпочитаю иметь дело с такими людьми, как Сомоса. Решать деловые вопросы куда легче с диктатурой, где железная рука одного правит всем, чем с аморфной массой, которую представляет демократическое государство, управляемое правительством, состоящим из бесконечных и ничего не решающих комитетов, комиссий и десятков иных ненужных, контролирующих друг друга органов. Кроме того, каждый из них пытается призвать к честности, которая вообще противопоказана в банковском деле".

Наилучшей иллюстрацией философии, которую проповедовал среди членов ложи "П-2" Личо Джелли, служит его высказывание: "Для правых сегодня открыты двери всех банков мира".

Пока Синдона обделывал дела с Сомосой и подыскивал столь же надежное партнерство в США, Джелли тоже не сидел сложа руки в Аргентине. Не лишенный наблюдательности, он прекрасно понимал, насколько разочарованы широкие массы в стране режимом военной хунты. Поэтому он задумал вернуть к власти находившегося в ссылке генерала Перона. В 1971 году ему удалось убедить тогдашнего президента страны Лануссе, что возвращение Перона к власти — единственно реальный путь к достижению политической стабильности в стране. Перон возвратился на родину под гром фанфар.

Пока Джелли был занят делами в Аргентине, Синдона, присмотревшись к событиям на политической арене Соединенных Штатов, сделал ставку на политического деятеля, наибо-

лее близкого, по его мнению, к платформе Сомосы и Перона, а именно на Ричарда Никсона.

Для начала Синдона договорился о встрече с влиятельным лицом из окружения Никсона, Морисом Стэнсом, возглавлявшим сбор средств во время предвыборной кампании 1972 года. На встречу он пришел с увесистым чемоданом, в который упаковал ровно 1 млн. долларов наличными. Синдона передал Стэнсу деньги в фонд кампании за избрание Никсона президентом и показал тем самым "свою веру в Америку". Вера его, видимо, была не беспредельной, ибо дар, принесенный из желания видеть Никсона в Белом доме, должен был оставаться в тайне. Впоследствии Стэнс отрицал, что получил деньги от Синдоны, поскольку новое федеральное законодательство запрещало анонимные подношения официальным кандидатам на пост президента.

Приблизительно в то же время, когда епископ Пол Марцинкус превозносил до небес деловые и умственные качества Акулы в разговоре с представителями министерства юстиции, он также подписал чек на 307 тыс. долларов. Именно в эту сумму обошлась Ватикану дружба с Синдоной, который по поручению Святого престола занимался спекуляцией на фондовой бирже США акциями компании "Ветко индастриз". В нарушение действующего законодательства брокер из Лос-Анжелеса приобрел от имени Синдоны и Марцинкуса 27 процентов акций "Ветко". Ватикан уплатил штраф, а затем с большой выгодой продал свои акции.

К середине 1973 года общий дефицит банков Синдоны приблизился к цифре, означавшей катастрофу.

Одно дело заниматься бесконечным перемещением громадных денежных сумм на бумаге из одного банка в другой в нарушение всех существующих на сей счет законов. Другое дело, если к операциям с капиталом привлекаются силы, к игре не причастные. Здесь прорехи начинают расти необычайно быстро. Соответственно и суммы, необходимые, чтобы залатать дыры, складывающиеся из несуществующих доходов, постоянно увеличиваются. Долго жить за счет фальсифицированных доходов невозможно.

И наконец грянуло то, что итальянцы образно окрестили "крахом Синдоны". Надо сказать, зрелище было стоящее. Дрогнул и дал трещину тщательно возведенный им монумент в честь всеобщего торжества стяжательства и коррупции. Синдона любил повторять, что не имеет ни малейшего представле-

ния, какой цифрой исчисляется его личное состояние, однако не отрицал, что оно превышало миллиард долларов. На деле положение было далеко не столь завидным, но трезвый подход к вещам не был ему свойствен, что подтверждают некоторые перипетии его карьеры.

Сентябрь 1973 года. Председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти на приеме в роскошном нью-йоркском отеле "Уолдорф-Астория" произносит тост за здоровье Акулы, назвав его "спасителем лиры".

Январь 1974 года. Фешенебельный "Гранд-отель" в Риме. Посол США Джон Вольпе, как уже отмечалось, провозглашает Акулу "самым выдающимся человеком года".

Март 1974 года. Цены на фондовой бирже Милана внезапно подскакивают, за доллар дают уже 825 лир. Если бы, например, Синдона решил тогда прекратить свои колоссальные валютные операции, он к вечеру положил бы в свой сейф более 100 млрд. лир чистой прибыли. Бономи, давний соперник Синдоны в финансовом мире Милана, предлагает на весьма льготных условиях купить долю Синдоны в "Сочьета дженерале immobiliare". Синдона наотрез отказывается.

Апрель 1974 года. Дела на бирже идут из рук вон плохо. Обменный курс лиры драматически падает. Это и есть начало "краха Синдоны". В конце первого квартала в нью-йоркском "Фрэнклин нэшнл бэнк" выходит, что чистый доход от основной деятельности в расчете на одну акцию составил 2 цента по сравнению с 68 центами на каждую акцию за тот же период предыдущего года. Но и эти данные, как выяснилось, подтасованы. На деле банк потерпел убытки в размере 40 млн. долларов.

Май 1974 года. "Фрэнклин нэшнл бэнк" наталкивается на резкое сопротивление его валютным спекуляциям, принявшим огромный размах. Так, банк "Нэшнл Вестминстер оф Лондон" отказывается впредь от расчетов с ним в фунтах стерлингов в масштабах, на которых настаивает "Фрэнклин нэшнл бэнк", ибо в течение предыдущей недели сумма таких расчетов составляла ежедневно не менее 50 млн. фунтов. Вслед за этим "Фрэнклин нэшнл" заявил своим акционерам, что на этот раз квартальный дивиденд объявлен не будет — впервые со времен Великой депрессии конца 20-х годов. Скандальная ситуация не помешала Акуле заявить на заседании совета директоров "Сочьета дженерале immobiliare", что дела ком-

паний идут лучше, чем когда-либо.

Июль 1974 года. Прорехи все заметнее и в Италии, и в США. С целью поправить дела в Италии Синдона решает слить "Банка уньоне" и "Банка привата финансиариа". Свое новое финансовое детище он назвал "Банка привата". В результате вместо двух едва сводящих концы с концами банков средней величины в Милане появился один крупный банк, с самого момента рождения отягощенный всеми "болезнями" предшественников. Спасти его могла бы лишь инъекция в 200 млрд. лир.

Август 1974 года. Власти в Италии и США насторожились. "Банко ди Рома", вобравший в себя большую часть финансовой империи Синдоны, а потому не безразличный к судьбе банков Акулы, переводит 128 млн. долларов на счет "Банка привата". Американское правительство в свою очередь, опасаясь, что банкротство "Фрэнклин нэшнл бэнк" приведет к капиталистическому армагеддону, открывает неограниченный доступ к федеральным фондам. Свыше 2 млрд. долларов переключаются из резервных запасов в "Франклин нэшнл бэнк".

Сентябрь 1974 года. "Банка привата" подвергается принудительной ликвидации. По приблизительным расчетам, убытки превысили 300 млн. долларов, из которых на долю Ватикану приходилось 27 млн. долларов, не считая стоимости принадлежавших ему акций.

Третье октября 1974 года. Личо Джелли решил выплатить скромный моральный дивиденд в связи с теми огромными денежными вкладами, которые Синдона делал в ложу "П-2", и сообщил Акуле, что завтра его арестуют, о чем узнал от членов ложи, занимавших высокие посты в органах правосудия и полиции.

Четвертого октября 1974 года. Выдан официальный ордер на арест Микеле Синдоны. Но того и след простыл. Предусмотрительный делец, он заранее сменил гражданство на швейцарское. Дитя Сицилии, он отбыл в новое "отечество" — Женеvu.

Восьмого октября 1974 года. "Фрэнклин нэшнл бэнк" лопнул. Казна Соединенных Штатов потеряла на этом 2 млрд. долларов.

Октябрь 1974 — январь 1975 года. Последствия "краха Синдоны" сказываются в западноевропейских странах, где находились принадлежавшие ему банки, а также в странах, тесно связанных с его финансовой империей: один за другим

терпят банкротство банк "Вольф" в Гамбурге, "Герштатт" в Кёльне, "Аминокор" в Цюрихе, наконец, "Финанбанк" в Женеве. Убытки только этого банка составили не менее 82 млн. долларов. В Швейцарии подсчитали, что Ватикан потерял в связи с банкротством Синдоны приблизительно 240 млн. долларов.

Итальянские власти, точнее, та часть высших чиновников, которые не были "вольными каменщиками" и не входили в ложу "П-2", стали отдавать себе отчет в серьезности ситуации. Синдона же внезапно объявился в Соединенных Штатах, не обнаружив ни малейшего желания возвращаться в Италию. С октября 1974 года начинается длительная борьба за выдачу его итальянским властям.

В то время как Италия настоятельно добивалась высылки Синдоны из США, для Ватикана он стал "персона нон гра-та". Государственный секретарь кардинал Вийо ежедневно сообщал папе о новых и все более драматических последствиях "краха Синдоны". Папа день ото дня заметно мрачнел. Уже говорилось о том, что Павел VI неоднократно вслух выражал желание стать первым "бедным" папой нашего времени. Его святейшество кривил душой. Единственной целью развернутой им кампании по изъятию Ватиканом капиталовложений из экономики Италии было стремление получить дополнительную прибыль в тех странах, где для этого были предпосылки. Ресурсы Италии в этом смысле были исчерпаны. Убытки, понесенные Святым престолом в результате "краха Синдоны", оказались не более чем справедливым возмездием за алчность, ибо, движимые желанием увернуться от уплаты налогов, банкиры в сутанах во главе с первосвященником соблазнились без всяких колебаний перспективой получения больших прибылей в США, Швейцарии, ФРГ и других странах, не видя препятствия в том, что придется войти в союз с Синдоной и его кланом.

Версия, которую Ватикан хотел бы сегодня навязать миру, гласит, что вина за длительное сотрудничество с беспринципным мошенником и его группой ложится исключительно на покойного папу Павла VI. Еще одна ложь! Примечательно, что эту нелепицу никто не осмеливался произнести вслух при жизни Павла VI. Безусловно, нельзя отрицать, что, убеждаемый многочисленными советниками — кардиналами Вийо, Герри и Бенедетто Арджентьери, одним из самых доверенных лиц, личным секретарем монсеньором Паскуале Макки, а также Умберто Ортолани, Павел VI широко распахнул Бронзовые

врата Ватикана перед Акулой. А уж оказавшись внутри, Синдона не нуждался в поводьях. Папа, возможно, почуял бы беду заранее, если бы те из окружения, в чью обязанность входила бдительность в финансовых вопросах, предупредили о необходимости соблюдать элементарную осторожность. Тщательный анализ множества фактов неизбежно наводит на мысль, что многие, слишком многие в Ватикане не прочь были сорвать солидный куш, приняв участие в преступных махинациях Синдоны. Были ли Макки, Вийо, Арджентьеры, Герри в полном смысле порядочными людьми? А Марцинкус, Меннини, Спада? Да и сам Его святейшество папа Павел VI?

Епископа Марцинкуса власти Италии подвергли длительным допросам относительно его личных отношений и деловых связей с Синдоной. Неужели они рассчитывали услышать правду от него, от Марцинкуса, который в апреле 1973 года во время беседы с представителями министерства юстиции США возносил хвалу профессиональной хватке Акулы и с теплотой говорил об их давней дружбе? Два года спустя, 20 февраля 1975 года, епископ Марцинкус в интервью журналу "Эспрессо" обрисовал свои отношения с Микеле Синдоной совершенно иначе: "Я даже не знаком с Синдоной. Следовательно, все обвинения в том, что из-за моих связей с ним Ватикан потерпел колоссальные убытки, — просто чушь. Повторяю: Ватикан не потерял ни цента в результате "краха" этого Синдоны. Все остальное — чистая ложь".

Невольно приходится отметить, что у Марцинкуса память оказалась опасно плохой. В частности, американским адвокатам он сказал дословно: "Мои деловые связи с Синдоной носили весьма ограниченный характер". В действительности же операции с банкиром мафии приобрели огромный размах уже к концу 60-х годов и продолжались почти до самого "краха Синдоны". В частности, менее чем за два года до беседы с американскими адвокатами и представителями ФБР Марцинкус принял живейшее участие в покупке Кальви "Банка каттолика дель Венето" за 45 млн. долларов. Синдона сыграл в этой сделке ведущую роль, не говоря о том, что Акула, в чьих интересах была предпринята афера, выплатил Кальви и Марцинкусу 6,5 млн. долларов комиссионных.

Вскоре после "краха Синдоны" был арестован д-р Луиджи Меннини, секретарь-инспектор Ватиканского банка. Правая рука Марцинкуса — Меннини, — по его словам, ничего не знал о финансовых аферах. Он все отрицал. Выходит, и его сын Алессандро, занимавший ответственный пост в отделе внешних

сношений "Банко Амброзиано", через который осуществлялись практически все валютные спекуляции, также пребывал в полном неведении относительно того, что творил?! Перед "крахом Синдоны" Меннини участвовал по поручению Ватиканского банка в валютных операциях бок о бок с бывшим коллегой Синдоны, Карло Бордони. Они с полуслова понимали друг друга. Вот что позже сказал Бордони о синьоре Меннини: "Несмотря на то что он являлся духовным лицом, это был поистине азартный игрок. Ему постоянно нужно было одно — деньги, деньги, деньги. И сегодня непременно больше, чем вчера. Он спекулировал валютой, акциями, недвижимостью. Помню, однажды он вошел и, ни слова не говоря, положил на стол лист бумаги с благословлением Его святейшества в знак благодарности за мою деятельность в качестве финансового советника Святого престола. На практике Меннини был не более чем самым заурядным орудием шантажа Синдоны, который неоднократно угрожал придать гласности валютные махинации Меннини".

Массимо Спада, административный секретарь Ватиканского банка, также находившийся в непосредственном подчинении епископа Марцинкуса, несмотря на то что он официально ушел в отставку еще в 1964 году, по-прежнему принимал самое непосредственное участие в делах Ватикана. Как и Меннини, Спада однажды утром, услышав звонок и открыв дверь, увидел на пороге представителей финансовой полиции Италии с ордером на обыск. На его личные счета в банке также был наложен арест, заграничный паспорт конфискован. Против него были возбуждены в суде три отдельных иска, все три по поводу злостных нарушений закона.

Можно ли поверить, что все они были честными людьми, которых обманул Синдона? Можно ли поверить, что такие представители Ватикана, как Меннини и Спада, могли заседать в советах банков Синдоны и ничего не знать о преступлениях, совершаемых Синдоной и Бордони? Сам Массимо Спада доказал безосновательность подобных предположений, неосторожно проговорившись в интервью журналу "Эспрессо". Отвечая на вопрос, действительно ли Синдона и Бордони умышленно шли на спекулятивные махинации с валютой, он с негодованием поднял брови: "Вы, должно быть, смеетесь. Ведь для его банков стало повседневным делом проворачивать махинации с миллионами и миллионами денежных знаков в валюте, а это о многом говорит, если учесть, что банк средней руки на миланской бирже оперирует 25—30 млрд. лир, а мелкий — не

более чем 10–12 млрд. лир в день. Отсюда вы можете сделать вывод, что если при масштабах спекуляций, на которые шли Синдона и его люди, вся финансовая система Италии не разлетелась вдребезги, то мы должны воспринимать это как чудо и благодарить Провидение, Господа бога, а также святого Амвросия, святого Георгия и прежде всего, конечно, святого Януария. Считаю, что в знак благодарности в качестве свидетелей по делу Синдоны должны дать показания в его пользу под присягой все без исключения итальянские банки”.

Если верить Спаде, человек он не случайный в финансовых делах Ватикана. Четыре поколения его родственников верой и правдой служили делу финансового процветания Святого престола, а сам Массимо Спада работал на Ватикан с 1929 года. Банкир Спада утверждал, что все это время он пребывал в полном неведении относительно состояния дел в тех банках, где он занимал почетное директорское кресло.

После “краха Синдоны” многие занялись подсчетом убытков, понесенных Ватиканом. При этом назывались цифры самые противоречивые. Так, швейцарские эксперты назвали сумму в 240 млн. долларов, а сам Ватикан утверждал, что “не потерял ни цента”. Тогда реальная сумма убытков, видимо, была близка к 50 млн. долларов.

Если предположить, что Ватикан не опустился до лжи в своем заявлении, то остается сделать вывод, что потери компенсировались теми колоссальными барышами, которые уже принесло длительное сотрудничество с Акулой. С другой стороны, при всем желании поверить Святому престолу нельзя не признать, что сокращение суммы прибыли с 300 млн. долларов до 250 млн. все равно означает существенный убыток на любом языке, включая латынь.

Помимо убытка в размере 50 млн. долларов, которым финансисты в сутанах целиком обязаны Синдоне, не следует забывать и о другой последовавшей вскоре потери, на этот раз в 35 млн. долларов, в результате небезынтересной истории с филиалом “Банко ди Рома” в Лугано (Швейцария). Филиал носил название “Свиروبанк”.

Ватиканскому банку принадлежал контрольный пакет акций (51 процент) в “Свиروبанк”, президентом его был князь Джулио Пачелли, а его заместителем — Луиджи Меннини. Как и прочие банки, связанные с Ватиканом, “Свиروبанк” спекулировал, используя средства лиц, занимавшихся нелегальным экспортом лиры. Махинации с золотом и иностранной валютой были в порядке вещей.

В 1974 году, когда и здесь обнаружилась "прореха", ее вменили в вину заместителю управляющего Марио Тронкони. Это не только не соответствовало истине, но не выдерживало критики даже как довод, поскольку ответственность за проведение валютных операций была возложена на другого служащего "Свиробанк" — на Франко Амброзио.

Осенью 1974 года Марио Тронкони "покончил с собой" — его труп нашли на железнодорожном полотне Лугано—Кьяссо. В кармане оказалось прощальное письмо, адресованное жене. Незадолго перед его смертью Пачелли, Меннини и другие директора "Свиробанк", пытаясь полностью себя обезопасить и сделать Тронкони козлом отпущения, заставили его написать завещание, в котором несчастный полностью брал на себя вину за образовавшийся дефицит в 35 млн. долларов. А вот некто по имени Амброзио, который действительно должен был отвечать, не услышал ни слова упрека. Правда всплыла лишь два года спустя, когда в связи с "крахом Синдоны" был арестован один из директоров "Банко ди Рома", Марио Бароне, поскольку этому банку принадлежало 40 процентов акций "Свиробанк".

Что и говорить, карьера банкира в Италии — скользкая тропа, где капканы поджидают на каждом шагу. Марио Тронкони оказался лишь одним из тех членов финансового "братства", чья смерть ради безопасности остальных должна была выглядеть как самоубийство. В течение последующих десяти лет список таких жертв станет угрожающе длинным. "Итальянский способ" выхода из критических ситуаций повторится еще не раз.

Пока Синдона пытался отбить у американских властей желание выдать его в руки итальянского правосудия, Ватикан пустился в новые авантюры с помощью преемника Синдоны, Роберто Кальви. В деловых кругах Милана Кальви получил прозвище Рыцарь (Иль Кавальере). Странное прозвище для человека, выполнявшего роль казначея ложи "П-2". Видимо, так стали называть его с тех пор, когда в 1974 году Джованни Леоне, занимавший в то время пост президента Италии, присвоил ему почетное звание "Кавальере дель Лаворо" ("Рыцаря труда") за заслуги в области экономики. Кальви с большим рвением приступил к "отбеливанию" денег мафии в отсутствие Синдоны. Казначеем и "рыцарю" Кальви суждено было стать человеком, совершившим крупнейшую в истории банковского дела кражу.

Роберто Кальви родился в Милане 13 апреля 1920 года

в семье, переехавшей туда из местечка Вальтельина, расположенного в альпийской долине на границе со Швейцарией, вблизи от тех мест, где родился Альбино Лучани. Таким образом, оба они выходцы из горцев — жителей Итальянских Альп. Окончив престижный Университет Боккони, Кальви в годы второй мировой войны воевал на Восточном фронте против Советского Союза. Затем, как и его отец, занялся банковским делом. С 1947 года Кальви служит в "Банко Амброзиано" в Милане — весьма специфическом финансовом учреждении, достойном более подробного описания. Название банку было дано в честь святого Амвросия. Как и "Банко каттолика дель Венето", "Банко Амброзиано" считался банком для духовенства. Прежде чем открыть счет для нового вкладчика, сотрудники требовали у него свидетельство о крещении по католическому обряду. Заседание совета директоров завершалось коллективным вознесением молитв во славу господу с благодарностью за содействие в успешном ведении дел. В начале 60-х годов это учреждение, казалось, было пропитано духом святости больше, чем многие из близлежащих церквей. Честолюбивый Рыцарь с пронизывающим ледяным взглядом решил использовать этот благочестивый провинциальный банк в своих целях, учитывая, что среди его клиентов числится немало церковных иерархов, в частности сам архиепископ Милана, кардинал Монтини, которому суждено было в 1963 году стать папой Павлом VI. К этому времени Кальви числился уже генеральным директором "Банко Амброзиано".

Когда папа решил призвать Синдону в Ватикан, чтобы с его помощью решить финансовые проблемы церкви, Акула и Рыцарь уже сблизились. Немало вечеров просидели они вместе, разрабатывая планы превращения "Банко Амброзиано" в могущественное и особое учреждение, с помощью которого они могли бы удовлетворить свое стремление к финансовой и политической власти.

Прежде всего следовало обрести административный контроль над банком. В 1971 году Кальви это удастся. В то время ему исполнился 51 год. Он достиг немыслимых высот по сравнению с самыми дерзкими мечтами его отца, склонившего когда-то Роберто к банковской карьере. Человек средних амбиций, оказавшись он на месте Роберто Кальви, очевидно, удовлетворился бы достигнутым, довольствуясь правом первым возносить молитву на заседаниях совета директоров. Но Кальви отнюдь не был заурядностью — средним в нем был лишь рост. Что же касается способностей разрабатывать и осу-

ществовать хитроумные валютные махинации, находить способы "отбеливать" деньги мафии, шантажировать, брать взятки, обходить закон, увиливать от налогов, то они были развиты в нем чрезвычайно.

Безусловно, это был преступник высочайшего класса. Любимое откровение Кальви, от которого ему трудно было удержаться в любом обществе, заключалось в утверждении, что понимание механизма, который движет миром, лучше всего показано в книге Марио Пуццо "Крестный отец". Кальви не расставался с экземпляром книги, подобно тому как священник — с Библией.

Синдона познакомил Кальви с Марцинкусом в 1971 году. Банкир очень быстро вошел в число доверенных лиц Ватикана, в эту своеобразную элиту, призванную служить корпорации Ватикан. К числу таких лиц относились Синдона, Спада, Меннини, Бордони. Все эти люди подбирались с величайшей тщательностью.

Еще в 1963 году Кальви создал в Люксембурге компанию "Компендиум". Это название он позднее сменил на "Банко Амброзиано холдингз". Впоследствии она послужила фундаментом возведенной им пирамиды из нескольких различных компаний. Именно через это акционерное общество, как замыслил Кальви, должны были осуществляться миллионные займы в евродолларах. План сработал безукоризненно: в результате Кальви удалось организовать займы у более чем 250 банков на общую сумму в 450 млн. долларов.

Империя Рыцаря росла как на дрожжах. Уже в начале 60-х годов через "Банко Амброзиано" Кальви приобрел контроль над швейцарским "Банка дель Готтардо", ставшим основным инструментом для "отбеливания" денег мафии после банкротства принадлежавшего Синдоне банка "Аминкор" в Цюрихе. Затем последовали многочисленные приобретения во многих странах мира, и среди них "Банко Амброзиано оверсиз, лимитед" в Нассау. С первых дней в совете его директоров заседал епископ Марцинкус. Это отделение банка возникло в "налоговом раю" на Багамах в 1971 году. Сначала его называли "Сизелпайн оверсиз бэнк", чтобы тем самым погасить к нему интерес со стороны итальянской финансовой полиции.

Прибыли Ватиканского банка увеличивались прямо пропорционально росту финансовой империи Кальви. Понять сложные и, как правило, преднамеренно запутанные операции Кальви в течение 70-х годов возможно лишь при условии, если учитывать, что Ватиканский банк и миланский "Банко Амброзиано"

были неразрывно связаны друг с другом. Большинство их крупных операций осуществлялось совместно. При этом наиболее ценным преимуществом, которое отличало Ватиканский банк от других, была его полная бесконтрольность со стороны итальянских властей. Именно это позволяло Кальви безнаказанно обходить закон. Так, например, решив приобрести 19 ноября 1976 года 53,3 процента акций флорентийского "Банко меркантиле", он оформил сделку, как и раньше, от имени Ватиканского банка. 17 декабря того же года эти акции, пройдя достаточно извилистый путь, оказались в руках миланской брокерской компании "Джаммей и Ко", услугами которой, как правило, пользовался Ватикан. С помощью ловко отработанных манипуляций к вечеру того же дня эти акции оказались в Ватиканском банке (ИРД). Операции не помешало то обстоятельство, что на его счету в тот момент не было достаточных средств для подобного приобретения. Препятствие легко устранили, переведя в ИРД в тот же день сумму в 8 млрд. лир на вновь открытый счет № 42801. Через полгода, 29 июня 1977 года, та же брокерская фирма купила все эти акции у Ватиканского банка через посредство миланского банка "Кредито коммерциале". По мере того как упомянутый пакет акций перемещался по столь извилистым тропам, цена его быстро росла, по крайней мере в отчетах. Первоначально за акцию платили по 14 тыс. лир, а на последней стадии сделки дело дошло до 26 тыс. лир. На этом странствия акций кончились. 30 июня они были проданы находившейся под контролем Кальви "Имmobильяре XX settembre"

В результате искусственного завышения цены акций Ватикан как бы заработал 7 724 378 100 лир. На деле же Кальви просто заплатил ИРД 800 млн. лир за согласие воспользоваться его именем, ибо банк этот, находящийся в суверенном государстве Ватикан, недостижим для итальянской финансовой полиции. Продавая самому себе акции по двойной цене, Кальви формально резко поднял стоимость "Банко меркантиле", а фактически украл те самые семь с лишним миллиардов лир за вычетом, естественно, гонорара в 800 млн. Ватиканскому банку. После этого Кальви продал принадлежавшие ему акции своей миланской конкурентке Анне Бономи за 33 млрд. лир.

Тесно сотрудничая с ИРД, махровый аферист еще не раз совершенно безнаказанно совершал преступные махинации, обходя итальянские законы. Разумеется, все это было бы совершенно немыслимо без участия и одобрения Пола Марцинкуса.

Возвращаясь к сделке с "Банка каттолика дель Венето", следует еще раз подчеркнуть, что, согласно многочисленным данным, эта покупка никогда не состоялась бы без равного и в равной мере преступного соучастия Синдоны, Кальви и Марцинкуса.

Марцинкус особенно настаивал на соблюдении строжайшей секретности в отношении операции. О ней не должен был знать никто, включая самого папу Павла VI. Несколько лет спустя Кальви подробно рассказал о ней своему партнеру Флавио Карбони¹: "Марцинкус не робкого десятка. Родившийся на окраине Чикаго в семье бедняков и с детства привыкший всего добиваться с помощью локтей, он с самого начала настаивал на том, чтобы об операции не знал даже его босс, то есть папа римский. По вопросу о покупке "Банка каттолика дель Венето" я имел с Марцинкусом три встречи. Он очень стремился к тому, чтобы я купил его. Я же сомневался и несколько раз спрашивал его, уверен ли он, что сможет уговорить босса. Я настаивал: "Переговорите сначала с ним". Марцинкус в конце концов согласился. Вскоре он сказал мне, что был у папы и тот не против, чтобы я купил "Банка каттолика дель Венето". Вслед за тем он устроил мне аудиенцию у Павла VI, который благодарил меня за то, что я к тому времени помог решить некоторые проблемы с Ватиканской библиотекой. На деле же, как я понял, он благодарил меня за согласие купить "Банка каттолика дель Венето".

Нужно ли более убедительное подтверждение того, что к началу 70-х годов папа римский превратился в настоящего президента корпорации Ватикан? Да и называть с тех пор стали викария Христа просто "босс".

Не менее красноречивым было и беспокойство Кальви по поводу того, насколько Марцинкус силен, чтобы распорядиться судьбой банка. Нет сомнений, что миланский банкир прекрасно знал о тесных связях этого банка с духовенством Виченцы. Настойчивое желание Марцинкуса утаить от папы продажу банка лишь подтверждает, насколько ясно он отдавал себе отчет в крайне сомнительном характере этой аферы. Мнение, которое высказал Лучани кардинал Бенелли, уверенный, что папа не будет вмешиваться даже по личной просьбе Лучани в дело о продаже банка на стороне патриарха, его епископов и священников, было совершенно правильным. Действительно, не

¹ Карбони втайне от Кальви записал на пленку большинство своих бесед с ним в период с октября 1981 по май 1982 года.

станет же папа возражать против сделки, которую сам недавно благословил. То, что создал тогда папа Павел VI собственноручно с подсказки Синдоны, Кальви и Марцинкуса, было подобно мощной бомбе с часовым механизмом, который должен был сработать в сентябре 1978 года.

Опасаясь взрыва негодования в Венеции, Марцинкус и Кальви не спешили сообщать о продаже банка. Лишь 30 марта 1972 года они скромно объявили о покупке финансовой группой Кальви 37,4 процента акций "Банка каттолика дель Венето". Документы же свидетельствуют, что купленная доля отнюдь не была столь скромной.

Двадцать седьмого июля 1971 года Кальви писал Марцинкусу: "Настоящее письмо просим рассматривать как твердое предложение купить 50 процентов акций "Банка каттолика дель Венето" по цене 1600 лир за акцию на следующих условиях:

- 1) в случае принятия нашего предложения за 45 процентов, что составляет 16 254 000 акций вышеупомянутого банка, Вам будет уплачено 42 млн. долларов;

- 2) за остальную часть акций в объеме 5 процентов капитала банка, или 1 806 000 акций вышеозначенного "Банка каттолика дель Венето", которые должны быть переданы нам не позднее 31 октября 1971 года, Вам будет выплачено 4,5 млн. долларов 29 октября 1971 года".

Итак, в итоге Ватиканский банк получил 46,5 млн. долларов в ценах 1971 года, что в наше время составило бы примерно 115 млн. долларов.

Кальви, не сомневаясь, что письмо это будет показано самому папе, писал далее: "Спешим уверить Вас также в том, что в случае заключения сделки мы официально обязуемся поддерживать высокие моральные, общественные и религиозные цели и принципы, которые снискали "Банка каттолика дель Венето" всеобщее уважение и высокий авторитет".

Копия этого письма, направленная в Ватикан, официально зарегистрирована и завизирована Марцинкусом собственноручно. Однако в Венеции о секретной продаже банка, совершенной в 1971 году, стало известно год спустя.

"Высокие моральные, общественные и религиозные цели и принципы", как угодно было выразиться Кальви, были им так скоро преданы забвению, что вся епархия всколыхнулась в гнев. И уже в середине 1972 года Альбино Лучани, буквально осаждаемый возмущенным духовенством, поспешил в Рим с надеждой убедить папу исправить положение.

Однако ждать помощи от папы в силу уже известных причин не приходилось, и патриарх Венеции вернулся к себе ни с чем. Час его действий пробил лишь в сентябре 1978 года. В течение этих семи лет сохранялось прелюбопытное положение. Акции купленного Кальви банка так и не вышли за пределы ИРД. 29 октября 1971 года, в день, когда последние 5 процентов были проданы Кальви, они, по-прежнему оставаясь в сейфах Ватиканского банка, были переуступлены новой компании "Цитропо", принадлежавшей Синдоне. Позднее право собственности на "Цитропо" перешло к Кальви, некоторое время спустя компания стала собственностью... Ватиканского банка. Таким образом, завершили свой круговорот (на бумаге) акции "Банка каттолика дель Венето", которые фактически никогда не покидали сейфов Ватикана. Стоит ли удивляться, что в марте 1982 года Марцинкус, теперь уже архиепископ, скажет, что "наши инвестиции в "Банка каттолика дель Венето" оказались весьма прибыльными".

Первые признаки катастрофы, которые начали ощущаться на миланской бирже в 1974 году, "Банко Амброзиано" почувствовал раньше других. Кальви оказался особенно уязвим, поскольку его близость с Синдоной была общеизвестна, что стало причиной утраты доверия к его банковскому дому.

После "краха Синдоны" отношение к Рыцарю тут же изменилось. Возникли трудности с кредитом для "Банко Амброзиано". Займы предоставлялись на мировом рынке все неохотнее. Самое же главное в том, что драматически упал спрос мелких держателей на акции этого банка, что, естественно, тут же привело к резкому падению цен на них. И как по мановению волшебной палочки именно в этот момент, когда казалось, что для "Банко Амброзиано" Судный день настал, в игру вступила миланская компания "Супрафин". Что только не делалось для поднятия пошатнувшегося престижа синьора Кальви и его банка. Она скупала ежедневно акции "Банко Амброзиано", но едва рука клерка успевала внести слово "Супрафин" в список акционеров банка, как они уже оказывались перепроданными в Лихтенштейне или Панаме. Удивленная биржа мало-помалу начала возвращать свое доверие синьору Кальви, а "Супрафин" все скупала и скупала акции. За период с 1975 по 1978 год включительно было скуплено акций на 50 млн. долларов.

Ясно было, что "Супрафин" знает какой-то секрет. Однако стоимость акций "Банко Амброзиано" продолжала падать, хотя "Супрафин" уже владела 15 процентами всех его акций. Официально "Супрафин" принадлежала двум компа-

ниям, находившимся в княжестве Лихтенштейн, — "Теклефин" и "Импарфин". Они в свою очередь теоретически принадлежали ИРД, а на практике — Кальви. Таким образом, с полного ведома и при участии Ватиканского банка Кальви искусственно поддерживал курс акций своего банка, что строго запрещено законом. Махинация оплачивалась из денег, полученных в виде займа одной из его дочерних компаний в Люксембурге, а также через миланский головной банк.

Свое участие в головокружительных аферах Ватиканского банка Кальви щедро оплачивал, пользуясь несколькими путями. Например, на все вклады Ватикана в "Банко Амброзиано" выплачивались дивиденды по крайней мере на 1 процент выше, чем всем остальным вкладчикам. Кроме того, "Амброзиано" покупал акции компаний, принадлежащих Ватикану. Формально фиксировалось, что Ватикан продал пакет акций какой-нибудь панамской компании по цене, в два раза превышающей реальную. На деле акции оставались в сейфах Ватиканского банка, который благодаря Марцинкусу одним росчерком пера увеличивал свой капитал на миллионы долларов. Панамская компания, которая якобы приобретала акции, на деле оказывалась обычно чахлым учреждением с капиталом всего в несколько тысяч долларов. Но она без промедлений получала заем в несколько миллионов у отделения "Банко Амброзиано" в Нассау, на Багамах, где в совет директоров входил, как мы знаем, Пол Марцинкус. Отделению банка в Нассау в свою очередь заем предоставлялся той же люксембургской дочерней компанией, которая официально получала их в качестве кредитов от солидных международных банков с безупречной репутацией.

Кальви надеялся, видимо, вопреки здравому смыслу, что в конце концов акции "Банко Амброзиано" вновь подскочат в цене настолько, что он сможет с выгодой продать их на этот раз уж по-настоящему. Но и в 1978 году он по-прежнему был между Сциллой и Харибдой. К тому же именно в это время он оказался под сильнейшим давлением со стороны мафии, которая требовала, чтобы ее деньги, несмотря на "крах Синдоны", по-прежнему проходили "очистку". Кроме того, на нем лежала обязанность непрерывно пополнять кассу ложи "П-2", что лишь приближало его к катастрофе, да и к тому же все острее ощущались последствия кампании шантажа, развернутой Микеле Синдой.

Пока Рыцарь крутился как белка в колесе, стараясь залатать финансовые дыры, и шел на преступление, чтобы удер-

жать в цене акции своего банка, Акула тоже не дремал на глубине. Синдона очень напоминал персонаж из пьесы Пиранделло, где все происходящее на сцене может в любой момент оказаться не более чем иллюзией. Однако в жизни иллюзия обычно уступает реальности. Создать феномен, подобный Синдоне, с помощью воображения невозможно: он — продукт реальной жизни.

Личо Джелли по-прежнему щедро оплачивал преданность Синдоны делу масонской ложи "П-2". В январе 1975 года в ответ на требование миланской прокуратуры о выдаче Синдоны итальянским властям США потребовали дополнительную информацию о его деятельности, в частности его фотографию. В запросе, кроме того, содержалось требование перевести на английский язык все касающиеся Синдоны документы. Миланская прокуратура подготовила досье объемом в 200 страниц и переслала его в министерство юстиции в Рим для перевода и последующей отправки в Вашингтон. Однако очень скоро досье вернулось в Милан с отметкой о том, что соответствующий отдел министерства юстиции Италии не в силах справиться с задачей перевода документов, несмотря на то что это министерство располагает одним из самых обширных штатов переводчиков в Италии. Посольство США в Риме в свою очередь уведомило, что и не подозревало о существовании требования о выдаче. В очередной раз можно было убедиться, насколько важно повсюду иметь влиятельных друзей.

Синдона же пребывал в роскоши фешенебельного нью-йоркского отеля "Пьер". В надежде избежать выдачи итальянским властям он предусмотрительно нанял адвокатов юридической конторы Ричарда Никсона и Джона Митчела. Отвечая на вопросы репортеров, он полностью отрицал, что попал в сложную ситуацию у себя на родине: "Против меня просто строят козни руководство Банка Италии и некоторые другие высокопоставленные чиновники. Я вообще ни разу в жизни не заключал ни одной сделки в иностранной валюте. Мои враги в Италии интригуют против меня, и я надеюсь только, что придет день, когда справедливость восторжествует".

В сентябре 1975 года итальянские газеты поместили снимок, на котором предельно элегантный Акула в смокинге и с "бабочкой" широко улыбался, обмениваясь рукопожатием с мэром Нью-Йорка Абрахэмом Бимом. Многие по этому поводу негодовали. Газета "Коррьере делла сера" писала: "Синдона по-прежнему не устает давать интервью и делать бесконечные заявления. В США его принимает высший свет.

Закон о выдаче преступников далеко не для всех одинаков. Кому-то придется отсидеть в тюрьме месяцы, а может, и годы за кражу нескольких яблок. Рабочий-эмигрант, не ответивший вовремя на запрос властей, будет наказан со всей строгостью военного трибунала. Бюрократическая машина не проявит по отношению к нему ни жалости, ни милосердия".

В Италии мелкие акционеры тратили последние сбережения, чтобы нанять адвокатов и спасти хоть часть своих денег из-под обломков "краха Синдоны". Даже Ватикан во всеулышание признал, что "потерпел серьезные убытки". А тем временем в США Акула нанял специалиста по связям с общественностью, призванного поднять его личный престиж, и отправился с лекциями по американским университетам.

В то время как ответственные чиновники "Фрэнклин нэшнл бэнк" были арестованы по обвинению в присвоении многих миллионов долларов в результате валютных спекуляций, Синдона вещал студентам Уортонской высшей школы в Филадельфии: "Целью моего выступления, возможно чересчур тщеславного, является попытка внести свой вклад в укрепление пошатнувшегося престижа Соединенных Штатов в области экономики, финансов и денежного обращения. Не забывайте, что свободному миру нужны Соединенные Штаты!"

Миланский суд заочно приговорил его к трем с половиной годам тюремного заключения, признав виновным по 23 пунктам обвинения, в частности в умышленном присвоении 10 млн. фунтов стерлингов. И в это самое время Синдона поучал студентов Колумбийского университета: "В случае заключения финансовой сделки с целью извлечения незаконной прибыли совершенно необходимо не только пресечение со стороны властей, но и резкое осуждение и разоблачение перед лицом общественного мнения, причем как в отношении того, кто предлагает подобную сделку, так и того, кто соблазнится этим предложением".

Продумывая планы шантажа своего тайного "брата" по ложу "П-2" Роберто Кальви, он в то же время вдохновенно рисовал студентам идеальный образ будущего: "Я надеюсь еще увидеть тот, как мне кажется, не столь далекий день, когда планета Земля войдет в контакт с множеством иных цивилизаций галактики и студенты вашего университета, сейчас сидящие передо мной, возглавят и предложат руководству корпораций смелые планы расширения связей с космосом, планы создания "космозвездных корпораций". Значит, дух свободного предпринимательства распространится во всей Вселенной!"

Наконец в сентябре 1976 года итальянские власти добились ареста Синдоны в Нью-Йорке. Это был первый успех в длительной борьбе за его выдачу. Синдона публично выразил удивление: "Два года спустя после того, как завистники в Италии начали против меня возмутительную и необоснованную кампанию, власти Соединенных Штатов сочли возможным дать ход делу о моей выдаче. Подчеркиваю, что обвинения сфабрикованы без надлежащего, я бы даже сказал, без всякого расследования, а потому безотлагательно должны быть признаны ложными".

Вскоре он был отпущен под залог в 3 млн. долларов, но в 1977 году тучи над его головой сгустились вновь. Федеральное большое жюри начало расследование выдвинутых против Синдоны обвинений в том, что он повинен в банкротстве "Фрэнклин нэшнл бэнк".

Синдона привел в движение все рычаги своего влияния и связей. Люди с положением и звучными именами свидетельствовали в суде в его пользу, призывая не допускать его выдачи. Кармело Спаньюоло, возглавивший один из отделов Верховного суда Италии, дал письменное показание под присягой, где утверждал, что все обвинения против Синдоны — результат заговора коммунистов, в то время как Синдона, оказывается, был одним из поборников интересов рабочего класса. Из этого следовало, что люди, занимавшиеся расследованием деятельности Синдоны в Италии, во-первых, некомпетентны, а во-вторых, действовали по наущению его политических противников. Обращаясь к американскому суду, Спаньюоло предупредил, что представители итальянского правосудия в массе своей левые экстремисты, а потому выдать им Акулу — значит обречь его на смерть. Кармело Спаньюоло был членом ложи "П-2".

В защиту Синдоны дал показания под присягой Личо Джелли. Прежде чем перейти к разговору о своем друге, он заявил, что и у него в жизни были тяжелые моменты, когда его обвиняли в том, что он является агентом ЦРУ, главой аргентинского "эскадрона смерти", агентом португальской охраны, координатором греческой, чилийской и западногерманской разведок, лидером международного подпольного фашистского движения и т.п.

При этом Джелли не считал нужным опровергнуть эти утверждения, не привел ни одного довода против них. Он объяснил, что все эти обвинения — результат "усиления коммунистического влияния в Италии". Приведенный к присяге, он пустился в подробное изложение своих домыслов: "Комму-

нистическое влияние уже поразило многие правительственные ведомства, в особенности органы правосудия, где за последние пять лет, совершенно очевидно, произошел резкий сдвиг от политики центризма к крайне левому уклону". И вновь никаких доказательств в подтверждение своих заявлений он не представил. Джелли резюмировал, что вследствие "усиления левого влияния" нечего и ждать справедливости со стороны властей Италии по отношению к Синдоне. Скорее всего, по его словам, несчастной жертве угрожает смерть. Джелли продолжал: "Ненависть коммунистов к Синдоне вызвана, безусловно, его нескрываемым антикоммунизмом, а также тем, что Синдона всегда был поборником системы свободного предпринимательства и демократии в Италии".

Тринадцатого ноября 1977 года Синдона на деле продемонстрировал свое понимание "системы свободного предпринимательства" в условиях демократической Италии. По его распоряжению началась широкая кампания шантажа и запугивания Кальви. В Милане появились плакаты и памфлеты, обвинявшие банкира в растратах, крупномасштабных аферах, подделке документов, подлогах, подкупах, валютных спекуляциях, уклонении от уплаты налогов. Приводились номера его секретных счетов в швейцарских банках, прямо говорилось о тесных связях с мафией. Словом, памфлеты читать было куда занимательнее, чем солидную "Коррьере делла сера". Подобному наказанию своего бывшего протеже Синдона подверг после того, как убедился, что Кальви не проявил должного участия в судьбе своего патрона и "брата" по ложе в трудный для него час. Синдона даже пожаловался Личо Джелли, и тот согласился, что Кальви должен был бы внести "солидный вклад" в борьбу Синдоны с правосудием. Джелли предложил быть посредником между двумя "братьями-масонами". Это предполагало, естественно, что оба должны будут отчислять Джелли комиссионные за его труды.

Роберто Кальви вновь взял деньги у тех, кто имел несчастье стать его клиентами или партнерами. В результате в апреле 1978 года на счет Синдоны в швейцарский "Банка дель Готтардо" было переведено полмиллиона долларов.

Непосредственным организатором развернутой против Кальви кампании шантажа, изготовления листовок, плакатов и памфлетов, стал по поручению Синдоны некто Луиджи Ковалло, занявшийся делом со страстью и профессионализмом. Ковалло промышлял в Италии в качестве платного режиссера клеветнических кампаний, имевшего свою клиентуру. За раскле-

иванием листовок и плакатов последовало письмо на имя главного управляющего Банка Италии Паоло Баффи, в котором суммировались все обвинения в адрес Роберто Кальви, фигурировавшие в различных памфлетах. Упоминались и приведенные в нескольких плакатах фотокопии счетов Кальви в швейцарских банках. В заключение письма содержалась угроза возбудить судебное дело против Банка Италии за уклонение от своих законных обязанностей, если руководство центрального банка страны не начнет расследования дел "Банко Амброзиано".

Написав письмо по собственной инициативе, Ковалло явно перестарался, что еще раз наглядно подчеркивает разницу между матерым преступником международного класса, каким следует признать Синдону, и третьеразрядным аферистом типа Ковалло.

Об этом послании, написанном из примитивного желания выслужиться, о содержавшемся в нем требовании о расследовании, Синдона не подозревал. Он никогда не допустил бы подобной глупости. Он прекрасно понимал, что вполне допустимо красть золотые яйца из-под наседки, но зачем же убивать ее прежде, чем она перестанет нестись.

В те же апрельские дни 1978 года, когда Синдона получил чек на полмиллиона долларов от Кальви, представители Банка Италии, в течение двух последних лет с растущим подозрением приглядывавшиеся к "Банко Амброзиано" и его владельцу Роберто Кальви, начали расследование. Группа правительственных ревизоров, состоявшая из 12 человек, тщательно подобранных Паоло Баффи и его коллегой Марио Сарцинелли, приступила к работе. Ее возглавил Джулио Падалино. К несчастью для Кальви Падалино был неподкупен.

Плакаты и памфлеты по сравнению с возможными последствиями для Кальви официального расследования напоминали детский лепет. Новость о начале расследования просочилась в миланские финансовые круги. Акции "Банко Амброзиано" упали в цене. А это ставило Кальви перед необходимостью изыскивать все большие суммы для того, чтобы хоть как-то замедлить свое падение. К этому времени его запутавшаяся в долгах и интригах империя включала уже и отделение в Никарагуа. Вот-вот должно было открыться отделение в Перу, помимо филиалов в Канаде, Бельгии и США.

Ахиллесовой пятой оказалась компания "Супрафин". Если ревизоры узнают правду о цели ее создания и характере деятельности, не избежать оглушительного скандала, и более того — полного краха "Банко Амброзиано", а Кальви — ареста и тюрьмы. Да и вопрос о выдаче Синдону итальянским влас-

тям будет тем самым решен. Иными словами, оба стояли перед неизбежностью потерять все, включая личную свободу, если дела "Супрафин" будут раскрыты. Кальви, находившийся в Милане, заволновался. В Нью-Йорке Синдона уже не рассказывал всем, как ловко он выудил у Рыцаря полмиллиона долларов. Последней надеждой для обоих оставался епископ Пол Марцинкус. И тот откликнулся. В ответ на вопрос ревизоров, кому принадлежала компания "Супрафин", главный управляющий "Банко Амброзиано" Карло Ольджиати ответил, что она принадлежит ИРД.

Представители Банка Италии продолжали расследование, тщательно изучая груды документов, относящихся к сделкам по покупке и продаже акций, трансфертам, вкладам и множеству других операций банка. При этом они постоянно натывались на строгие ограничения, предписанные законом. Еще сложнее было добыть информацию, касающуюся иностранных партнеров банка. Если бы, например, им была доступна полная информация о люксембургской холдинговой компании Кальви, они без труда расшифровали бы схему, по которой миллионы долларов, взятые в качестве ссуды у международных банков в Европе от имени этой компании, переправлялись в Манагуа и Нассау, где, как известно, в совете директоров заседали Кальви и Марцинкус. Затем эти два филиала "Банко Амброзиано" предоставляли полученные через люксембургскую компанию денежные займы каким-нибудь карликовым панамским компаниям без всяких гарантий, и так игра повторялась. Она была бы легко разоблачена опытными экспертами-финансистами, входившими в состав ревизионной группы, но в доступе к сведениям о компании в Люксембурге им было решительно отказано. Кальви делал все, чтобы любым путем помешать расследованию. "Все это так сложно, — вздыхал он. — Вы же знаете этих иностранцев, я ничего не могу поделать с их бесконечными правилами о банковской тайне".

Расследование продолжалось. Кое-что скрупулезным инспекторам из Банка Италии все же удалось найти. В частности, они обнаружили, что 6 мая 1975 года Луиджи Ландра, в то время занимавший один из ответственных постов в "Банко Амброзиано", и Ливьо Годелуппи, родной брат главного бухгалтера этого банка, были введены в совет директоров компании "Супрафин". Логично было задать вопрос: оказались ли и эти двое, явно заслужившие полное доверие хозяина "Банко Амброзиано", в числе финансовых консультантов Ватикана?

Ревизоры выяснили также, что компания "Супрафин" бы-

ла создана в ноябре 1971 года в Милане двумя ближайшими сообщниками Кальви — Ваганом Пасаргикляном, который в 1978 году занимал уже пост директора "Банка каттолика дель Венето", и Дженнаро Дзанфаньей. Судя по всему, они тоже пользовались доверием Ватикана. Таким образом, фактический контроль Кальви над компанией "Супрафин" ни у кого больше не вызывал сомнения.

Расследование между тем продолжалось. Тщательный анализ документации привел к выводу, что настоящим владельцем "Супрафин" был "Банко Амброзиано", а не Ватикан. Зачем нужно было этому банку скупать акции "Централе" у "Супрафин" по цене 13 864 лиры за каждую при цене на бирже 9650 лир, а затем продавать их снова "Супрафин" по 9340 за каждую? Потому только, чтобы получить благодарственное письмо от папы или заслужить дружеское похлопывание по спине от Марцинкуса?

В июле 1978 года ревизоры, у которых накопилось слишком много вопросов, вновь вызвали для беседы Карло Ольджиати. Тот бросился за советом к Кальви, после чего явился к главному ревизору Падалино с письмом в руках. Оно было адресовано Роберто Кальви Ватиканским банком и датировано 20 января 1975 года. В письме говорилось: "Настоящее касается пакета акций по состоянию на 31 декабря 1974 года. Компания поддерживает отношения с нашим Институтом. Обращаемся поэтому к Вам с просьбой взять на себя впредь распоряжение указанным пакетом акций, включая все операции по их оптимальному инвестированию в зависимости от колебаний на бирже. Просим Вас также периодически сообщать нам о состоянии дел в том, что касается пакета акций и всех операций с ними".

Письмо было подписано Луиджи Меннини и главным бухгалтером Ватиканского банка Пеллигрино де Стробелем.

Несмотря на то что под письмом стояла дата "январь 1975 года", у ревизоров возникли серьезные подозрения, что оно было написано буквально на днях, то есть после начала расследования в апреле 1979 года, и с полного одобрения епископа Марцинкуса.

Если поверить Марцинкусу и его коллегам из Ватиканского банка, то напрашивается вывод, что Святой престол вложил новый смысл в понятие "христианского милосердия", включив сюда и практику широких спекуляций на миланской фондовой бирже, и отчисление многих миллионов долларов с единственной целью поднять цену акций "Банко Ам-

брозиано". Финансовые эксперты из Банка Италии не могли согласиться с мыслью, что верующие бедняки-католики во всем мире несли в церковь последние медяки, для того чтобы ими распорядились именно так. И все же Кальви благодаря трюку с письмом, написанном епископом Марцинкусом, сорвался с крючка, во всяком случае на этот раз. Ведь в руках было документальное доказательство принадлежности компании "Супрафин" Ватиканскому банку.

Обычно спокойный, невозмутимый, помнящий о дистанции между ним и подчиненными, Кальви стал крайне мил и любезен с ответственными служащими банка. Сознавая, что заблокировал расследование и помешал нащупать самое уязвимое место, он решил отправиться в путешествие по Южной Америке со своей женой Кларой. Поездка предполагала не только развлечения, но и решение деловых вопросов. Кальви намеревался лично выбрать подходящее помещение для своих новых латиноамериканских филиалов и, конечно, организовать деловые встречи с теми, кто мог оказаться полезным.

В Южной Америке Кальви почувствовал себя куда спокойнее. Но тут он получил известие о смерти папы Павла VI. Телефонные разговоры между его апартаментами в гостинице в Буэнос-Айресе и различными частями Италии не прекращались. Имя нового папы, Альбино Лучани, повергло его в состояние прострации. Для него любой другой из 110 кардиналов был бы предпочтительней.

Кальви прекрасно знал о том взрыве возмущения, который последовал в среде венецианского духовенства после покупки им втайне от епархии "Банка католика дель Венето", а также о том, что Лучани ездил в Рим в надежде вернуть контроль духовенства над банком.

Кальви, конечно же, не раз слышал историю о том, как Лучани поступил с двумя священниками, совершившими кражу с подсказки ловкого спекулянта.

Из Буэнос-Айреса последовало указание срочно продать часть акций банка, принадлежавших компании "Супрафин". Однако в связи с правительственным расследованием выполнить это указание было не так просто. Тем не менее за первые три недели сентября 1978 года удалось избавиться от 350 тыс. акций. Но тут до Кальви дошли новости, которых он более всего опасался. Дни епископа Марцинкуса как президента ИРД были сочтены. В случае же его ухода полное раскрытие всех преступных тайн станет неизбежным. Тут Кальви припомнил слова, сказанные Марцинкусом в разговоре по телефону нес-

колько дней назад, сразу после избрания Лучани папой: "Надо ждать больших перемен. Новый папа — человек совсем иного склада".

Несомненно, что Альбино Лучани представлял серьезнейшую угрозу и для Микеле Синдоны, и для Роберто Кальви. Последовавшая вскоре смерть нового папы наглядно показала, что ожидало тех, кто становился на пути Акулы и Рыцаря.

Не меньшей угрозой стало избрание Лучани и для Пола Марцинкуса, президента Ватиканского банка. Если Лучани серьезно займется банком, там, несомненно, образуется немало вакансий. Одними из первых оказались бы уволенными Меннини и де Стробель, чьи подписи стояли под письмом, которое попало в руки Падалино. Они на протяжении многих лет были отнюдь не последними участниками и исполнителями всех противозаконных сделок Синдоны и Кальви. А если Марцинкусу пришлось бы в голову усомниться в способности нового папы действовать решительно и без колебаний, его вскоре разуверил бы именно де Стробель: во времена истории с двумя священниками-растратчиками он был адвокатом недалеко от Венеции и знал о всех подробностях дела и о той роли, которую сыграл Лучани.

Бернардино Ногару, без сомнения, можно назвать капиталистом до мозга костей, однако его следует признать просто святым по сравнению с теми, кто стал его преемниками в управлении созданной им корпорации Ватикан, прошедшей большой путь с той поры, когда Муссолини заключил в 1929 году Латеранские соглашения с Ватиканом.

К сентябрю 1978 года, заняв апостолический престол, Иоанн Павел I стал одновременно президентом колоссальной транснациональной корпорации. Глядя из окна четвертого этажа Апостолического дворца, где находятся папские 19-комнатные апартаменты, этот человек, проповедовавший "бедную церковь для бедных", не мог не сознавать сложности создавшегося для него положения.

В случае если бы он с обычной для себя решительностью взялся за осуществление своих идей, корпорация Ватикан должна была бы прекратить свое существование. Папская область навсегда исчезла в вихре истории, но ее место заняла не менее могущественная финансовая машина, делающая деньги.

Возникло Управление имуществом Святого престола и его отделы. Ординарный отдел ведает расходами различных конгрегаций, трибуналов и служб, распоряжается большей частью

недвижимого имущества папства. Хозяйство огромное: только в Риме Ватикану принадлежит более 5 тыс. квартир в доходных домах. В целом же имущество, контроль над которым был вверен этому отделу, в 1979 году исчислялось в 1 млрд. долларов.

Чрезвычайный отдел, или попросту еще один банк, помимо возглавляемого Марцинкусом Института религиозных дел, не менее активно занимался различными валютными спекуляциями, самым тесным образом сотрудничая с "Креди Суисс" и "Сосьете де банк Суисс". Его совокупный капитал к сентябрю 1978 года превышал 1,2 млрд. долларов.

Примерно в то же время капитал Ватиканского банка перевалил за 1 млрд. долларов, принося ежегодный доход в 1978 году более 120 млн. долларов, при этом 85 процентов доходов находилось в личном распоряжении папы.

В ИРД было открыто более 11 тыс. счетов. Согласно положению, утвержденному при создании банка в 1942 году папой Пием XII, счета в этом банке могли иметь различные монашеские ордены и религиозные институты. Однако к моменту избрания Лучани папой лишь 1047 из них принадлежали таким орденам и организациям, 312 — приходам и 290 — епархиям. Оставшиеся 9351 принадлежали дипломатам, прелатам и "привилегированным гражданам", значительная часть которых даже не являлась гражданами Италии. Здесь были счета на имя Синдоны, Кальви, Ортолани и Джелли. Другие счета были открыты для ведущих политиков различных оттенков и направлений и наиболее видных промышленников.

Многие из владельцев этих счетов использовали возможность практически бесконтрольно вывозить капиталы из Италии в обход закона. Кроме того, их вклады полностью освобождались от налогов.

Оба отдела Управления имуществом Святого престола ставили перед Альбино Лучани ряд проблем, без решения которых не удалось бы вернуть церковь к временам раннего христианства. Существовало и немало других проблем, в частности обладание Ватиканом несметными богатствами, накопленными веками, включая бесценные произведения искусства.

Ватикан, как все крупнейшие транснациональные корпорации, немалое значение придавал внешней респектабельности, и тут такие произведения искусства были как нельзя более кстати. Художественные ценности, принадлежащие Святому престолу, известны всему миру: бесценные полотна Караваджо и Рафаэля, золотой алтарный крест работы Фарнезе,

подсвечники работы Джентиле да Фабриано, Аполлон Бельведерский, картины Леонардо да Винчи, скульптуры Бернини. Можно ли полагать, что слово божье было бы хуже слышно в храме более скромном, чем Сикстинская капелла, украшенная фреской "Страшный суд" Микеланджело? С точки зрения ватиканских дельцов, все эти творения человеческого гения относятся к категории "непроизводительного капитала", принадлежащего Святому престолу. Что испытал бы Иисус Христос, попав в государство Ватикан в сентябре 1978 года? Что бы он почувствовал, окажись в Управлении имуществом Святого престола, переполненном финансовыми экспертами светского и духовного звания, следящими и анализирующими по дням и по минутам колебания на биржах всего мира курсов акций, ценных бумаг и фондов? Что бы он сказал, увидев в Чрезвычайной канцелярии и Ватиканском банке электронно-счетное оборудование, поставленное фирмой ИБМ? Что сказал бы он, проповедовавший, что богачу так же трудно попасть в царствие божие, как верблюду пролезть через игольное ушко, по поводу непрерывно поступающей в Ватикан информации о колебаниях цен на крупнейших биржах в Лондоне, Нью-Йорке, Милане, Токио, Цюрихе, Монреале?

Что можно сказать, узнав, например, сумму ежегодной прибыли Ватикана лишь от продажи своих почтовых марок — а сумма составляет больше 1 млн. долларов? А "Обол святого Петра", поступающий ежегодно в личное распоряжение папы? Размер этих пожертвований, которые эксперты рассматривают как показатель популярности папы, при добродетельном Иоанне XXIII составлял сумму в 15–20 млн. долларов ежегодно! При Павле VI эта цифра упала до 4 млн. долларов в год.

Вопрос, конечно, риторический. Если бы Иисус Христос появился в 1978 году или сегодня в Ватикане, он не проник бы дальше входных дверей Ватиканского банка. А попытаться настоять на своем — арестовали бы у ворот святой Анны и передали в руки итальянских властей. Он не получил бы из первых рук информацию о корпорации Ватикан, этом транснациональном конгломерате, богатства которого поступают из многих источников. Его не стали бы посвящать в тайну того, каким образом Ватикан получает немалые суммы из США и Западной Германии; того, что в 1978 году католическая церковь Западной Германии собрала 1,9 млрд. долларов в качестве церковного налога, львиная доля которого попала в сейфы Ватикана.

Поэтому идея Лучани о превращении римской католической церкви в "церковь бедных" потребовала бы для ее реализации усилий больше, чем любой из подвигов Геракла. Современный финансовый монстр, созданный Бернардино Ногарой, — это самостоятельный организм. Поэтому кардиналы, избрав папой Альбино Лучани, сделали неизбежным столкновение между ним и корпорацией Ватикан. Могущественным силам в лице Управления имуществом Святого престола и ИРД предстояло вступить в конфликт с цельной натурой Альбино Лучани.

ТРИДЦАТЬ ТРИ ДНЯ

Появление Альбино Лучани в папских апартаментах у многих ассоциировалось с порывом свежего ветра, ворвавшегося в распахнутое окно. Чистый воздух и солнечный свет устремились в святая святых римско-католической церкви, рассеивая мрак последних лет понтификата Павла VI.

Лучани, будучи еще патриархом Венеции, говорил: "Я — маленький человек, привыкший к скромной жизни и тишине". Теперь он столкнулся с необходимостью обуздать гордыню Ватикана и спесь куриальной бюрократии.

Многочисленные эксперты по делам Ватикана, которые не предполагали, что на папский престол будет избран Альбино Лучани, называли его "папой-незнакомцем". Однако девяносто девять кардиналов сочли на конклаве, что ему можно доверить руководство церковью, несмотря на отсутствие дипломатического опыта и практики работы в Римской курии. Во время голосования все кандидаты из числа куриальных кардиналов потерпели поражение. Им предпочли человека, который заявил, что он хотел бы быть проповедником, а не понтификом. Суть политики Лучани сразу была определена: полная перестройка церкви. Он стремился вернуть церковь к истокам христианства: простоте, честности, искренности ранних христиан. И до него кое-кто имел подобные мечты, но реальности этого мира в лице советников брали верх.

Неужели этот маленький скромный человек сможет хотя бы приступить к назревшим преобразованиям, материальным и духовным? Избирая Лучани, его коллеги-кардиналы сформулировали в своих выступлениях, что они ждут от нового папы. Совершенно очевидно, что избравшие его не хотели видеть на престоле папу-реакционера, который явил бы собой образец отвлеченной интеллектуальности. Казалось, столпы церкви поняли наконец, что для укрепления ее роли в мире они должны найти в своей среде того, чья мудрость и простота смогут увлечь верующих. Во всяком случае, вольно или

невольно, они в этом преуспели на августовском конклаве 1978 года. Папа Лучани был пастырем, главным устремлением которого стало благо его паствы.

Имя, избранное Лучани, — Иоанн Павел I, римляне сочли длинноватым и тут же сократили его до Джанпаоло. Самому понтифику такое сокращение очень понравилось, и он стал пользоваться им даже при подписании официальных писем. Однако, проходя через государственный секретариат, официальный его титул восстанавливался рукой Вийо. Одно из посланий Лучани написал собственноручно монахам-августинцам, чьим гостеприимством он пользовался во время пребывания в Риме до открытия конклава. Такое человеческое проявление признательности было характерно для Лучани. На третий день после его избрания Иоанн Павел I счел необходимым поблагодарить тех, кто тогда предоставил ему кров.

Другое письмо, написанное в тот же день, было выдержано в минорном тоне. Лучани писал одному из итальянских священников, деятельностью которого восхищался, о том, каким грузом является для него бремя новых забот: "До сих пор не понимаю, как я мог взять на себя такую ответственность. Почти тут же я раскаялся, но было уже поздно".

Войдя в папские апартаменты, он прежде всего позвонил в родные края монсеньору Дюколи, давнему другу и коллеге, ныне епископу Беллуно. Папа сказал, что очень скучает по своим землякам. Позже он позвонил брату Эдоардо: "Только подумай, что со мной приключилось!" Это была его сугубо личная реакция на происшедшее. Публичные его выступления тоже произвели впечатление. Он цитировал Марка Твена, Жюль Верна и итальянского поэта Трилусса. Он вспоминал Пиноккио. Католические теологи, кардиналы и епископы саркастически кривили губы, а простые люди прислушивались к его словам.

Несколько дней спустя после избрания Лучани встретился с представителями прессы многих стран мира. Мягко упрекнув их, что газеты, сообщая о ходе конклава, излишне увлекались слухами, не уделив при этом должного внимания значению этого события, новый папа тут же добавил, что такой подход прессы почти традиционен. В качестве примера он привел наставление, которое дал своим репортерам один из итальянских издателей: "Помните, что публике совершенно не интересно, что именно сказал Наполеон III Вильгельму Прусскому. Ей хочется знать, какого цвета брюки были в этот момент на императоре и курил ли он при этом сигару".

В общении с представителями прессы Лучани вел себя непринужденно, легко находя общий язык, и не раз говорил, что если бы не посвятил себя духовной карьере, то непременно стал бы журналистом. Две книги, вышедшие из-под его пера, а также многочисленные статьи говорят о несомненной одаренности. Напомнив известное высказывание покойного кардинала Мерсье о том, что апостол Павел, будь он жив, избрал бы профессию журналиста, Лучани добавил, проявив понимание роли средств массовой информации в современном мире, что "апостол Павел стал бы не только журналистом, но даже возглавил бы, скажем, агентство Рейтер да еще выступал бы на итальянском телевидении или на Эн-би-си".

В отличие от курии корреспонденты были в восторге.

Приведенные высказывания папы были выброшены курьезной цензурой из официальных текстов его речей. Для потомков осталась бесцветная и мертвая казенщина, написанная ватиканскими чиновниками и лишенная яркой индивидуальности Лучани. В течение всего краткого периода его понтификата подобная практика была постоянной.

Книга Лучани "Иллюстриссими" ("Замечательные люди") — сборник его писем-раздумий — вышла в Италии еще в 1976 году и имела огромный успех. Теперь, когда автор стал лидером 800 миллионов католиков, издательство католического журнала "Мессаджеро ди Сан-Антониа" в Падуе, которому принадлежало исключительное право на издание этой книги, не знало отбоя от выгодных предложений. В его руках оказалась золотая жила.

28 августа было возведено как бы о революции, начатой папой. Сначала последовало заявление о том, что церемонии коронации не будет. Новый папа вообще отказывался короноваться. Не будет "Sedia destatoria" — выноса папы из Ватикана через Бронзовые ворота на тронном кресле. Не будет тиары, усыпанной изумрудами, рубинами, сапфирами. Не будет традиционной шестичасовой церемонии. Иными словами, Лучани отказался от ритуала, с помощью которого церковь не упускала случая показать, что по-прежнему не мирится с лишением ее светской власти. При этом Лучани пришлось выдержать долгие пререкания с ватиканскими хранителями традиций, прежде чем его воля была исполнена.

Лучани, который ни разу не позволил себе произнести монаршее "мы", был убежден, что следует говорить от имени церкви в соответствии с тем, как этого хотел ее основатель.

Коронацию Лучани заменил мессой. Вместо пышной це-

ремонии, когда глава католической церкви уподоблялся восточному властелину из сказок "Тысяча и одна ночь", папа просто поднялся на алтарь. Лучани упразднил многовековую традицию и ясно указал, как церковь может вернуться к временам раннего христианства. Монарх был одет предельно просто. Так он намеревался положить начало эре "бедной церкви для бедных".

Среди 12 глав правительств и других официальных представителей стран, приехавших на церемонию посвящения, присутствовали и те, встречи с которыми папа Лучани хотел бы избежать. В частности, он лично просил государственный секретариат не приглашать глав правительств Аргентины, Чили, Парагвая на инаугурационную мессу. Однако служба, во главе которой стоял кардинал Вийо, уже разослала приглашения от имени папы, не согласовав с ним предварительно этот вопрос.

В результате на торжественной мессе, заменившей коронацию, присутствовали генерал Видела из Аргентины, министр иностранных дел чилийской хунты и сын президента Парагвая, то есть представители стран, где попираются права человека. Прогрессивно настроенные итальянцы устроили демонстрацию протеста, во время которой было арестовано 300 человек. Позднее Лучани ставили в упрек приезд реакционеров на торжественный молебен. Однако критики не знали, что винить следует только кардинала Вийо. Когда в прессе появились подобные обвинения, Лучани уже не было в живых, а Вийо не намеревался отвечать на них.

Во время аудиенции, последовавшей за мессой, Лучани, сын социалиста, ненавидевшего фашизм, дал ясно понять генералу Виделе, что в этом отношении он полностью унаследовал мировоззрение своего отца. Он в особенности подчеркнул тревогу за судьбы людей, которые тысячами исчезли без вести в Аргентине. К концу 15-минутной аудиенции у папы аргентинский генерал очень пожалел, что не послушался увещаний ватиканских официальных лиц, которые настойчиво уговаривали его не приезжать на чествование нового папы, несмотря на получение официального приглашения.

Встреча с американским вице-президентом Мондейлом прошла сравнительно гладко. Мондейл вручил новому папе книгу, состоящую из фотокопий первых полос 50 американских газет, подробно освещавших ход августовского конклава. Более интеллектуальным подарком был экземпляр первого издания книги Марка Твена "Жизнь на Миссисипи". Види-

мо, кто-то из сотрудников госдепартамента потрудился выяснить литературные вкусы вновь избранного папы.

Так начался понтификат Иоанна Павла I, поставившего перед собой четкие и ясные цели. С первых дней понтификата стало ясно, что в курии он явно пришелся не ко двору.

Перед инаугурационной мессой Лучани обратился к представителям аккредитованного при Ватикане дипломатического корпуса. Столпы ватиканской дипломатии, отныне полностью ему подвластной, испытали чувство страха, когда он заявил на встрече от имени римско-католической церкви: "У нас нет товаров, которыми надо обмениваться; у нас нет экономических интересов, которые следовало бы обсудить. Наши возможности воздействия на мир носят особый и ограниченный характер. Они совершенно иные, чем те, которыми пользуется государственная власть для решения стоящих перед правительством светских, технических и политических проблем.

В этом смысле наши дипломатические представительства при главах государств отнюдь не являются пережитком прошлого. Они служат свидетельством глубокого уважения и признания церковью законной светской власти, а также показывают нашу готовность всячески содействовать такой власти, если она способствует достижению идеалов добра и гуманизма".

Первая фраза речи прозвучала как смертный приговор корпорации Ватикан. После этого оставалось лишь гадать, сколько дней или недель она еще просуществует.

На мировых товарных и фондовых биржах в Милане, Лондоне, Токио и Нью-Йорке с интересом отнеслись к выступлению Лучани. Если он говорил не для красного словца, то перемены предстоят в самом недалеком будущем, и перемены грандиозные. Все понимали, что реформы не сведутся к косметическим кадровым перемещениям в Ватиканском банке и Управлении имуществом Святого престола, что речь идет о переориентации деятельности этих учреждений в сторону ограничения.

Для заправил мировых фондовых бирж новые веяния не были пустым звуком. Если Альбино Лучани задумал воссоздать "бедную церковь для бедных", что же он собирается сделать с теми, кто создал супербогатую церковь? Какая судьба ждет все эти накопленные богатства? Подобные вопросы мучили многих и в Ватикане.

Мощная и умудренная вековым опытом машина Римской курии — правительства Ватикана — отнюдь не бездействовала. В воскресенье 27 августа, сразу после своего избрания и пуб-

личного обращения к верующим, собравшимся на площади Святого Петра, Лучани пригласил на ужин кардинала Жана Вийо. Занимая с апреля 1969 года пост государственного секретаря, члена важнейших ватиканских конгрегаций, и, кроме того, являясь камерленго, то есть душеприказчиком папы, который после его смерти и до избрания нового понтифика является главой Ватикана, Вийо олицетворял могущество и влияние Ватикана. Лучани обратился к нему с просьбой продолжать исполнять функции государственного секретаря. "Хоть ненадолго, пока я смогу окончательно определить свой выбор", — добавил папа. Вийо, которому уже исполнилось 73 года, рассчитывал, что наконец наступил для него момент подать в отставку. Однако Лучани просил его остаться на посту, как и всех глав конгрегаций, уведомив, впрочем, курию, что речь идет о сугубо временном положении. Осторожный и мудрый сын гор счел, что лучше не спешить. "Размышление. Решение. Исполнение" — вот его девиз. Если кардиналы курии хотели предугадать, как далее поведет себя новый папа, им следовало просто прочесть его письмо, посвященное святому Бернару. Многие, кстати, так и поступили. И кроме того, задались целью поглубже изучить личность Иоанна Павла I. То, что им удалось выяснить, привело многих в курии в состояние шока, а у других вызвало счастливое состояние, связанное с ожиданием перемен.

Смерть Павла VI дала новый импульс противоборству между различными враждующими группировками внутри Ватикана. Административное сердце католического государства — Римская курия на протяжении многих лет была раздираема междоусобицей, и только железная рука искушенного в искусстве управления Павла VI могла заставить ненавидящих друг друга иерархов церкви не выносить сора из избы. Теперь же, после полного неожиданностей конклава, на котором курия если не потерпела поражение, то, совершенно очевидно, выпустила инициативу из своих рук, необъявленная война разыгралась с новой силой, подойдя вплотную к папским апартаментам. Эта возня крайне огорчала Лучани, о чем он с горечью говорил многим, кто виделся с ним после избрания.

"Я делаю все, чтобы как можно быстрее освоить профессию папы римского, но никто не может глубоко и объективно изложить даже основных проблем. Мне приходится часами выслушивать жалобы или просто хулу, которую все изливают друг на друга".

Одному из своих земляков, приехавших навестить его

из Северной Италии, он сказал с горькой усмешкой: "Здесь, в Ватикане, самый острый дефицит двух вещей: честности и хорошего кофе".

Фракций и групп в Римской курии насчитывалось примерно столько же, сколько мальчиков в хоре Сикстинской капеллы. Однако в целом то была курия Павла VI, которая желала оставаться таковой и впредь и самым ревнивым образом оберегала дух и традиции его понтификата. Существовало множество противоречивых точек зрения. Часть куриальных кардиналов превозносила Бенелли, другая же считала, что ему гореть в аду. Павел VI сделал его в свое время заместителем государственного секретаря — вторым после Вийо лицом в Ватикане, — затем кардиналом. Теперь у Бенелли не стало защитника, и длинные ножи, отточенные против него, все еще давали о себе знать. Все понимали, что Лучани стал папой благодаря таким, как Бенелли.

Помимо этого, внутри курии существовали группки, приветствовавшие или ненавидевшие кардиналов Баджо, Феличи и Бертоли. Одна фракция желала усиления централизации власти в курии, другая добивалась прямо противоположного.

Всю жизнь Лучани старался как можно реже бывать в Ватикане, в особенности избегая контактов с курией. Именно поэтому, вероятно, перед его избранием у него было меньше врагов, чем у любого из кардиналов. Вскоре ситуация в корне изменилась: над курией стал папа, заявивший во всеуслышание, что основной функцией курии должно быть "только исполнение", а принятие решений он считает задачей папы при теснейшем сотрудничестве с епископатам, представляющим католическое духовенство всего мира. Для этого он планировал провести децентрализацию структуры Ватикана. Отказавшись от коронации, он привел в негодование приверженцев традиций. Другие его шаги, предпринятые сразу же и крайне решительно, в частности, такие, как сокращение наполовину месячной зарплаты, выплачиваемой всем членам курии в качестве подарка по случаю избрания нового понтифика, настроили против него людей практического склада.

Очевидно, что среди трех тысяч сотрудников курии были и люди, готовые лояльно служить папе, который им нравился; но, как это часто бывает, негативные силы взяли верх.

Отношения между Лучани и его государственным секретарем были непростыми. Новый папа считал Вийо человеком холодным и надменным, удивляясь тому, что, будучи профессиональным и многоопытным дипломатом, кардинал доволь-

но бестактно и часто вспоминал о том, как отнесся бы к той или иной проблеме и что сказал бы по тому или иному поводу Павел VI. Было совершенно очевидно, что у Вийо и его единомышленников никак не укладывалось в голове: эра Монтини канула в Лету.

Речь, произнесенная новым папой ровно сутки спустя после избрания, носила самый общий характер. Но уже в первых числах сентября вырисовывается конкретная программа, на которой сказалось влияние первых ста дней понтификата Иоанна XXIII.

Иоанн XXIII был избран папой 28 октября 1958 года, когда он был уже весьма пожилым человеком. В первые сто дней на престоле он успел произвести все основные кадровые перемещения, среди которых самым известным, пожалуй, было назначение кардинала Доменико Тардини на пост государственного секретаря. Это назначение стало подлинной сенсацией особенно потому, что пост оставался вакантным с 1944 года. Однако наиболее значительным решением, принятым папой Иоанном XXIII в течение этих ста дней, было решение о проведении Второго Ватиканского собора. Оно было обнародовано 25 января 1959 года — на 89-й день его правления.

Теперь, с приходом Альбино Лучани, многие уже не сомневались, что его первые 100 дней будут не менее впечатляющими. Во главу угла Иоанн Павел I ставил необходимость кардинальным образом изменить основную ориентацию Ватикана на тесное финансовое сотрудничество с капиталистическими монополиями, одной из которых он фактически и являлся. Другой шаг заключался в том, чтобы избавить католиков от трудностей, связанных с запретами, содержащимися в энциклике "Жизнь человеческая".

Вийо крайне скептически воспринял подход нового понтифика к проблемам, которые затрагивались в энциклике Павла VI. Вийо считал принципиально важной и верной позицию Павла VI, требовавшего от всех католиков полного отказа от искусственной контрацепции, считая, что такая позиция находится "в полном соответствии с законом божьим". И вдруг, спустя всего два месяца, он вынужден был выслушивать ее обоснованную критику. И от кого! От самого папы! Лучани, бесшумно ступая вокруг рабочего стола в своем кабинете, на котором остывал любимый черный кофе, говорил о проблемах, порожденных энцикликой в течение истекших десяти лет. Энциклика, возникшая под влиянием желания повысить авторитет папской власти посредством укреп-

ления традиционной позиции церкви, вызвала реакцию, прямо противоположную той, на которую рассчитывали ее авторы. Против нее выступили католики Бельгии, Голландии, Западной Германии, Великобритании, США и ряда других стран. Отовсюду сообщали о том, что энциклика породила неповиновение. Католики, не находя понимания в этом вопросе у одного священника, шли на исповедь к другому, более либеральному. Все это Лучани знал по собственному опыту, когда находился еще в Витторио-Венето.

Вийо попытался возразить, Лучани горько улыбнулся с оттенком грусти и спросил: "Ваше преосвященство, как можем судить мы, давшие обет безбрачия, о страстях и желаниях, искушающих тех, кто состоит в браке?"

Разговор этот проходил в рабочем кабинете Лучани в апартаментах Апостолического дворца. Он длился 45 минут с небольшим. Когда Вийо, попрощавшись, направился к двери, Лучани сказал: "Ваше преосвященство, мы с вами посвятили обсуждению вопроса о контроле над рождаемостью более 45 минут. Если статистические данные, которыми я располагаю, достоверны, за это время в мире умерло от истощения около тысячи детей в возрасте до пяти лет. В течение следующих трех четвертей часа, пока вы и я будем степенно прогуливаться или предаваться размышлениям в ожидании предстоящего обеда, умрет ровно столько же. Еще через сутки тридцать тысяч детей, которые в эту минуту еще живы и просят есть, тоже умрут от недоедания. Бог не всегда милостив".

После этих слов государственный секретарь Ватикана, находясь в состоянии сильного душевного волнения, долго не мог найти выход из папских покоев. Папе Иоанну Павлу I пришлось отказаться от присутствия на III конференции латиноамериканского епископата (СЕЛАМ) в Пуэбло (Мексика). Конференция планировалась как продолжение II конференции латиноамериканского епископата в Медельине (Колумбия) в 1968 году. В Медельине кардиналы, епископы и рядовые священники Латинской Америки дали новый импульс жизни церкви в этом регионе. Их позиция, провозглашенная в Медельинском манифесте, заключалась в том, что залог доверия верующих к церкви — в умении приблизиться к пониманию нужд и чаяний самых бедных слоев. Церковь давно уже стала вотчиной прежде всего тех, в чьих руках власть и богатство. Это был радикальный поворот.

"Теология освобождения", о которой заговорили в Латинской Америке, особенно после конференции в Медельине, по-

казала, что церковь готова выступить против финансовой олигархии и социальной несправедливости. По сути, это был призыв к ожесточенной борьбе... И разумеется, эти либеральные взгляды сразу же натолкнулись на резкое противодействие не только со стороны реакционных режимов, но и со стороны консервативных элементов внутри самой церкви. Конференция в Пуэбло должна была стать кульминационным пунктом наметившейся конфронтации и определить политику церкви в Латинской Америке на предстоящие годы. Решится ли церковь пойти на сближение с трудящимися и беднейшими массами или вернется к реакционной политике в угоду антинародным военным режимам?

В конклаве, спустя менее часа после избрания Лучани папой, кардиналы Баджо и Лоршейдер, ключевые фигуры в подготовке серии предстоящих встреч в Мексике, беседовали с ним. Епископская конференция в Пуэбло была отложена из-за смерти Павла VI, и кардиналы хотели знать, готов ли вновь избранный папа определить новую дату ее проведения.

Таким образом, Лучани сразу же после избрания имел возможность изложить кардиналам свои соображения по основным вопросам, которые предполагалось обсуждать в Пуэбло. Он не возражал, чтобы конференция была проведена с 12 по 28 октября 1978 года. Кроме того, по признанию кардиналов, во время беседы они были просто изумлены полнотой и глубиной его осведомленности по затронутым вопросам и четкостью их понимания. Относительно возможности личного присутствия на конференции он сказал, что не может высказаться однозначно сейчас, когда его понтификат еще, по сути, не начался. Однако существовали убедительные аргументы в пользу решения не покидать Рим. К середине сентября папа Иоанн Павел I пришел к твердому убеждению, что его первоочередной задачей должно стать наведение порядка в собственном доме. А это прежде всего предполагало тщательное изучение деятельности Ватиканского банка.

Этим Лучани и занялся со всей решительностью, чего в последние годы так не хватало его предшественнику на папском троне. Он не питал иллюзий по поводу того, что весь Ватикан удастся изменить за 100 первых дней, однако поставил цель начать смену курса церкви, и в особенности в финансовых вопросах.

В течение первой недели правления папа определил в общих чертах стиль и методы руководства. Он милостиво удовлетворил просьбу кардинала Вийо об освобождении его от

одного из многочисленных постов — президента папского совета "Кор унум". Это место вскоре занял чернокожий кардинал Бернар Гантэн. "Кор унум" служит одним из основных каналов поступления денежных средств в папскую казну с целью последующего их использования в беднейших странах.

Именно поэтому для Лучани "Кор унум" стал центральным звеном в реализации финансовой политики, сводившейся к тому, что она наряду с остальными аспектами его деятельности должна быть проникнута евангельским духом. Вийо он решил заменить другим человеком.

Ватикан бурлил. Всюду обсуждались первые решительные и весьма красноречивые шаги, не оставлявшие сомнений в том, куда направлена новая политика папы в области финансов. В этот момент многие и стали клясться и божиться, что вообще не знали, кто такой Микеле Синдона, что никогда не видели ни его, ни Кальви, ни кого-либо другого из представителей миланской мафии, делавшей такие крупные капиталовложения в Ватикане во время понтификата Монтини. Другие из чувства самосохранения прибегли к не менее известному способу и стали поставлять конфиденциальную информацию в папские апартаменты.

Несколько дней спустя после назначения Гантэна папа нашел на своем столе экземпляр циркуляра Итальянского управления по контролю над валютными операциями. Циркуляр служил прямым ответом на пространное открытое письмо журнала "Мондо" папе с целью привлечь внимание к противоречию между финансовой политикой Ватикана и позицией Лучани, выступавшего за "бедную церковь для бедных".

Циркуляр, подписанный министром внешней торговли Италии Ринальдо Оссола, был разослан одновременно и во все банки страны. В нем вновь напоминалось, что Ватиканский банк "по сути своей есть банк не итальянский, а иностранный", в силу чего его отношения с итальянскими кредитными учреждениями должны строиться на общих для всех иностранных банков условиях. Особое беспокойство министра вызвали злоупотребления валютой, связанные с нелегальным вывозом капитала из страны. Таким образом, по своему смыслу циркуляр представлял собой официальное признание итальянским правительством того факта, что те или иные валютные махинации Ватиканского банка действительно имели место. В финансовых кругах страны циркуляр восприняли как попытку положить конец хотя бы одному из направлений сом-

нительной деятельности Ватиканского банка. В клерикальных кругах этот факт расценивали как первый признак того, что хозяйничанию епископа Марцинкуса близится конец.

В начале сентября 1978 года в Ватикане распространилась версия, которая мне представляется недостоверной, но на которой настаивали в разговоре со мной многие представители и Ватикана, и итальянской прессы. Речь шла о пресловутой продаже "Банка каттолика дель Венето" Роберто Кальви и поездке Лучани в Ватикан с целью помешать этому. Об этом уже подробно говорилось в данной книге.

Распространившаяся версия сводилась к тому, что Лучани при встрече вступил в спор с Павлом VI, который настаивал на своем. Он сказал Лучани: "Но даже вы должны принести жертву на алтарь церкви. Поэтому помните, что наша церковь должна найти способ оправиться от удара, который нанес ее финансам Микеле Синдона. Однако будьте добры изложить суть претензий монсеньору Марцинкусу".

Некоторое время спустя Лучани появился в кабинете Марцинкуса и выразил протест от имени вверенной ему епархии по поводу продажи банка. Марцинкус, выслушав патриарха Венеции, ответил: "Ваше преосвященство, неужели вам больше нечем заняться? Займитесь своими делами, а я займусь своими". И показал Лучани, что разговор окончен.

Каждый, кто знаком с методами, которыми пользовался Марцинкус и которые снискали ему прозвище Горилла, не удивится такой грубости. Как бы то ни было, всем обитателям Ватикана на любом уровне было ясно, что конфронтация неизбежна, если она уже не началась. Теперь незаметный священник из Беллуно получил реальную власть, которой с лихвой хватило бы на то, чтобы выбить Марцинкуса из седла.

В курии заключались пари, в какой именно день Марцинкус получит официальную отставку. Помимо расследования, которое папа поручил провести кардиналу Вийо, Иоанн Павел I решил дублировать его по некоторым другим каналам. Прежде всего он завел разговор о Ватиканском банке с кардиналом Феличи и позвонил во Флоренцию кардиналу Бенелли.

Именно Джованни Бенелли сообщил папе, что Банк Италии также проводит расследование деятельности "Банко Амброзиано". Кстати, это типично для римской католической церкви: кардинал Флоренции сообщает папе в Рим о том, что

происходит в Милане. Бенелли, в прошлом второй человек в государственном секретариате, сумел создать широкую сеть осведомителей по всей стране. Сам Личо Джелли, глава колоссальной подрывной империи — ложи "П-2", с его страстью к сбору конфиденциальной информации отдал бы дань уровню и качеству сведений, которые умел добывать хитроумный Бенелли. Среди тех, с кем он поддерживал контакт, были и те, кто занимал видное положение в Банке Италии. Именно благодаря им кардинал узнал о расследовании деятельности империи Роберто Кальви, достигшем к сентябрю 1978 года высшей точки. Безусловно, более всего в ходе расследования тревожили Бенелли, а следовательно, и Лучани связи Кальви с Ватиканом. Поставщик сведений из Банка Италии утверждал, что расследование неизбежно повлечет за собой ряд судебных обвинений против Роберто Кальви и, видимо, некоторых членов совета директоров его банка. У следственной комиссии не оставалось сомнений и в том, что в целом ряде махинаций Кальви, самым грубым образом нарушавшего итальянское законодательство, принимал участие Ватиканский банк. Возглавляли список ватиканских сообщников Кальви Пол Марцинкус, Луиджи Менини и Пеллегрини де Стробель.

Но не только Бенелли сумел получить информацию о том, что думали руководители Банка Италии. Члены ложи "П-2" поставляли те же самые сведения Личо Джелли в Буэнос-Айрес. Он же в свою очередь ничего не скрывал от своих друзей, сопровождавших его в этом путешествии, от Умберто Ортолани и Роберто Кальви. Другие члены ложи из числа высокопоставленных судебных чиновников Милана сообщили Джелли, что по окончании расследования доклад по итогам будет передан судье Эмилио Алессандрини.

Несколько дней спустя по указу Джелли террористами из миланской группы "Прима линия" Эмилио Алессандрини был убит. Сфера деятельности ложи "П-2" была настолько широка, что охватывала и Ватикан.

В начале сентября Лучани понял, что оказался включенным в список тех немногих избранных, кому поставляло информацию необычное информационное агентство "Оссерваторе политико" (ОП). Возглавлял его журналист Мино Пекорелли. Материалы, публикуемые бюллетенями ОП, носили неизменно скандальный характер, но, что весьма удивительно, всякий раз оказывались достоверными. Отныне в число известных политических деятелей, ученых, крупных издателей

и журналистов, которые хотят обо всем узнавать первыми, попал и папа римский.

В бюллетене ОП он прочел большую статью "Великая ложа Ватикана", в которой были перечислены имена 121 члена масонских лож. Среди них были и миряне, но преобладали там кардиналы, епископы и высокопоставленные прелаты. Мотивы, по которым Пекорелли предал гласности этот список, достаточно просты: он вступил в единоборство с "великим магистром" Личо Джелли. Пекорелли входил в число "братьев", но иллюзий в отношении масонства не питал.

Мино Пекорелли считал, что публикация имен "братьев" из числа ватиканской элиты поставит "великого магистра" Джелли в тяжелое положение. Среди тех, кто попал в список, было немало близких друзей Джелли и Ортолани.

Если допустить, что информация была верна, выходило, что Лучани был окружен масонами, а принадлежность к масонской ложе влекла за собой автоматическое отлучение от римско-католической церкви. Еще до конклава пошли слухи, что к "тайному братству" принадлежат даже некоторые из "папавилей". 12 сентября новому папе положили на стол полный список ватиканских масонов. Лично Лучани всегда придерживался того мнения, что членство в масонской ложе абсолютно несовместимо с духовным саном. Среди его знакомых католиков-мирян были и масоны. Будучи человеком широких взглядов, он допускал это. Были у него друзья и среди коммунистов. Что же касается священнослужителей, то они, по его убеждению, обязаны жить только по законам церкви.

Еще в далеком прошлом римско-католическая церковь выразила крайне негативное отношение к масонству. Новый папа был готов к дискуссии по вопросу о подходе церкви к масонству в целом, но применительно к упомянутым в списке Пекорелли его позиция была однозначна.

Государственный секретарь Ватикана и второе лицо в церковной иерархии кардинал Вийо, масонское имя которого было Джанни, вступил в цюрихскую ложу в августе 1966 года, получив членский номер 041/3. Среди масонов были кардинал викарий Рима Уго Полетти, кардинал Баджо, епископ Пол Марцинкус, монсеньор Донато де Бонис из Ватиканского банка. Папа был обескуражен, некоторое облегчение ему доставило то, что по крайней мере ни Бенелли, ни Феличи не упоминались среди масонов, хотя в списке оказался даже личный секретарь покойного Павла VI монсеньор Паскуале Макки.

Лучани позвонил Феличи, прося зайти его на чашку кофе.

Феличи еще больше встревожил папу, рассказав, что более двух лет назад, в мае 1976 года, подобный список уже ходил в Ватикане. Повторная попытка объяснялась, вероятно, желанием повлиять на нового папу в преддверии кадровых перестановок.

— Можно ли верить этой бумаге? — спросил Лучани.

Феличи ответил, что, по его мнению, некоторые из названных лиц действительно принадлежат к различным масонским ложам. Однако другие попали в него случайно, Феличи высказал предположение, что список — дело рук сторонников Лефевра...

Архиепископ Лефевр в течение многих лет вызывал недовольство Ватикана, и особенно папы Павла VI. Ярый реакционер, который рассматривал Второй Ватиканский собор как сгусток ереси, он предавал его решения анафеме и отказывался им подчиняться. Позиция сторонников Лефевра на конклаве, избравшем Лучани папой, сводилась к тому, что они вначале заявили об отказе признать нового понтифика, поскольку он будет избран конклавом, в который не входили кардиналы старше 80 лет. Одно за другим отвергали они имена кандидатов, неизменно называя их "зловещими".

Лучани задумался ни минутой.

— Вы говорите, что подобный список уже распространялся раньше?

— Да, святой отец.

— И он попал в прессу?

— Да, святой отец. Однако полный список никогда не публиковался. Иногда упоминалось то одно, то другое имя.

— И какова же была реакция Ватикана?

— Обычная. То есть никакой реакции.

Лучани рассмеялся. Ему явно импонировал Перикле Феличи. Стопроцентный представитель курии и традиционалистского мышления, он тем не менее был остроумным, культурным человеком.

— Ваше преосвященство, — спросил Лучани, — в рамках возложенного на вас Павлом VI поручения по пересмотру свода канонического права, над чем вы столько трудились, предусматривалось ли изменение позиций святой церкви в отношении масонства?

— В течение ряда лет свою точку зрения по этому вопросу пытались навязать папе самые различные куриальные группировки. Некоторые требовали "осовременить" подход. Святой

отец скончался, не успев выработать твердой позиции по этому вопросу.

Феличи затем сказал, что одним из тех, кто более других ратовал за отмену автоматического отлучения от церкви католиков, ставших членами ложи, был кардинал Жан Вийо.

В дальнейшем папа стал внимательнее присматриваться ко многим из тех, кто переступал порог его кабинета. Конечно же, франкмасоны внешне ничем не выделялись среди других. Пока папа Лучани раздумывал над тем, как разрешить возникшую проблему, кое-кто в Римской курии из разделявших крайне правые взгляды Джелли уже, по-видимому, оповестил о происходящем Роберто Кальви.

Новости сулили мало приятного. Миланский банкир был убежден, что папа ищет способ отомстить ему за покупку "Банка каттолика дель Венето". Он не понимал, что Лучани двигали иные побуждения, чем сведение личных счетов с Кальви. Последний вспомнил о возмущении венецианского духовенства, о протесте, с которым от имени своей епархии Лучани отправился к Павлу VI. Кальви мучился в догадках: что делать в такой ситуации? Преподнести Ватикану дорогой подарок? Может быть, сделать крупное пожертвование для бедных? Все, что ему удалось выяснить относительно личности Лучани, склоняло к мысли, что приходится иметь дело с человеком, редко встречающимся в мире бизнеса, — неподкупным.

В течение сентября Кальви разъезжал по Латинской Америке: Уругвай, Перу, Аргентина. Джелли и Ортолани сменяли друг друга в его окружении. Мучила мысль: если Марцинкуса сместят, то тот, кто займет его место, быстро разберется в истинных отношениях "Банко Амброзиано" и Ватиканского банка. Меннини и де Стробеля тут же уволят, а Банк Италии получит детальную информацию о всех совместных аферах. Что касается самого Роберто Кальви, то он, скорее всего, проведет остаток жизни за решеткой.

Кальви уничтожил улики, пытаясь спрятать концы в воду. Результат его преступной деятельности можно было назвать в своем роде феноменальным: то была не просто кража, даже не просто большая, а грандиозная кража. То был немислемый по размаху перманентный грабеж. К сентябрю 1980 года Кальви украл уже более 400 млн. долларов. И вдруг, достигнув, казалось бы, триумфа, он сталкивается с таким препятствием, как ревизоры из Банка Италии. Джелли успокоил Кальви, пообещав уладить дело. Но мог ли даже всесильный Джелли устранить с пути новое препятствие — папу римского?

А если бы "волей судьбы" папа Лучани умер, не успев сместить Марцинкуса, тогда Кальви выиграл бы время, необходимое для того, чтобы обезопасить себя. Для этого достаточно одного месяца! Но за это время можно сделать многое. Как поведет себя следующий конклав? Не может же господь дважды ошибиться, послав еще одного папу — сторонника реформы финансов Ватикана?

Со всеми своими соображениями и опасениями Кальви, как обычно, обратился к Личо Джелли. После бесед в гуле южноамериканских городов Кальви несколько приободрился. У него появилась решимость действовать. И снова спасибо Джелли. Проблема может и должна быть решена!

Тем временем дела в папских апартаментах шли своим чередом. По привычке, которой он неизменно следовал всю жизнь, Лучани вставал рано. Поскольку папы наследовали друг у друга жилые покои и предметы быта, Лучани предпочел кровать покойного Иоанна XXIII ложу Павла VI. Отец Маджи сообщил Лучани, что Павел VI в свое время, став папой, отказался спать на кровати своего предшественника, "из почтения к его памяти". Лучани на это ответил: "А я воспользуюсь его кроватью из любви к нему".

Несмотря на то что будильник на всякий случай был неизменно поставлен на 5 часов утра, Лучани просыпался, как правило, в 4.30 от легкого стука в дверь, который означал, что его домоправительница сестра Винченца уже оставила за дверью кофейник с горячим кофе. После кофе он принимал ванну и брился. Затем от пяти до половины шестого утра занимался английским языком с помощью кассетного магнитофона. После шел в небольшую часовню, где молился до семи утра.

Каждое утро в 7.00 к нему в кабинет входили личные секретари отец Диго Лоренци и отец Джон Маджи. Все трое отправлялись к мессе в сопровождении монахинь, в обязанность которых входила уборка папских апартаментов и приготовление пищи для папы. Настоятельница мать Елена, сестры Маргарита, Ассунта, Габриела и Клоринда стали помогать, по предложению отца Лоренци, сестре Винченце, приехавшей из Венеции.

Завтрак, состоявший из кофе с молоком, булочки и чего-нибудь из фруктов, приносили сразу после утренней мессы, в 7.30. Лучани просматривал свежие газеты, среди которых непременно венецианскую "Газеттино". Между 8.00 и 10.00 утра папа в одиночестве работал у себя в кабинете, готовясь к предстоящим в течение дня аудиенциям. Первыми

среди них, между 10.00 и 12.30, были встречи с ватиканскими чиновниками, в частности с монсеньором Жаком Мартэном — главой префектуры, ведавшей всеми вопросами быта папы.

Папа принимал посетителей на третьем этаже Апостолического дворца. Мартэн, в обязанности которому вменялось следить за точностью расписания аудиенций у папы, и другие чиновники курии скоро убедились, что протокольная точность не является сильной стороной Лучани. Папа, как правило, беседовал с гостями дольше, чем намечало расписание, и тем самым нарушал распорядок дня.

Сестра Винченца подавала обед обычно в половине первого, что вызывало неодобрение приверженцев традиций Ватикана. Папа Павел VI имел обыкновение садиться за стол в 13.30. Перемена времени обеда вызвала самый живой отклик и массу комментариев среди куриальных прелатов. Толки еще больше усилились, когда прошел слух, что папа допускает к обеденному столу представительниц женского пола. Речь шла о его племяннице Пии и жене брата, которые разделяли с ним трапезу.

Между 13.30 и 14.00 папа отдыхал, после чего отправлялся на прогулку в ватиканские сады или в зимний сад на крыше дворца, иногда в обществе кардинала Вийо. Чаще всего предпочитал чтение. Помимо требника он охотно читал Марка Твена или Вальтера Скотта. С 16.00 его вновь можно было найти в кабинете, изучающим расписание аудиенций на следующий день и материалы к ним, подготовленные монсеньором Мартэном.

В 16.30, за ромашковым чаем, папа принимал "тарделлу" — вереницу кардиналов, архиепископов, секретарей, глав конгрегаций, то есть членов Римской курии. Именно эти встречи обеспечивали слаженную работу всего механизма римско-католической церкви.

Вечерняя трапеза начиналась в 19.45. В 20.00, все еще сидя за столом, папа смотрел по телевидению вечерние новости. Обычно в обществе Лоренци и Маджи.

После ужина продолжалась подготовка к предстоящим на следующий день аудиенциям. Затем, произнеся вечерние молитвы, папа отправлялся спать около 21.30 вечера.

Таков был ежедневный распорядок дня нового папы. Иногда он его нарушал. Время от времени без всякого предупреждения отправлялся в неурочный час на прогулку. С точки зрения строжайше выверенного ватиканского протокола это неслыханная дерзость, от которой на лицах швейцарских гвар-

дейцев появлялось выражение озабоченности. Папа доставлял волнения капитану гвардейцев тем, что вдруг вступал в непринужденную беседу с часовым, не говоря уже о том невероятном инциденте, когда папа обратился с просьбой к ним не преклонять колен всякий раз при его появлении. При этом он заметил отцу Маджи: "Кто я такой, чтобы передо мной вставать на колени?"

Вирджилио Ноз, церемониймейстер папского двора, ни-жайше просил нового папу не вступать в разговоры с швейцарскими гвардейцами и здороваться с ними лишь кивком головы. Папа спросил: "Почему?" Ноз воздел в изумлении руки: "Святой отец, так не положено. Никогда и никто из пап не вступал с ними в разговор".

Альбино Лучани слегка улыбнулся. Однако он по-прежнему останавливался, чтобы поговорить с гвардейцами. Требования, предъявляемые протоколом к папе Лучани, являлись отголоском первых лет правления Павла VI, когда священники и монахи падали на колени, если к ним обращался папа, даже по телефону.

Манера нового папы вести беседы по телефону тоже вызвала переполох среди куриальных традиционалистов. Теперь им следовало иметь в виду, что папа сам может запросто снять трубку, когда звонит телефон, и так же сам набрать номер, желая поговорить с кем-нибудь. Он звонил друзьям в Венецию, в частности монахиням-настоятельницам, ведя с ними непринужденный разговор. Однажды он позвонил отцу Бартоломео Сордже, своему давнему другу, и попросил, чтобы иезуит отец Децца его исповедал. Децца перезвонил через час. Голос в трубке произнес:

— Простите, но секретаря папы в данный момент нет на месте, что ему передать?

— А с кем я говорю?

— С папой.

В Ватикане такого еще не бывало. Ни до, ни после Лучани. Секретари Лучани отрицали, что подобные инциденты имели место. Это казалось немыслимым. И тем не менее это все -таки факт.

Лучани взялся обследовать Ватикан, который почти не знал. А там 10 тысяч комнат и залов, 997 лестниц, в том числе 30 потайных. Иногда он вдруг исчезал из папских апартаментов в Апостолическом дворце один или в обществе отца Лоренци, неожиданно появляясь в одном из помещений курии. "Простите, я, кажется, заблудился", — сказал он однажды

извиняющимся тоном застывшему в изумлении архиепископу Каприо, заместителю государственного секретаря.

Одно было ясно: в Ватикане такое поведение папы пришлось не по вкусу. Курия привыкла иметь дело с папами, которые знали свое место и вели себя, уважая устоявшиеся традиции. Лучани же интересовался всем и, что особенно не нравилось, хотел перемен. Ожесточенный характер принял, например, вопрос о тронном кресле, в котором папы на протяжении веков восседали во время торжественных церемоний. Лучани распорядился отнести его в чулан. Традиционалисты воспротивились. Вот такой мелочью приходилось заниматься папе римскому, чтобы отстоять свою независимость от всемогущей курии. На фоне этого нетрудно представить, что ждало нового папу в его действиях, не соответствующих принятым канонам в вопросах более важных.

Лучани скоро понял, что его мироощущение, его склад мышления и образ жизни были совсем нетрадиционными. Он пытался объяснить, что к верующим надо выходить пешком, что он так же смертен и грешен, как и все люди. Он отвергал не только тронное кресло или папские носилки, но и то, что эта средневековая утварь олицетворяет. "Но ведь толпе не видно вас, — возражала курия. — Народ требует возврата к священному обычаю: вас должны поднять над толпой и выносить на носилках!" Лучани возражал. Он говорил, что для него крайне мучительно быть на плечах других, тем более в буквальном смысле.

"Ваше святейшество, — возражали куриальные демагоги, — если вы алчете смирения и покорности еще больше, чем вы уже продемонстрировали, почему же не смириться и не покориться тому, чему ваш дух столь рьяно противится, почему надо отказываться от носилок?"

Против такого аргумента папа не нашелся, что возразить, и подчинился. На свою вторую публичную аудиенцию он был внесен на тронном кресле.

Куриальная возня отнимала у папы немало времени и сил, однако основным его занятием было все же решение более серьезных проблем. Он заявил представителям дипломатического корпуса, что Ватикан отказывается от всяких притязаний на светскую власть. Тем не менее он очень скоро убедился, что любая крупная проблема мировой политики требовала от него четко выраженной позиции. И не могло быть иначе, ибо духовная власть папы охватывала 18 процентов живущих на земле. Иными словами, папский престол должен

иметь продуманную и четко выраженную позицию по широкому кругу проблем.

В частности, нельзя было уйти от вопроса о том, как относиться к диктаторским режимам в Латинской Америке, распоряжавшимся жизнями и судьбами миллионов католиков этого региона. А режим Маркоса на Филиппинах, где значительная часть 43-миллионного населения — католики? Какую позицию следует занять в отношении диктаторского режима Пиночета? Ведь 80 процентов чилийцев тоже католики. А никарагуанский диктатор Сомоса, которым восхищается финансовый советник Ватикана Микеле Синдона? Что делать католической церкви в Уганде, где ее преследует режим Амина и где большинство населения прозябает в ужасающей нищете и бесправии? Наконец, Сальвадор, где представители правящей военной хунты заявили, что быть католиком — значит, быть врагом? И это в стране, где католиками являются 96 процентов населения! Не означает ли это возведения геноцида на уровень государственной политики? Как бы то ни было, но эти проблемы неизмеримо важнее, чем стычки с курией по поводу папских носилок.

Как и о чем должен говорить человек, который еще в Венеции отрицательно отзывался о коммунизме, с коммунистическим миром, взойдя на кафедру еще более высокую? Мог ли кардинал, заявивший о своем одобрении идеи "баланса страха" в области ядерного оружия, придерживаться той же позиции в беседе с решительными сторонниками разоружения?

По вопросам положения духовенства папа Павел VI оставил в наследство своему преемнику ряд весьма сложных проблем. Все громче стали раздаваться голоса, требовавшие отказаться от celibата — обета безбрачия для священников. Появилось множество сторонников посвящения в духовный сан женщин. Возникали течения, требовавшие пересмотра норм канонического права в отношении разводов, аборт, гомосексуализма и ряда иных вопросов. Решить их мог и должен только он, и в самое короткое время.

Новый папа очень скоро дал понять всем, что, по выражению бывшего секретаря папы Иоанна XXIII монсеньора Лориса Каповилла, "в лавочке у Лучани было гораздо больше товара, чем он выставял в витрине". Когда кардинал Агостино Казароли представил папе перечень из семи вопросов, касающихся его мнения о политике папства в отношениях со странами Восточной Европы, Лучани тут же дал ответы на пять из них. Изумленный Казароли поделился с одним из своих

коллег: "На мой взгляд, они были совершенно правильными. У Павла VI мне пришлось бы дожидаться ответов целый год".

Еще одной непростой проблемой, требовавшей недюжинного ума и знаний обстановки, была выработка политики церкви касательно положения в Ирландии и отношения к ирландской республиканской армии. Утвердилось мнение, что церковь занимала излишне уклончивую позицию, не осудив прямо и открыто кровопролитие в этой многострадальной стране.

В Ирландии не было кардинала. В борьбе вокруг его назначения на Лучани пытались оказать давление различные группировки. Некоторые поддерживали курс, проводимый О'Фиаксом, другие были его противниками. Альбино Лучани внимательно изучил досье на О'Фиакса и, возвращая его государственному секретарю, сказал, покачивая головой: "Думаю, Ирландия достойна лучшей кандидатуры". Поиски более достойного продолжались. А завершились они тем, что преемник Лучани предпочел О'Фиакса.

В сентябре 1978 года положение в Ливане еще не рассматривалось как одна из самых острых проблем в мире. Тогда, намного опередив профессиональных политиков, "тихий священник" из Венето предсказал, что Ливан окажется ареной ожесточенной и кровавой войны. Несколько часов обсуждал он эту проблему с Казароли и выразил пожелание посетить Бейрут еще до рождества 1978 года.

Одним из тех, с кем Лучани беседовал тогда, был префект конгрегации католического образования кардинал Габриэль Мари Гарроне. Аудиенция может служить примером незаурядности ума Лучани. Гарроне пришел для обсуждения готовившегося к изданию документа, посвященного апостолической конституции, правилам и установкам, регулирующим жизнь католических учебных заведений. Еще в начале 60-х годов Вторым Ватиканским собором были намечены определенные изменения в работе семинарий. Два года спустя после тщательного обсуждения предложения по пересмотру были разосланы курией всем епископам для ознакомления и поправок. Результаты широкого обсуждения стали предметом анализа двух последующих совещаний в курии при участии некуриальных консультантов. Результаты вновь были изучены по крайней мере в шести департаментах курии. Наконец итоговый документ в апреле 1978 года был представлен Павлу VI, который хотел обнародовать его 29 июня, в день святого Петра и Павла. Но произошла задержка, связанная с переводом на различные языки мира. В результа-

те документ оказался готовым к изданию лишь после смерти папы Павла VI. По существующей издавна в Ватикане традиции любая инициатива покойного папы аннулируется, если его преемник не выразит желания вернуться к этому вопросу после своего избрания. Именно поэтому кардинал Гарроне вошел в кабинет папы не без трепета: если Лучани отвергнет документ, плод 16-летних усилий полетит в корзину. Папа, бывший преподаватель семинарии в Беллуно, сказал Гарроне, что накануне весь день посвятил изучению нового наставления. Не заглядывая в протянутый кардиналом экземпляр, он стал детально излагать свое мнение о каждом разделе документа. Гарроне был крайне удивлен глубиной понимания папой сложнейшего комплекса проблем, затронутых в документе. В заключение беседы Лучани сказал, что готов его одобрить, и велел опубликовать 15 декабря.

Как и многие до него — Казароли, Баджо, Лоршейдер и другие, — Гарроне вышел после беседы с папой, объятый чувством благоговения. Встретившись по пути к себе с монсеньором Скальцотто из конгрегации пропаганды веры, он пробормотал: "Я только что беседовал с истинно великим папой!"

А тот продолжал заниматься множеством проблем, оставленных ему в наследие Павлом VI. Одна из них была связана с кардиналом Коуди, архиепископом Чикаго — одной из богатейших и влиятельнейших епархий мира. Сама по себе ситуация, когда вопрос о репутации кардинала становится проблемой для Святого престола, — явление исключительное. А личность Коуди была одиозной. Слухи, ходившие о нем в течение последних десяти лет, были таковы, что даже если 5 процентов из них соответствовали истине, то казалось загадкой, как подобный человек мог носить духовный сан, не говоря уж о кардинальской шапке.

Коуди до назначения в 1965 году архиепископом Чикаго возглавлял епархию в Новом Орлеане. Многие из священнослужителей, еще в те годы пытавшиеся ему противостоять, до сих пор не пришли в себя. Один из них сказал: "Когда этого сукина сына перевели в Чикаго, мы на радостях устроили роскошный пир, перед началом которого с редким единодушием и искренностью пропели благодарственный "Те деум". Радость была так велика, что не оставалось даже места для сочувствия нашим чикагским братьям".

Позже, когда автор книги беседовал о личности Коуди с известным писателем и социологом католиком отцом Эндрю

Грили, было замечено, что один чикагский священник сравнил Коуди с героем книги "Каинов бунт", шизофреником и садистом морским капитаном Куигом. В ответ Грили сказал: "Думаю, что такое сравнение несправедливо по отношению к капитану Куигу".

Коуди приехал в Чикаго с репутацией опытного и ловкого финансиста, к тому же человека прогрессивных и либеральных взглядов, выступавшего за совместное обучение белых и черных детей в школах. Считали его требовательным и взыскательным прелатом. Вскоре, однако, эта репутация оказалась поколебленной. В начале июня 1970 года, будучи казначеем американской католической церкви, он распорядился вложить 2 млн. долларов в акции компании "Пенн сентрал". Буквально несколько дней спустя компания обанкротилась. Вынужденный после этого скандального случая передать портфель казначея другому, он продолжал и при нем самолично распоряжаться крупными церковными средствами, наотрез отказываясь предъявлять ему документы финансовой отчетности. Тогда громкого скандала удалось избежать.

После приезда в Чикаго Коуди занялся бесконечными перемещениями священников внутри епархии без каких-либо консультаций с ними. Не считаясь ни с кем и ни с чем, он произвольно закрывал приходы, католические школы. Однажды по распоряжению Коуди специально нанятые рабочие начали сносить строения монастыря, когда ничего не подозревавшие его обитатели сели завтракать.

Краеугольный камень его мировоззрения — полное неприятие не только всех постановлений, но и самого обновленческого духа Второго Ватиканского собора. На заседаниях собора велись длительные дискуссии по вопросу о разделении власти, коллегиальности при принятии решений. Все это Коуди расценивал как "ересь".

В Чикагской епархии возникли коалиции сторонников и противников нового архиепископа. Недоумевающая паства, более 2,4 млн. человек, тщетно пыталась разобраться в сути разногласий.

Оппозиционно настроенные священники создали подобие профсоюза под названием Ассоциация чикагских священников. Коуди игнорировал этот факт и молчал в ответ на его запросы и петиции. Письма с просьбами о встрече также оставались без ответа. На телефонные звонки секретарь кардинала неизменно отвечал, что "его высокопреосвященство очень заняты". Не много нашлось таких, кто решил не уступать и

продолжать борьбу за более демократичную церковь. Большинство отступило. Треть священников епархии в течение десяти лет вовсе сложили с себя полномочия. Несмотря на массовые выражения протеста, кардинал при каждом удобном случае заявлял, что эти голоса принадлежат "горластому меньшинству".

Коуди выступал с нападками на местную прессу, которая, однако, проявляла необыкновенную терпимость по отношению к его абсолютистским замашкам.

Поражало лицемерие кардинала: человек, выступавший в Новом Орлеане за совместное обучение белых и черных детей, стал известен в Чикаго тем, что закрывал школы для черных, поскольку церковь якобы не может более содержать их. И это в епархии, годовой доход которой составлял около 300 млн. долларов!

Как и большинство его приказов, решения о закрытии той или иной школы Коуди принимал самолично, не уведомляя даже членов школьного совета. Вскоре к его имени стали все чаще добавлять эпитет "расист". На это Коуди отвечал, что многие черные школьники происходили из негритянских протестантских семей, которым католическая церковь совершенно не обязана давать образование. Однако репутация расиста за ним упрочилась.

Со временем обвинения в адрес кардинала Коуди, недовольство им умножились. Обострились отношения с представителями духовенства.

Он рассказывал бесконечные истории о том, как занимался разведывательной деятельностью по поручению правительства Соединенных Штатов, перечислял заслуги перед ФБР, говорил священникам, что не раз выполнял ответственные задания ЦРУ, в том числе во Вьетнаме. Детали неизменно опускались, но если предположить, что Коуди говорил правду, то выходит, что он работал на американские спецслужбы с начала 40-х годов.

Репутация Коуди-финансиста, и без того пошатнувшаяся после скандала с покупкой акций "Пенн сентрал", пала еще ниже, когда кто-то из его многочисленных недоброжелателей занялся скрупулезным изучением его карьеры. Выяснилось, что кардинал "преуспел" в выполнении евангельского завета о "бедной церкви". Конечно, не всей католической церкви, а лишь вверенной ему епархии. Дело в том, что, покидая епархию в Канзас-Сити, он оставил 30 млн. долларов долга. Примерно такими же оказались и финансовые итоги

его деятельности в Новом Орлеане.

Кроме того, Коуди установил слежку за всеми священниками и монахами, которых подозревал в нелояльности. Заводились бесконечные досье. Секретные допросы друзей и родственников подозреваемых стали нормой. Дошло до того, что уже не спрашивали: как все это соотносить с заповедями Христа?

Наконец слухи о самоуправстве архиепископа Чикаго дошли до Рима, повергнув в беспокойство папу Павла VI.

Казалось, в чем тут сомневаться? К началу 70-х годов факты достаточно красноречиво свидетельствовали, что такой человек не достоин духовного сана, а тем более быть архиепископом. Тем не менее папа воздержался от решительных мер. Создавалось впечатление, что желание не обидеть Коуди значило для первосвященника больше, чем судьба 2,4 млн. католиков.

Ситуация осложнялась тем, что Коуди единолично контролировал все доходы Чикагской епархии, составлявшие 250—300 млн. долларов в год.

В целом капитал римско-католической церкви Чикаго в 1970 году превышал 1 млрд. долларов. О том, как расходовались эти огромные средства, не знал никто. Кардинал отказывался публиковать ежегодные финансовые отчеты. Тогда священники, у которых зарождались подозрения, стали вкладывать деньги там, где были больше гарантированы ясность и надежность. Такой поворот дела привел к сокращению общей суммы доходов епархии. Наконец в 1971 году, впервые за шесть лет своего владычества, Коуди опубликовал жалкое подобие годового финансового отчета. Он изумил бы любого бухгалтера. В нем не было сведений о капиталовложениях в недвижимость, об акционерном капитале. Но были даны сведения о доходах с кладбищ. Цифра прибыли оказалась сомнительной: за полгода до публикации Коуди признавал, что прибыль составляла 50 млн. долларов. Однако в отчете она была снижена до 36 млн. долларов. Кроме того, канцелярия Чикагской епархии имела в прошлом на счету 60 млн. долларов. Куда делись эти деньги? Были ли они куда-то вложены, и если да, то кто и какие получал проценты по вкладам? Этот естественный вопрос остался без ответа.

Однако истинным капиталом, который приобрел кардинал Коуди, были не столько деньги, сколько множество нужных покровителей, занимавших различные престижные пос-

ты в разветвленной церковной иерархии. Его природное умение приспособливать людей к себе сначала в колледже в Риме, а затем в государственном секретариате принесло немалые выгоды. С юных лет Коуди умел ставить на нужную лошадь.

Сумев завоевать расположение Пия XII и будущего Павла VI, он обеспечил себе на всю последующую жизнь прочную и надежную поддержку Рима.

Прочность его положения усиливалась и тем, что в начале 70-х годов архиепископство Чикаго было основным связующим звеном между Ватиканом и Соединенными Штатами. Подавляющая часть капиталовложений Ватикана в США осуществлялась через крупнейший чикагский "Континентал Иллинойс бэнк", в совет директоров которого входил близкий друг Синдоны Дэвид Кеннеди. Крупные денежные суммы, которые Коуди переводил в Рим, в немалой степени влияли на финансовую политику Ватикана. Если Коуди и не всегда находил общий язык с подвластными ему священниками, то с долларом он всегда был на короткой ноге. Однажды епископ, возглавлявший епархию Рено, сделал "непродуманные капиталовложения", обернувшиеся полным крахом. Ватикан обратился к Коуди с просьбой "вытащить" его. Кардинал сделал пару звонков своим приятелям-банкирам, и необходимые деньги были тут же получены.

С годами Коуди и Марцинкус сошлись особенно близко. Их связывали общие интересы, одно дело. В частности, в Чикаго многочисленные верующие поляки становились его невольными сообщниками, неся в церковь свои сбережения. Коуди начал переводить деньги через "Континентал Иллинойс бэнк" в Ватиканский банк епископу Марцинкусу. Марцинкус затем переправлял их польским кардиналам.

Немало пожертвований чикагских католиков тратил Коуди и на то, чтобы обеспечить себе благосклонность и поддержку среди куриальных кардиналов. Каждый раз, оказываясь в Риме, он богато одаривал именно тех, кто мог оказаться наиболее полезным. Одному монсеньору он подарил зажигалку из чистого золота, а другому дорогие часы фирмы "Патек Филипп".

А письма с жалобами между тем шли в Рим. Росла их гора и в конгрегации пропаганды веры, исполняющей роль блюстителя нравов в отношении лиц духовного звания. Жалобы поступали не только от священников и монахинь Чикаго, но и от мирян самого разного общественного положения и рода занятий. От имени конгрегации рассмотрение жалоб было поручено

чено архиепископу Жану Амеру. Ассоциация чикагских священников публично обвинила Коуди в том, что он умышленно вводил в заблуждение ее представителей и уклонялся от встречи. Члены ассоциации призвали вынести вотум недоверия кардиналу. Однако Римская курия по-прежнему молчала.

Не только архиепископ Амер был встревожен грозящим скандалом вокруг кардинала Коуди. Кардиналы Бенелли и Баджо независимо друг от друга пришли к мнению, что человек с такой репутацией не может дольше оставаться на столь важном для авторитета церкви посту.

В результате длительных и трудных консультаций с Павлом VI была найдена форма смещения Коуди с поста архиепископа Чикаго. Во время очередного визита Коуди в Рим весной 1976 года Бенелли предложил американцу довольно солидный пост в Римской курии, причем должность была найдена с таким расчетом, чтобы дать властному кардиналу максимум почета и минимум реальной власти. Ни для кого в Ватикане не были секретом рассуждения честолюбивого кардинала о том, что пост архиепископа Чикаго он отнюдь не считает венцом своей карьеры, что он достоин большего. Нетрудно догадаться, что этот невежественный и болезненно самолюбивый человек имел в виду папскую тиару. Принимая в расчет черты характера Коуди, и было решено предложить ему руководство одной из конгрегаций, ведавшей помощью беднейшим католическим епархиям в мире, в обмен на архиепископскую кафедру в Чикаго. Однако Коуди решил, что он и так сможет купить все необходимые голоса, когда они ему понадобятся, и отказался. Отказ Коуди вызвал необходимость поисков нового решения.

В январе 1976 года, еще до начала поединка Бенелли и Коуди, апостолическому делегату в Вашингтоне Жану Жадона наслал визит большая делегация представителей духовенства Чикагской епархии. Жадона заверил, что Рим занят поисками выхода из сложившейся ситуации и относится к ней самым серьезным образом. Но месяц шел за месяцем, Рим по-прежнему не выносил никакого решения. Это вызвало возмущение местного клира и верующих. Престиж кардинала упал настолько, что он сам это заметил. И принял меры: пришлось нанять за счет церкви специалистов "солидной фирмы" по обработке общественного мнения с целью добиться более снисходительного отношения к себе хотя бы со стороны прессы.

Обращения с жалобами к Жадо в Вашингтоне возобновились. Он призывал к терпению, уверяя, что "Рим найдет мудрое решение, если прекратятся публичные выступления, будоражащие общественное мнение и прессу, а папе будет предоставлена возможность поступить разумно, не привлекая ненужного внимания к внутренним делам церкви".

Священники в очередной раз проявили понимание. Публичная критика поутихла. Ажиотаж вокруг имени кардинала ослаб, но ненадолго. Виной нового всплеска возмущения вновь явился сам архиепископ. На этот раз он единолично распорядился закрыть несколько школ в городе. Баджо не преминул использовать это как повод для обращения к папе Павлу VI с целью побудить его действовать решительнее. Действия папы свелись к пространному и нравоучительному письму, которое он вскоре направил кардиналу Коуди, прося подробно объяснить свое указание о закрытии школ. Коуди позволил себе проигнорировать папское послание, чем неоднократно хвастался публично.

Из Чикаго в Италию летели жалобы на кардинала, подогреваемые непонятным бездействием и равнодушием Ватикана. Новые обвинения, изложенные в письмах, сопровождались показаниями под присягой, а также документальными подтверждениями. Из них явствовало, что поведение Коуди было далеко не безупречным. В частности, все чаще стали всплывать подробности его многолетней связи с некой Хэллен Долан Уилсон.

Своим сотрудникам в Чикаго Коуди сначала сказал, что Хэллен Уилсон — его родственница. Степень родства менялась в зависимости от личности собеседника, но чаще всего она фигурировала как кузина. Чтобы объяснить более или менее убедительно ее роскошный образ жизни, частью которого были шикарная квартира, автомобили, частые путешествия, дорогие наряды и украшения, Коуди прибег к версии, что кузина осталась после смерти мужа богатой вдовой. Жалобы по этому поводу в Ватикан содержали доказательства того, что ее "покойный и богатый" муж не оставил ей ни завещания, ни цента. Ей достался от него только безнадежно устаревший автомобиль, оцененный в 150 долларов.

Обвинители уличали Коуди во лжи. "Дружба" его с миссис Уилсон началась еще в пору их юности. Позднее он оформил на ее имя 100-тысячную страховку, по которой сразу же выплатил все взносы. Более того, подделал документы, по которым выходило, что она якобы 24 года проработала в его кан-

целярии. Цель фальсификации — добиться для нее пенсии и обеспечить ей безбедную старость. Удалось также убедительно доказать, что Коуди передал ей 90 тыс. долларов для покупки дома во Флориде. В общей сложности Коуди тратил на содержание этой дамы сотни тысяч долларов из церковной казны.

Скандал усилился, когда выяснилось, что всеми вопросами страхования в епархии уже в течение многих лет заправлял ее сын Дэвид. Учитывая комиссионные, которые он получил, такой бизнес позволял ему жить безбедно за счет верующих. Впервые немалую сумму от "дядюшки" Дэвид получил еще в 1963 году в Сент-Луисе. Страховая компания "племянника" кочевала за Коуди, перемещаясь сначала из Сент-Луиса в Новый Орлеан, затем в Чикаго. Прибрав к рукам страховое дело церкви при помощи самого архиепископа, Дэвид заработал только на комиссионных не менее 150 тыс. долларов.

Кардинал Баджо тщательно изучал материалы, а также приложенные к ним финансовые документы и сделал ряд запросов. Уже отмечалось, что в искусстве шпионажа Ватикану нет равных и по сей день: огромная армия монахов и монахинь не преминет доказать свою преданность Святому престолу. Именно по этим каналам кардинал Баджо к концу июня 1978 года выяснил, что все обвинения полностью подтверждаются.

В начале следующего месяца Баджо вновь затронул вопрос о кардинале Коуди в разговоре с папой Павлом VI и добился наконец согласия на смещение кардинала с поста архиепископа. Правда, папа настаивал при этом, чтобы все было сделано с соблюдением внешних приличий и так, чтобы по возможности избежать широкой огласки. В конце концов было решено, что Коуди вынудят принять коадьютора, осуществляющего административное руководство епархией. Официально это должно было быть объяснено ухудшившимся состоянием здоровья кардинала, что, кстати, соответствовало истине. Коуди разрешалось номинально сохранять за собой пост архиепископа Чикаго до 1982 года, то есть до достижения 75 лет — официального кардинальского пенсионного возраста.

Вооружившись папским эдиктом, Баджо наскоро упаковал чемодан и собрался в путь. Однако, приехав в аэропорт Фьюмичино, он узнал, что папа просил его зайти к нему перед отлетом в Новый Свет. Это, скорее всего, означало, что папа испугался и решил отступить. Оказалось, что папа хотел уведомить Баджо, что назначение кардиналу Коуди коадьютора могло иметь место лишь с согласия самого кардинала.

Баджо отважился спросить:

— Но, Ваше святейшество, я, надеюсь, имею полномочия настаивать на том, чтобы он согласился с таким решением?

— Да нет же, — ответил папа, — ни в коем случае не пытайтесь указывать ему. Нужно попытаться склонить его к согласию. При этом решать будет только он.

Возмущенный и отчаявшийся Баджо сел в самолет и через несколько часов приземлился в Чикаго...

Информация шла и в том и другом направлениях. Коуди прекрасно знал обо всем, что происходило в Римской курии. Поэтому заставить его врасплох, на что так рассчитывал Баджо, не удалось. Обо всех указаниях, которые дал папа перед вылетом своему эмиссару, Коуди знал во всех подробностях менее чем через сутки.

Вероятно, каждый, оказавшись в положении Коуди, занялся бы хоть самым поверхностным самоанализом, стараясь понять причину, почему даже такой осторожный в вопросах престижа церкви человек, как папа Монтини, был вынужден пойти на лишение кардинала Коуди им же самим когда-то предоставленной власти. Стремясь пощадить чувства кардинала, папа велел сохранить в полном секрете тот факт, что Баджо отправился в Чикаго. Официально было заявлено, что заместитель государственного секретаря выехал в Мексику для наблюдения за завершающимися мероприятиями по подготовке конференции в Пуэбло.

Встреча Баджо с Коуди состоялась на вилле последнего, находившейся на территории семинарии в Манделейне. Баджо сразу выложил наиболее серьезные обвинения, неопровержимые свидетельства коррупции кардинала, одним из которых было обвинение архиепископа в том, что он делал щедрые денежные подарки Хэллен Уилсон из церковных фондов да к тому же назначил "кузине" пенсию в нарушение всяких правовых и этических норм. Помимо этого, Баджо вскользь перечислил целый ряд грубых проступков, с точки зрения морали настолько очевидных, что, будучи преданными гласности, они вызвали бы возмущение общественности и нанесли бы ущерб авторитету церкви.

Приведенные эмиссаром Ватикана доводы не вызвали и намек раскаяния у Коуди. Напротив, скорее породили возмущение, вылившееся в поток площадной брани. С пеной у рта он говорил, что всегда снабжал Рим значительными средствами. Крупные суммы направлялись в Ватиканский банк для использования в Польше. А личные подношения папе всякий раз, когда он являлся с обязательным каждые пять лет ви-

зитом "ad Limina"! Ведь он приходил к папе на аудиенцию не с жалкими подачками в несколько тысяч долларов! Нет, он привозил с собой по несколько сотен тысяч долларов! Семинаристы, расходившиеся после занятий, отчетливо слышали яростную перепалку двух князей церкви. Коуди не собирался уступать нажиму сверху и твердо заявил, что новый глава епархии займет архиепископский трон в Чикаго только через его труп. Он несколько раз повторил: "Власти своей не отдам!"

С тем Баджо и уехал, потерпев полное поражение. По крайней мере на данный момент. Решение Коуди отказаться от коадьютора, обороняться любой ценой, пусть даже в нарушение норм канонического права, было беспрецедентным. Что же касается Павла VI, то он ощутил при этом свое полное бессилие. Он согласен был терпеть Коуди до конца жизни, лишь бы избежать громкого скандала. Однако дни папы Монтини уже были сочтены. Спустя неделю после получения отчета от Баджо он скончался.

К середине сентября 1978 года Альбино Лучани уже успел изучить дело Коуди. Он встречался по данному вопросу с кардиналом Баджо и внимательно выслушал его мнение. Беседовал с Бенелли, Вийо, Феличи и Казароли. 23 сентября вновь довольно долго беседовал с Баджо. Лучани пообещал Баджо, что в течение ближайших дней уведомит о своем окончательном решении.

В Чикаго Коуди впервые за всю свою жизнь, полную самых дерзких авантур, почувствовал настоящую тревогу. После конклава он, беседуя с доверенными лицами о новом папе, говорил с пренебрежением: "Да успокойтесь, все останется по-прежнему". Так ему хотелось в этот момент больше всего. Однако сведения, поступавшие из Рима, все настойчивее свидетельствовали о том, что он явно недооценил Лучани. Уже к середине сентября Коуди не сомневался, что новый папа будет действовать решительно там, где его предшественник медлил и сомневался. Да и римские друзья единодушно отмечали ту черту характера Лучани, что если уж он принимал решение, то доводил дело до конца, подтверждая свои действия убедительными доводами. Получив в качестве папы кардинала не из среды курии, у которого не было ни опыта политика и дипломата, ни международного имени и популярности, эксперты сделали вывод, что имеют дело с первым папой, избранным с целью осуществления нового курса: ослабления авторитарной власти и снижения роли понтифика в управлении римско-католической церковью. Несомненно и то, что Лучани

рассматривал свою роль именно в таком усеченном виде. Но все упиралось именно в личность того, кто оказался избранным.

Быстрое признание общественным мнением папы Лучани наглядно продемонстрировало, до какой степени своевременным и необходимым было его появление. Но неудержимый рост его популярности был прямо противоположен тому, чего желали и на что надеялись куриальные кардиналы: углублению и расширению роли первосвященника в жизни церкви, усилению абсолютистской тенденции. Чем больше самоотречения проявлял Лучани, тем ближе он был к идеалу в глазах простых верующих.

26 сентября Лучани смог с удовлетворением подвести итоги первого месяца своего понтификата. В течение первых 30 дней было сделано немало. Начаты расследования случаев коррупции и мошенничества, к которым прибегали многие из тех, кто прикрывал страсть к наживе сутаной священника. Пренебрежение нового папы помпезностью, столь почитаемой в Ватикане, вызвало настоящую бурю. Причем куриальные кардиналы вознегодовали еще больше, когда новый папа взял за правило отказываться от заранее написанных для него речей. При этом он говорил: "Нет! Вы же видите, это звучит слишком куриально", или: "Нет-нет, это все так елейно и слащаво".

Надо отметить, что его устные выступления почти не передавались по радио Ватикана и не печатались ватиканским официозом "Оссерваторе романо". Однако широкая публика ждала их с нетерпением, как и большинство римских газет. Лучани прокомментировал свое избрание словами: "Император пожелал, чтобы мартышка сделалась львом". В лабиринтах Ватикана при такой вольности губы многих саркастически поджались, брови в изумлении поползли вверх. Недоброжелательное изумление достигло апогея при виде огромных людских толп, с восторгом внимавших каждому слову папы, который (ничего себе "мартышка"!) обращался к слушателям за 30 дней своего понтификата и по-латыни, и по-итальянски, и по-английски, и по-немецки, и по-французски, и по-испански.

К субботе 23 сентября Лучани уже сделал основные выводы, разобравшись в главных аспектах деятельности корпорации Ватикан. Многое ему удалось выяснить в беседах с Вийо, Бенелли и другими. В тот знаменательный день он впервые покинул стены Ватикана. С мэром Рима коммунистом Арганом они обменялись рукопожатиями, а вслед за тем и речами. После мессы, на которой присутствовала вся верхушка курии, папа произнес проповедь, неоднократно останавливаясь на

внутренних проблемах церкви, решением которых он был занят в первую очередь. Касаясь социальной прослойки из числа беднейших, он сказал: "Бедняки составляют истинное сокровище церкви. Им непременно должны помогать богатые и власть имущие, а принимающие эту помощь не должны чувствовать себя униженными или оскорбленными, ибо им отдают то, что было бы истрачено всуе, а не для всеобщего блага". В той же речи он коснулся и вопроса о Ватиканском банке, демонстративно повернувшись в ту сторону, где собрались представители его руководства.

Папа говорил о тяжком бремени править: "Должен признаться, что, хотя двадцать лет являлся епископом Витторио Венето, а затем архиепископом Венеции, я до сих пор так и не овладел наукой управлять. А посему отныне буду следовать словам святого Георгия, который завещал: "Пастырь должен быть исполнен сострадания к каждому, стараясь приблизиться к нему духовно. Какое бы положение в обществе ни занимали его духовные дети, нужно оставаться в равной степени нелицеприятным и суровым в отношении тех, кто творит зло..."

Не догадываясь, что эти слова должны были служить предупреждением официальным лицам Ватиканского банка, большинство присутствующих одобрительно закивали головами. По сути же это было заявление о том, что сулит курии будущее, и представители ее прекрасно это поняли.

Ветер перемен усиливался. Коридоры зданий Ватикана наполнились слухами, догадками и предположениями. Дни Марцинкуса и его помощников — Меннини и де Стробеля — были сочтены. Это воспринималось уже как свершившийся факт. Куриальные интриганы усиленно сеяли слухи о новых перемещениях.

Своего апогея напряжение в среде ватиканского чиновничества достигло в воскресенье 25 сентября, когда прошел слух, что папские покои посетил монсеньор Лино Марконато. Видевшие его не могли ошибиться. Это действительно был директор "Банко Сан-Марко". Всех занимал вопрос: означает ли данный визит, что преемник Марцинкуса на посту главы Ватиканского банка уже определен?

На деле же на аудиенции у папы обсуждались более прозаические вопросы сугубо делового характера. После скандала вокруг покупки Кальви "Банка католика дель Венето" возмущенный Лучани закрыл в этом банке все счета венецианской епархии и местного духовенства. Он выбрал "Банко Сан-Марко" в качестве официального банка своей епархии.

Став папой, Лучани просил монсеньора Марконато навестить его, чтобы произвести окончательный расчет, поскольку понимал, что в Венецию ему вернуться уже не придется. Марконато нашел своего бывшего клиента в добром здравии и бодром расположении духа. Они поговорили об общих знакомых, после чего, прощаясь, Лучани просил все деньги, находящиеся на его счету в "Банко Сан-Марко", перевести на счет нового патриарха Венеции.

Однако никто за дверями кабинета не подозревал, какой разговор произошел между папой и его банкиром.

Напряжение росло.

Крайне важны были конкретные действия Лучани и для Микеле Синдоны. Его усилия с целью избежать выдачи американцами властям Италии приобрели отчаянный характер как раз в сентябре 1978 года. Еще в мае федеральный судья вынес решение, по которому сицилиец по рождению и гражданин Швейцарии Синдона должен был предстать перед миланским судом. Как известно, заочно он был приговорен миланским судом к трем с половиной годам тюремного заключения. Однако Синдона прекрасно понимал, что, если суд начнет пересмотр дела после его возвращения, новый приговор будет гораздо суровее. Несмотря на официальное расследование, проведенное судебными органами США, Синдоне до сих пор не было предъявлено официального обвинения. Крах "Фрэнклин нэшнл бэнк" повлек за собой арест многих членов его руководства, однако Акула в их число не вошел. Таким образом, основным источником тревоги и опасений в тот момент для Синдоны по-прежнему оставалась Италия.

Адвокатам Синдоны, на оплату которых он не жалел никаких средств, удалось убедить американские власти приостановить слушание дела о выдаче Синдоны итальянским властям до тех пор, пока они не убедятся в полной обоснованности обвинений, выдвинутых против него миланским судом.

С мая по сентябрь представители американского правосудия и занимались тщательным изучением дела Синдоны. Между тем люди Синдоны из мафии и логи "П-2" прилагали встречные усилия к тому, чтобы заблокировать процесс. Однако и к концу сентября 1978 года не удалось отвести многие тяжкие обвинения. Среди них факты, приведенные свидетелем обвинения Николо Бьязе, бывшим служащим Синдоны. Представленные им сведения были крайне опасны для Акулы, и он принял срочные меры к тому, чтобы Бьязе замолчал. С этой целью, переговорив с соратниками из клана Гамбино,

он заключил с ними сделку: Бьязе, его жена, все члены семьи и его личный адвокат должны быть подвергнуты угрозам. Если это подействует и Бьязе откажется от своих показаний, на том и делу конец, если же станет упрямиться, то мафия и Синдона будут действовать иначе. Как? Несложно догадаться. Контракт на 1 тыс. долларов между мафией и Синдоной будет в этом случае изменен, ибо убийство стоит дороже, чем запугивание. Дело было поручено профессиональному убийце Луидже Ронсисвалле.

Предусмотрен был еще один вариант на случай, если семейство Бьязе придется физически устранить. Ронсисвалле уведомил, что Синдона хотел бы одновременно заключить контракт и на убийство федерального прокурора Джона Кенни.

Ненависть Синдоны к Кенни и решимость добиться его смерти были не случайны. Кенни являлся главным обвинителем на процессе по делу о выдаче Синдоны и представлял, таким образом, интересы американского правительства. Синдона рассуждал как преступник, считая, что если Кенни исчезнет, то сразу же уладится дело и с американскими властями. Короче, Синдона хотел, как говорят, "замять скандал по-итальянски". Опыт показывает, что судебный чиновник, занявший место зверски убитого предшественника, действует без особого рвения и пыла. Поэтому почему бы в Нью-Йорке не сработать по схеме, безотказно действующей в Палермо?

Ронсисвалле, для которого убийство было источником его существования, не спешил, однако, подписать с Синдоной контракт. 100 тыс. долларов, конечно, куш солидный, но, ориентируясь в американской жизни лучше, чем Синдона, он сомневался, что все пройдет гладко. Убийство Кенни вызовет такую бурю, в которой можно потерпеть и крушение. И Ронсисвалле отказался. Однако, не желая подводить "друзей" из мафии, стал подыскивать себе замену.

Тем временем Синдона и сообщники размышляли над решением еще одной проблемы, связанной с Карло Бордони. Бордони долгое время числился среди ближайших помощников Акулы. Он уже находился под судом по делу о банкротстве "Фрэнклин нэшнл бэнк" и, учитывая серьезность выдвинутых против него обвинений, мог в попытке смягчить собственный приговор поступить в отношении бывшего "друга" точно так же, как поступил бы и сам Синдона на его месте. Он задумал выдать Синдону. А знал Бордони немало. Тогда

в недрах мафии было решено "курс лечения" от болтливости, который был прописан Бьязе, предложить и Бордони.

Уладив как-то американские проблемы, Синдона понимал, что главная задача остается нерешенной. Ключ к ее решению лежит в Ватикане. Если уйдет со своего поста Марцинкус, сразу же полетит и Кальви, увлекая за собой и Синдону.

Итак, Синдона, Марцинкус, Кальви и Коуди теряли слишком много, недопустимо много, как считали они сами, в случае если новый папа осуществит запланированные реформы.

Еще сильнее отозвались бы такие перемены на судьбе Джелли и Ортолани: для заправил ложи "П-2" ютера Кальви означала потерю главного казначея "масонского братства", который много знал. К 28 сентября список тех, кого действия Лучани могли привести к катастрофе, пополнился государственным секретарем Ватикана кардиналом Жаном Вийо.

Тем памятным утром после кофе папа Иоанн Павел I расположился за своим рабочим столом, когда часы пробили ровно 8.00. Сколько надо было успеть за этот день! Во-первых, назрела проблема в связи с газетой "Оссерваторе романо". В течение предыдущего месяца у него был не один повод испытать недовольство ею, не говоря уж о нелепом споре с редакцией по поводу традиционного обращения: "мы" и "наш" вместо обычного человеческого "я", на чем настаивал Лучани. У него были и более серьезные разногласия с редакцией. Газета неизменно печатала его речи и выступления "причесанными" и безликими в соответствии с официальными канонами, диктуемыми курией. В них не оставалось и следа от живого и образного языка, от его личности, которая воздействовала на всех, кто слушал выступления. Более того, газета выражала протесты, если другие органы печати цитировали его подлинные слова, а не официальный текст, публикуемый "Оссерваторе романо".

Проблемы, проблемы...

Кто-то из курiales кардиналов, к своему ужасу, обнаружил высказывания Лучани, сделанные буквально за несколько дней до конклава по поводу появления на свет Луизы Браун, первого в мире ребенка "из пробирки", родившегося в результате искусственного оплодотворения матери девочки, проведенного английскими врачами в больничных условиях.

За три дня до смерти Павла VI Лучани дал это интервью газете "Проспеттиве нель мондо", которое было опубликовано уже после его избрания папой. Те, кто придерживался традиционного негативного подхода к контролю над рождаемостью,

с негодованием читали высказывания папы.

В беседе с журналистом Лучани был весьма осторожен, настаивая, что выражает лишь сугубо личные соображения по этому поводу, что он будет ждать "авторитетной интерпретации учения церкви", которое, несомненно, будет дано папой после консультаций с компетентными специалистами. Но волею судьбы теперь эта "авторитетная интерпретация" замыкалась на нем.

Дело в том, что Лучани выразил обыкновенную человеческую радость по поводу рождения девочки. Он, однако, с беспокойством отметил, что к этому достижению науки следует подходить крайне осторожно, избегая таких безумств, как "фабрики младенцев" чем чревато, например, чрезмерное увлечение новым "методом" в Калифорнии.

Обращаясь же к родителям прославившейся еще до своего появления на свет маленькой англичанки Луизы Браун, папа сказал: "Следуя примеру Господа нашего, который любил и приветствовал жизнь человеческую, я также шлю мои наилучшие пожелания новорожденной. Я не считаю себя вправе судить ее родителей. Если они руководствовались благими намерениями, доброй волей и стремлением продолжить род человеческий, они заслуживают благословения Господа за преодоление тех преград, что стояли на их пути". Вместе с тем он напомнил слова Пия XII о том, что может возникнуть противоречие между идеей искусственного оплодотворения и учением церкви. Воззрение Лучани в целом на этот счет сводилось к тому, что лежало в основе его подхода ко многим моральным проблемам, а именно к пониманию того, что каждый человек имеет полное право выносить собственное решение и следовать ему.

"Я согласен, что каждый должен следовать голосу своей совести, — подчеркивал Лучани. — И в то же время каждый должен строить свои убеждения на истинных непререкаемых духовных ценностях".

Иерархи церкви, считавшие, что "истинные духовные ценности" лишь те, что продиктованы ими, были крайне возмущены такой позицией. Начались бесконечные тайные совещания различных фракций и группировок курии. В одном они были едины: Лучани пора остановить, ибо он заходит слишком далеко. Стали раздаваться голоса, что "дело папы Павла предано". На языке князей церкви это означало: "Я протестую".

27 сентября газета "Оссерваторе романо" опубликовала на первой полосе пространную статью, озаглавленную "Эн-

циклика "Жизнь человеческая" и католическая мораль". Автором статьи был ватиканский теолог кардинал Луиджи Чаппи, являвшийся ведущим авторитетом еще при Пие XII, а потом и при Павле VI. Статья с его подписью означала строгое предупреждение. Сначала она появилась в "Латерано" и была посвящена десятилетней годовщине опубликования энциклики. Повторная публикация, да еще на первой полосе ватиканского официоза, означала предостережение по поводу всяких попыток изменить позицию католической церкви по затронутому вопросу. По содержанию она представляла собой торжественную оду энциклике Павла VI, изобиловала пространными изречениями Павла VI, а о Лучани не упоминала вообще. Не содержалось в ней и намека на то, что новый папа хотя бы частично разделял воззрения покойного папы или самого кардинала Чаппи. Объяснение тому самое простое: Чаппи не обсуждал с ним статьи. Лучани впервые узнал о ней лишь 27 сентября, когда взял в руки газету. Возмущение его возросло, когда он, дочитав статью, на той же полосе увидел еще другую — "Опасность манипуляций с таинством зарождения жизни". По сути своей содержание сводилось к догматическому осуждению самого факта рождения младенца — Луизы Браун — и самой идеи искусственного оплодотворения.

И вновь имя Лучани игнорировалось. Налицо была очередная интрига курии, которая с помощью этих двух статей пошла на открытую конфронтацию с папой.

28 сентября, сразу после завтрака, он позвонил кардиналу Вийо и потребовал представить объяснения, как могли допустить публикацию этих материалов. После этого позвонил кардиналу Феличи в Падую.

Все чаще Лучани использовал кардинала Феличи как рупор своих идей, полагаясь на его лояльность, несмотря на расхождения во взглядах по целому ряду принципиальных вопросов. Папа понимал, что Феличи лучше, чем кто-либо, знал механизм куриальной машины.

Лучани выразил кардиналу свое возмущение по поводу публикации: "Вы помните, как несколько дней назад сказали, что мне следует несколько поумерить пыл?"

— Но это был не более чем совет, Ваше святейшество.

— Могу я просить вас взять на себя труд передать в точности те же слова от моего имени? Посоветуйте газете воздержаться от высказывания своих мнений по вопросам столь важным и сложным и добавьте, что редакторы, как и папы римские, не являются незаменимыми.

Условившись на прощание с Феличи, что они встретятся по возвращении кардинала из Падуи, папа тут же занялся вопросом церкви в Голландии. Пятеро из семи голландских епископов высказались в пользу более либерального подхода католической церкви к вопросу об абортах, о возможности использования на службе женатых священников и другим проблемам. Среди этих пяти оказался и кардинал Виллебрандс, поддерживавший теплыми словами Лучани во время конклава. Этим пяти противостояли двое других — Гийсенс из Рёригонда и Симонис из Роттердама, отличавшиеся крайним консерватизмом. Поэтому совещание в Нидерландах, назначенное на ноябрь 1978 года, грозило стать ареной ожесточенной конфронтации и обнажить всю глубину противоречий внутри церкви на глазах широкой публики и прессы.

Существовала и еще одна проблема, суть которой детально излагалась в специальном докладе, подготовленном еще для покойного Павла VI. Иезуиты развернули настоящую травлю всемирно известного голландского теолога доминиканца Эдварда Шилебекса. Консерваторы пытались заставить его замолчать, как и другого профессора, известного Ганса Кюнга¹. Оба выражали, в сущности, стремление вернуть церковь к христианским истокам, что было идеалом и самого Лучани.

За несколько минут до того, как пробило 10.00 утра, папа отложил доклад, чтобы заняться делом более приятным. Прежде всего предстояло принять группу прелатов, среди которых был и кардинал Бернар Гантэн, назначенный недавно Лучани главой "Кор унум". Лицо папы прояснилось при виде этого стройного молодого человека, олицетворяющего в его глазах счастливое будущее церкви. Во время беседы папа сказал: "Смысл существования церкви в том, чтобы нести миру истинное учение Христа. Без этого наше существование не имеет ни цели, ни смысла, ибо, отступив от учения Христа, мы потеряем всех, кто слушал нас".

Следующим, кого принял папа в то утро, был де Ридматтен. Несколько дней спустя после избрания Лучани папой по Риму прошел слух, что незадолго до смерти Павла VI патриарх Венеции направил ему письмо, прося не настаивать на бе-

¹ Ганс Кюнг — профессор Тюбингенского университета, получивший сан священника в 1954 году. Был назначен Иоанном XXIII советником по вопросам теологии Второго Ватиканского собора. Решением ватиканской конгрегации Кюнгу было запрещено преподавать теологию, ибо его взгляды, и прежде всего сомнения в верности догмата о папской непогрешимости, расходятся с каноническим учением церкви.

зоговорочном запрете контроля над рождаемостью, провозглашенного энцикликой "Жизнь человеческая" в качестве официальной позиции церкви. Ридматтен тогда назвал содержание письма "беспочвенными фантазиями". Папа позволил себе строго предупредить его и впредь воздерживаться от подобных публичных высказываний.

— Насколько я понимаю, доклад, который я подготовил по вопросу о контроле над рождаемостью, прошел через ваши руки.

Смущенный до крайности Ридматтен невнятно сказал о недоразумении.

— Так впредь будьте осторожнее, отец Ридматтен, и старайтесь не высказываться публично до тех пор, пока не выясните все обстоятельства. Если у вас возникнет желание ознакомиться с этим докладом, то могу переслать вам один экземпляр.

Ридматтен стал благодарить, после чего благоразумно молчал на протяжении всей беседы папы с кардиналом Гантэном по вопросу о положении в Ливане.

Следующая аудиенция Лучани была дана группе филиппинских епископов, прибывших с обязательным раз в пять лет для всех католических епископов визитом к папе. В разговоре с людьми, ежедневно выполняющими свой долг в условиях Филиппин, Лучани основной темой избрал близкую ему задачу евангелизации. Он напомнил о визите Павла VI на Филиппины.

Затем Лучани встретился с кардиналом Баджо. Папа принял ряд окончательных решений по нескольким важным вопросам и просил кардинала взять на себя реализацию двух из них. Во-первых, он был уверен, что кардинал Джон Коуди, архиепископ Чикаго, должен уйти с занимаемого поста. Он не возражал против того, чтобы шаг этот был обставлен в традиционном для Ватикана духе, без всякой огласки и не подрывая престижа церкви. Баджо было сказано, что лучше всего Коуди уйти с поста по состоянию здоровья, что вызовет минимум комментариев и пересудов в прессе. Если же Коуди по-прежнему станет упрямиться, следует, пусть против воли кардинала, назначить коадьютора, к которому перейдут все полномочия по административному управлению епархией. Такой шаг поможет добиться конечного результата — устранения Коуди от реальной власти — и исключит возможность громкого скандала. Лучани не сомневался, что Коуди предпочтет уйти по доброй воле и с почетом. Позиция Лучани была ясна и однозначна: коадьютор должен быть назначен.

Баджо был в восторге. Наконец-то было найдено решение, для достижения которого он приложил столько усилий. Однако следующее решение, о котором папа считал необходимым поставить в известность кардинала, резко ухудшило его настроение. После избрания Лучани пост патриарха Венеции был вакантным. Папа предложил кардиналу Баджо занять его. Многие были бы крайне польщены таким назначением. Баджо был недоволен. Он связывал свое будущее с проведением конференции в Пуэбло. Он относился к числу тех, кто знал проблемы церкви в "третьем мире" и считал, что его место в Риме, в центре событий, где он сможет наиболее эффективно влиять на политику церкви.

А потому от предложения папы, которое следовало расценивать как приказ, Баджо отказался. На него пахло изгнанием. А вдали от Ватикана о нем скоро забудут, и он потеряет с таким трудом завоеванный авторитет и власть. Тон, которым Баджо сообщил ему об отказе от предложенного поста, изумил Лучани. Он смолodu считал непререкаемым законом послушание и повиновение старшим в церковной иерархии, безусловное исполнение любого повеления папы. Это внушалось ему еще в семинарские годы в Фельтре, а затем в Беллуно. Безоговорочное послушание и повиновение вошло в его кровь. С годами, правда, он стал подвергать сомнению отдельные аспекты некоторых папских энциклик. Однако ему не пришлось бы в голову открыто и публично осуждать папские решения.

Таков был Лучани, который по просьбе покойного Павла VI писал статью за статьей в защиту взглядов папы, в частности по вопросу о разводе, хотя в то же время, вручая ее своему секретарю отцу Марио Сенигалье, говорил устало: "Это принесет мне еще немало головной боли, но этого требовал папа". Ему казалось невероятным, чтобы кардинал мог позволить себе не только отказать в просьбе папе, но вдобавок сделать это в недопустимом тоне. Ясно было, что они руководствуются противоположными принципами. Лучани привык исходить из того, что важнее для блага церкви, Баджо — из личных интересов.

Было несколько соображений, по которым папа хотел отослать Баджо подальше из Рима, в Венецию. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что фамилия Баджо стояла в переданном ему недавно списке ватиканских масонов. Масонское имя кардинала — Себа, номер 85/2640. Дата вступления в братство — 14 августа 1957 года.

После визита Баджо Лучани навел о нем справки у кардинала Феличи. Феличи как-то обронил: "Некоторые в списке действительно масоны, другие — нет". Это замечание не вышло у папы из головы. Следовательно, его задачей было отделить правду от наветов. Значит, следовало разобраться во всем обстоятельно.

Неоднократно приходилось слышать, что эта встреча между Лучани и Баджо носила эмоциональный характер, проще говоря, характер ссоры. Причем возбуждением был преисполнен Баджо, папа же сохранял полное спокойствие.

Трудно сказать, спокоен ли он был на самом деле или лишь казался таковым. Фактом же остается то, что проблема оставалась нерешенной. В Венеции по-прежнему не было патриарха.

"Бабье лето" в Риме подходило к концу. В тот четверг выдался первый прохладный день. Лучани решил заменить обычную дневную прогулку ходьбой по внутренним покоям дворца, обходя лабиринты бесчисленных коридоров и лестниц. В 15.30 он вернулся в кабинет и сделал несколько телефонных звонков. Он вновь переговорил с кардиналом Феличи и кардиналом Бенелли, изложив кое-какие соображения относительно событий этого утра и упомянув о неприятном разговоре с кардиналом Баджо. Обсудил с ними предстоящую встречу с кардиналом Вийо, которому папа также намеревался сообщить о некоторых принятых решениях. Беседу со своим государственным секретарем папа начал с того, что предложил ему чашку ромашкового чая. Он все чаще при встречах с ним переходил на родной язык кардинала, на французский. Утонченный француз оценил жест Лучани.

Во время беседы в тот послеобеденный час Вийо еще раз получил возможность оценить умение Лучани твердо придерживаться избранной линии. Первым возник вопрос, касавшийся Ватиканского банка. Теперь Лучани располагал подробной информацией о деятельности банка, в частности предварительным докладом, подготовленным самим Вийо. Немало сведений было получено от одного из заместителей государственного секретаря, архиепископа Джузеппе Каприо, а также стараниями Бенелли и Феличи.

Для Марцинкуса, который был инициатором плана продажи Кальви "Банка каттолика дель Венето", такой поворот дела означал серьезные осложнения, поскольку не удавалось утаить шила в мешке. Вийо уведомил папу, что уже распространился слух о расследовании деятельности Ватиканского банка, подхваченный прессой.

Судя по всему, американский журнал "Ньюсуик" имел прекрасные источники информации в Ватикане: он опубликовал материал о том, что еще до конклава группа кардиналов потребовала, чтобы кардинал Вийо представил подробный доклад о деятельности Ватиканского банка. Журнал уверял, ссылаясь на неназванный "весьма информированный источник", что уже были сделаны первые шаги в направлении смещения Марцинкуса с поста президента банка. Далее "Ньюсуик" писал: "Его, кажется, хотят убрать отсюда. Скорее всего, ему предложат какую-нибудь второстепенную епархию".

Лучани улыбнулся: "А не знает ли "Ньюсуик", кого я назначу вместо Марцинкуса?"

Вийо отрицательно покачал головой.

В ходе беседы Лучани не оставил сомнений в том, что он действительно не собирается оставлять Марцинкуса в Ватикане. Папа составил впечатление о нем в течение 45-минутной беседы в начале сентября и был убежден, что Марцинкус был бы на месте, заняв должность одного из епископов Чикагской епархии.

Сам же Марцинкус, вернувшись к себе в кабинет после встречи с Лучани, сказал одному из своих доверенных лиц: "Боюсь, что долго я здесь не задержусь". В разговор по телефону с Кальви и коллегами по банку он неоднократно повторял: "Я вам советую хорошенько запомнить вот что: новый папа весьма отличается от прежнего. Здесь скоро произойдут перемены, и очень большие".

Марцинкус был прав. Лучани тоном, не предполагающим возражения, сказал Вийо, что Марцинкус должен немедленно покинуть свой пост. И не через неделю или через месяц, а завтра же. Он должен уйти в отпуск, а позже, как только решится окончательно вопрос с кардиналом Коуди, ему подыщут подходящий пост в Чикаго.

Вийо было сказано, что место Марцинкуса займет монсеньор Джованни Анджело Аббо, секретарь префектуры по экономическим делам Святого престола. Монсеньор Аббо, как ведущая фигура финансового трибунала Ватикана, безусловно, оказался бы полезен, учитывая его профессиональную подготовку и огромный опыт финансовой деятельности. Прощаясь, Лучани сказал кардиналу Вийо: "Смещение Марцинкуса не единственная перемена, которую я наметил в отношении ИРД, причем безотлагательно. Меннини, де Стробель и монсеньор де Бонис также должны уйти со своих постов. Не медля. Место де Бониса займет монсеньор Антонетти. Канди-

датуры на замещение двух других вакансий я должен обсудить прежде с монсеньором Аббо. Кроме того, я настаиваю, чтобы все наши деловые связи с финансовой группой "Банко Амброзиано" были срочно прерваны, а это невозможно, если нынешнее руководство Ватиканского банка останется на своих постах".

Отец Маджи сказал как-то автору книги: "Папа Лучани прекрасно знал, чего хотел, и говорил об этом совершенно однозначно и без обиняков. Вместе с тем средства, к которым он прибегал при достижении поставленных целей, всегда были безупречны с точки зрения этики".

Была своя "деликатность" и в тоне, который он избрал для разговора с Вийо. Оба они прекрасно знали, что все те, кого только что папа велел уволить со своих постов: Марцинкус, Меннини, де Стробель и де Бонис, были связаны самым тесным образом не только с Кальви, но и с Синдоной.

Кардинал Вийо выслушал распоряжения папы почти без комментариев. Он прекрасно знал обо всем уже давно. В Ватикане считали его довольно бездеятельным, но с его стороны это было скорее хитростью: он старался преднамеренно многого не замечать. В Ватикане это называлось техникой выживания.

По поводу архиепископа Чикаго Лучани передал Вийо содержание своего разговора с кардиналом Баджо относительно ультиматума, который следовало предъявить Коуди. Вийо отнесся к идее с одобрением. Как и Баджо, он считал, что Коуди слишком большой источник ненужных осложнений для католицизма в Америке. Поэтому наметившееся решение проблемы обрадовало его. Лучани сказал также, что следовало бы запросить представителя Ватикана в Вашингтоне о возможных кандидатах на пост преемника Коуди. "В Чикаго, — добавил он, — налицо кризис доверия к церкви. Поэтому очень важно, чтобы новый глава епархии сумел бы вернуть утраченную веру".

Не скрыл Лучани от Вийо и отказ Баджо стать патриархом Венеции, подчеркнув, что по-прежнему уверен в целесообразности такого назначения. "Венеция отнюдь не райский уголок, — говорил он, — там нужна крепкая рука человека сильного и волевого, такого, как Баджо. Я хотел бы, чтобы вы говорили с ним. Объясните ему, что мы все должны идти на какие-то жертвы в определенные моменты. Может, следует напомнить ему, что я тоже очень не хотел оказаться на своем нынешнем месте". Вийо ничего не ответил, хотя отметил про

себя, что последний довод вряд ли убедит Баджо.

Лучани сообщил далее Вийо и о других намеченных им кадровых перемещениях в церковных верхах. Кардинал Перикле Феличи должен быть назначен генеральным викарием Рима вместо кардинала Уго Полетти, который в свою очередь займет место Бенелли на посту архиепископа Флоренции. Бенелли же возглавит государственный секретариат, то есть сменил Вийо.

Вийо подумывал об отставке. Он был уже старым и усталым человеком. Как и Коуди, он был сильно болен. В конце августа Вийо уже заявил о том, что вскоре предполагает устраниться от дел. И вот теперь он получил то, чего желал, и гораздо раньше, чем рассчитывал. Предстоит еще длительный период передачи всех дел преемнику, однако ясно, что реальная власть окончится в тот момент, когда то, о чем ему сказали сейчас, узнают все. И особенно ущемленным кардинал почувствовал себя от того, что его сменил Бенелли, который уже был его заместителем в течение многих лет. Непрестанная борьба за влияние между ними отнюдь не улучшала их отношений.

Вийо еще раз бегло просмотрел записи в блокноте. Лучани, отложив свои пометки в сторону, наполнил вновь чашки. Вийо спросил: "Я полагал, что вы хотели видеть Казароли на моем месте?"

— Да, я так хотел. Я и теперь считаю, что во многих отношениях он был бы блестящей кандидатурой. Однако я разделяю сомнения Джованни Бенелли по поводу политических инициатив, предпринятых в последние годы в отношении стран Восточной Европы.

Лучани помолчал, ожидая реакции. Вийо не произнес ни звука, тем самым не высказав одобрения. Молчание затягивалось. Ни разу за все время совместной работы Вийо не изменял подчеркнутой официальности. На его лице всегда была маска непроницаемости. Неоднократно Лучани пытался и лично, и через Феличи или Бенелли внести хоть немного человечности в их отношения. Тщетно. Наконец Лучани сам прервал молчание:

— Так что же, Ваше преосвященство?

— Вы — папа, и решение за вами.

— Это верно, но что думаете вы сами?

Вийо пожал плечами.

— Принятые вами решения, — сказал он, — порадуют одних и разочаруют других. Многие из кардиналов, искренне

сделавшие все для того, чтобы вы стали первосвященником почувствуют себя жестоко обманутыми. Они, несомненно, сочтут новые назначения предательством по отношению к памяти папы Павла VI.

Лучани улыбнулся: "Что же, разве покойный папа думал, что назначает людей на эти должности навечно? А что касается кардиналов, содействовавших тому, чтобы я стал папой, поймите — и я говорил об этом неоднократно, но, наверное, надо подчеркнуть еще раз: я не хотел быть папой. Я не делал ничего для того, чтобы стать им. Ни вы и никто другой не в силах назвать ни одного кардинала, который мог бы утверждать обратное. Я никого не просил голосовать за меня, потому что я искренне этого не хотел! Избрание не было делом моих рук. Мы оба знаем, что среди нас, в Ватикане, немало людей, которые забыли, для чего принимали духовный сан. Они просто решили, что Святой престол — нечто вроде фондовой биржи. Именно поэтому я настаиваю на кадровых перестановках".

— Станут говорить, что вы предали дело Павла.

— Будут говорить и то, что я предал дело Иоанна или Пия. У каждого свои ориентиры. Я же прежде всего думаю о том, чтобы не было предано дело Господа нашего Иисуса Христа.

Беседа продолжалась около двух часов. В 19.30 Вийо удалился. Вернувшись к себе, а его кабинет находился совсем неподалеку, он вновь просмотрел список перемещений. Затем, протянув руку и открыв ящик стола, он достал еще один список. Сравнив их, он увидел, что каждый из тех, кто был уволен, числился в списке предполагаемых масонов. Он держал в руках именно тот список, который опубликовал разочаровавшийся в масонстве член ложи "П-2" Мино Пекорелли. Марцинкус. Вийо. Полетти. Баджо. Де Бонис. Все вновь назначенные — Бенелли, Феличи, Аббо, Антонетти — в списке масонов не значились.

Кардинал отложил этот список в сторону и стал читать уведомление, в котором говорилось, что в соответствии с достигнутой договоренностью встреча между представителями американского комитета по вопросам контроля за рождаемостью и папой римским, Альбино Лучани, должна состояться 24 октября. Иными словами, правительственная группа США, добивающаяся смягчения запрета Ватикана на применение противозачаточных средств католиками, через несколько недель получит возможность беседовать с папой, который и сам ничего не имел против таких перемен. Вийо поднялся из-за стола.

После беседы с Вийо Лучани попросил отца Лоренци связать его с кардиналом Коломбо в Милане. Через минуту Лоренци доложил, что кардинал будет на месте вечером. Лоренци удалился, а к папе вошел отец Маджи. Вместе они прочли ежедневную часть требника по-английски. В 19.50 Лучани в обществе Лоренци и Маджи сел ужинать. Весело разговаривая с сестрами Винчендой и Ассунтой, он, казалось, и не имел трудного двухчасового разговора с Вийо.

Лоренци, сидевшему напротив папы, вдруг пришла в голову мысль, что Лучани уже побил некоторые рекорды в истории папства. Только он хотел сказать об этом вслух, как папа принялся заводить новые ручные часы, которые ему подарил монсеньор Макки, секретарь покойного папы Павла VI, после замечания Феличи о том, что многие в курии "забраковали" его старомодные часы. Курия, видимо, не видела особой разницы между папой и продавцом подержанных автомашин, чей профессиональный успех зависит и от того, насколько хорошо отглажены его брюки.

В последний раз, когда Лучани виделся со своим братом Эдоардо, он сказал: "Стало быть, папе римскому не пристало носить старые добрые часы, которые нужно заводить каждый день. Надеюсь, ты не обидишься, если я отдам их тебе, брат?"

После ужина Лучани вернулся в свой кабинет, чтобы вновь просмотреть пометки, сделанные во время беседы с Вийо. В 20.45 Лоренци соединил папу с кардиналом Коломбо в Милане. После смерти Лучани этот кардинал отказался дать интервью. Достоверные источники утверждают, что они обсуждали намеченные папой кадровые перестановки. Ни малейших разногласий между ними не было. Коломбо вспоминал потом: "Он говорил со мной довольно долго в совершенно спокойном тоне, никаких признаков болезни или усталости в голосе не было. Он был полон покоя и надежды и, прощаясь, произнес: "Молитесь!"

Лоренци отметил для себя, что разговор закончился в 21.15. Папа положив трубку, взглянул на черновик речи, которую должен был произнести перед иезуитами в субботу 30 сентября. Ранее он говорил по телефону с генералом ордена отцом Педро Аррупе и предупредил, что ему есть что сказать по поводу состояния дисциплины в ордене иезуитов. Он отчеркнул карандашом ту часть речи, которая имела отношение к перемещениям среди руководства церкви: "Вы все, несомненно, знаете о тех проблемах в области экономической и социальной жизни, которые сегодня стоят перед человечеством, и об

их тесной связи с проблемами христианства. Однако, прилагая все ваши усилия к решению проблем, не забывайте о различиях в задачах, стоящих перед духовными пастырями и мирянами. Мы, священники, должны вдохновлять, внушать надежду, убеждать в необходимости для каждого выполнять свою задачу, однако не следует при этом подменять мирское руководство, забывая о нашей святой обязанности евангелизации”.

Отложив набросок речи в сторону, он еще раз просмотрел список назначений, о которых сегодня уведомил Вийо. Лучани подошел к дверям своего кабинета и, приоткрыв их, увидел на пороге своих секретарей отца Маджи и отца Лоренци. Прощаясь с ними на ночь, он сказал: ”Доброй ночи. До завтра. Если так угодно будет Господу”.

Было ровно 21.30. Альбино Лучани притворил двери кабинета, произнес последние слова в жизни.

...Его труп был обнаружен на следующее утро. Соккрытие и тщательное утаивание обстоятельств того, как было обнаружено тело, не оставляют сомнений в желании Ватикана не приподнимать завесу секретности над смертью папы. Все последующие заявления были сплошной ложью и в малом, и в большом. Вся эта ложь была в высшей степени целенаправленной, чтобы скрыть тот несомненный факт, что Альбино Лучани, папа Иоанн Павел I, был умерщвлен в промежуток между 21.30 вечера 28 сентября и 4.30 утра следующего дня.

Альбино Лучани был первым папой за 100 лет, который умер в полном одиночестве. Он был первым папой, который погиб насильственной смертью за гораздо более значительный отрезок времени.

Итак, Коуди, Марцинкус, Вийо, Кальви, Джелли, Синдона. По крайней мере один из них пошел на то, что совершилось поздно вечером 28 сентября или на рассвете 29 сентября 1978 года. Происшедшее было прямым следствием вывода, что помочь в борьбе с Лучани могло лишь решение проблемы по-итальянски: папа должен умереть.

ОБЪЯТЫЕ СТРАХОМ

Как и почему произошла трагедия, вновь повергшая во мрак римско-католическую церковь утром 29 сентября 1978 года?

На вопрос "почему" мы постарались ответить. Многие поддались животному страху при первых шагах Альбино Лучани. У тех, кого охватил испуг, оснований для устранения его источника было более чем достаточно.

Как именно это произошло? Проанализируем существовавшие возможности.

1. Те, кто стремился и впредь обеспечить себе источники колоссальных доходов и действительно желали смерти Лучани, в чем у автора книги нет сомнений, не могли совершить убийство на площади Святого Петра, то есть на виду у людей. Наоборот, убийство следовало тщательно замаскировать, дабы избежать скрупулезного расследования. Смерть папы должна была быть обставлена так, чтобы избежать серьезных подозрений или сомнений.

2. Следовательно, самым надежным средством оставался яд, причем такой, который не оставляет внешних признаков. У специалистов удалось выяснить, что подобных препаратов в наше время насчитывается около двухсот. Среди них есть такие, которые не имеют запаха и вкуса. Они незаметно могут быть подмешаны в еду, питье и даже в лекарственные средства, которыми пользуется избранная жертва.

3. Тот, кто планировал заговор с целью убийства папы, непременно должен был досконально знать не только все ходы и выходы в Ватикане, но и принятый в папских покоях уклад жизни. Самое главное заключалось в том, чтобы не допустить вскрытия трупа. В этом случае вполне годился любой из двухсот смертоносных препаратов, воздействие которого вполне можно было отождествить с острой сердечной недостаточностью. Замышлявшие убийство должны были знать также, что апостолские законоположения не требуют обязательного вскрытия.

Далее преступники должны были иметь полную уверенность в том, что, даже если в верхах ватиканской иерархии возникнут подозрения, вскрытия тем не менее не допустят и ограничатся лишь внешним обследованием тела. Смерть должна была наступить в промежуток от двух ночи до шести часов утра после приема летальной дозы яда. В течение многих лет папа держал на своем ночном столике, рядом со стареньким дребезжащим будильником, микстуру, которую принимал в связи с пониженным давлением. Если в сосуд с микстурой добавить смертельную дозу яда — всего лишь половину чайной ложки, — заметить этого не смог бы никто.

Не будучи охотником до лекарств, папа принимал в основном витамины в таблетках. В течение последнего времени ему делали курс инъекций для стимуляции надпочечника и стабилизации кровяного давления. Эти курсы проводились дважды в год, весной и осенью, при этом всякий раз использовались различные, хотя и однотипные препараты. Уколы всегда делала сестра Винченца. Такой курс проводился сразу после избрания папой, почему Лучани и потребовал, чтобы сестру Винченцу допускали в папские покои. Кстати, и в ампулы для инъекций тоже мог быть подмешан яд, ибо никаких особых мер при хранении лекарств не соблюдалось. Во всяком случае, тот, кто решил отравить папу, без труда мог найти доступ к этим лекарствам. В самом деле, занимаясь расследованием всех обстоятельств этой трагической смерти, можно только поражаться, сколь несложно было проникнуть в папские апартаменты любому, кто хорошо знал Ватикан.

В 4.30 утра в пятницу 29 сентября 1978 года сестра Винченца, как обычно, принесла кофейник с горячим кофе в кабинет папы, смежный со спальней, в дверь которой и постучалась со словами традиционного приветствия: "Доброе утро, святой отец". Однако ответного приветствия она не услышала. Подождав минуту, сестра Винченца ушла, стараясь не шуметь. В 4.45 она вернулась. Поднос с кофе стоял нетронутым. Ее охватило беспокойство, ибо, служа у Лучани с 1959 года, она не могла вспомнить, чтобы он хоть раз в течение этих 19 лет проспал. Прислонила ухо к двери в спальню. Ни звука. Постучала еще раз. Сначала тихо, по привычке, затем громче. Никакого ответа. Сквозь щель под дверью пробивалась полоска света. По-прежнему ни звука. Открыв дверь, она увидела Лучани в сидячей позе в кровати, в очках. В правой руке несколько исписанных листочков бумаги. Голова была повернута немного вправо. Белели зубы. Приоткрыт рот. Но то не была

его обычная улыбка. То был оскал агонии. Монахиня приблизилась и пощупала пульс. Пульса не было. Позже она рассказала автору книги: "Я выжила просто чудом. У меня ведь такое слабое сердце. Нажав звонок, чтобы вызвать секретарей, я вышла из двери и пошла, ничего не видя, по коридору, чтобы разбудить других сестер и дона Диего".

Монахини жили в дальнем конце папских апартаментов. Комната отца Маджи располагалась и вовсе наверху. Только отец Лоренци временно занимал комнату, непосредственно примыкавшую к папской спальне, пока ремонтировали его постоянное жилище, которое в свое время занимал секретарь Павла VI монсеньор Макки. Его и разбудила раньше всех сестра Винченца.

Те из римлян, которые в силу привычки или необходимости встают чуть свет, с удовлетворением отметили в то утро, что в спальне папы уже горит свет: всегда приятно знать, что не только ты встаешь в такую рань, но и сам папа. По непонятной причине свет в окне у папы остался незамеченным в ту ночь швейцарскими гвардейцами, охраняющими Ватикан.

Оцепенев от ужаса, отец Лоренци глядел, не отрываясь, на безжизненное тело папы. Следующим в опочивальню вошел отец Маджи. Второй раз за два последних месяца он видел перед собой покойного папу римского, однако как различны были сопутствующие им обстоятельства! Вокруг смертного одра Павла VI толпились врачи, церковные иерархи, задолго собравшиеся в Кастель-Гандольфо, папской летней резиденции в окрестностях Рима. Медицинские бюллетени подробно сообщали о состоянии здоровья папы в течение последних суток его жизни. Был опубликован полный перечень болезней, ставших причиной его смерти в то утро 6 августа в 9.40.

Теперь же, пробыв на папском троне всего лишь 33 дня, папа Иоанн Павел I умер в полном одиночестве. Что явилось истинной причиной смерти? Когда она наступила?

За одним из самых коротких в истории католицизма конклавов последовал один из самых коротких понтификатов. Вот уже почти 400 лет ни один папа не умирал так скоро после избрания. В 1605 году, пробыв лишь 17 дней на троне, умер папа Медичи, принявший имя Льва XI.

Первым делом отец Маджи позвонил кардиналу Вийо, чьи покои располагались двумя этажами ниже. Вспомним, что менее 12 часов назад папа уведомил своего государственного секретаря об отставке и о назначении вместо него кардинала Бенелли. Весть, сообщенная Маджи, означала для Вийо не только то, что

он сохранит свой пост, но и как кардинал-камерленго станет фактическим главой католической церкви вплоть до избрания нового папы. К 5.00 утра Вийо уже был в папской опочивальне и убедился лично, как и предписывала традиция, что папа мертв.

Если допустить, что Лучани умер естественной смертью, то шаги, предпринятые вслед затем Вийо, совершенно необъяснимы. Его поведение становится понятным лишь с одним допущением: либо сам кардинал участвовал в заговоре с целью убийства папы, либо он обнаружил в спальне следы преступления и, желая спасти престиж церкви, преднамеренно уничтожил все улики.

В карманах его сутаны исчезли пузырек с микстурой, стоявший на столике у кровати, исписанные листки с пометками о предстоящих назначениях и отставках, которые покойный держал в руке, когда наступила смерть. С ними исчезло завещание Лучани, хранившееся в его рабочем столе. Кроме того, из опочивальни после ухода Вийо бесследно исчезли очки и шлепанцы покойного папы. Ни один из этих предметов впоследствии найден не был. Преднамеренность загадочных действий Вийо подтверждается тем, что, выйдя из папской опочивальни, кардинал-камерленго велел заучить изумленным членам папского окружения имевшую мало общего с действительностью версию об обстоятельствах смерти.

Более того, он наложил обет молчания на сестру Винченцу, которая обнаружила тело, и приказал всем присутствующим не разглашать до его особого распоряжения даже самого факта смерти. Затем, расположившись за рабочим столом Лучани, Вийо сделал несколько телефонных звонков.

Все, кто входил в спальню Лучани до прихода Вийо, единодушно уверяли автора книги, что исчезнувшие потом предметы — очки, шлепанцы, пузырек с микстурой, а также завещание — были на месте и исчезли после его ухода.

Вийо сообщил о неожиданной смерти 86-летнему кардиналу Конфалоньери, декану коллегии кардиналов, и главе ватиканской дипломатии монсеньору Казароли, после чего велел сестрам-монахиням на коммутаторе связать его с находившимся на отдыхе в Монтекатини архиепископом Джузеппе Каприо, третьим лицом в ватиканской иерархии и заместителем Вийо. Только после этого камерленго позвонил доктору Ренато Буцонетти, заместителю главы медицинской службы Ватикана. Потом он набрал номер помещения швейцарской гвардии, попросив сержанта Ганса Роггана немедленно явиться в папские покои.

Отец Лоренци, единственный из тех, кто входил в окруже-

ние Лучани еще в Венеции, в глубоком потрясении бродил по коридорам папских покоев. Он потерял человека, который ему стал ближе, чем отец. Мыслями он еще и еще раз возвращался к свершившемуся факту, пытаясь найти хоть какие-то причины, какую-то логику.

Несмотря на строгий приказ Вийо не информировать никого о случившемся, Диего Лоренци отважился все же позвонить личному врачу покойного доктору Джузеппе Да Росу. Он наблюдал Лучани уже более 20 лет. Лоренци живо помнит реакцию Да Роса, когда тот услышал страшную весть: "Доктор был в настоящем шоке. Он замер в изумлении. Никак не мог поверить. Он спросил меня, какова причина смерти, но я ничего толком не мог сказать. Он тщетно пытался собраться с мыслями и сказал только, что первым же самолетом прилетит из Венеции в Рим".

Лоренци позвонил племяннице папы Пии, которая была для Лучани ближе других родственников. Судя по всему, Лоренци был тогда единственным, кому пришло в голову, что и у пап есть родственники, и рассудил, что человечнее сообщить самому трагичную новость по телефону, чем допустить, чтобы они узнали о ней по радио.

"Мы увидели его тело сегодня утром. Мужайтесь и молитесь", — только и смог проговорить он.

Непросто было мобилизовать доверие широких кругов населения к официальной версии Ватикана, состряпанной Вийо и его окружением.

Новость молниеносно распространилась по Ватикану. Во дворе, неподалеку от входа в Ватиканский банк, сержант швейцарских гвардейцев Рогган встретил епископа Марцинкуса. Было 6.45 утра. Почему так рано явился в Ватикан президент банка, который, во-первых, не имел привычки вставать чуть свет, а во-вторых, жил в городе, в 20 минутах езды от Ватикана, остается загадкой. Рогган выпалил: "Папа умер!" Марцинкус замер и, приоткрыв рот, уставился на сержанта. Тот, ничего не понимая, приблизил лицо к епископу и повторил еще раз громче: "Папа Лучани. Умер. Его нашли утром в постели".

Марцинкус по-прежнему недвижно стоял, будто в столбняке. Не зная, как себя вести, сержант повернулся и пошел прочь, оставив главу Ватиканского банка застывшим на месте.

Несколько дней спустя, во время похорон, Марцинкус извинился перед капитаном и так объяснил свое необычное поведение: "Простите, но я подумал, что вы сошли с ума".

Доктор Буцонетти, бегло осмотрев труп, сказал Вийо, что

причиной смерти стал, видимо, обширный инфаркт миокарда. Смерть, по его словам, наступила около 23.00.

Следует отметить, однако, что, с точки зрения сведущих врачей, практически невозможно после столь поверхностного осмотра диагностировать инфаркт миокарда и установить час смерти с такой точностью.

Еще до прихода Буцонетти, появившегося около 6.00 утра и произведенного им осмотра, Вийо решил, что тело должно быть немедленно забальзамировано, и, что особенно примечательно, принял для этого все меры еще до звонка Конфалоньери в 5.15 утра. Братья Эрнесто и Ренато Синьорацци бальзамировали тела двух предшественников Лучани. И вот вновь им звонок на рассвете. В 5.00 машина из Ватикана подкатила к подъезду, чтобы привезти их в папский дворец. Заметим, что столь ранний звонок означал, что уже перед этим официально уведомили Институт медицины, где постоянно работали братья: с институтом все надлежало согласовать в обязательном порядке. Значит, туда Вийо звонил от 4.45 до 5.00 утра.

В 7.00 утра, после того как сестра Винченца обнаружила труп Лучани, мир все еще оставался в неведении относительно кончины папы Ионна Павла I. Ватикан, однако, единодушно игнорировал эдикт Вийо. Бенелли во Флоренции узнал о случившемся в 6.30 утра. Охваченный горем, он удалился для молитвы. Конец всем надеждам, мечтам, желаниям! Теперь пойдут прахом все планы реформ и преобразований, намеченные Лучани. По традиции Ватикана, когда умирает папа, все, что он не успел осуществить, умирает вместе с ним. Если только преемник не пожелает взять на себя осуществление его планов.

К 7.20 утра зазвонили колокола в приходской церкви Канале Д'Агордо, где Лучани родился. Радио Ватикана по-прежнему хранило молчание. Наконец, в 7.27 утра, то есть почти три часа спустя после того, как монахиня Винченца обнаружила труп папы, Вийо решил, что все необходимые меры приняты, и радио Ватикана передало такое официальное сообщение: "Сегодня, 29 сентября 1978 года, около 5.30 утра, личный секретарь папы, против обыкновения не найдя его святейшества в личной часовне, где он обыкновенно молился по утрам, вошел в его опочивальню, где нашел его мертвым в постели, в сидячей позе, как если бы папа собирался почтить на ночь. Доктор Ренато Буцонетти, явившийся незамедлительно, констатировал смерть, которая наступила, по его мнению, около 23.00 накануне, как следствие обширного инфаркта миокарда".

Позднее Ватикан уточнил, что этим секретарем был отец

Маджи, который якобы обычно служил мессу вместе с папой в 5.30 утра, и что в руке покойный держал книгу "Подражание Христу", автор которой — теолог XV века Фома Кемпийский.

Как видно из официального сообщения, помимо очков, бумажки, пузырька с микстурой и шлепанцев "исчезла" и сестра Винченца, обнаружившая тело еще в 4.45 утра. О ней там ни слова. Двух часов и сорока пяти минут, в течение которых Вийо и его советники сохраняли новость в тайне, обдумывая все детали и создавая легенду, пересказанную затем всему миру, им оказалось недостаточно, чтобы свести концы с концами. Но они знали, что радио- и телевизионные станции будут вести передачу, основываясь на официальной версии Ватикана.

Допустим, что мысль вложить книгу средневекового теолога в руку покойного папы пришла в голову Вийо вдруг, по вдохновению, но ведь на деле оказалось, что ни одного экземпляра этого трактата вообще не было в кабинете. Как потом выяснилось, ее не было и в папских апартаментах. Свой собственный экземпляр Лучани оставил в Венеции. Когда же за несколько дней до смерти ему понадобилась цитата из этого трактата, он попросил отца Лоренци одолжить экземпляр у своего ватиканского духовника и вернул книгу владельцу. Но кого интересовали протесты секретаря покойного папы? Ватикан насаждал эту ложную версию вплоть до 2 октября. Иными словами, в течение четырех дней сфабрикованная версия была преподана миллионам людей как истина.

Многие, очень многие были обмануты дезинформацией, распространяемой официальным Ватиканом. К примеру, была выдумана легенда о том, что отец Маджи входил в опочивальню папы незадолго до 22.00 28 сентября. Фальсификация, исходившая от курии, изобиловала даже подробностями. Утверждалось, например, что Маджи вошел к папе, чтобы сообщить ему об убийстве студента в Риме. Папа якобы ужаснулся: "Неужели эти молодые люди вновь стреляют друг в друга? Ах, как это ужасно!" Эти слова якобы были последними в жизни Лучани. А известие, которое сообщил Маджи, будто бы явилось непосредственной причиной, вызвавшей разрыв большого и чувствительного сердца. Все это не что иное, как ложь, вымышленная ватиканскими интриганами.

Такой же ложью было и утверждение, что Лучани обычно отправлялся к мессе в обществе отца Маджи в 5.30 каждое утро. На самом деле месса начиналась не раньше 7.00 утра, а в промежутке между 5.30 и 7.00 папа предавался размышлениям и мо-

литвам в одиночестве. И только иногда в 6.30 к нему присоединились секретари Маджи и Лоренци. Все остальное, включая вранье насчет насторожившегося и почуявшего беду Маджи, когда папа не пришел к мессе в 5.30, есть откровенная ложь того Ватикана, который ненавидел покойного папу.

Весь мир был в шоке от этой безвременной и внезапной кончины. Массивные бронзовые двери базилики святого Петра заперты. Флаг Ватикана приспущен. Однако общее замешательство по поводу загадочной смерти было столь велико, что люди сразу присоединились к сомнениям и недоверию, выраженным вслух личным врачом Лучани Да Росом.

Кардинал Виллебрандс, возлагавший большие надежды на новый понтификат, который сулил большие перемены и значительную реформу церкви, сказал: "Это катастрофа. Не могу выразить словами, как счастливы мы были, когда в тот августовский день именно Лучани стал папой. Сколько было надежд! Мы тогда испытали такое чувство, будто в затхлое помещение ворвалась струя свежего воздуха".

Кардинал Баджо, которого Лучани хотел удалить из Рима, сообщив ему об этом накануне своей смерти, был куда более сдержан: "Господь использует нас, но не нуждается в нас". Он произнес эти слова рано утром, отойдя от ложа покойного. "Он был для католической церкви как бы приходским священником", — добавил Баджо. Когда его спросили, что же теперь будет, он невозмутимо ответил: "Теперь мы выберем нового папу".

Но Баджо был скорее исключением. Большинство остро ощущало утрату. Когда кардинал Бенелли вышел из своих покоев около 9.00 утра, он тут же был окружен многочисленными репортерами. Представ перед ними с лицом, все еще влажным от слез, он сказал: "Церковь потеряла именно такого главу, какой ей был совершенно необходим в настоящее время. Сознание этого не может не переполнять нас горечью. Мы объаты растерянностью и страхом. Это тяжелые для нас дни".

Решение Вийо безотлагательно бальзамировать тело натолкнулось на непредвиденные осложнения. Кардиналы Феличи в Падве и Бенелли во Флоренции, которые, как мы знаем, были полностью в курсе всех кадровых перемещений, намеченных Лучани, и, более того, не заблуждались относительно их мотивов, выражали несогласие с таким решением и не скрывали этого от Вийо. Все громче раздавались голоса по всей стране о необходимости вскрытия. Во всяком случае, преобладало мнение, что с Бенелли и Феличи следует согласиться, ибо если причиной смер-

ти явился яд, то вскрытие теряло всякий смысл после бальзамирования.

Официально Ватикан поддерживал версию, что тело Иоанна Павла I было забальзамировано прежде, чем его выставили для прощания в "Сала Клементина" в полдень в пятницу. На деле же те, кто пришел проститься с папой Лучани, в первый же день видели его еще не забальзамированное тело, то есть таким, как и сестра Винченца. Вот что сказал автору книги отец Диего Лоренци: "Тело было перенесено из опочивальни в "Сала Клементина", расположенную там же, в папских покоях дворца. К этому времени бальзамировщики еще не приступали к делу. Одевали папу в погребальные одежды отец Маджи, монсеньор Ноэ и я. Я и Маджи не отходили от тела до 11.00 утра, когда появились братья Синьораччи. Сразу после этого тело перенесли в "Сала Клементина".

Прощание с папой Лучани представляло разительный контраст с кончиной Павла VI. В августе у гроба Павла VI царила бездушная атмосфера официальных похорон. Теперь же это был непрерывный поток прощающихся. В первый день пришло проститься более четверти миллиона человек. С каждой минутой усиливались разговоры о том, что папа умер не своей смертью. "Кто сделал это с тобой? Кто убил тебя?" — шептали многие, проходя мимо гроба Лучани.

Тем временем разгорались разногласия по вопросу о необходимости вскрытия между кардиналами, в спешном порядке съезжавшимися в Рим. Если бы Альбино Лучани был обычным человеком, все было бы куда проще: его тело вскрыли бы без всяких осложнений. Итальянский закон устанавливает, что бальзамирование трупа категорически воспрещается ранее чем через 24 часа после смерти, за исключением особых случаев, когда магистрат специальным решением позволяет отступить от этого предписания. Таким образом, ясно, что если бы при аналогичных загадочных обстоятельствах умер любой рядовой итальянец, то обязательно было бы проведено вскрытие. На смерть же перво-свещенника закон, оказывается, не распространяется.

Для тех, кому нечего было бояться и нечего скрывать, действия Вийо и некоторых других прелатов из курии казались совершенно непостижимыми, вызывали подозрение, что они вячески заматали следы.

Один из кардиналов, живущих в Риме, в разговоре с автором книги сделал самое сенсационное признание, пытаясь объяснить чудовищную фальсификацию:

"Вийо доверительно сообщил мне, что происшедшее явилось

результатом невероятной и трагической случайности — папа по невниманию принял слишком сильную дозу своего обычного лекарства. Поэтому, утверждал камерленго, и было решено отказать от вскрытия, ибо столь высокое содержание препарата в организме сразу же обнаружилось бы, а досужие умы тут же предположили бы преднамеренное убийство или самоубийство. Именно потому мы и пришли к выводу, что лучше всего отказаться от вскрытия”.

Дважды автор книги подолгу беседовал с профессором Джованни Рама, доктором, который и прописал Лучани в свое время ту микстуру, а также другие препараты для стабилизации кровяного давления. Рама наблюдал Лучани с 1975 года. Вот его мнение по поводу вышеизложенной версии: ”Случайный прием препарата сверх дозы совершенно исключается, и прежде всего потому, что речь идет о необыкновенно аккуратном и внимательном пациенте, с разумной осторожностью относившемся к лекарственным средствам. Да ему и необходимы они были в самых небольших количествах, в частности микстуру он принимал в минимальных дозах. Обычно ее прописывают по 60 капель в день, я же прописал ему не более 20—30 капель. Мы всегда были обоюдно осторожны в выборе любого нового лекарства”.

Выяснилось, что идея о сверхдозе, принятой якобы по собственной рассеянности Лучани, родилась в голове Вийо в те несколько мгновений в папской опочивальне, когда он прятал в карман тот самый пузырек с микстурой. Не будем оспаривать, что Вийо обладал и воображением, и острым умом. Папа удаляется на ночь к себе в обычное время, в полном здравии и добром расположении духа, с ясной головой, в которой совсем недавно сложились совершенно конкретные планы кадровых перемещений. В числе прочих было решение об отставке кардинала Вийо. И тут кардинала-камарленго, в высшей степени искусственного в искусстве интриги, осеняет мысль: ”Ну конечно, проще всего и лучше для всех будет, если Лучани сам случайно убил себя”. Возможно, в специфической атмосфере Ватикана подобная версия и звучала убедительно, для всего же здравомыслящего мира она нуждалась в неопровержимом доказательстве.

Основные улики были уничтожены самим кардиналом: пузырек с лекарством папы и его собственноручные записки. О страхе, охватившем даже многоопытного Вийо, свидетельствует то, что он прихватил и завещание папы. Никаких распоряжений, касающихся смерти, там не было. И оно было уничтожено вмес-

те с остальными материальными свидетельствами. Почему исчезли также шлепанцы и очки? Непонятно.

По Ватикану поползли слухи. Стали говорить, что красная сигнальная лампочка горела на контрольном щите у входа в папские покои всю ночь, призывая тем самым на помощь, но ее никто и не заметил. Говорили, что перед смертью папу тошнило, и следы остались на многих предметах в спальне, в том числе на шлепанцах и очках. Поэтому они и были похищены. Кстати, позывы к рвоте — один из первых симптомов при приеме смертельной дозы такого яда, как дигиталис.

В течение того же дня, 29 сентября, все предметы, принадлежавшие Альбино Лучани, были кардиналом-камерленго Вийо не только опечатаны, как предписывала традиция, но и изъяты из его покоев. Среди них личные записки, письма, книги, другие вещи, в том числе фотография родителей. По распоряжению Вийо были унесены все деловые и секретные бумаги. К 6 часам вечера того же дня из 19 комнат, отведенных под личные папские апартаменты, полностью исчезли малейшие материальные следы его присутствия там. Как будто Альбино Лучани никогда и не существовал. В 18.00 папские покои были опечатаны кардиналом Вийо. Печать будет снята теперь лишь после избрания нового папы.

Незаметно исчезли и сестры-монахини, и оба секретаря покойного. На память о Лучани отец Маджи сохранил две кассеты, с помощью которых Лучани улучшал свое английское произношение. Диего Лоренци унес лишь нетленную память в своем сердце. Тщательно избегая назойливых репортеров, монахини и оба секретаря нашли временное пристанище в доме, принадлежавшем женскому монашескому ордену.

Заметим, что волей судьбы Маджи суждено было стать личным секретарем еще одного папы, третьего на его веку. Событие само по себе уникальное в истории папства. Диего Лоренци, молодой эмоциональный итальянец, перенес тяжелейшее потрясение, вызванное смертью Лучани. Он возвратился домой в Северную Италию и стал преподавать в сельской школе. Винченцу отослали еще севернее, в отдаленный монастырь. Ватикан не церемонился с такими мелкими сошками, стремясь обезопасить себя от тех, кто мог нарушить обет молчания.

В 18.00 в ту же пятницу 29 сентября, когда была закрыта для доступа "Сала Клементина", счастливее человека на свете, чем кардинал Вийо, наверное, не было. Все сошло довольно гладко, и теперь бальзамировщики наконец могли приступить к делу, уничтожая действительно самые опасные улики. После

бальзамирования уже практически невозможно даже при последующем вскрытии обнаружить следы яда. С другой стороны, если папа действительно умер от обширного инфаркта, бальзамирующая жидкость не разрушит уже поврежденных от естественных причин кровеносных путей. В тот же день, будто по иронии судьбы, римская Ассоциация владельцев аптек опубликовала сообщение для прессы, в котором говорилось, что в настоящее время нет в продаже ряда медикаментов, обычно используемых для лечения при отравлениях и сердечно-сосудистых заболеваниях. Итальянским журналистам удалось в конце концов добиться от Вийо следующих слов: "Вчера вечером я беседовал с Его святейшеством, который был в прекрасном расположении духа и физически вполне здоров. Он, как обычно, сделал несколько распоряжений на следующий день".

За плотно закрытыми дверями "Сала Клементина" в течение трех часов продолжался сложный процесс бальзамирования. За него в целом отвечал профессор Чезаре Герин. Непосредственными исполнителями были профессор Марраччино и братья Синьораччи, Эрнесто и Ренато. Братья, допущенные первыми для осмотра тела еще до того, как его выставили в "Сала Клементина", убедились, что, поскольку нет признаков трупного окоченения и соответствующей температуры тела, смерть не могла наступить в 11.00 вечера 28 сентября. Скорее всего, она наступила между 4 и 5 часами утра 29-го. Подтверждение своего заключения они получили из уст монсеньора Ноз, заявившего, что папа умер незадолго до 5 часов утра. Автор книги лично беседовал с братьями трижды. Они непоколебимы в уверенности, что папа умер между 4 и 5 часами утра, и труп его нашли менее чем через час. Если они правы, то сестра Винченца либо застала папу живым, либо вошла в спальню в считанные минуты после того, как его сердце остановилось. Верный ответ на этот счет могло дать только вскрытие.

По настоянию Ватикана кровь не была выпущена из тела, не был удален хирургически ни один орган, как положено перед бальзамированием. Инъекции формалина и других презервантов были произведены через бедренные артерии и вены. Вся процедура заняла более трех часов, хотя могла бы быть гораздо короче, если бы кровь была выпущена из тела. Здесь следует учесть, что даже самое малое количество крови оказалось бы для опытного специалиста вполне достаточным, чтобы обнаружить присутствие яда!

Косметическая обработка позволила устранить гримасу от-

чаяния и боли, искажившую лицо покойного. Руки, судорожно сжимавшие в последний миг жизни листки исписанной бумаги, теперь обложили розами. Все было готово. Незадолго до полуночи кардинал Вийо ушел спать.

Напомним, что папа Павел VI в полном соответствии с законами Итальянской Республики, не был подвергнут бальзамированию до истечения 24 часов с момента смерти. Несмотря на то что его лечащих врачей и обвиняли в некомпетентности, никто не подозревал их в злом умысле. Теперь же, когда радио, телевидение и пресса настойчиво требовали немедленного вскрытия, тело Лучани в срочном порядке забальзамировали.

В субботу 30 сентября все с большей настойчивостью стал раздаваться со всех сторон вопрос: почему не было произведено вскрытие? Естественно, прежде всего пресса стала выдвигать одну за другой версии с целью объяснить внезапную и загадочную кончину. Курия не задумываясь напомнила репортерам о том, как во время последней общей аудиенции 27 сентября, в среду, папа, обращаясь к группе калек и больных, пришедших за его благословением, сказал вдруг: "Помните, что ваш папа восемь раз был в больнице и перенес четыре операции". Даже официальные бюллетени Ватикана, служащие источником, из которого черпают сведения средства массовой информации всего мира, начинались этой фразой. Она стала звучать так часто и по любому поводу, что уподобилась фразе, монотонно повторяемой телефонным автоматом. Поэтому и звучала она так же малоубедительно.

Тем не менее большинство газет единодушно отмечало, что на протяжении четырех недель своего правления папа Лучани производил впечатление вполне здорового и бодрого человека. Журналисты искали встреч с теми, кто давно и близко знал папу. В газетном интервью монсеньор Сенигалья, секретарь Лучани на протяжении шести лет, когда Лучани был архиепископом Венеции, сказал, что перед поездкой в Рим на конклав Лучани прошел полное медицинское обследование, результаты которого оказались в высшей степени удовлетворительными. После этого заявления отдельные голоса, требовавшие немедленного вскрытия, зазвучали еще громче.

Вслед за прессой этого решительно потребовали и представители медицинских кругов. Тут у многих в Ватикане по спине побежали мурашки. Паника достигла предела. Было совершенно очевидно, что версии, будто неожиданное избрание вызвало у Лучани своего рода стресс, повлекший инфаркт, никто не верил без проведения вскрытия.

Ватикан выдвинул контрдовод: вскрытие якобы противоречит ватиканским нормам. Это была ложь на потребу мировой прессы. Дальнейшие расспросы газетчиков позволили выяснить, что Ватикан ссылался на провозглашенную Павлом VI в 1975 году апостолическую конституцию — документ, определявший в мельчайших деталях процедуру избрания его преемника. Там говорилось о мерах контроля в помещении конклава, даже о размере карточек для голосования. Но относительно вскрытия там не было сказано ни слова. Видимо, Павел VI просто не предвидел возможности возникновения разногласий и противоречивых мнений по поводу причин смерти. Вскрытие не разрешалось, но и не воспрещалось. О нем попросту не упоминалось.

Однако после смерти Павла VI вопрос о ее причине все же вызвал дебаты, и прежде всего потому, что жизнь его, несомненно, можно было продлить. Светила мировой медицины единодушно считали, что курс лечения, которому Монтини подвергался в последние дни жизни, был далек от идеала. В частности, один из самых известных медиков, доктор Кристиан Барнард из Кейптауна, узнав, что папу Монтини, несмотря на серьезность его состояния, даже не поместили в палату реанимации, заявил: "Если бы подобная халатность имела место у нас в клинике, медицинская ассоциация деквалифицировала бы врачей, повинных в ней".

Возглавлял группу врачей, лечивших Павла VI, Ренато Буцонетти, заместитель главы медицинской службы Ватикана. Тот самый врач, который допустил, как выразился доктор Барнард, преступную халатность два месяца назад, теперь в присутствии Вийо сделал, как единодушно утверждают медики, невозможное: поверхностно осмотрев тело, он определил, что причиной внезапной смерти Лучани, свидетелей которой не было, стал инфаркт. Без вскрытия это заключение было лишено смысла.

В такой обстановке под руководством кардинала Конфалоньери состоялось первое заседание группы кардиналов, находившихся в этот момент в Риме. В соответствии с установлениями, на коллегию кардиналов после смерти папы возлагается временное наблюдение и контроль за делами церкви. В тот день, когда состоялось первое заседание коллегии в 11 часов утра в субботу 30 сентября, большинство кардиналов еще были в дороге, вновь спеша на конклав. Из 127 кардиналов присутствовали лишь 29. Почти все они итальянцы. Это меньшинство приняло ряд немаловажных решений, в частности о том, что похороны Альбино Лучани состоятся в среду 4 октября. Тем вре-

менем толпы верующих осаждали Ватикан, стремясь попроситься с покойным папой и сея растерянность среди ватиканского чиновничества: оно было готово лишь к такой реакции масс, которая была проявлена в отношении похорон Монтини. Это обстоятельство показывало, насколько курия недооценивала влияние Лучани. Было принято решение перенести гроб с телом в собор святого Петра. Но пожалуй, самыми важными были два других решения, принятые в то утро: во-первых, была определена дата открытия нового конклава, назначенного на максимально ранний срок — на 14 октября; во-вторых, кардиналы согласились, что вскрытия покойного папы производить не следует. Сомнениями и беспокойством даже таких влиятельных князей церкви, как кардиналы Бенелли, Феличи и Каприо, попросту пренебрегли. Опытный идеолог и политик, Вийо прекрасно понимал, что рост подозрений, слухов и требований дать разъяснения занятой Ватиканом позиции будет продолжаться до тех пор, пока общественное мнение не получит удовлетворительного или по крайней мере правдоподобного объяснения. Иными словами, народ следовало как-то отвлечь от вопроса о вскрытии и причинах скоропостижной смерти. Именно поэтому Вийо и его единомышленники поступили отнюдь не так, как это было при похоронах Павла VI. Если тогда открытие конклава оттягивали, насколько возможно, то теперь его максимально приблизили по времени ко дню похорон. Надо признать, эта уловка была весьма хитроумной. Расчет был такой: сразу же после похорон обстоятельства смерти Лучани уже станут вчерашним днем. Злободневной темой будет обсуждение кандидатуры его преемника. Стало быть, следует продержаться еще несколько дней, и тогда все встанет на свои места. Кроме того, наскоро обсудив все вопросы меньшинством, до приезда остальных кардиналов, их поставили перед необходимостью подчиниться уже принятым решениям, ибо менять такие авторитетные постановления вовсе не в традициях Ватикана. Да это было бы и нереально, учитывая, что до похорон оставались считанные дни.

Закрывая совещание, Конфалоньери так высказал свое мнение по поводу причины смерти папы Лучани: "Он оказался не в силах вынести одиночества власти. Все папы обречены на него уже по причине той высоты, на которую они возносятся над всеми окружающими. Папа Лучани, видимо, особенно остро страдал от этого. Он, привыкший всегда жить среди людей, оказался в простом человеческом общении ограничен кругом двух секретарей, которых мало знал, и двух монахинь, которые не осмеливались не только говорить, но и поднимать на него глаз.

У него еще не было времени завести новых друзей”.

Но ведь отец Диего Лоренци работал с Лучани на протяжении последних лет и не был ему чужим и далеким. Сестра Винченца служила ему уже около 20 лет. Привязанная сердцем к Лучани, она во многих сложных ситуациях служила ему опорой. Безусловно, он был оторван от привычного круга, но разве сонм новых друзей мог бы уберечь его от внезапной и загадочной смерти?

Что и говорить, холодная враждебность, с которой курия относилась к нему на протяжении всех 33 дней его понтификата, не делала его счастливее, но неприязнь чужих людей, с которой он часто сталкивался и на протяжении предыдущих десяти лет своего патриаршества в Венении, никак не могла вызвать ни стресса, о котором столько писалось, ни тем более смерти.

В 18.00 30 сентября забальзамированное тело папы было перенесено в открытом гробу в собор святого Петра. Многие в мире могли видеть на экранах телевизоров, как процессия из 24 кардиналов, 100 епископов и архиепископов медленно шествовала через Первую лоджию, Герцогский зал, по Королевской лестнице и далее через Бронзовые врата на площадь Святого Петра. И в этот момент произошло то, что так характерно для живого духа итальянцев: торжественный гимн ”Магнификат” потонул в долгой, неистовой овации.

Во всем мире пытались подвести итог жизни и смерти Альбино Лучани. Реальность полностью подтвердила верность расчетов опытных экспертов Ватикана по обработке общественного мнения: публика быстро переключилась с мыслей о покойном папе на размышления о его возможном преемнике. В Великобритании газета ”Таймс” метко подчеркнула бренность жизни земной в статье ”Год трех пап”.

Некоторые обозреватели говорили в этой связи о больших несбывшихся надеждах. Другие обращали внимание на занятные стороны его характера. Многие авторы пространно рассуждали о болезнях, перенесенных покойным. Даже опытный газетный волк Патрик О’Донован поместил в лондонской ”Обсервер” статью, свидетельствующую о том, что он клюнул на ватиканскую удочку: ”Лишь теперь стало общеизвестно, что Лучани страдал множеством болезней, одна из которых, возможно, и оказалась смертельной”.

Что же это за ”смертельная болезнь”, так никто и не установил. Не вызывает сомнений, что из-за отсутствия времени для тщательного расследования дела даже такие серьезные и требовательные к себе журналисты, как О’Донован, положились на

ватиканские пресс-бюллетени. Чего только не приписывали покойному папе: то он был заядлым курильщиком, то уже много лет жил с одним легким, то болел туберкулезом. За два-три дня, прошедших со дня смерти, ватиканские официальные лица заявили, что Лучани перенес четыре инфаркта, воспаление легких, флебит, нарушение кровообращения, эмфизему, то есть болезни, типичные для заядлых курильщиков. Все это были домыслы, в которых не было правды. Ложь официального Ватикана разоблачалась ее абсурдностью. Выходило, что 111 кардиналов собрались в Риме в августе 1978 года, чтобы избрать папой заведомо обреченного на смерть человека. Или, зная о его болезнях, это люди позволили ему спокойно умереть в одиночестве? Служба дезинформации Ватикана лихорадочно трудилась не только с целью фальсификации состояния покойного папы. Подспудно, с помощью намеков и недомолвок курия пыталась внушить обывателю, что Лучани не был удачным выбором. А отсюда как бы подсовывался вывод: что же так сожалеть о том, кто не достоин поистине глубокой скорби? Свое возмущение недостойной кампанией выразил кардинал Бенелли. "У меня твердое ощущение, — сказал он автору книги, — что цель Римской курии была двоякой: максимально принизить личные качества Лучани, чтобы снять ощущение большой утраты, и, что самое главное, положить конец требованиям провести вскрытие. Кроме того, курия уже готовилась к новому конклаву и на этот раз была полна решимости исправить ошибку и избрать такого папу, который ей был нужен".

Однажды во время обеда Лучани говорил с племянницей Пией о дезинформации и искажении истины прессой. Теперь, после смерти, Лучани превратился в предмет именно такой дезинформации. Критические замечания в его адрес исходили в большинстве своем от никому не известных и не знавших лично Лучани священников и прелатов, от тех, кто проводят жизнь за никому не нужной писаниной и канцелярщиной. Им крайне льстило, что газетчики спрашивали их личное мнение о покойном папе. И как же тут было не напустить на себя важности и не попытаться быть оригинальным! Этим людей, как правило, никогда и близко не подпускали к коридорам католической власти, не говоря уж о коридорах папских покоев. Поэтому часто они изъяснялись так многозначительно: "Как мне сообщил сегодня высокопоставленный и хорошо информированный ватиканский источник..." То, что говорилось следом, совсем не соответствовало действительности и было величайшей несправедливостью по отношению к памяти Лучани. Этим, забыв об эле-

ментарной порядочности, воспользовались прежде всего те обозреватели и "эксперты" по делам Ватикана, которые перед августовским конклавом напрочь отменяли возможность избрания Лучани папой. Теперь они, пытаясь реабилитировать себя, заявляли: "Да, мы не принимали всерьез такую возможность, и, как показало время, именно так и следовало поступить не только нам".

Раздавались голоса недовольных тем, что Лучани, заняв престол, не сменил глав всех важнейших конгрегаций и служб курии, якобы не решившись на кардинальную ломку в церковных верхах. Они забывали о том, что и трое предшественников Лучани поступали точно так же, не спешили с новыми назначениями, ибо папа может сделать это в любой момент.

Большинство газет, однако, уделяло основное внимание в эти дни не личности Лучани, а традициям и обрядам, сопровождающим смерть и похороны первосвященника, то есть событиям чисто церемониального характера. Подробно сообщалось, как в соответствии с вековыми традициями кардинал-камерленго Вийо, подойдя к телу покойного, трижды громко назвал имя, данное Лучани при крещении: "Альбино, ты мертв?" Трижды, прикоснувшись при этом к его лбу серебряным молоточком, произнес сакраментальную фразу: "Папа действительно мертв!" Пресса не скупилась на краски, описывая, как Вийо, убедившись, что Лучани мертв, снял с его патыца перстень, символ папской власти.

Все эти подробности были просто выдуманы, потому что не было ни ударов молоточком, действительно предусмотренных ритуалом, ни призыва откликнуться. Все это отменил предшественник Лучани Павел VI. Что касается перстня, то его на руке Лучани вовсе не было, поскольку за тот месяц, что он пробыл на престоле святого Петра, его еще не успели изготовить. Единственное кольцо, которое носил Лучани, и которое не снимал в период своего правления, был памятный епископский перстень участника Второго Ватиканского собора.

Следует отметить, однако, что все эти выдумки не были случайными. Они появились в результате тщательно спланированной пропагандистской кампании, целью которой было подменить разговорами о церемониальной обрядности обсуждение тех масштабных проблем, за которые взялся Лучани. Отнюдь не случайно проявились глубочайшее уважение и почтение, с которым произносили его имя самые незаурядные и влиятельные из кардиналов — Казароли, Феличи, Бенелли, Лоршейдер, Гарроне

и другие, на которых он надеялся опереться в своих преобразованиях.

Первого октября требования о проведении вскрытия достигли высшей точки. Одна из влиятельных в Италии газет, — "Коррьере делла сера" — опубликовала на первой полосе статью, озаглавленную "Почему не хотят вскрытия?". Ее подписал Карло Бо, известный и талантливый журналист, прекрасно знающий Ватикан. Следует учесть, что уже сам факт появления такого материала весьма многозначителен, ибо в соответствии с положениями Латеранского договора и последующих соглашений между Ватиканом и итальянским государством прессе обычно затыкают рот, когда она пытается выступить по щепетильным вопросам, касающимся католической церкви. Любое критическое высказывание объявляют "клеветой", что может повлечь за собой судебный иск против газеты.

Карло Бо, которого отличает высокий профессионализм, попытался избежать таких обвинений. В духе обращения Марка Антония к населению Рима Бо рассуждал о подозрениях и слухах, всплывших в результате внезапной смерти папы. Он выразил уверенность, что на протяжении веков дворцы и подземелья Ватикана не вызывали столь серьезных подозрений, о которых не перестают говорить сегодня в связи с этой смертью. Именно поэтому, отметил Бо, непонятно, почему Ватикан отказался от обследования по всем правилам медицинской науки, то есть от вскрытия. Далее он писал: "Церкви нечего бояться, а следовательно, нечего терять, но выиграла бы она в глазах верующих очень много, сняв непонятный запрет".

В то время как 15 врачей из числа ватиканского медицинского персонала отказались высказаться по вопросу о необходимости вскрытия, Эдоардо Лучани, брат покойного, только что вернувшийся из Австралии, вряд ли помог Ватикану, когда заявил следующее: "На следующий день после церемонии похоронения я спросил личного врача Альбино о его здоровье, подумав как раз о том бремени, которое отныне ему придется на себя взвалить. И доктор успокоил меня, сказав, что брат в прекрасной форме и сердце его не вызывает никакого беспокойства". Тут же Эдоардо задал вопрос, не помнит ли он о каких-либо сердечных болезнях у Альбино Лучани в прошлом. Тот ответил: "Насколько я знаю, сердце его всегда было здоровым". Подобное заявление серьезно подрывало то, что официально утверждал и внушал Ватикан.

К понедельнику 2 октября дебаты вокруг вопроса о вскрытии вышли за рамки Италии. Теперь этот вопрос задавали во

всем мире. Во Франции, в Авиньоне, на кардинала Сильвио Одди вопросы сыпались градом. Как итальянец, Его преосвященство наверняка может сообщить французским читателям правду? Одди ответил, что "коллегия кардиналов не допустит даже мысли о каком-либо расследовании, никому не позволит указывать себе и даже обсуждать подобную возможность". Одди сказал в заключение: "Мы знаем совершенно определенно, что смерть папы римского Иоанна Павла I наступила в результате остановки сердца по естественным причинам". Оставив в стороне вопрос о достоверности этой версии, заметим лишь, что кардиналу Одди удалось сделать то, что медики во всем мире считают невозможным, а именно: поставить диагноз на расстоянии без всяких необходимых выяснений обстоятельств дела.

Тем временем протесты отца Лоренци и других лиц, близких к покойному Лучани, с целью восстановить реальную картину смерти возымели действие. Ватикан заявил официально: "После необходимых расследований мы теперь имеем основания заявить, что папа в момент, когда было обнаружено его тело, то есть утром 29 сентября, держал в руках несколько листов бумаги, испещренных собственноручными пометками, в частности это были наброски речей, размышлений, проповедей и тому подобные записи".

Судя по всему, такое заявление было вынужденным, ибо, как отмечает отец Эндрю М. Грили в книге "Как делают пап", официальное заявление Ватикана о том, что покойный держал в руке книгу Фомы Кемпийского, "вызвало откровенный смех у журналистов".

Эти записки по поводу намечавшихся в Ватикане реформ истолковывались с течением времени по-разному: одни утверждали, что они были связаны с докладом о положении католической церкви в Аргентине, другие — что это был черновик предстоящей речи, третьи — что Лучани перечитывал в предсмертный час свои собственные проповеди, произнесенные еще в Беллуно и Витторио-Венето, кто-то утверждал, что это был журнал епархии. Утверждали также, что Лучани перерабатывал текст речи, с которой собирался выступить перед иезуитами, но который, как потом оказалось, лежал на его рабочем столе. Наконец, говорили, что он перечитывал некий доклад, подготовленный еще по просьбе Павла VI.

Тот факт, что, умирая, Лучани держал в руках записи с наметками предстоящих реформ, не вызывал сомнений. Автор книги беседовал на эту тему с пятью весьма информированными и незнакомыми друг с другом людьми и должен сказать, что

этот факт бесспорен, причем двое из собеседников являются непосредственными представителями Ватикана. Утверждение, будто Лучани, на плечи которого с первых дней правления свалилась гора серьезнейших проблем, в смертный час читал якобы "Подражание Христу", свидетельствует прежде всего о том, что рупоры Ватиканской курии говорили все, кроме правды.

Беспокойство в ватиканских верхах еще больше усилилось, когда мировая пресса затронула наиболее щекотливый аспект кончины Лучани. Многих журналистов, знающих традиции Ватикана, поразило, что с вечера накануне смерти папы и до следующего утра никто из приближенных и высокопоставленных лиц не поинтересовался состоянием его здоровья. Как это объяснить? Нельзя считать нормальным и то, что д-р Ренато Буцонетти был врачом одной из римских больниц и большую часть времени проводил там и поэтому не мог присутствовать в Ватикане постоянно. Если бы пресса знала подлинную степень небрежности, которую Ватикан допустил в отношении здоровья и безопасности папы, возмущение общественного мнения было бы неизмеримо большим. Такая халатность делала возможной не только преждевременную естественную смерть, но и создавала все условия для убийства или отравления.

В Испании, как и во всем католическом мире, разногласия по вопросу о необходимости проведения вскрытия вылились в ожесточенную дискуссию на страницах печати, в которую оказались вовлеченными самые разные общественные группы. Профессор Мадридского университета Рафаэль Гамбра открыто заявил, что Ватикан "прибегает к традиционному итальянским, вернее, флорентийским способам устранения неудобных, как это было во времена Возрождения". Потребовав проведения вскрытия, профессор Гамбра выразил также твердую уверенность, что папа, который за такой короткий промежуток времени сделал столь радикальные шаги на пути к укреплению церковной дисциплины, вполне мог стать жертвой отравления со стороны своих врагов.

В Мехико Серхио Арсео, епископ Куэрнаваки, открыто и решительно потребовал незамедлительного проведения аутопсии; он и кардинал Миранда "считают, что этого требуют прежде всего интересы самой церкви". Более того, всем приходским священникам своей епархии он наказал зачитать верующим это заявление.

Однако ватиканская машина принуждения и тут сработала четко: заявление исчезло еще до того, как было обнаружено,

а на кардинала Миранда было вскоре оказано соответствующее давление: прибыв в Рим на конклав, он заученно заявил, что у него нет никаких сомнений в достоверности официальной версии курии.

Третьего октября поток верующих, стремившихся попрощаться с папой, увеличился. В час мимо его гроба проходило до 12 тыс. человек. Бушевали страсти на страницах прессы.

Некуриальные прелаты обсуждали в печати плюсы и минусы проведения вскрытия. Ученые мужи и обозреватели критиковали Ватикан за его косность и упрямство. Корреспондент "Коррьере делла сера" Витторио Дзуккони тонко подметил суть недовольства и разногласий с Ватиканом, когда написал в своей статье, что "за сомнениями и спорами по поводу причины недавней смерти папы Лучани стоит нечто весьма серьезное — глубокое недоверие, раздражение и недовольство так называемыми "официальными версиями", которые подсовывает Ватикан".

Консервативная католическая организация "Чивильта кристиана" выразила недовольство позицией ватиканского руководства. Секретарь организации Франко Антико направил официальное письмо властям государства-города Ватикан, настоятельно требуя полного судебного расследования обстоятельств смерти папы Иоанна Павла I. Это заявление обошло первые страницы многих газет мира. Антико доказывал несостоятельность утверждений официального Ватикана, при этом подчеркивая, что "Чивильта кристиана" настаивает не просто на безотлагательном проведении вскрытия, а на полном судебном расследовании. Антико сказал репортерам, что его организация сначала намеревалась подать официальный судебный иск с требованием расследования, не сомневаясь, что имело место убийство, однако затем решила воздержаться от подобного шага "во избежание открытого скандала". Организация направила запрос на имя кардинала Конфлоньери, декана коллегии кардиналов, обращая внимание на ряд загадочных моментов. Например, на большой разрыв между моментом фактического обнаружения тела Лучани и официальным сообщением о смерти. Не существовало "Свидетельства о смерти". К тому же ни один врач не взял на себя ответственность поставить подпись под официальным сообщением с диагнозом о причине кончины папы. В запросе содержалось также требование разъяснить, почему никто в Ватикане не справился о здоровье папы, если он не спал, работая всю ночь, и почему в Ватикане в момент смерти Лучани не было дежурного врача.

Сторонники ультраправого архиепископа Марселя Лефев-

ра позволили себе заявить: "Значит, Бог не хотел, чтобы этот папа управлял церковью". Однако правая рука Лефевра аббат Дюко-Бурже придерживался другого мнения: "Поверить в естественную смерть папы трудно, учитывая его окружение, состоящее из исчадий ада, которые населяют Ватикан".

Вынужденный взять назад свое утверждение, что вскрытие папы было запрещено Павлом VI, Ватикан 3 октября вновь оказался в щекотливом положении: журналисты доказали, что вскрытия проводились. Например, это имело место после смерти Пия VIII 30 ноября 1830 года, о чем подробно рассказывает запись в дневнике князя Агостини Киджи. Результат вскрытия никогда опубликован не был, поскольку Ватикан официально не признал, что оно производилось. В действительности же вскрытие показало, что покойный Пий VIII был вполне здоров, за исключением довольно слабых легких. И тогда современники подозревали, что папу отравили.

Накануне похорон папы Лучани, вечером 3 октября, произошло странное событие. Ворота собора святого Петра уже были закрыты для доступа верующих. Внутри его никого не оставалось, кроме швейцарских гвардейцев. В 19.45 в базилику впустили через боковую дверь группу приблизительно в 150 человек, прибывших с родины Лучани, из североитальянского местечка Канале-д'Агордо, во главе с епископом Беллуно. Депутация только что прибыла в Рим и получила от Ватикана специальное разрешение: многие из приехавших лично и давно знали Лучани и хотели попрощаться с ним наедине, когда толпы верующих покинут собор. Видимо, разрешение им было дано кем-то из чиновников Ватикана без ведома тех, кто играл роль главного режиссера мрачного спектакля. Несколько минут спустя после того, как впустили земляков покойного, их грубо выдворили вон.

Вслед затем в собор вошли высшие чины курии в сопровождении группы врачей. Всем остальным, включая четырех швейцарских гвардейцев, велели тут же удалиться. Вокруг катафалка были расставлены массивные бордовые ширмы. Никто не должен был видеть, что происходит за ними. Это неожиданное и необъявленное медицинское обследование продолжалось до 21.30.

Земляки папы из Канале-д'Агордо, терпеливо ожидавшие на площади Святого Петра, спросили, будет ли им позволено хоть теперь отдать последнюю дань памяти усопшему. В просьбе им было отказано.

Почему вдруг, менее чем за 24 часа до погребения, решили провести медицинское обследование? Для многих журналистов ответ был ясен. То было вскрытие. Было ли это уступкой об-

щественному мнению? Но вскрытие могло подтвердить все опасения и подозрения относительно того, что папа умер от руки убийцы. Официального сообщения о результатах вскрытия не последовало. Несмотря на нескончаемые запросы со стороны прессы и общественности, пресс-бюро Ватикана хранило молчание. Лишь после церемонии погребения была сообщена официальная версия, что это была обычная проверка состояния консервации тела, проходившая под руководством профессора Герина и при участии братьев Синьораччи. В результате обследования было сделано еще несколько инъекций бальзамирующего раствора, в целом же медики сделали вывод, что все в порядке. Так уверяло итальянское информационное агентство АНСА. В заявлении Ватикана полуторачасовую процедуру урезали до 20-минутного осмотра, кроме того, утверждалось, что после него паломники из Канале-д'Агордо были допущены к прощанию с телом. Помимо приведенных неточностей или преднамеренной лжи курии, автор книги столкнулся и с другими неточностями, внушающими недоверие. Так, в противоположность тому, что утверждал Ватикан, профессор Герин при осмотре не присутствовал. Братья Синьораччи говорили автору, что в тот вечер в соборе их не было. Стало быть, проверка бальзамирования производилась в отсутствие специалистов. Если, как утверждалось, вскрытие все же было произведено, хотя бы частичное (а полного за девяносто минут никто бы сделать не смог), то почему бы не опубликовать его результаты открыто и во всеуслышание? Ведь это самый верный способ положить конец сомнениям и подозрениям. "Коррьере делла сера" утверждала, что "в последнюю минуту в состав этой группы врачей был введен известный специалист Католического университета". Однако затем и этот известный специалист растворился в предрассветном тумане, поднимавшемся с Тибра.

Католик, специалист в области психологии Розарио Моччаро так охарактеризовал действия церковных иерархов, взявших в свои руки управление римско-католической церковью в период, когда папский престол оставался вакантным: "Это просто мафия, свято соблюдающая высший для всякой мафии закон "омерты" (молчание), в данном случае подогнанный под традиции христианской добродетели и правила протокола".

Несмотря на проливной дождь, более 100 тыс. человек собрались на площади Святого Петра на траурную мессу 4 октября. Всего за последние четыре дня более миллиона человек пришли попрощаться с Лучани. Тело Альбино Лучани, положенное, как предписывает традиция, в три вложенных друг в

друга, герметически закрытых гроба — кипарисовый, оловянный и бронзовый, — было отнесено в мраморном саркофаге к месту своего вечного покоя, в подземелье собора святого Петра. Даже во время похорон, когда процессия несла останки Иоанна Павла I в склеп, чтобы опустить их в подземелье, где находились саркофаг Иоанна XXIII и Павла VI, разговоры о том, что перед смертью Лучани пришлось испить не только воды из колодца жизни, но и яд, не прекращались.

Очень многие по-прежнему терзались сомнениями относительно причины его внезапной смерти, и среди них его личный врач Джузеппе Да Рос.

Теперь, когда тело папы было наконец-то упрятано навеки в трех гробах, Ватикан мог вздохнуть облегченно. Ничто и никто теперь не вынудит его отступить от официальной версии. Формальный запрос с требованием проведения полного судебного расследования, направленный организацией "Чивильта кристиана" ватиканским властям, лежал под сукном судьи Джузеппе Спинелли. Даже если бы он очень хотел доискаться правды, ему не по силам оказалось бы бороться с мощной машиной Ватикана и властью тех, кто им правил. Шутка ли, у них за плечами почти двухтысячелетний опыт им подобных в управлении римско-католической церковью.

Иезуиты сравнили смерть Лучани с полевым цветком, закрывшимся в ночи. А францисканцы назвали смерть Лучани "воровкой, прокравшейся в опочивальню под покровом тьмы". Миряне, люди прозаического склада, добивались объяснения тому, как и с чьей помощью прокралась "ночная воровка". Скептиков оказалось больше чем достаточно по ту и другую сторону Тибра. Среди них и многие из Ватикана, знавшие из первых уст, как и когда труп обнаружила сестра Винченца. Чем беззастенчивее становилась ложь официального Ватикана, тем больше росло беспокойство в этой группе. Под влиянием эмоционально раскаленной атмосферы церемонии похорон и под гнетом собственной совести многие из них решили высказать свои опасения вслух в беседе с представителями информационного агентства АНСА, а впоследствии автору книги. Не будем скрывать, что именно представители этой группы и убедили автора в необходимости заняться расследованием обстоятельств смерти Лучани.

В полдень 5 октября из этих кругов Ватикана в агентство АНСА поступили первые нефальсифицированные сведения об обстоятельствах гибели папы. Информация была весьма подробной. В частности, журналистам сообщили о том, что записки, найденные в руках покойного, были испещрены пометками о

новых кадровых перемещениях, отставках и назначениях, которые он планировал провести буквально в ближайшие дни, в том числе в курии и итальянском епископате. Группа также сообщила, что папа обсуждал с Вийо проблему отказа кардинала Баджо принять пост патриарха Венеции. Когда эти сведения были оглашены, реакция Ватикана весьма напомнила опровержения, сделанные в свое время монсеньором Анри де Ридматеном, за которые его справедливо упрекнул Лучани. Напомним, что прелат позволил себе квалифицировать позицию папы как "абсолютную утопию". Теперь Ватикан, одолеваемый сотнями журналистов, требовавших прокомментировать разоблачающие сведения, в лице руководителя пресс-службы Ватикана отца Панчироли заявил безапелляционно и однозначно: "Эти сведения лишены каких бы то ни было оснований".

Надо сказать, что далеко не на всех это заявление произвело то впечатление, на которое рассчитывали стоявшие за спиной Панчироли. В частности, весьма недоверчиво отнеслись к нему многие из кардиналов, прибывших на конклав. Недоверие и подозрение дали о себе знать на встрече кардиналов в преддверии конклава, состоявшейся 9 октября. Особым нападкам подвергся кардинал Вийо. Он, как камерленго, осуществляя руководство курией в период вакантного престола, нес всю ответственность за принятие решений и публикацию сообщений, которые убедили весь мир лишь в том, что Ватикан пытается скрыть правду. Такое же впечатление они произвели и на многих неитальянских князей церкви, потребовавших по прибытии в Рим объяснений. Они хотели знать, что именно пытались скрыть, почему точно и достоверно не выяснена причина смерти. Они хотели знать, почему врачи не взяли на себя ответственность и не поставили свои подписи под свидетельством о смерти, которое можно было бы обнародовать. Однако вразумительных ответов так и не получили.

Приближался следующий конклав. Естественно, мысли кардиналов были сосредоточены теперь на новых интригах и заговорах в пользу того или иного из "папабилей". Нельзя не признать, что, воздействуя на ход событий по своему усмотрению, курiales интриганы и впрямь доказали, что двухтысячелетний опыт борьбы с противниками дал им отнюдь не мало.

Двенадцатого октября, менее чем за 48 часов до открытия нового конклава, было опубликовано последнее официальное заявление Ватикана по поводу бури, вызванной поведением курии в связи с кончиной Альбино Лучани. Оно гласило: "Теперь, когда мы находимся в преддверии новой фазы периода

"Sede vacante", пресс-служба Святого престола выражает резкое осуждение в адрес тех, кто в последние дни позволил себе безответственное распространение странных, непроверенных слухов, лишенных оснований, а иногда фальсифицированных, граничащих с грубыми инсинуациями. Следует признать их тем более предосудительными, если принять во внимание последствия, которые они могут повлечь в странах, где не в обычае распространение органами массовой информации безответственных и неуважительных по тону комментариев по поводу столь трагичного события. В минуту траура и глубокой скорби, которую переживает сейчас церковь, мы вправе ожидать большей требовательности к себе со стороны таких лиц и большего уважения к церкви".

Огласивший это заявление руководитель пресс-службы Ватикана вновь повторил, что "истинный ход событий, последовавших после смерти папы Лучани, был правдиво изложен в официальном коммюнике, опубликованном утром 29 сентября, в пятницу, и основан на заключении, подписанном профессором Марио Фонтана и доктором Ренато Буцонетти. Их заключение было столь дословно изложено в коммюнике, что приводить его текст не имеет смысла". Была также отмечена "образцовая честность и высокие нравственные качества многих специалистов, которые, исполняя свой долг, приняли участие в столь печальных событиях, продемонстрировав образцовую объективность и сдержанность в своих заявлениях средствам массовой информации".

Не желая быть уличенным в распространении "гнусных инсинуаций", автор книги тем не менее намерен высказать свое весьма категоричное мнение.

Я абсолютно убежден, что папа Иоанн Павел I, Альбино Лучани, был отравлен.

Не буду голословен.

До сих пор мир так и не удостоился никакого официального заключения о причинах его смерти. Мне, в частности, было отказано в направленной мною неоднократно в Ватикан просьбе ознакомиться с ним. Даже если бы мне удалось получить его, то я прочел бы официальную версию о том, что причиной смерти стал инфаркт миокарда. Неизменный отказ выдать копию заключения означает лишь одно: никто из врачей не захотел взять на себя ответственность, прежде всего правовую, диагностировать подлинную причину смерти Альбино Лучани. Тот факт, что "диагноз", который Ватикан выдает за истинный, основан лишь на чисто внешнем осмотре, несостоятельном с медицинской точки зрения, многое проясняет в позиции Ватикана.

В пользу того, что папа умер не своей смертью, свидетельствует и тот факт, что Ватикан, несмотря на голос мирового общественного мнения, наотрез отказался от вскрытия. Если допустить, что смерть Лучани наступила в силу вполне естественных причин, то для чего так упорно отказываться от аутопсии, заранее зная, что подобное упрямство неизбежно вызовет волну подозрений, сомнений и нежелательных догадок во всем мире?

Совершенно очевидно также, что Ватикан не знает, когда точно наступила смерть и что явилось ее причиной, а если знает, то намеренно не говорит этого. "Приблизительно в одиннадцать часов вечера", "Скоропостижная смерть, причиной которой, видимо..." — все это фразы, доказывающие некомпетентность и предвзятость заявлений. Телу бродяги, найденному на свалке в Риме, уделили бы больше профессионального внимания и заботы. Роль медицинской службы Ватикана представляется еще более возмутительной, если учесть, что ни один из врачей, к которым обратился Ватикан для установления причин смерти Лучани, никогда не лечил его при жизни. Встретившись с доктором Ренато Буцонетти в Риме, я спросил его, какие лекарства принимал Лучани незадолго до смерти. "Представления не имею, — ответил он. — Я не был его врачом и впервые осмотрел его уже после смерти".

После разговора с Буцонетти я беседовал с доктором Симусом Бзнимом, опытным и знающим кардиологом. В данный момент он является главным консультантом в лондонской больнице святого Бартоломея и в больнице Наффилда. Он мне сказал: "Для врача, для любого врача, диагноз инфаркт миокарда в данном случае был бы неубедителен. Простого поверхностного осмотра явно недостаточно. Другое дело, если бы он долго наблюдал пациента, лечил, проводил курс реабилитации после уже имевшего места сердечного приступа, только в том случае подобный диагноз мог быть высказан, и то как предположительный. В противном случае врач берет на себя громадный риск, на что не имеет никакого права. Это бесспорно. Подобный диагноз с полной уверенностью может быть поставлен лишь после проведения посмертного вскрытия".

Следует подчеркнуть, что и официально указанное время смерти не более обоснованно и достоверно, чем ее причина.

Итак, Ватикан уведомил весь мир, что смерть наступила приблизительно около одиннадцати часов вечера 28 сентября. Доктор Дерек Бэрроуклифф, бывший патологоанатом минис-

терства внутренних дел Великобритании с 50-летним стажем, сообщил автору следующее: "Если не было сделано серии соответствующих замерений температуры, то врач, взявший на себя смелость с такой точностью определить время смерти, должен быть весьма самоуверенным человеком. Да, я повторил бы, весьма самоуверенным!"

Трупное окоченение наступает в среднем через 5—6 часов в зависимости от ряда факторов, среди которых важна, в частности, общая температура в помещении. В жарком помещении оно наступает раньше, в холодном — позже. Бывает так: окоченение наступает постепенно в течение 12 часов, затем держится еще 12 часов, после чего вновь ослабевает еще на 12 часов. Все это, однако, весьма условно, но существует презумпция, согласно которой, если трупное окоченение налицо, то следует считать, что смерть наступила не менее — не менее! — шести часов назад. Тут, конечно, помогло бы измерение температуры печени, но оно не производилось. При крайне тщательном и неторопливом обследовании, как это понимает судебно-медицинская экспертиза, можно установить точную степень окоченения. Оно наступает постепенно, поэтому, если тело было абсолютно застывшим в 6.00 утра, значит, можно допустить, что смерть наступила накануне, около 11.00 вечера. Но... это могло произойти и в 9.00 вечера!

Вот факты, совершенно точно установленные на сегодняшний день:

- 1) мы не знаем исчерпывающе, что вызвало смерть Альбино Лучани;
- 2) мы не знаем достаточно точно, когда он умер.

Совсем иначе все выглядело, когда наступил конец папы Павла VI. Он был окружен толпой врачей, секретарей, ватиканских сановников. Небезынтересны подробности, которые изложены в официальном медицинском заключении, подписанном в августе 1978 года Марио Фонтана и Ренато Буцонетти: "В течение истекшей недели Его святейшество папа Павел VI испытал резкое усиление болезненных ощущений на почве артрита, которым он страдал на протяжении ряда лет. Во второй половине дня субботы 5 августа у больного началась сильная лихорадка, вызванная обострившимся циститом. В соответствии с квалифицированным заключением профессора Фабио Проспери, главного уролога Объединения римских больниц, был назначен необходимый курс лечения. Тем не менее в ночь с 5 на 6 августа и на протяжении всего дня 6 августа лихорадка усилилась, а в 18.15 6 августа было зафиксировано резкое повышение артериально-

го давления. Вскоре после этого появились характерные симптомы острой недостаточности левого желудочка сердца на фоне отчетливой клинической картины легочного отека. Несмотря на все своевременно принятые меры, Его святейшество папа Павел VI скончался в 21.40 того же дня”.

В момент его смерти присутствовавшие врачи зафиксировали следующую общую клиническую картину: склероз сердечных сосудов, хронический пиелонефрит и острый цистит. В качестве непосредственной причины смерти был указан гипертонический криз, острая недостаточность левого желудочка сердца и сильный отек легких.

Возможна ли большая степень точности?!

И вот менее чем через два месяца умирает его преемник. И по поводу причин его смерти никто не способен сказать ничего более определенного, чем иезуитское ”подобно цветку, увядшему в ночи”. Да, увял в отсутствие медицинского персонала!

Пока бесчисленные газеты и журналы пичкали читателей подробным изложением вымыслов по поводу слабого здоровья покойного, придуманных в курии, многие из тех, кого вынудили молчать, могли бы нарисовать совсем иную картину. Например: ”Я знал Лучани с 1936 года и до его кончины. Кроме двух случаев, когда из-за тяжелого бронхита возникали подозрения о начинающемся туберкулезе, он был вполне здоров. После повторного лечения он навсегда избавился от бронхита, и я прекрасно помню, что до 1958 года, когда он стал епископом Витторио-Венето, он ничем серьезным ни разу не болел”. (Монсеньор Да Риф в разговоре с автором.)

”Здоровье Лучани в Витторио-Венето было отличным. В 1964 году ему сделали две операции, после которых он совершенно выздоровел. Интенсивность работы, которую он взваливал на себя, никогда не менялась. Я тоже слышал разговоры о низком кровяном давлении, но, пока он работал в Витторио-Венето, все было нормально. Да и потом, когда он переехал в Венецию, мы виделись довольно часто. Он всегда отлично себя чувствовал. Между 1958 и 1970 годами, помимо двух операций, он ничем не болел и на сердце никогда не жаловался”. (Монсеньор Тафераль в разговоре с автором.)

”На протяжении всех восьми лет, пока кардинал Лучани находился в Венеции, я лишь однажды видел его в постели из-за нездоровья, да и то был просто грипп. В остальном патриарх Венеции обладал хорошим здоровьем и не страдал никакими хроническими заболеваниями”. (Монсеньор Джузеппе Боза, апостолический администратор Венеции.)

”Никаких заболеваний сердца у него никогда не фиксировалось. Более того, тот факт, что кровяное давление Альбино Лучани было несколько ниже нормы, в известной мере могло даже служить гарантией от острых сердечно-сосудистых приступов. Единственный раз я прописал ему лекарства во время гриппа”. (Доктор Карло Фриццерио, венецианский врач.)

”У Альбино Лучани было вполне здоровое сердце. Какой сердечник стал бы ходить по горам, как это делал патриарх Венеции с 1972 по 1978 год! Мы обычно добирались до Пьетраль-бы близ Больцано, а оттуда взбирались на Корно Бьянко, то есть поднимались с высоты 1500 метров до 2400 метров... И с приличной скоростью! Никаких признаков сердечной недостаточности у него я никогда не замечал. Напротив, когда в 1974 году по моему настоянию была сделана электрокардиограмма, ее показания были вполне удовлетворительными. Незадолго до того, как отправиться в Рим на конклав, он прошел полное медицинское обследование. Результаты и на этот раз оказались вполне удовлетворительными. Что касается пресловутой версии относительно стресса и переутомления, то это ерунда. Его рабочий день в Ватикане был точно таким же, как в Венеции, да и помощников в Ватикане стало значительно больше, а уж о количестве новых советников и говорить не приходится. Горцы ведь вообще никогда не умирают от сердечных приступов”. (Монсеньор Марио Сенигалья, секретарь Альбино Лучани с 1970 по 1976 год, в разговоре с автором.)

”Доктор Да Рос сказал мне: ”У вас, наверное, какие-то волшебные травы! Альбино Лучани прекрасно себя чувствует и выглядит веселым и спокойным, как никогда”. (Отец Диего Лоренци, секретарь Лучани с 1976 года, в разговоре с автором.)

Все те, кто здесь цитируется, а также более двадцати других людей, хорошо и давно знавших Лучани, порой с самого детства, в один голос утверждают, что он никогда не курил, алкоголь употреблял в исключительных случаях и в самых минимальных дозах, питался очень скромно. Более здорового образа жизни и придумать трудно.

Помимо специалистов, которые приходили на помощь Лучани в случаях отдельных заболеваний, он находился под постоянным наблюдением личного врача Джузеппе Да Роса. Да Рос утверждает, что наблюдал за состоянием здоровья папы на протяжении более 20 лет. Доктор Да Рос был не только врачом, но и другом Лучани. Постоянно навещал его. Когда же Лучани стал патриархом Венеции, он навещал его раз в две недели, обычно приезжая к 6.30 утра и оставаясь не

менее полутора-двух часов. Они вместе завтракали, общаясь не только как врач с пациентом, но и как друзья.

Да Рос не прекращал навещать Лучани и тогда, когда он стал папой. За время краткого понтификата, то есть за 33 дня, Да Рос трижды осматривал Лучани. В последний раз они встречались 23 сентября, перед тем, как Лучани отправился на официальную встречу с мэром Рима Арганом вне стен Ватикана. Несомненно, подобные визиты осложняли бы общее состояние, если бы Лучани действительно был болен. Однако доктор Да Рос констатировал, что его пациент и друг чувствовал себя хорошо и, расставаясь, сказал, что придет не раньше чем через три недели, поскольку необходимости в более частых осмотрах нет. На вопрос Диего Лоренци о состоянии здоровья папы Да Рос весело ответил: "Не просто хорошо, а отлично".

В тот же день доктор Да Рос имел беседу с доктором Буцонетти из Ватикана, в ходе которой обсуждалась история болезни Лучани. Совершенно ясно, что папе нужен был постоянный врач, живущий поблизости, в Риме, а не в Венеции, но на тот момент особой нужды в этом не было. Врачи условились, что Да Рос, как и раньше, время от времени будет навещаться к своему пациенту из Витторио-Венето. Едва ли можно оспаривать, что договоренность с врачом, жившим в 600 км от Апостольского дворца, время от времени навещаться к своему пациенту является весьма убедительным подтверждением удовлетворительного состояния здоровья Лучани. Но тогда напрашивается двойная посылка: либо и доктор Буцонетти, и доктор Да Рос недостойны своих дипломов, либо Альбино Лучани к моменту своей смерти был совершенно здоровым человеком. Далее, учитывая внимание и заботу, которые Да Рос проявлял по отношению к своему пациенту, приходится согласиться со второй посылкой.

"Доктор Да Рос нашел своего давнего пациента в отличном состоянии, а потому сказал, что впредь будет приезжать каждую третью субботу, а не каждую вторую, как раньше, потому что особой нужды в этом нет. Да и в последний вечер своей жизни папа Лучани чувствовал себя прекрасно... Ежедневно он отправлялся на пешие прогулки по садам Ватикана либо прохаживался в большом зале". (Отец Джон Маджи, секретарь папы Павла VI и папы Иоанна Павла I, в разговоре с автором.)

Именно благодаря тому, что Да Рос был его личным другом, Лучани находился под присмотром более внимательного медицинского ока, чем любой смертный. Действительно, в течение 20 лет его наблюдали еженедельно, затем — раз в две недели.

И вдруг, именно вдруг, пристальное медицинское внимание и постоянная опека завершаются внезапной смертью, по поводу которой ставят ложный диагноз и не публикуют официального медицинского заключения.

Подведем итоги. Ватикан пошел на прямую ложь, утверждая, будто традиции запрещают проводить вскрытие тела папы.

Ватикан лгал, утверждая, что вскрытие тела папы не было произведено.

Нанизанная одна на другую ложь сплеталась в клубок.

Завещание папы. Здоровье папы. Время бальзамирования. Результаты медицинского обследования тела покойного. По каждому из этих пунктов Ватикан перед всем миром беззастенчиво лгал.

Возьмем вопрос о завещании Альбино Лучани. Оно никогда не было опубликовано. Его вообще никто не видел. Родственникам Лучани было сказано, что завещания он не оставил.

"Оно, конечно, существует. Я не знаю, краткое оно или длинное, тем более не имею ни малейшего представления о его содержании. Помню только, что папа говорил о нем примерно за две недели до смерти. Эдоардо, его брат, заговорил о знаменитом завещании Павла VI за обедом, и Лучани ответил: "Мое завещание куда короче и не столь весомо". Большим и указательным пальцами как бы показав его незначительный объем, он уточнил: "Мое совсем тоненькое!" (Отец Диего Лоренци, в разговоре с автором.)

"Еще будучи патриархом Венетии, Лучани составил завещание ровно в три строки, по которому все имущество переходило после его смерти венецианской духовной семинарии, а душеприказчиком он назвал одного епископа своей епархии. Однако епископ вскоре умер, и тогда, вычеркнув его имя, он вписал мое и показал завещание мне". (Отец Марио Сенигалья, в разговоре с автором.)

"После смерти дяди его завещания не нашли, хотя я уверена, что оно существовало. Часть денег, которые остались после его смерти на счету в банке, были переданы нашей семье, поскольку официально он умер, не оставив завещания. Мы в свою очередь перевели их на счет венецианской епархии, зная, что такова была его воля. Часть денег отдана его преемнику, а часть пошла на благотворительные цели. Я точно знаю, что завещание он оставил. В первый раз он написал его еще в Беллуно. Затем, когда его перевели в Витторио-Венето, он прежнее завещание уничтожил и составил новое. Переехав в Венецию, переписал его. Став папой, он попросил отца Карло, одного из своих секретарей

в Венеции, привезти последнее завещание в Ватикан. Таким образом, по крайней мере одно завещание непременно должно было остаться: либо новое, датированное одним из дней сентября, то есть составленное в период его понтификата, либо прежнее, составленное еще в Венеции. К таким вопросам дядя всегда относился очень серьезно, и мне совершенно непонятно, почему не смогли найти завещания". (Пия Лучани в разговоре с автором.)

Мы уже неоднократно подчеркивали, что земные, материальные блага не представляли особой ценности для Лучани, но папское завещание не только и не столько распоряжение личным имуществом. Главное содержание его — духовная сторона, размышления и рекомендации по вопросам управления церковью и церковной политикой в целом. Возможно, именно поэтому и было тайно уничтожено завещание, излагавшее взгляды и мнения Лучани о том, что он увидел и узнал в течение 33 дней. Да и могло ли быть иначе, мог ли папа Лучани, прекрасно владевший пером и более, чем любой другой папа нового времени, близкий к литературе, не оставить после себя письменного свидетельства своей позиции как личности и как главы церкви? Неужели папа, задумавший радикальные перемены, не захотел поделиться с потомками своими взглядами?

Шокирует то, что столько лживой информации исходило непосредственно от Ватикана, который миллионы католиков рассматривают как духовный центр. И как постичь тот факт, что люди, посвятившие себя служению господу, пошли на то, чтобы уничтожить такое количество материальных свидетельств смерти папы, которые, несомненно, позволили бы установить истинные причины его трагической кончины? Не возмутительно ли то, что кардинал Вийо, обладавший в тот момент неограниченной властью, вместо того, что установить правду, превратился в главное препятствие, вынудив молчать папское окружение? Как понять, что тот же Вийо унес из папских покоев и спрятал все материальные улики, которые были бы бесценны для выяснения причин смерти, а вслед за тем и бумаги, которые он вынул из рук покойного? Был ли Вийо среди участников заговора с целью убийства папы Лучани? Но одно не вызывает сомнений: по тем или иным причинам он сделал все, что мог, а мог он многое, преследуя цель замести следы, оставленные убийцами, и скрыть правду о смерти папы. Нет сомнений и в том, что тот же Вийо взял и завещание, лежавшее в рабочем столе в кабинете. Вийо сидел за тем столом, звонил оттуда по телефону. Цель, с которой Вийо изъясил все бумаги покойного, совершенно очевидна: ни одна де-

таль планируемых папой перемен не должна стать известной после его смерти! Никто не узнает, что еще было похищено со стола Лучани в то утро.

"Отец Маджи, я и сестры-монахини обыскиали тогда все папские покои, пытаясь найти эти недостающие вещи, но напрасно. Искали мы и на следующее утро, но также безуспешно". (Отец Диего Лоренци в разговоре с автором.)

Точно известно одно: все пропавшие вещи находились на месте, в спальне Лучани, до того, как там оказался Вийо. Более того, очки были на лице покойного. Когда Вийо ушел, все предметы исчезли, и, судя по всему, навсегда.

Ватикан глал, утверждая, что тело Лучани было обнаружено отцом Маджи около 5.30 утра 29 сентября. Сестра Винченца рассказала автору, как и когда она нашла тело. Незадолго перед тем буквально в тех же словах она сказала то же самое отцу Сенигалье, племяннице Лучани Пии и его сестре Нине. "Я выжила просто чудом: у меня ведь такое слабое сердце. Нажав звонок, чтобы вызвать секретарей, я вышла из двери и пошла, ничего не видя, по коридору, чтобы разбудить других сестер и донна Диего". Винченца добавила, что, стоя в первую минуту в полном оцепенении от ужаса и горя, глядя на бездыханное тело Лучани в кровати, она услышала, как зазвонил будильник. Машинально она протянула руку и выключила звонок.

Это, кстати, еще одна существенная деталь, подтверждающая достоверность рассказа сестры Винченцы. Я опросил всех, кто был в то утро в папских покоях, и все, как один, были уверены, что в то утро будильник, который папа, отходя ко сну, ставил каждый вечер на 4.45 утра, не прозвонил. Тело Лучани, по официальной версии, было обнаружено в 5.30. Значит, звонок должен был звонить за 45 минут? Но даже дон Диего, чья комната примыкала к спальне папы, обычно слышавший даже его тихие шаги за стеной, совершенно убежден, что звонка будильника в то утро не было. Значит, сестра Винченца действительно нашла папу мертвым как минимум на 45 минут раньше времени, официально названного Ватиканом.

После смерти Павла VI в августе 1978 года к бальзамированию тела, как уже отмечалось, приступили ровно через 24 часа, не раньше. В полном соответствии с итальянскими законами. В сентябре, когда умер Лучани, о законе почему-то "забыли".

Альбино Лучани начали бальзамировать 14 часов спустя после смерти. Для чего такая спешка? Факты подтверждают, что Вийо хотел начать бальзамирование еще раньше. Бальзамировщиков он вызвал по телефону до того, как тело, согласно офи-

циальной версии, обнаружили. Действительно, если, как сообщил Ватикан всему миру, тело папы было найдено монсеньором Маджи "вскоре после 5.30 утра", зачем же тогда братьев Синьораччи вызвали в Ватикан для бальзамирования на 45 минут раньше? Что это? Нечеловеческая предусмотрительность кардинала-камерленго?

29 сентября итальянское информационное агентство АНСА, пользующееся солидной международной репутацией, среди множества сообщений, поступивших на его телетайпы в тот день, дало и такое: "Братья Синьораччи проснулись сегодня утром на рассвете от телефонного звонка, а в 5 часов утра возле дома их уже ждала машина из Ватикана, и они должны были вскоре приступить к бальзамированию".

Автору удалось выяснить, что информация исходила от журналиста Марио де Франческо. Он подтвердил мне истинность сообщения и добавил, что в основе ее лежал его разговор с самими братьями Синьораччи, состоявшийся в тот же день. Автор лично и неоднократно беседовал с братьями-бальзамировщиками. Теперь, пять лет спустя после событий того субботнего утра, они не уверены полностью относительно точного времени звонка, но прекрасно помнят, что это было очень рано утром 29 сентября. Если информация Марио де Франческо, сообщенная по горячим следам, верна, то есть основания говорить о заговоре, осуществленном в традициях итальянской мафии. Бальзамировщиков зовут еще до того, как был обнаружен труп!

Мы уж не говорим о том, что их пригласили задолго до того, как была названа, хотя бы приблизительно, причина скоростижной смерти папы. Для чего понадобилось Ватикану, если он чист и невиновен, уничтожать наиболее веское свидетельство причины смерти еще до того, как был вызван врач? Обращает на себя внимание и такое обстоятельство. Обычная проверка состояния забальзамированного тела отнимает не более нескольких минут. Что же тогда делали врачи, укрывшиеся за ширмами в запертой базилике, из которой удалили даже охрану, в течение полутора часов?

Наиболее красноречивое заявление, на взгляд автора, сделал профессор Марио Фонтана. Свое мнение он высказал в частном порядке, огласку же оно получило лишь после смерти Фонтаны в 1980 году: "Если бы при подобных обстоятельствах от меня потребовали засвидетельствовать смерть обычного гражданина Италии, я бы ни за что не выдал разрешения на его погребение".

Следует добавить, что профессор Фонтана возглавлял медицинскую службу Ватикана.

Как и почему произошла трагедия, повергшая во мрак римско-католическую церковь утром 29 сентября 1978 года? Какие были для этого мотивы? В деле Альбино Лучани их больше чем достаточно, и мы не раз со всех сторон рассматривали каждый из них. Равно как и людей, породивших эти "мотивы". Тот факт, что трое из них — Вийо, Коуди и Марцинкус — носят или носили сутану, не исключает их как организаторов или соучастников преступления. Теоретически священнослужители должны быть вне подозрений. Должны! Однако очень многие им подобные в течение веков доказали, что это скорее лишенная основания презумпция невиновности, чем истинное положение дел. Ибо они творили отвратительные преступления.

Вийо, Коуди, Марцинкус, Кальви, Синдона и Джелли: у каждого из них были веские причины убрать с дороги Альбино Лучани, неожиданно обретшего огромную власть. Мог ли кардинал Вийо пойти на убийство ради того, чтобы сохранить свой пост государственного секретаря, первого после папы лица в Ватикане, и тем самым спасти положение многих других, кого, как он выяснил, также намерены сместить? Мог ли кардинал пойти на убийство с целью избежать рокового, как он считал, для самой церкви скандала, если Лучани обнародует свои крамольные взгляды и сделает их обязательными для католиков?

Мог ли кардинал Коуди при помощи многочисленных и влиятельных друзей в Ватикане попытаться оставить за собой пост архиепископа Чикаго, заставив навсегда замолчать папу, который уже принял решение о его смещении?

Мог ли епископ Марцинкус, возглавлявший погрязший в коррупциях банк, пойти на преступление, чтобы спрятать концы в воду?

Вполне вероятно, что хотя бы одно из названных лиц виновно. Согласитесь, что действия Вийо после смерти папы носили преступный характер: уничтожение материальных доказательств, фальшивая версия, попытка заставить замолчать других.

А что делал в Ватикане в столь ранний час епископ Марцинкус? Обычное полицейское расследование потребовало бы немедленного допроса всех троих, однако теперь, пять лет спустя, это уже невозможно. К тому же Вийо и Коуди уже нет в живых.

Доказательством невиновности этих троих не могут служить их собственные попытки оправдаться. Можно ссылаться на сутану, на тот факт, что они имеют духовный сан и облечены доверием римско-католической церкви. Можно. Но два тысячелетия истории католической церкви выработали прочно

Утвердившийся закон: коль скоро что-то необходимо католической церкви в целом и Ватикану в частности, то в этом случае должен уступить и сам папа. Павел VI послушно склонил голову перед небольшой горсткой людей, продиктовавших свою волю в вопросе о контроле над рождаемостью. Помним мы и о том, в какой резкой форме кардинал Баджо позволил себе отклонить назначение его Иоанном Павлом I на пост архиепископа Венеции.

Намеченные Лучани реформы многие в Ватикане готовы были приветствовать, но даже те, кто решительно их осуждал, не решились бы на убийство, за исключением Вийо, Марцинкуса и Коуди. Их можно поставить в конце списка вероятных убийц, в начале которого следовало бы назвать Кальви, Синдону и Джелли. Располагал ли кто-либо из этих людей возможностью совершить убийство? Ответ однозначен: да, располагал.

Кто бы ни был убийцей Лучани, он явно делал ставку на то, что новый конклав и новый папа не пойдут по пути, указанному папой Лучани. Все шестеро, названные автором книги, несомненно, были заинтересованы в том, чтобы папскую тиару надел "подходящий" человек. Мог ли кто-либо из них пойти на убийство для того, чтобы получить месячную передышку? Если папой изберут "подходящего" человека, то этот месяц перерастет в нечто большее. Двое из шести — Вийо и Коуди — имели возможность самым непосредственным образом влиять на исход предстоящего конклава. Да и Марцинкус был человеком, не лишенным влияния. Не говоря уже о Кальви, Джелли и Синдоне.

В свое время именно на вилле Умберто Ортолани, верного приспешника Джелли, группа куриальных кардиналов решила, что тиару наденет Монтини. Джелли и Ортолани, возглавлявшие ложу "П-2", имели доступ к любой тайне Ватикана. В их руках были ключи от всех дверей, в том числе и государственного аппарата, и судебной системы.

Но взглянем на дело под несколько иным углом: как практически могло быть осуществлено убийство? Так ли уж надежна охрана Ватикана? Оказывается, нет. Преодолеть эту преграду было совсем несложно. Во всяком случае, не сложнее, чем некоему Майклу Фэгину удалось попасть в Бекингемский дворец, войти в спальню королевы Англии среди ночи и попросить у нее закурить.

В 1978 году преодолеть ватиканскую охрану было проще, чем охрану президента Рейгана для Джона Хинкли, когда он ранил президента и кое-кого из его окружения, и легче, чем для Агджи, стрелявшего в мае 1981 года в папу Иоанна Павла II.

Еще Иоанн XXIII упразднил круглосуточную охрану своих покоев швейцарскими гвардейцами. Тем не менее Альбино Лучани, безусловно, нуждался в более надежной охране, чем та, которая была ему предоставлена. В Ватикан ведут шесть ворот, которые отнюдь не представляют непреодолимого препятствия для того, кто задался целью преодолеть их.

Конклав, закончившийся избранием Альбино Лучани папой, был одним из самых надежно охраняемых в истории. Мы помним, как детально Павел VI регламентировал все меры, для того чтобы никто из посторонних не только не пробрался, но и не приблизился к Сикстинской капелле. После своего избрания Лучани продлил конклав на субботу 26 августа. Тем не менее неприметный и не наделенный никакими особенными прерогативами рядовой священник дон Диего Лоренци, желая увидеть Лучани и первым поздравить его, по его собственному признанию, без особого труда проник прямо в помещение конклава. И, лишь оказавшись там, где находились все 111 кардиналов, а среди них избранный папой Лучани, он услышал вопрос: кто он и что здесь делает? Не ясно ли, что к этому моменту, будь на то желание, он мог беспрепятственно взорвать все здание.

О ненадежном обеспечении безопасности августовского конклава писали многие. Приведем два характерных высказывания: "Конклав находился под угрозой террористических акций, ибо, по моему мнению, охрана Ватикана в течение последней недели была поставлена из рук вон плохо. При этом не стоит забывать, что из Ватикана прямо на улицы Рима ведут несколько выходов. Поэтому имелись все основания завершить конклав побыстрее". (Пол Джонсон, "Санди телеграф", Лондон, 27 августа 1978 года.)

"Насколько я мог заметить, охрана предпочитает развлекать девиц на террасах кафе неподалеку. Я надеюсь, что на сегодняшний вечер (имеется в виду день похорон Павла VI) "красные бригады" ничего не запланировали. В противном случае у них есть прекрасная возможность одной автоматной очередью уложить сразу многих глав государств". (Эндрю М. Грили, "Как делают пап".) Однако два месяца спустя, во время похорон Лучани, "меры безопасности были необычайно строги", — отмечает тот же отец Эндрю М. Грили.

Любопытно, что служба безопасности, которая при жизни Лучани в папском дворце работала крайне вяло, сразу после его кончины внезапно мобилизовалась. "Ни разу за все время понтификата Альбино Лучани, а я был при нем постоянно, не видел такого количества охраны вблизи папских апартаментов", —

отметил в разговоре с автором отец Диего Лоренци.

Я беседовал также с Гансом Рогганом, сержантом швейцарских гвардейцев, охранявших Ватикан, поскольку именно он возглавлял караул той ночью, когда не стало Иоанна Павла I. Он вспомнил, что вечером того дня выходил в город, чтобы пообедать с матерью, и, возвращаясь около 22.30, обратил внимание, что свет в окне папской опочивальни все еще горел. Простившись с матерью, он заступил на пост. Далее он сказал: "Не знаю, почему эта ночь вспоминается мне как сплошной кошмар. Я был дежурным офицером по дворцу в ту ночь. Сон не приходил. Наконец я встал и пошел в дежурную часть, где до утра сидел над своими бумагами. Обычно сон у меня прекрасный".

Таким образом, из слов самого начальника охраны папского дворца явствует, что он не нес караул в ту ночь, когда остановилось сердце Лучани. Не менее невероятным представляется и тот факт, что никому и в голову не пришло подняться и проверить, почему в столь необычный час ярко горит свет в спальне папы. Все мы помним, какой шум был поднят вокруг плохой организации службы безопасности в Далласе после покушения на президента Кеннеди. Охрана Лучани была значительно хуже.

Дальнейшие расследования автора показали, что во время правления Лучани в соответствии с традицией, наверху лестницы у входа в папские апартаменты, на третьем этаже, постоянно дежурил швейцарский гвардеец. Функции его были скорее символическими, ибо лестницей уже давно никто не пользовался, предпочитая лифт. От этого лифта у многих был ключ. Вход в лифт, как ни парадоксально, вообще не охранялся, поэтому кто угодно, переодевшись в сутану, мог спокойно войти в папские апартаменты или покинуть их незамеченным.

Выяснились и некоторые другие, довольно странные подробности плохо продуманной организации личной охраны в Ватикане. Уже после смерти Лучани у входа в папские покои была обнаружена еще одна потайная лестница. И дело не в том, что она была как-то скрыта в процессе позднейших перестроек дворца. Нет. Просто о ней вроде бы никто не знал. А если все-таки знали? Возможно, знали именно те, кто и воспользовался ею в сентябре 1978-го?

Итак, подведем итог. Начальник караула бдительности не проявляет. Швейцарский гвардеец охраняет лестницу, которой никто не пользуется, а рядом другая лестница, о которой никто не знает. Да при таких условиях даже начинающий, неопытный преступник с успехом выполнил бы полученное задание. Вдобавок, будто специально в помощь возможному убийце, 3 сен-

тября 1978 года "Оссерваторе делле доменика" напечатала подробный план папских апартаментов с фотографиями и пояснениями.

Если бы пресловутый Агджа подготовился хоть немного лучше, Иоанн Павел II, как и его предшественник, был бы убит. Чем больше вникаешь в эту проблему, тем очевиднее становится, что любой, всерьез занявшись разработкой плана убийства Лучани, мог без особого труда в этом преуспеть: проникнуть в папские покои в сентябре 1978 года, пронести с собой и подсыпать по крайней мере один из двухсот смертельных ядов, не составляло никакого труда.

Задача еще более упрощалась, если иметь в виду, что убийца был уверен: вскрытия не допустят. Помимо прочего, он не мог не знать, что круглосуточного дежурства врача в Ватикане не было. Не было и своей службы "Скорой помощи".

Все свидетельствует против того, что смерть Лучани была вызвана естественными причинами. Напротив, чем больше я углублялся в эту проблему, тем более укреплялась во мне уверенность, что он был умерщвлен. Я совершенно уверен также и в том, что ключ к разгадке тайны в руках одного из шести человек, которых я назвал.

В момент избрания Лучани папой все члены конклава сочли, что его возраст оптимален. Павел VI достиг 66-летнего возраста, когда надел папскую тиару, и прожил еще 15 лет. Иоанн XXIII ко времени избрания был уже в 77-летнем возрасте и тем не менее успел за 5 лет своего понтификата осуществить крупные изменения в католической церкви. В конклаве общее убеждение сводилось к тому, что Лучани будет править церковью не менее 10 лет. Конклав — церемония весьма дорогостоящая: так, похороны Павла VI и избрание его преемника обошлись церкви в 5 млн. долларов. Да и по многим другим причинам церковь не является сторонником коротких понтификатов и частых конклавов. В результате же скоропостижной кончины Лучани менее чем за два месяца дважды проводился конклав.

Автор не считает, что решение убить Альбино Лучани возникло именно 28 сентября. Эта дата была намечена как финал. Само же решение было принято раньше. Но трудно сказать, когда именно. Возможно, вскоре после избрания, когда Лучани начал расследование деятельности корпорации Ватикан. Возможно, к концу первых двух недель его понтификата, когда просочились новости о том, какова была его реакция на принадлежность многих иерархов церкви к масонским ложам. Возможно, и в середине сентября, когда стала очевидной его либеральная пози-

ция в вопросе о контроле над рождаемостью и стало ясно, что в ближайшее время его мнение определит официальную позицию церкви. Возможно, заговор созрел к концу третьей недели сентября, когда Марцинкус и его сообщники в Ватиканском банке убедились, что их смещение — вопрос ближайшего будущего. За несколько дней до смерти Лучани, очевидно, были сделаны первые практические шаги по осуществлению преступной идеи. Именно в те дни, когда он все дальше и энергичнее продвигался в намеченном им направлении, приняв ряд кардинальных решений и начав их осуществление. Очевидно, последний, роковой шаг убийцами был сделан в последний момент, когда они поняли, что еще несколько дней, а то и часов — и будет поздно.

Вероятно, многие поставят автору в вину, что факты, которые он привел, носят характер косвенных улик. Но именно так и бывает, когда приходится иметь дело с тщательно и профессионально спланированным убийством. Те, кто за ним стоит, не публикуют сообщения о своих намерениях на страницах "Таймс" или "Вашингтон пост". Редкой удачей можно назвать те случаи, когда незаинтересованные лица оказываются непосредственными свидетелями, готовыми представить неопровержимые доказательства. Однако в истории именно второстепенные, косвенные улики отправляли преступников на гильотину, на электрический стул, на виселицу. Вместе с тем один факт, связанный с обстоятельствами смерти Лучани, бросается в глаза. Чтобы достичь цели, заговорщики должны были убить Лучани так, чтобы для всего мира смерть казалась естественной. И они добились своего. За годы, истекшие со дня смерти, стали забывать о преступлении, которое в действительности должно быть названо убийством века!

Для того чтобы лучше разобраться в том, кто повинен в смерти Лучани, необходимо внимательно проследить за тем, что происходило на последнем конклаве и после него. Анализ новых фактов поможет понять, кто из шести человек стоял в центре заговора.

ВО ИМЯ НАЖИВЫ

Святой дух начисто отсутствовал в конклаве, где кардиналы закрылись в субботу 15 октября 1978 года от внешнего мира, чтобы решить, кто займет Святой престол, вновь оказавшийся вакантным после смерти Альбино Лучани. В первый день длительной и жестокой борьбы сражение развернулось между сторонниками Сири и Бенелли. Тот, кто был повинен в убийстве Лучани, поначалу оказался перед реальной угрозой того, что, весьма вероятно, придется точно так же поступить и с его преемником, ибо по результатам первых восьми туров голосования в течение двух дней ближе всего к победе был Джованни Бенелли. Если бы кардинал Бенелли стал новым папой, цель, ради которой был убит Лучани, по-прежнему не была бы достигнута, поскольку он — и этого не мог не понимать убийца — в самом скором времени сделал бы многое из того, что намечал Иоанн Павел I. Коуди и Вийо пришлось бы сразу же оставить свои посты, не говоря уже о Марцинкусе и его сообщниках из Ватиканского банка.

Однако судьба рапорядилась иначе: кардиналу Бенелли не хватило девяти голосов. Победителем в результате компромисса оказался польский кардинал Кароль Войтыла, мало напоминавший своего предшественника Альбино Лучани. Сегодня мы видим бесчисленное множество подтверждений того, что совпадение имен — Иоанн Павел — единственное, что роднит этих двух людей.

Несмотря на все усилия кардиналов Бенелли, Феличи и их единомышленников, папство Иоанна Павла II ознаменовалось прежним интересом к бизнесу. Бизнес сильно выиграл в результате как убийства Лучани, так и ряда других трагических смертей, последовавших вскоре.

Сразу после избрания новый папа был подробно ознакомлен с проектами всех преобразований, которые наметил его предшественник. Ему доложили и о многочисленных встречах и консультациях, которые Лучани проводил со специалистами по самому широкому кругу вопросов. В частности, на стол

Войтылы легла подробная информация по вопросам финансовой политики Ватикана, подготовленная кардиналами Бенелли, Феличи и экспертами Управления имуществом аполистического престола. Он был ознакомлен с теми же документами, на основе которых Лучани пришел к выводу о необходимости безотлагательного смещения архиепископа Чикаго Коуди, и с досье, подготовленным для Лучани, где были собраны документы, свидетельствующие, насколько глубоко масонство пустило корни в среде ватиканской элиты. Вийо также весьма подробно информировал нового папу о взглядах его предшественника на проблему контроля над рождаемостью. Словом, Иоанн Павел II имел прекрасную возможность при желании реализовать все планы и проекты Лучани. Но ни одно из задуманных Иоанном Павлом I начинаний не было осуществлено его преемником. Воистину убийца трудился не напрасно.

Вийо по-прежнему остался на посту государственного секретаря, Коуди прочно сидел на архиепископском троне в Чикаго, Марцинкус и его сообщники — Меннини, де Стробель и монсеньор де Бонис, — как и раньше, заправляли Ватиканским банком и еще более тесно сотрудничали с мошенниками из "Банко Амброзиано".

Таким образом, Кальви и заправили ложки "П-2" Джелли и Ортолани располагали, как и при Павле VI, неограниченными возможностями наживать миллионы с помощью Ватиканского банка. Для Синдоны сохранение старого курса новым папой означало устранение, по крайней мере на какое-то время, угрозы выдачи его в руки итальянского правосудия властями США. Кардинал Баджо избежал столь нежелательного назначения патриархом Венеции, на котором настаивал Лучани, а кардинал Полетти, уличенный в коррупции, сохранил за собой пост викария Рима.

Тысячи страниц написаны с момента избрания Войтылы в попытке разобраться, что он собой представляет. Достаточно красноречиво уже то, что Иоанн Павел II разрешил людям типа Вийо, Коуди, Марцинкуса, Меннини, де Стробеля, де Бониса, Полетти остаться на своих постах. Ссылаться на неведение нового папы нет никаких оснований. В частности, Марцинкус ответственен в своих действиях только перед папой, и потому незнание его преступлений, с одной стороны, маловероятно, а с другой — не может служить оправданием. О шумном скандале вокруг имени Коуди Войтыле сообщили в деталях уже в октябре 1978 года кардиналы Баджо и Бенелли. Но Войтыла ничего не предпринял. Нынешний папа требует от духовенства Никарагуа оставаться в стороне от политики, не помогать революционной

борьбе народа, но в то же время с его благословения по тайным и нелегальным каналам идет финансирование в долларах "Солидарности" в Польше. Политика нынешнего папы — политика двойных стандартов: то, что позволено папе, запрещено остальным. Правление Иоанна Павла II — это период триумфа всякого рода мошенников, коррупции, международных аферистов типа Джелли, Кальви, Синдоны. Одновременно в глазах общественно-го мнения поддерживают образ добродетельного "папы-пилигрима". Люди, стоящие за его спиной, обеспечивают процветание бизнеса, добились сильного роста барышей в последние годы. Жаль, что речи папы с их суровым морализированием не доходят до тех, кто находится за кулисами.

Как мы уже знаем, после избрания Лучани папой епископ Пол Марцинкус предостерег коллег из Ватиканского банка, а также Роберто Кальви в Буэнос-Айресе, что взгляды нового папы весьма отличаются от принципов предыдущего и следует ждать в Ватикане серьезных перемен.

Избрание Войтылы означало полный возврат к временам Павла VI. Это касается, в частности, инфильтрации при Иоанне Павле II масонов в Ватикан. Здесь утвердилась схожая с масонской ложей организация "Опус деи" ("Божье дело"). О ней Альбино Лучани писал в венецианской газете "Гадзеттино" 25 июля. Статья была посвящена размышлениям над отдельными аспектами философии, которую она проповедует, и изложению краткой истории организации. Обо всех остальных, идеологических и практических, сторонах деятельности "Опус деи" Лучани не писал. Что же касается Войтылы, то его связи с этим движением подтверждены документально. Не следует забывать, что эта католическая организация разделяет многие взгляды логи "П-2". Сегодня она представляет значительную силу в Ватикане.

"Опус деи" — международная организация, объединяющая католиков. Несмотря на относительную немногочисленность (предполагается, что в нее входит от 60 тыс. до 80 тыс. человек), влияние ее велико. К тому же речь идет о тайной организации, что само по себе является вопиющим нарушением церковных догм. "Опус деи" возражает против причисления ее к тайным организациям, однако отказывается предать гласности список своих членов. Основана она в 1928 году испанским священником по имени Хосе Мария Эскрива де Балагер. По своему направлению является крайне правым крылом католической церкви. Такая политическая окраска многих оттолкнула от нее, других же сделала фанатично преданными ей. Лица духовного за-

ния составляют около 5 процентов, все остальные — миряне, мужчины и женщины. В числе ее приверженцев — представители различных социальных слоев, однако преобладают крупные буржуа и так называемая интеллектуальная элита. Руководители организации стараются привлечь также студентов и выпускников престижных университетов, молодых людей, которым предстоит оказаться в первых эшелонах бизнеса и политической власти. Д-р Джон Роуч, преподаватель Оксфордского университета и бывший член "Опус деи", характеризует ее как "зловещую таинственную" организацию. С подозрением и неприязнью относится к ней и значительная часть прессы.

Члены организации посвятили себя завоеванию командных постов в римской католической церкви. Подобная постановка вопроса вызывает озабоченность не только у католиков. Лучани поддерживал некоторые духовные концепции этой организации. Однако обошел молчанием многое из того, что роднит "Опус деи" с политической философией фашизма.

При Иоанне Павле II наступил истинный расцвет "Опус деи". Новый папа воплощает в себе все черты, которые бы ее приверженцы хотели видеть в главе Ватикана. В качестве одного из первых своих официальных жестов он отправился на могилу основателя этой организации и молился там. Вскоре папа Войтыла предоставил секте статус личной прелатуры, что сделало ее подотчетной лишь Риму и богу.

Организация не делает тайны из того, что ее члены занимают руководящие посты в 600 периодических изданиях общественно-политического и научного характера не только в Италии, но и во всем мире, контролируют работу более 50 теле- и радиостанций. В 60-е годы, во времена диктатуры Франко, трое из членов "Опус деи" входили в состав правительства Испании, сыграв решающую роль в подготовке испанского варианта "экономического чуда". Один из активистов этого движения — глава гигантского испанского концерна "Румаса" Хозе Матеос, который в настоящее время скрывается от полиции. Он основал в свое время преступную финансовую империю, подобную империи Кальви. Все это выяснилось в ходе разразившегося скандала.¹ "Опус деи" — организация очень богатая.

Источники ее благосостояния весьма разнообразны.

Хозе Матеос, которого считают богатейшим человеком в Ис-

¹ В конце апреля 1984 года Матеос был арестован полицией в Западной Германии.

паний, отчислял в кассу организации миллионы, причем львиная доля их поступала из прибылей от его совместных махинаций с Кальви в Испании и Аргентине. Можно ли считать случайным преступное сотрудничество казначея масонской ложи "П-2" с казначеем "Опус деи"? И тут пути господни неисповедимы?

После того как вставший на их пути папа Лучани был устранен "итальянским способом", к тому же методу Марцинкус, Синдона, Джелли и Кальви прибегали еще не раз в тех случаях, когда кто-либо пытался мешать осуществлению их планов.

Простой перечень циничных и жестоких преступлений, совершенных с целью замести следы крупных афер и махинаций, может затмить творения известных авторов детективного жанра. Автор же этой книги лишний раз убедился в том, что у таких людей убийство римского папы не вызвало бы никаких нравственных мук. Обращает на себя внимание и тот факт, что ни Кальви, ни Джелли, ни Ортолани не появлялись в Италии в течение сентября 1978 года, то есть в то время, когда на папском престоле находился Иоанн Павел I. Вскоре после избрания его преемника, Кароля Войтылы, на родину в конце октября 1978 года вернулся Кальви. Джелли и Ортолани пристально следили за ходом событий из Уругвая. Можно ли считать случайностью, что вся троица, получив предупреждение от Марцинкуса, отсиживалась в Латинской Америке? Так ли уж неотложны были их дела в Новом Свете в августе и сентябре? Почему Джелли и Ортолани ни на шаг не отпускали от себя Кальви именно в это время? Да и так ли уж сложны были вопросы, связанные с открытием новых филиалов "Банко Амброзиано", чтобы опытному в подобных делах Кальви понадобилось на их решение столько времени?

После беседы 30 октября 1978 года с Джулио Падалино из Банка Италии, возглавившим группу правительственных ревизоров, расследовавших деятельность "Банко Амброзиано", Кальви стало ясно, что передышка, полученная в результате смерти Лучани, оказалась кратковременной. Вновь Кальви упорно избегал прямых ответов. Но тем не менее 17 ноября расследование было закончено. И безрезультатно. По его итогам был составлен подробный доклад, содержащий, несмотря на все старания преступников замести следы, документально обоснованные доказательства того, что вся империя Кальви держалась на обмане и преступлениях.

Об этом Кальви узнал от Джелли, который позвонил из Южной Америки, как всегда не называя себя, а пользуясь паролем. Кальви, все глубже погружавшийся в болото запутанных махинаций по поручению Ватикана, мафии и "П-2", был потрясен. Де-

ло в том, что доклад, всего несколько дней назад отправленный Джулио Падалино главе управления финансового надзора Банка Италии Марио Сарчинелли, благодаря четкой работе шпионской сети ложь "П-2" уже оказался у Джелли в Буэнос-Айресе. Из того же источника Джелли узнал и сообщил Кальви, что доклад должен быть передан Банком Италии в миланскую прокуратуру судье Эмилио Алессандрини, а это, сказал Джелли, он предвидел еще в сентябре.

И вновь Кальви балансировал на грани полного разоблачения и краха: Алессандрини относился к числу неподкупных. Высокоодаренный и принципиальный, юрист Алессандрини представлял серьезную угрозу для таких прожженных преступников, как Кальви, Синдона, Марцинкус и Джелли. Они не сомневались, что если Алессандрини возьмется за дело, то Кальви ждут позор и тюрьма, Марцинкуса — полное разоблачение, Джелли навсегда лишится "Банко Амброзиано", а Синдона будет выдан властями США в руки итальянского правосудия.

С начала января 1979 года в финансовых кругах Милана имя Кальви вновь было у всех на устах. Эмилио Алессандрини, тщательно изучив доклад Банка Италии объемом в 500 страниц, отдал распоряжение начальнику налоговой полиции вплотную заняться делом этого банка. Алессандрини просил в прилагаемом письме безотлагательно проверить обоснованность каждого из выдвинутых обвинений, перечисленных в докладе. Следует подчеркнуть, что вне узкого круга официальных лиц никто не имел доступа к докладу.

Двадцать первого января хорошо информированный и влиятельный еженедельник "Эспрессо" писал о грозящем аресте Кальви и всего совета директоров его банка, а также о том, что Кальви будет запрещено покидать пределы страны. Иными словами, лишь самые решительные шаги могли предотвратить взрыв негодования широкого общественного мнения, направленного против руководства "Банко Амброзиано".

Утром 29 января судья Алессандрини, поцеловав жену, сел с сыном в машину, чтобы по дороге на работу завести мальчика в школу. Отъехав от ворот школы ровно в 8.30 утра, он остановился на красный свет на виа Муратори. В этот момент к машине приблизились пятеро неизвестных и молча разрядили в него обойму автомата. К вечеру того же дня левая террористическая группировка под названием "Прима линия" по телефону заявила о своей ответственности за преступление. Позже записка с подтверждением устного заявления была найдена в телефонной будке у миланского Центрального вокзала. Ни звонок, ни за-

писки не называли мотивов преступления.

За что могла мстить левозкстремистская группировка прокурору, известному по всей стране успешной борьбой с правыми террористами? Эмилио Алессандрини возглавлял, в частности, расследование взрывов на пьяцца Фонтана, организованных ультраправыми. Так зачем же было "Прима линеа" чинить расправу над человеком, который стремился именем закона добиться того, к чему они сами стремились путем кровавого насилия? Ответ прост и страшен. Дело в том, что группировки типа "Прима линеа" и "красные бригады", к какому бы крылу они себя ни относили, убивают отнюдь не только из политических соображений. Они еще и выполняют роль наемных убийц, послушно исполняющих приказы тех, кто больше заплатит.

Собственно, разница между террористическими бандами невелика, а связи "красных бригад" с неапольской "Каморрой", как именует себя местная мафия, документально подтверждены.

Когда писались эти строки, пятеро убийц, стрелявших в Алессандрини, уже предстали перед судом. Все технические подробности преступления они освещали весьма охотно и с большим знанием, но, когда дело касалось вопросов о причинах преступления, их показания скорее порождали вопросы, чем содержали ответы. В частности, один из тех, кто открыл огонь по прокурору, Марко Донат Каттин, заявил: "Мы ждали до самого вечера, пока выйдут газеты с сообщениями об убийстве и причинах, по которым совершено убийство".

Три дня спустя Роберто Кальви с наслаждением потягивал коктейль на приеме в Милане, рассеянно поддерживая светскую беседу, пока она не коснулась убийства прокурора. Тут Кальви выказал живое участие и просто закипел от возмущения. Но банкир был не на стороне вдовы и сирот. Он испытывал сострадание к самому себе.

— Подумайте, какое ужасное невезение, — взывал он к сочувствию присутствующих, — ведь только накануне судья Алессандрини обещал мне, что прекратит следствие и закроет дело!

Убийство Лучани дало Марцинкусу, Кальви, Синдоне и их друзьям из ложи "П-2" необходимую отсрочку во времени. Ту же цель преследовало и убийство судьи Алессандрини. Если после его гибели расследование деятельности "Банко Амброзиано" и не прекратилось совсем, то продвигалось черепашьям шагом и перестало реально угрожать преступникам.

Марио Сарчинелли из Банка Италии сразу почувствовал перемену. Он, а также главный управляющий банка Паоло Баффи

решили, что интересы дела требуют, чтобы трудное и длительное расследование, на которое потрачен целый год, не прошло даром. В феврале 1979 года Сарчинелли вызвал Кальви для дачи показаний относительно деятельности компании "Супрафин", о связях "Банко Амброзиано" с Ватиканским банком, об отделении банка в Нассау и, главное, о том, кому же, наконец, этот банк принадлежал. После смерти Алессандрини Кальви словно подменили: вернулась былая самоуверенность, надменность и холодный блеск в глазах. Надежда на поддержку Джелли лишь усиливала его высокомерие. На вопросы Сарчинелли он теперь просто отказывался отвечать, хотя разговор в Банке Италии и убедил Кальви, что недавнее убийство не остановит расследования. Он вновь обратился за советом к Джелли, и тот снова уверил его, что все будет улажено. Но тут возникла проблема, не на шутку встревожившая руководство ложи "П-2". Связана она была с именем журналиста Мино Пекорелли, уже упоминавшегося на страницах книги. Принадлежавшее ему агентство "Оссерваторе politico" выпускало еженедельные бюллетени, обращающие на себя внимание тем, что содержащаяся в них информация носила хоть и сенсационный, но непременно достоверный характер. Итальянская пресса называла агентство "разгребателем грязи", что вполне соответствовало действительности.

В 70-е годы в номерах "Оссерваторе politico" Пекорелли опубликовал ряд в высшей степени разоблачительных, документированных материалов, свидетельствовавших о чрезвычайных масштабах, которые приняли коррупция и подкуп в высших эшелонах власти Италии. Незаменимыми эти бюллетени стали для тех, кто хотел достоверно знать, кого обокрали и на какую сумму. Пекорелли знал на что идет, ибо учитывал, что итальянские законы весьма строги к клеветникам. Было ясно, что Пекорелли имеет доступ к самой секретной информации. Многие итальянские журналисты в погоне за сенсацией выступали в печати со статьями, основанными на информации, почерпнутой из "Оссерваторе politico". Из профессионального любопытства они нередко пытались выяснить, на кого опирается загадочное агентство, стоявшее, как многим казалось, выше всех законов. Но попытки эти не увенчались успехом.

В начале 70-х годов с "Оссерваторе politico" нередко связывали имя Синдоны. Конечно, Пекорелли был близок к секретным службам Италии, но не они были истинным источником публиковавшихся им материалов. Как оказалось, были источники и более могущественные, чем государственные разведслужбы. Мино Пекорелли являлся видным членом ложи "П-2". Вот

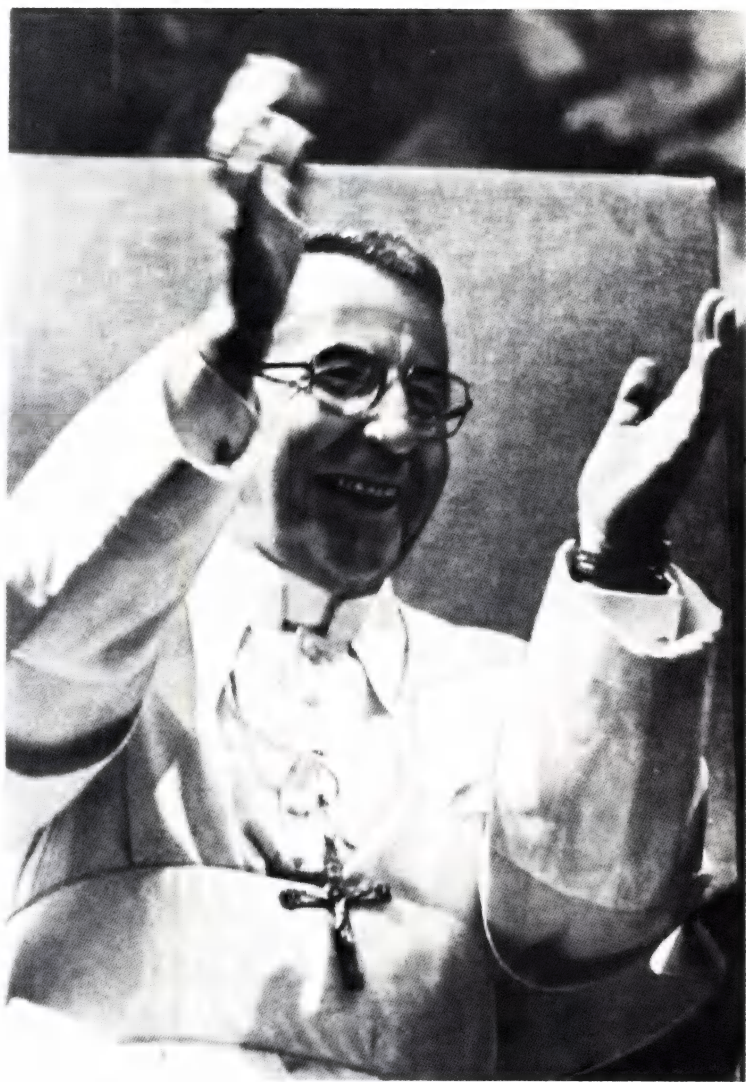
откуда он получал новейшую и самую секретную информацию. На одном из собраний ложи Личо Джелли призвал "братьев" передавать в "Оссерваторе политико" представляющие интерес документы и другую важную информацию. Создавая агентство, Джелли преследовал цель поставить его прежде всего на службу задачам тайного масонства.

В середине 1978 года Пекорелли решил попытаться извлечь и личную выгоду из возложенного на него руководства агентством. Трудно было ему устоять перед искушением. У него в руках оказалась сенсационная информация об одном из крупнейших мошенничеств в финансовой истории Италии. План махинации разработал лично Джелли. О ее масштабах говорит тот факт, что к началу 70-х годов из-за нее Италия потеряла 2,5 млрд. долларов: именно такой была сумма, недоплаченная государству в виде налогов с прибыли от нефтяных сделок. Дело в том, что в Италии и для отопления жилищ, и в качестве дизельного топлива используется один и тот же нефтяной продукт, причем топливо для жилищ специально окрашивается в другой цвет по сравнению с горючим для автомобилей. Но топливо для жилищ облагается налогом в 50 раз меньшим. Как же мог Джелли упустить то, что, казалось, само шло ему в руки. По его указанию Бруно Мусселли, крупнейший нефтяной магнат и член ложи "П-2", организовал поставку необходимого красителя, а глава финансовой полиции, тоже "тайный брат" по ложе, генерал Рафаэле Джудиче обеспечил все необходимые документы, с тем чтобы все топливо значилось как отопительное, то есть облагалось самым низким налогом.

Прибыль, составившая баснословную сумму, переводилась затем с помощью пресловутого Микеле Синдоны, также участника тайного масонства, через Ватиканский банк на специально открытые с этой целью счета в принадлежавшем ему женевском "Финанбанке".

Именно тогда Личо Джелли и стал так часто появляться в Ватикане, неся чемоданы, набитые миллиардами украденных лир. На него не обращали внимания, настолько он примелькался швейцарским гвардейцам, стоявшим на часах у ворот святой Анны.

Генерал Джудиче был назначен начальником финансовой полиции, после того как викарий Рима кардинал Полетти в письме настоятельно рекомендовал председателю Совета министров Джулио Андреотти согласиться с этой кандидатурой. Полетти, как мы помним, был одним из тех, кого Лучани намеревался удалить из Рима в первую очередь. Об участии Ватикана в прес-

1. Альбино Лучани

2. Город-государство Ватикан

3. "Папа избран!"

4. Альбино Лучани, папа Иоанн Павел I

5. Джон Вольпе, бывший посол США в Италии, поздравляет Синдону (справа) с присвоением ему Американским клубом почетного звания "Самая популярная личность года".

6. Личо Джелли рисковал утратить контроль над "империей" в случае осуществления реформ, намеченных Лучани.

7. Швейцарский гвардеец приветствует епископа Марцинкуса.
Как и Марцинкусу, всем этим людям (фото 8 – 12) смерть А. Лучани
была выгодна.

8. Кардинал Жан Вийо

10. Кардинал Коуди

11. Умберто Ортолани

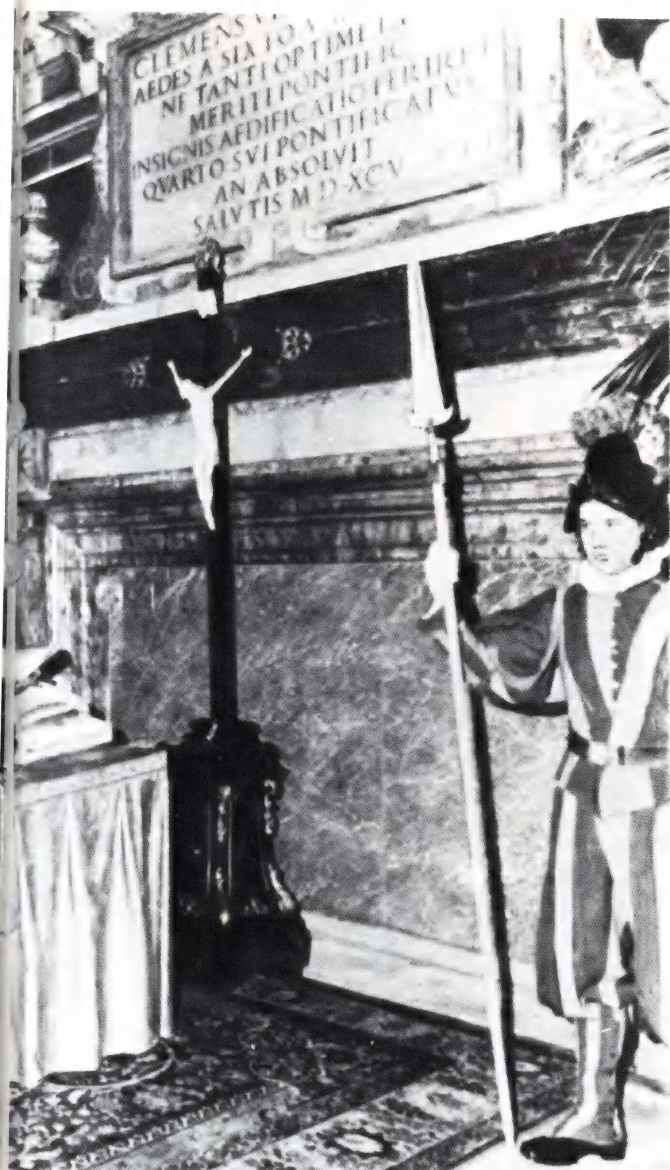
9. Роберто Кальви

12. Микеле Синдона

13. Премьер-министр Андреотти у тела Иоанна Павла I .

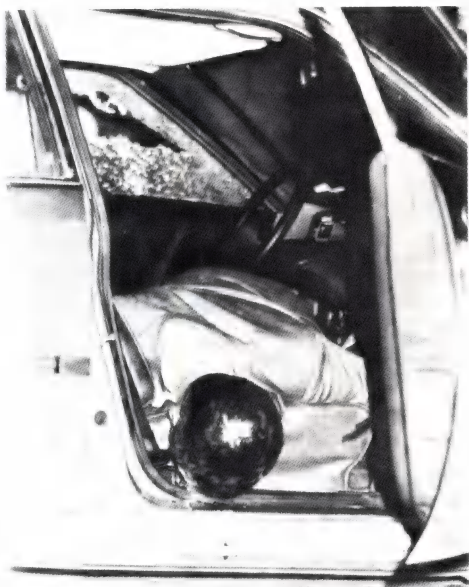
14. Убийство судьи Витторио Оккорсио 10 июля 1976 года приостановило расследование связей между неонацистами и подрывной масонской ложей "П-2".

15. Эмилио Алессандрини, миланский судья, был убит 29 января 1979 года, вскоре после того, как начал расследование махинаций возглавляемого Кальви "Банко Амброзиано".

16. Журналист Мино Пекорелли, член ложи "П-2", выдав немало ее секретов, заплатил за это жизнью.

17. Марио Сарцинелли из руководства Банка Италии покидает тюрьму, куда попал по обвинению, сфабрикованному Личо Джелли.

18, 19. Джорджо Амброзоли
был убит несколько часов спу-
стя после того, как дал обли-
чающие свидетельские показа-
ния против Синдони.

20. Штаб-квартира "Банко Амброзиано" в Милане.

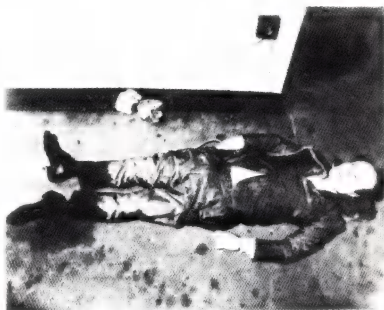

21. Железнодорожный вокзал в Болонье после взрыва, организованного масонской ложей "П-2", в результате которого погибло 85 человек, 182 – получили ранения, 1980 год.

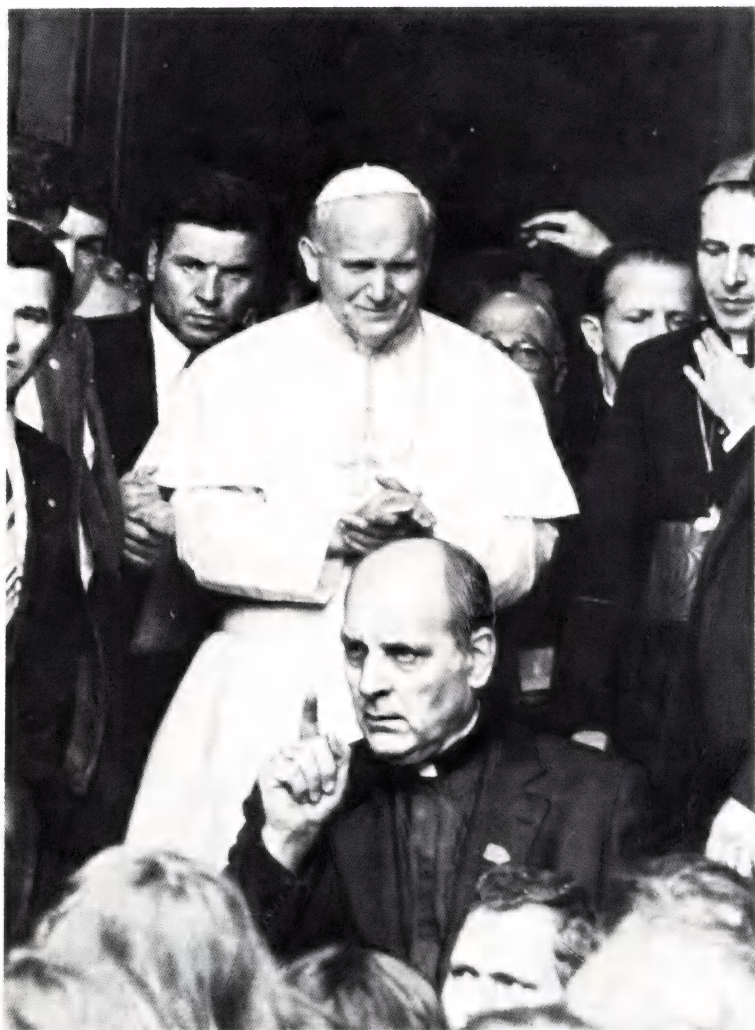
22. В 1980 году Роберто Розоне (в светлом костюме) стал серьезной помехой для Кальви в его махинациях. 27 апреля 1980 года на его жизнь было совершено покушение, в результате которого он получил несколько тяжелых пулевых ранений.

23. Роберто Кальви, "покончивший с собой" в Лондоне 17 июня 1982 года.

24. За несколько часов до "самоубийства" Кальви его секретарша Грациелла Коррочер также "выбросилась" из окна 5 этажа здания "Банко Амброзиано". Ее тело увозит автомобиль "Скорой помощи".

25. П. Марцинкус (в центре, подняв "перст указующий") сохранил свой пост в Ватикане, хотя все остальные подозреваемые в трагической смерти папы Лучани мертвы, находятся в тюрьме или скрываются от правосудия. На втором плане, в белом, папа Иоанн Павел II.

тупной махинации с топливом Пекорелли еще не знал, но о самом факте беспрецедентной кражи из государственного кармана ему было известно досконально. Один за другим в бюллетенях "Оссерваторе политико" стали появляться материалы, разоблачавшие отдельные стороны аферы. Представительная делегация в составе сенатора христианского демократа Клаудио Виталоне, судьи Карло Тести и генерала Донато Прете из финансовой полиции нанесла визит Пекорелли и сумела купить его молчание. Статьи, проливавшие свет на невиданную аферу с топливом, больше не появились.

Поняв, подобно Джелли, всю силу орудия шантажа, Пекорелли решил, что, оставаясь в рядах масонов и одновременно разоблачая их в прессе, он мог бы до конца дней купаться в золоте. И он стал писать о масонах. В начале сентября 1978 года был опубликован материал, в котором помимо прочей информации, назывались имена более ста членов ложи "П-2", занимавших высокие посты в ватиканской иерархии. Это был пробный шаг в адрес Джелли. Именно этот материал прочел Лучани, а затем, тщательно проверив его достоверность, начал незамедлительно действовать. Об этом тут же узнал Личо Джелли и понял, что Лучани становится еще опаснее для казначея ложи Роберто Кальви.

Когда папу Иоанна Павла I убрали с пути, Джелли решил рассчитаться и с Пекорелли. Он попытался купить его, но тот, как человек продажный, стал вымогать все больше и больше. Возмущившийся Джелли не стал платить. Тогда Пекорелли опубликовал статью, указав во вступлении, что она станет первой из целой серии ошеломляющих разоблачений. Из статьи становилось ясно, что Джелли, лидер ультраправых, откровенный фашист, занимался шпионажем в течение всей второй мировой войны и после ее окончания. В заключение Пекорелли, изображая себя бесстрашным борцом за истину, решившим, несмотря на риск, вести расследование до конца, пообещал заинтригованному читателю в самом ближайшем будущем рассказать всю правду о ложе "П-2". Он закончил статью фразой о том, что Личо Джелли, бывший нацист, был в теснейшем контакте с ЦРУ. Увлечшись, Пекорелли позволил себе рассказать слишком много правды. Его "братья" по "П-2" сочли, что он их предал.

Двадцатого марта Джелли позвонил Пекорелли и предложил на завтра устроить совместный ужин, а заодно обсудить кое-какие дела. Пекорелли согласился, но добавил, что задержится сегодня в своем офисе, чтобы завтра быть свободным... До ужина в компании Джелли Пекорелли не дождался. Он действительно за-

держался и только в 21.15 вышел из своей редакции на виа Орацио, направляясь к машине, которую оставил неподалеку. Он был убит минуту спустя двумя выстрелами в рот. Такое убийство символично: у сицилийской мафии оно называется "сассо ин бокка" — "камешек в рот" — в знак того, что убитый наказан за то, что сказал слишком много, но больше уже не заговорит.

Лишившись возможности отужинать с "другом", Личо Джелли провел вечер следующего дня у себя в кабинете. Открыв совершенно секретную папку ложи "П-2" со списком ее членов, он пометил против фамилии Пекорелли: "покойный".

На этот раз никто не взял на себя вину за смерть Пекорелли, но в 1983 году был арестован один из высокопоставленных в прошлом сотрудников СИД¹ Антонио Вьещер по обвинению в причастности к убийству Пекорелли. Антонио Вьещер также был членом ложи "П-2".

За несколько дней до того, как Пекорелли заставили замолчать навсегда, сошел в могилу кардинал Жан Вийо, один из тех, кого журналист упомянул в списке иерархов Ватикана, являвшихся членами ложи "П-2". Умер он в блеске почестей, наград, постов и титулов, которыми удостоили его предшественники Лучани на престоле святого Петра. Лучани же не успел снять Вийо, который если и не убил Лучани лично, то создал для убийства и его сокрытия все условия.

Пока Ватикан был поглощен похоронами главы государственного секретариата, на другом берегу Тибра продолжалась нелегкая борьба за торжество правосудия и справедливости. Начальник управления финансового надзора Банка Италии Марио Сарчинелли и главный управляющий Паоло Баффи выдвинули требование о принятии срочных мер по делу Кальви. Они утверждали, что налицо ряд серьезнейших доводов в пользу немедленного ареста преступника.

И действительно, 25 марта 1979 года двое были арестованы. Но не Кальви и Джелли, а... Баффи и Сарчинелли. Правда, Баффи был отпущен под залог по причине его почтенного возраста римским прокурором Марио Алибранди, известным ультраправыми настроениями. Сарчинелли же оказался в тюрьме. Обоим были предъявлены обвинения в том, что они не сумели доказать умышленный характер нарушения закона. Это звучало смешно. Через две недели был отпущен под залог и Сарчинелли. Тем не менее официально обвинение было снято с обоих лишь

¹СИД — итальянская военная разведка и контрразведка, с 1975 года переименована в СИСДЕ.

в январе 1980 года.

Цель, однако, была достигнута: суд на год отстранил Сарчинелли от исполнения обязанностей начальника управления финансового надзора Банка Италии, несмотря на то что он был оправдан. Ложа "П-2" тем самым полностью обезопасила своих видных членов от разоблачения, а Паоло Баффи, потрясенный незаслуженным позором и вопиющей несправедливостью, подал в отставку. Ход событий показал, что власть, которой обладали Кальви и его сообщники, оказалась куда сильнее, чем та, которой располагало руководство центрального государственного банка страны. Возможно также, что отставка Баффи была в большей степени вызвана тем впечатлением, которое произвело на него событие, в очередной раз убедившее Баффи и его коллег в том, насколько неодолимы силы, противостоящие им.

Пока Кальви и его друзья пытались сломить Фемиду, их коллегу по "П-2" Микеле Синдону, казалось, возмездие настигло в Нью-Йорке. 19 марта 1979 года министерство юстиции США предъявило Синдоне обвинение в нарушении закона по 99 различным пунктам: от мошенничества и лжесвидетельства до присвоения банковского капитала и подкупа должностных лиц. Все обвинения были связаны с банкротством "Фрэнклин нэшнл бэнк". Уплатив 3 млн. долларов в качестве залога, Синдону был выпущен на свободу с условием ежедневной регистрации в полиции.

В самом начале июля 1979 года федеральный суд США постановил, что выдачу банкира производить не следует, так как нельзя подвергать суду два раза за одно и то же преступление. Соответствующий договор между США и Италией позволяет по-разному толковать этот вопрос. Поэтому федеральный прокурор Джон Кенни заявил, что правительство США намерено выслать Синдону на родину после того, как американский суд вновь рассмотрит его дело и вынесет окончательное решение.

Прокурор Кенни, осмелившийся сделать подобное заявление, остался жив лишь чудом. После его выступления люди Синдоны уже заключили 100-тысячную сделку с убийцей, который должен был устранить Кенни. Банкир и его сообщники вовремя сообразили, что, если в Италии убийство судьи или прокурора чаще всего ведут к приостановлению следствия или полному отказу от него, иллюстрацией чему может служить убийство судьи Алессандрини, в данной обстановке такой прием мог привести к противоположным результатам. Как ни прельщали профессиональных убийц обещанные 100 тыс. долларов, но было очевидно, что гибель прокурора может ускорить и ужесточить наказание Синдоны.

Синдона, взвесив все "за" и "против" и убедившись, что от суда в Нью-Йорке, который готовил Кенни, ему не уйти, решил расправиться с человеком, представлявшим для банкира, пожалуй, еще более серьезную угрозу.

Речь шла о следователе Джорджо Амброзоли. 29 сентября 1974 года он был назначен уполномоченным по ликвидации принадлежавшего Синдоне "Банка привата итальяна". Как уже отмечалось, банк был создан Синдоной в 1974 году путем слияния "Банка уньоне" и "Банка привата финансиариа", в результате чего из двух банков средней величины, стоявших на грани банкротства, был создан один, обреченный на гибель с момента возникновения.

Амброзоли досконально изучил дело, и в конце концов никто не знал подробностей финансовых махинаций лучше, чем он. Амброзоли направил секретный доклад генеральному прокурору Италии, в котором указывал, что деятельность Синдоны носила, вне всяких сомнений, преступный характер. На основе тщательного изучения документов он сделал вывод, что катастрофическое состояние, в котором находился банк, было вызвано не плохим руководством, а заранее спланированным банкротством, ибо в начале 1974 года Синдона и его коллеги "преднамеренно готовили проведение в феврале того же года банковских операций таким образом, чтобы они неминуемо привели банк к краху". Иными словами, их деятельность по сути своей была тщательно продуманным и крупномасштабным мошенничеством.

Джорджо Амброзоли был человеком безупречной честности и большого мужества. Именно в те дни, заканчивая подготовку доклада, подтверждавшего преступный характер деятельности Синдоны, он доверительно сказал жене: "Знай, что бы ни случилось, мне придется дорого заплатить за то, что я взялся за это дело. Я прекрасно отдавал себе в этом отчет, еще не приступив к расследованию, но ничуть не жалею. Я не мог отказаться от возможности принести пользу своей стране, но тем самым я нажил себе смертельных врагов".

Постепенно весь механизм преступлений Синдоны стал понятен Амброзоли. Пока Синдона излагал перед американскими студентами свои идеи о "космическом капитализме", вдумчивому юристу из Милана становилось все яснее, что банкир — прожженный преступник международного масштаба.

В 1977 году римский адвокат Родольфо Гуцци обратился к Амброзоли с заманчивым, но весьма запутанным предложением выкупить "Банка привата" и тем самым спасти его от банкрот-

ства. Амброзоли был уже достаточно осведомлен о положении дел, чтобы тут же сообразить, что предложение шло от Синдоны, поскольку Гуцци был его адвокатом. Он решительно отклонил предложение, несмотря на то что оно было поддержано двумя членами правительства из числа христианских демократов.

Подобный факт красноречиво говорит о влиянии, которым еще располагал Синдона. О его могуществе свидетельствовало и настойчивое требование со стороны Франко Эванджелисти, ближайшего помощника премьер-министра, замять скандал, заставив Банк Италии с санкции Баффи покрыть долги Синдоны.

Изучая кипы документов, Амброзоли все чаще наталкивался на упоминания о загадочном "списке 500". Вскоре стало очевидно, что речь идет о 500 политических и финансовых деятелях, которые с помощью Синдоны и Ватиканского банка в нарушение законов вывозили валюту из страны и баснословно на этом наживались. При этом интересы национальной экономики их ничуть не трогали. Неизвестными оставались для Амброзоли лишь имена тех, кто входил в "список 500". Он выяснил, что ряд вполне уважаемых организаций и учреждений, таких, например, как страховой гигант ИНПДАИ, помещали свои капиталы в банки Синдоны под более низкий процент, чем в среднем во всех остальных банках. Компенсацию за "доверие" получали их руководители лично. Удалось Амброзоли проследить и многие другие приемы, которые использовал Синдона для осуществления валютных махинаций, в частности покупку долларов по более высокой, чем рыночная, цене с внесением разницы на специальный счет за границей — в Лондоне, Швейцарии или США.

В ходе расследования Амброзоли составил свой список тех, кто, по его сведениям, являлся прямым соучастником преступлений Синдоны. Последний был достаточно опытен и предусмотрителен. Поэтому выявить все 500 имен было не реально, но список из 77 фамилий, тех, чья вина была очевидной, Амброзоли составил. Среди них оказались и такие видные финансисты Ватикана, как Массимо Спада и Луиджи Меннини. Он собрал неопровержимые доказательства участия Ватиканского банка во многих преступлениях Синдоны. Надо сказать, что и Синдона пристально следил за всеми действиями Амброзоли. Более того, делал все, чтобы притормозить юриста, который неумоимо и в одиночестве шел по следу. Против судьи выдвигались необоснованные и анонимные обвинения в растрате, которые затем так же анонимно снимались. Тактика воздействия на него менялась в зависимости от обстоятельств. Амброзоли звонил

по телефону зять Синдоны, Пьер Сандро Маньони, предлагая занять пост президента во вновь приобретенном Синдоной банке "и оставить скучное занятие копаться в подробностях давних банкротств чужих банков".

Синдона купил тех, на кого Амброзоли, как он считал, мог полностью положиться. Тот же Маньони мог при желании процитировать сведения из совершенно секретного доклада следователя, к которому имели доступ лишь немногие лица из руководства Банка Италии.

К марту 1979 года Амброзоли назвал точную цифру, выражающую размеры банкротства одного лишь "Банка привата": 257 млрд. лир. Именно с марта начались почти ежедневные анонимные телефонные звонки с угрозами расправы. Голос в трубке говорил по-итальянски с сильным американским акцентом. Угрозы сменялись предложениями крупных денежных сумм в обмен на прекращение расследования. В ответ на очередной отказ вновь угрозы расправы.

Кто же стоял за кампанией "телефонного террора"? "Вам следовало бы отправиться в Соединенные Штаты и повидаться с Синдоной. Обсудили бы по-дружески все вопросы". Амброзоли снова отказался и с того дня начал записывать на магнитофонную пленку все телефонные разговоры. Об анонимных звонках с угрозами он рассказал друзьям и коллегам. Однажды он дал послушать такую запись адвокату Синдоны. Через несколько дней последовал очередной звонок: "Ты что, ублюдок, думаешь нас перехитрил, записывая все разговоры?" Тот адвокат Синдоны позднее признался, что после беседы с Амброзоли тут же позвонил Синдоне в Нью-Йорк.

Десятого апреля 1979 года Синдона решил разделаться еще с одним врагом: настал черед Энрико Кучча, занимавшего пост исполнительного директора инвестиционного "Медиобанка". Синдона имел основания бояться и ненавидеть Кучча. В 1972 году он пытался воспрепятствовать приобретению Синдоной контроля над "Бастоджи", придя к выводу раньше многих, что Синдона — опасный мошенник с манией величия в острой форме.

Встретившись с Синдоной в апреле 1979 года, Кучча укрепился в своих выводах о нем, сделанных почти восемь лет назад. Но в отличие от Амброзоли он не отказался от приглашения приехать в Нью-Йорк, на чем настаивал по телефону тот же анонимный собеседник, говоривший с сильным американским акцентом. Кучча пошел на риск и лично встретился с Синдоной.

Банкир выдвинул ряд безусловных требований: во-первых, Кучча должен добиться аннулирования ордера на арест Синдоны,

выданный итальянскими властями; во-вторых, он должен достать 257 млрд. лир и выкупить "Банка привата"; в-третьих, Кучча должен перевести еще более крупную сумму на счет семьи Синдоны.

В свою очередь Синдона обещал Энрико Кучча сохранить его жизнь. И только.

Во время этой беседы Синдона упомянул имя Амброзоли. "Этот чертов уполномоченный по ликвидации моего банка все время ставит палки в колеса, явно напрашиваясь на то, чтобы его ликвидировали. Так придется и поступить". Типичный язык мафии.

Когда нью-йоркский суд выдвинул против него иск из 99 пунктов, Синдона не изменил себе: пора, решил он, убрать федерального прокурора Джона Кенни, чтобы тем самым прекратить судебный процесс о его выдаче Италии. Тому же будет содействовать и убийство Амброзоли.

На Энрико Кучча подобные доводы не произвели должного впечатления, и он не принял требования Синдоны. В октябре 1979 года у входной двери его квартиры в Милане взорвалась бомба. К счастью, никто не пострадал.

Всем сторонам, так или иначе заинтересованным в исходе предстоящего судебного разбирательства по "делу Синдоны", было совершенно очевидно, что материалы, собранные Джорджо Амброзоли, и его позиция будут иметь решающее значение. 9 июня 1979 года судья Томас Гриеза, который должен был вести судебное разбирательство "дела Синдоны", уведомил Амброзоли, что ему предстоит дать письменные показания под присягой в Милане.

К этому дню потенциальный убийца, которому обещано было 100 тыс. долларов "за голову" Амброзоли, уже целые сутки проживал в миланском отеле "Сплендидо" под именем Роберта Макговерна. В кругу своих он был известен как Билли Головорез. Подлинное его имя — Уильям Арико. Вечером того же дня он ужинал в ресторане фешенебельного отеля в обществе пяти человек, которым предстояло "ассистировать" ему в убийстве. Главными помощниками Арико были его сын Чарльз Арико и Рокки Мессина. В качестве оружия они предпочли автомат "М-11" с глушителем и пять пистолетов типа "П-28". Арико нанял небольшой "фиат" и пустился по следу жертвы.

Следует отметить, что требование, чтобы Амброзоли дал самые полные показания под присягой, было выдвинуто первоначально адвокатами Синдоны. Они надеялись продемонстрировать таким образом всю абсурдность обвинений, выдвинутых

против их клиента в Нью-Йорке. То, что им пришлось узнать утром 9 июня, стало не только жестоким отрезвлением, но и настоящим профессиональным поражением. Группе юристов, нанятых Синдоной и включавшей американских адвокатов, а также двум судебным чиновникам: нью-йоркскому судье Томасу Гриезу и итальянскому судье Джованни Галати — пришлось столкнуться с продуманной и прочной позицией Амброзоли, являвшейся итогом скрупулезного расследования: он собрал и проанализировал более 100 тыс. документов и был готов бескомпромиссно отстаивать правду и свои выводы. В конце первого дня заседаний адвокатов Синдоны трудно было узнать, когда они выходили из здания суда: лица их были бледны и выражали тревогу.

После судебного заседания Джорджо Амброзоли отправился на встречу с ожидавшим его Борисом Джулиано, не подозревая, что за ним по пятам следовал Арико. Борис Джулиано был заместителем начальника полиции Палермо и одновременно руководил городским отделением СИСДЕ. Предмет разговора был тот же — Микеле Синдона. В мае 1978 года в Палермо был убит наемный головорез Джузеппе ди Кристина, услугами которого постоянно пользовались кланы мафии Гамбино, Инцерилло, Спатоли. При трупе были найдены документы, свидетельствовавшие о том, что Синдона через Ватиканский банк переправлял деньги мафии, нажитые на торговле героином, в принадлежавший ему банк "Аминкор" в Швейцарии. Сопоставив факты, полученные обоими независимо друг от друга в ходе расследования, Амброзоли и Джулиано пришли к выводу о преступном характере деятельности банкира. Они условились о следующей встрече после того, как Амброзоли закончит дачу показаний представителям американской юстиции.

В этот день Амброзоли еще раз пришлось вернуться к вопросу о "деле Синдоны": вечером он долго беседовал по телефону с подполковником Антонио Вариско, возглавлявшим службу безопасности Рима. Речь шла о деятельности ложи "П-2", расследованием которой занимался Вариско.

Десятого июля, давая показания, Амброзоли выложил основной козырь. Он подробно, подкрепляя каждый довод соответствующим документом, рассказал о механизме аферы с продажей Кальви "Банка каттолика дель Венето" и о сделке с концерном "Пакетти" между Синдоной и Кальви. Амброзоли сообщил, что Синдона выплатил миланскому банкиру и американскому епископу комиссионные в размере 6,5 процента. 11 июля Амброзоли закончил давать показания, после чего на следующий

день он должен был явиться вновь и подписать окончательный текст, а через неделю предстать перед американскими юристами и адвокатами Микеле Синдоны, у которых были свои вопросы.

Поздно вечером того же дня Амброзоли подъехал к подъезду своего дома. Увидев его из окна, жена обрадованно помахала рукой. Но радость ее была преждевременной: когда Амброзоли взялся за ручку входной двери, из темноты шагнул Арико и еще двое. В темноте прозвучал голос:

— Вы Джорджо Амброзоли?

— Да.

Через секунду четыре пули пронзили его грудь. Смерть была мгновенной.

К 6.00 утра следующего дня Арико был уже в Швейцарии. Со счета Синдоны в принадлежавшем Кальви "Банка дель Готтардо" ровно 100 тыс. долларов были переведены на счет №415851-22-1 на имя Роберта Мекговерна в "Коеди Суис" в Женеве.

В 8.30 утра 13 июля, менее 48 часов спустя после гибели Амброзоли, подполковник Антонио Вариско в белом "БМВ" медленно продвигался по запруженной автомобилями Лунготевере Арнальдо да Брешиа в Риме, беседуя с шофером. С ними поравнялся "фиат-128", из которого показалось дуло обреза. Один за другим раздались четыре выстрела: подполковник Вариско и его шофер были убиты наповал. Час спустя представители "красных бригад" взяли на себя ответственность за это преступление.

Двадцать первого июля 1979 года Борис Джулиано зашел в бар на виа Франческо Паоло ди Бьязи в Палермо выпить свой утренний кофе. Было 8.05 утра. Поставив чашку на стойку, он направился к кассе. Путь ему преградил человек, выпустивший в него шесть пуль. В баре было многолюдно, и полиция не смогла обнаружить преступника. Все произошло мгновенно. В суматохе никто ничего не успел понять.

Пост Джулиано занял Джузеппе Импалломени, член логи "П-2".

Никто не заявил, как обычно для отвода глаз, об ответственности за убийство Амброзоли и Джулиано. Получив в Нью-Йорке известие о том, что Амброзоли нет в живых, Синдона, оплативший услуги убийцы, отреагировал весьма характерным для него образом: "Никто не должен связывать мое имя с трусостью. Я пойду на самые решительные юридические меры и потребую наказания по суду всякого, кто позволит себе даже намекнуть на это".

За два года до этих событий в интервью журналу "Фьорино" он сделал еще более красноречивое заявление. Сказав, что про-

тив него "существует целый заговор", среди главных "злоумышленников" он назвал Амброзоли и добавил: "Я бы посоветовал кое-кому быть осторожней. Я повторяю: многим надо остеречься!"

Но расследование, проведенное Амброзоли и стоившее ему жизни, не пошло прахом. Многочисленные документальные свидетельства, собранные им, а также письменные показания, которые он успел дать, оказались поистине бесценным материалом для обвинительного заключения на суде, который вскоре должен был начаться по "делу Синдоны".

"Миланского банкира и американского епископа", которых упомянул в своих показаниях Амброзоли, не составляло труда идентифицировать: то были Кальви и Марцинкус. Марцинкус сразу же попытался возразить, что никаких комиссионных не получал. Однако все знали, что Амброзоли был не тем человеком, кто бросает слова на ветер. Если же говорить о правдивости заявлений самого епископа, то можно вспомнить, что после "краха Синдоны" он отрицал даже факт знакомства с банкиром.

Кто же выиграл от серии кровавых беспощадных убийств? Для ответа на этот вопрос вновь придется назвать уже знакомые имена: Марцинкус, Кальви, Синдона, Джелли и Ортолани.

В Милане эти убийства вызвали шок во Дворце юстиции, лишив дара речи тех, кто ранее славился красноречием. Те из коллег Амброзоли, которые работали вместе с ним, расследуя преступления Синдоны, вдруг начисто "потеряли" память и не могли припомнить даже самого факта расследования. Судья Лука Муччи, возглавивший следствие после убийства Алессандрини, вел его такими темпами, будто его одолел столбняк.

Из доклада, представленного Банком Италии об итогах расследования деятельности "Банко Амброзиано", был сделан ошеломляющий вывод, будто показания Кальви можно считать удовлетворительными и заслуживающими доверия. По крайней мере таковыми их признала финансовая полиция.

Ответственный сотрудник Банка Италии Падалино, благодаря которому было тщательно проведено расследование деятельности "Банко Амброзиано", все чаще приезжал в Милан, где вел бесконечные беседы с представителями правосудия, напоминавшие скорее допросы. Более того, в разгар лета 1979 года Падалино понял, что миланские законники, по сути, терроризируют и запугивают его. Ему пригрозили, что подадут в суд за клевету в связи с докладом о деятельности "Банко Амброзиано". Так лоя "П-2" под руководством Джелли и банда Синдоны сумели

из правосудия сделать бесправие.

О том, насколько могущественной была ось Кальви — Джелли, достаточно красноречиво говорят события, происшедшие в Никарагуа приблизительно в то же время, когда был убит судья Эмилио Алессандрини, то есть в январе 1979 года. Кальви протянул шупальца своей империи в Манагуа в сентябре 1977 года, открыв там Коммерческий банк группы "Амброзиано". Устав банка провозглашал в качестве программной цели "развитие международных торговых отношений". Истинной задачей была помощь отделению "Банко Амброзиано" в Нассау с целью еще больше запутать следы противозаконных операций с акциями и ценными бумагами, осуществлявшихся головным банком в Милане, в совет директоров которого входил и Марцинкус.

Банк в Никарагуа помогал как можно надежнее скрыть махинации от глаз центральных властей в лице Банка Италии. Но за все нужно платить: Джелли пришлось купить благосклонность диктатора Сомосы. Она была оценена в несколько миллионов долларов. Когда они оказались в руках диктатора, он во всеуслышание заявил, что идея Кальви открыть филиал своего банка в его стране просто великолепна. В придачу Кальви вручили никарагуанский дипломатический паспорт, которым он пользовался до конца жизни.

Микеле Синдона, с помощью наемных убийц сумевший убрать с пути своих врагов в Италии, в конце июля 1979 года решил, что ему пора покинуть Нью-Йорк. Пока нелегально. Кому-нибудь другому тот факт, что он был отпущен из американской тюрьмы под залог в 3 млн. долларов с обязанностью ежедневно являться в полицейский участок, а также то, что на родине он был приговорен к трем с половиной годам тюрьмы, показалось бы серьезным доводом против подобного решения. Но не Синдоне. Его план был предельно прост: с помощью людей из сицилийской и американской мафии он организовал собственное "похищение".

В Италии ему необходимо было быть прежде всего для того, чтобы как можно быстрее заручиться надежной поддержкой влиятельных друзей в преддверии суда над ним в Нью-Йорке. Он не сомневался, что многие на родине ему обязаны до конца жизни, и заключил, что пришла пора получать долги. С этой целью он решил сразу выложить последний козырь: предать гласности "список 500".

В течение десяти лет итальянские власти тщетно пытались проникнуть в тайну этого списка и выяснить имена наиболее крупных подпольных экспортеров капитала. О нем ходили леге-

лды. Но он был реален. И можно не сомневаться, что копиями его располагали Джелли, Синдона и Кальви. Синдона видел в нем могучее средство шантажа, и даже угрозу его публикации он считал вполне разумной мерой для того, чтобы добиться своей реабилитации в Италии. Дальше все, как ему виделось, выстроится удачно для него: судебный приговор будет аннулирован, следовательно, обвинения будут сняты. Так он получит назад свои итальянские банки, а нью-йоркскому суду придется вновь иметь дело с человеком, который с полным основанием сможет утверждать, что стал жертвой злонамеренного заговора, организованного, скорее всего, коммунистами. Самые уважаемые в стране люди станут в один голос возносить "дона Микеле" как невинную жертву, как одного из самых выдающихся в мире банкиров, как олицетворение здорового, незапятнанного и жизнеспособного капитализма. Все это вполне реально, думал Синдона, если с умом воспользоваться приемом, которым владел в совершенстве. Прием этот — шантаж.

Позднее Синдона станет утверждать, что им руководила идея, далекая от узкой корысти, — идея блага родной Сицилии, блага, которое виделось ему в отделении острова от Итальянской Республики с помощью военного переворота и присоединении к США в качестве 51-го штата. Перед таким "подарком" правительство Соединенных Штатов не устоит и примет его в обмен на отказ от обвинений в совершенных им преступлениях. Удивительнее всего то, что Синдона действительно верил в это.

У банкира был еще и такой план: сицилийский преступный клан Гамбино соглашается закрыть свои фабрики по производству героина на Сицилии, прибыли от которых, поступавшие в карманы Гамбино, Инцерилло и Спатоли, итальянские эксперты оценивали как минимум в 600 млн. долларов ежегодно. В качестве вознаграждения за это благодеяние, исполненное любовью мафии к человечеству, клану Гамбино официально предоставят право контроля над торговлей апельсинами, и, кроме того, Розарио Спатоле позволят открыть казино в Палермо.

Как и было задумано, Синдона был "похищен" на Пятой авеню в Нью-Йорке 2 августа 1979 года. Надо было спешить, если он предполагал успеть организовать военный путч на Сицилии с целью отделить ее, а затем предложить родной остров американскому президенту до начала суда над ним, назначенного на 10 сентября того же года. С фальшивым паспортом на имя Джозефа Бонамико (что в переводе с итальянского означает "добрый друг"), в темных очках и седом парике, приклеив усы и

бороду, Синдона, сопровождаемый Антони Карузо, отправился самолетом авиакомпании TWA рейсом 740 в Венту из аэропорта Кеннеди. Так начался фарс, в сценарий которого были включены телефонные звонки с угрозами и требованиями "выкупа" Синдоны, исходившими якобы от "похитителей". Закончился он 16 октября, когда "морально и физически обессиленный" Синдона с простреленным навывлет бедром опустил монету в автомат и набрал номер одного из своих нью-йоркских адвокатов в телефонной будке на углу 42-й улицы и 10-й авеню в Манхэттене.

Поездка подследственного банкира в Европу не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Сицилия так и не стала 51-м штатом США. Многие из его бывших друзей так и остались "бывшими". "Список 500", несмотря на все угрозы, так и не был предан гласности, а самому "великому комбинатору" в скором будущем предстояло отвечать перед судом за все совершенные преступления, к которым прибавились и новые, и весьма тяжкие с точки зрения закона: лжесвидетельство, побег из тюрьмы и организация ложного похищения. Единственным положительным для Синдоны результатом нелегального трансатлантического путешествия оказались 30 млрд. лир, выплаченные Роберто Кальви по настоянию неизменно благожелательного к нему Джелли. Сумма была переведена на счет "Банка дель Готтардо". Считалось, что деньги были выплачены представителю мафии Розарио Спатоле за "освобождение" Синдоны.

Помимо Синдоны, в "похищении" принимали участие Антони Карузо, Джозеф Макалузо, Джонни Гамбино, Розарио и Винченцо Спатола и Джозеф Мичели Крими. Итальянским властям удалось установить, что Розарио Спатола, который обычно проводил дни на территории принадлежавшей ему крупной строительной компании в Палермо, в день исчезновения Синдоны находился в Нью-Йорке. На вопрос о причине неожиданной поездки в США он ответил предельно кратко: "По семейным делам".

Процесс по "делу Синдоны" начался в феврале 1980 года. Все обвинения были связаны с крахом "Фрэнклин нэшнл бэнк". Незадолго до начала суда Ватикан недвусмысленно дал понять, что римско-католическая церковь по-прежнему полностью на стороне своего бывшего финансового консультанта.

Кардиналы Джузеппе Каприо и Серджо Герри, а также епископ Пол Марцинкус, желая помочь банкиру, согласились выступить в качестве свидетелей защиты и дать показания под присягой, которые будут записаны на видеопленку и отправлены в Нью-Йорк. Заинтересованные тем, что же князья церкви скажут

в его оправдание, представители обвинения на процессе не стали возражать против такой необычной процедуры.

Как известно, свидетельские показания даются в зале суда в присутствии судей и присяжных после принесения присяги. Для ватиканских иерархов было сделано исключение. Судья Томас Гриеа согласился с тем, чтобы адвокаты Синдоны отправились в Рим в пятницу 1 февраля. Предполагалось, что адвокаты запишут на пленку показания на следующий день, в субботу, и в понедельник утром предъявят ее суду в Нью-Йорке. Их отчет, подшитый к материалам судебного дела США против Микеле Синдоны, читается как увлекательный детектив.

За четыре часа до того момента, когда трое церковных деятелей должны были быть приведены к присяге, вмешался государственный секретарь Ватикана кардинал Агостино Казароли. Показаний не будет. Это послужит опасным прецедентом. Дело и без того получило ненужную огласку и вызвало досадные комментарии в прессе. Нам остается лишь выразить крайнее сожаление по поводу того, что американское правительство не установило с Ватиканом дипломатических контактов.

В 11.00 утра в субботу секретарь кардинала Герри, монсеньор Бланшар, позвонил в посольство США, чтобы подтвердить, что оба кардинала и епископ Марцинкус приедут в американское посольство, как было условлено, к 16.00. Несколько минут спустя он позвонил вновь и сообщил, что Казароли наложил запрет на визит. Его спросили, что означал звонок за несколько минут до этого. Бланшар не задумываясь ответил, что никакого звонка не было, и сказал, что "американский судья уже поставлен в известность об этом".

Изумленная сотрудница посольства, положив трубку, долго не могла сообразить, как же реагировать на беззастенчивый трюк Ватикана. Она решила дозвониться самому кардиналу Герри. Тот признался, что и сам еще не знает, состоится ли его визит. Герри, Каприо и Марцинкус сначала заверили американских юристов, что их показания будут полны похвал и искреннего восхищения в адрес Синдоны. Сложности начались, когда кардинал Казароли понял, что участие представителей Ватикана в судебном процессе может обернуться для Апостолического престола бесчестьем. В самом деле, если суд США признает Синдону виновным, все три прелата предстанут как безбожные лгуны и лжесвидетели.

Казароли, несомненно, удержал Ватикан от скандала, который вот-вот мог разразиться. Однако американские юристы и

не подозревали, что, поступив подобным образом, кардинал действовал вопреки указанию папы римского. Иоанн Павел II охотно согласился, чтобы прелаты еще раз подтвердили всему миру, как высоко Святой престол ценит Микеле Синдону.

Двадцать седьмого марта 1980 года Микеле Синдона был признан виновным по 65 пунктам обвинения, включая подкуп должностных лиц, мошенничество, преступный сговор, лжесвидетельство, подделку банковских документов, а также использование основного банковского капитала в целях личного обогащения. В ожидании вынесения приговора он был помещен в тюрьму в Манхэттене.

Тринадцатого мая того же года, за два дня до вынесения приговора, он пытался покончить жизнь самоубийством, сделав неглубокие порезы на запястьях и выпив некоторое количество дигиталиса. По совету "великого магистра" ложи "П-2" Джелли, он уже много лет всегда имел при себе этот яд. Подобные указания Джелли дал не только Синдоне, но и всем высокопоставленным "братьям" по ложе как средство против разглашения тайн преступной организации в критический момент. Остается загадкой, как удалось пронести в тюрьму этот смертоносный яд. Синдона уверял, что ампулу он носил защитой в подкладку пиджака уже много лет. Как бы то ни было, но совершенно ясно, что пронести яд в тюрьму куда сложнее, чем в папские апартаменты в сентябре 1978 года.

Доза, принятая Синдоной, оказалась не смертельной. Установив, что заключенный принял дигиталис, врачи ввели противоядие. Синдона пришел в себя и 13 июня 1980 года был приговорен к 25 годам тюремного заключения и штрафу размером в 200 тыс. долларов. Карло Бордони, выступавший на процессе как главный свидетель обвинения, был приговорен к 7 годам тюрьмы и 20 тыс. долларов штрафа. Вслед за тем Синдона был признан виновным в организации собственного "похищения", и к 25 годам заключения добавили еще два с половиной года. Антони Карузо и Джозеф Макалузо были приговорены к 5 годам тюремного заключения каждый как соучастник в организации его "похищения" из тюрьмы.

Пока разворачивались драматические события в Нью-Йорке, по другую сторону Атлантики друзья Синдоны и "братья" по ложе "П-2" Кальви и Джелли, как и прежде, действовали по принципу: бизнес превыше всего. К 1979 году Кальви пришел к мысли, что защищаться надо "со всех сторон". Он нанял восемь личных телохранителей, специальную охрану для обеспечения безопасности семьи и своих резиденций в Милане, Риме и Дрец-

цо, завел бронированные легковые машины "альфа-ромео" с противопулевыми покрышками. Меры, которые профессиональный мошенник и вор принимал для обеспечения безопасности своей особы, обошлись акционерам "Банко Амброзиано" еще в 1 млн. долларов в год. Никто в Италии, включая президента и председателя Совета министров страны, не охранялся с такой тщательностью. Он искал защиты у представителей политических партий буквально всех направлений, стараясь купить их крупными денежными посулами. Он находился под защитой масонов из ложи "П-2", руководимой Джелли, и друзей из мафии. Но их оружие, как всегда, было ненадежным: в любой момент оно могло обернуться против него.

Незаконно приобретенные акции "Банко Амброзиано" были надежно упрятаны при помощи панамских компаний, находясь вне досягаемости правительственных ревизоров из Банка Италии. Но тревога не оставляла Кальви. Он предчувствовал, что правда рано или поздно всплывет.

Вначале для сокрытия преступных сделок использовался филиал "Амброзиано" в Нассау. Когда же расследование Банка Италии подошло к тому, чтобы раскрыть тайный механизм преступлений, Кальви сделал основную ставку на отделение в Никарагуа. Затем в 1979 году он решил переместить центр своей активности в Перу. 11 октября 1979 года он начал операции "Банко Амброзиано Андино" в Лиме. Основная часть займов, предоставленных подставным панамским и лихтенштейнским компаниям, была переведена в перуанский филиал. Эти карликовые компании, номинальный капитал которых часто не превышал 10 тыс. долларов, росли как грибы после дождя. Очень скоро число их превысило 17. Большая их часть принадлежала люксембургской компании "Маник", владельцем которой был Ватикан.

Если бы крупнейшие в мире банки, которые в течение многих лет наперебой спешили предоставлять ссуды по первой просьбе Кальви, соблюдали элементарную осторожность, банкир-мошенник был бы разоблачен задолго до своего бесславного конца.

Доклад, подготовленный в 1978 году Банком Италии о деятельности "Банко Амброзиано", был секретным, доступным лишь для узкого круга лиц. Таким он оставался и в 1981 году, когда попал в руки автора книги. Напрашивался вполне логичный вывод, что если его мог заполучить журналист, то такие киты международного финансового сообщества, как банки "Нэшнл Вестминстер", "Ллойдз", "Мидлэнд", да и 250 других, разбро-

санных по всему миру и также пострадавших в результате мошенничества Кальви, без труда могли бы познакомиться с ним. И тем не менее они дали себя обмануть, поверив фальшивым счетам, которые им показывал Кальви. Верили они и его устным заверениям, будто колоссальные ссуды, которые он просил, предназначались для финансирования итальянского экспорта. Получается, что никто не потрудился проверить голословные утверждения афериста. Сам факт, что ни один из международных банков, которые в совокупности "одолжили" Кальви 450 долларов, не удосужился проявить элементарную деловую бдительность, является проявлением либо непростительной небрежности, либо злого умысла, что тоже бывает свойственно практике крупных международных банков. При этом они предоставляли кредиты не одному из международных банков, а рядовой холдинговой компании "Банко Амброзиано холдингз" со штаб-квартирой в Люксембурге, чью деятельность не гарантировал ни один из центральных банков. Те, кто входил в административные советы этих банков, в полной мере ответственны перед законом и перед теми вкладчиками, деньги которых попросту клали в свой карман Кальви и ему подобные.

Компания под названием "Беллатрикс" находилась под контролем Марцинкуса, хотя создана была троицей "масонских братьев" — Джелли, Ортолани и Бруно Тассан Дином, директором-управляющим и финансовым стратегом гигантского издательского концерна "Риццоли". Эти каналы масоны использовали, чтобы получить от "Банко Амброзиано" 184 млн. долларов. И как это могло быть, если основной капитал компании "Беллатрикс" составлял всего лишь 10 тыс. долларов? Крупная ссуда была гарантирована, и то лишь формально, пакетом акций "Риццоли". Другая панамская компания, "Астольфин", принадлежавшая Ватикану, при капитале в 10 тыс. долларов смогла покрыть долг в 486 млн. долларов, располагая в качестве гарантий лишь акциями "Банко Амброзиано", номинальная цена которых также была намного завышена. ЭНИ решила вдруг ссужать Кальви крупные суммы. С чего вдруг гигантская, причем государственная, а не частная нефтяная компания взяла на себя роль банка и открыла кредит "Банко Амброзиано", вместо того чтобы, как и следует ей по логике вещей, самой получать банковский кредит? Все становится понятным, если учесть, что председатель административного совета ЭНИ Джорджо Маццанти и глава финансового отдела Леонардо ди Донна — члены логи "П-2". Поведение руководителей многих других крупнейших компаний, которые позволили Кальви провести себя, давая ему

миллионы долларов, и сегодня вызывает недоумение, поскольку их имен нет среди выявленных членов "П-2".

Если ныне какой-нибудь житель Лондона, Сиднея, Парижа, Нью-Йорка, Копенгагена, Токио или Оттавы проявляет недовольство по поводу возросших учетных ставок в банке, услугами которого он привык пользоваться, то он не знает, что виновниками этого были и остаются такие, как покойный Кальви или и поныне скрывающийся от правосудия Джелли. К ним следует присовокупить и Ватикан! Платя все возрастающие проценты, беря ссуду, эти несведущие люди просто помогают восполнить то, что у них же и украли.

Неопровержимые свидетельства относительно того, что таинственные панамские компании принадлежат именно Ватикану, следует искать в событиях, относящихся к 1971 году, когда Кальви и Синдона ввели Марцинкуса в состав административного совета главного иностранного филиала "Банко Амброзиано" в Нассау.

К концу 1979 года было установлено, что совокупный долг фиктивных панамских компаний, принадлежавших Ватикану и находившихся под контролем Кальви, превысил 500 млн. долларов. Однако финансовые прожекты Синдоны не удалось тогда реализовать, ибо действовали еще факторы, которые не были подвластны таким, как Кальви.

В январе 1980 года открыл свои двери южноамериканский филиал "Банко Амброзиано" в Буэнос-Айресе. Собственно, никаких или почти никаких банковских операций в обычном смысле слова он не производил. Целью его создания было, по замыслам Кальви, совсем иное: финансировать покупку аргентинским режимом ракет "Экскосет", а также открыть кредит латиноамериканским реакционным хунтам для закупок оружия.

В июле того же года судья Лука Муччи счел, что позиция, которую заняла итальянская финансовая полиция, ознакомившись с докладом, подготовленным в 1978 году ревизорами из Банка Италии, была слишком мягкой. Собранные факты вполне позволяли запретить Кальви покидать пределы страны и предупредить его о том, что готовится судебное дело. Иными словами, страж закона если не выступал решительно, то по крайней мере склонялся к тому, чтобы верх одержало правосудие. Тем не менее с легкой руки Джелли власти вернули Кальви заграничный паспорт. "Великий магистр" не проявил подобной готовности вмешаться, когда был арестован по обвинению в причастности к "краху Синдоны" Массимо Спада, бывший административный секретарь ИРД, занимавший также пост председа-

ля административного совета "Банка каттолика дель Венето". Вскоре были надеты наручники на запястья, хотя и ненадолго, Луиджи Меннини, по-прежнему служившему в Ватиканском банке. Ему были предъявлены аналогичные обвинения.

Кальви все больше запутывался. Последней его надеждой был епископ Марцинкус. Условия игры становились жестче, и без постоянного содействия Ватиканского банка продолжать ее не смог бы даже Кальви. Собственно, так оно было и раньше. Но прежде давление на Ватикан было слабым. Теперь же, с арестом Меннини, оно резко усилилось. Кальви начал серьезно опасаться, что в новой ситуации, несмотря на те огромные суммы, которые он отчислял Марцинкусу, делец в сутане вскоре перестанет его поддерживать, и он, Кальви, окажется без всякой опоры и прикрытия. А это означало бы крах.

В начале 1981 года министр финансов Италии Беньямино Андреатта решил, что Ватикан должен немедленно порвать отношения с "Банко Амброзиано". Вывод министра основывался на тщательном изучении того же доклада комиссии Банка Италии, подготовленного в 1978 году. Министр сделал попытку спасти престиж церкви. С этой целью он провел длительную беседу в Ватикане с кардиналом Казароли, стараясь обрисовать ситуацию во всей ее сложности и призывая Ватикан срочно прекратить все отношения с "Банко Амброзиано", пока не поздно. Его советом пренебрегли. Марцинкус заявит впоследствии, что ничего не знал об этой встрече. Так или иначе, правоверный католик Андреатта знал все до деталей. Он не мог не понимать, что Ватикан уже не в состоянии порвать порочащих его связей хотя бы потому, что ИРД не просто сотрудничал с "Банко Амброзиано", а фактически владел им. Через панамские и лихтенштейнские компании Ватиканский банк приобрел в общей сложности 16 процентов его акций; остальные 84 процента были разпылены среди сотен мелких акционеров. Это практически обеспечивало контроль над "Амброзиано".

В полдень 2 марта 1981 года Ватикан распространил документ, озадачивший многих. В нем напоминалось без какого-либо пояснения, что, согласно нормам канонического права, участие католиков в каких-либо масонских организациях строго запрещается под страхом отлучения. Почему это напоминание было сделано именно сейчас, в марте 1981 года? Ведь такой запрет существовал с 1738 года. Ответ не заставил ждать и убедил многих, что разведка Ватикана работает отнюдь не хуже, чем разведывательная служба Джелли. Документ, содержавший строгое предостережение католикам, вступившим в ложу "П-2",

не объяснял и не давал советов относительно того, каким именно образом их имена должны исчезнуть из списков логи, прежде чем они окажутся в руках итальянских властей. Для масона Кальви ситуация приобрела роковой характер.

Когда публичное разоблачение все же грянуло, то причиной этого, по иронии судьбы, стала именно тесная связь Кальви с его патроном Личо Джелли. В 1981 году судебные власти Италии все еще пытались выяснить подробности самопохищения Синдоны. 17 марта полиция нагрянула на роскошную виллу в Ареццо, а также в контору принадлежавшей Джелли текстильной фабрики в Джиро-Ле. Целью рейда было нащупать связь между Джелли и "похищением" Синдоны. То, что было обнаружено, превзошло все ожидания. В сейфе Джелли был обнаружен список 962 членов логи "П-2". Там же были найдены многочисленные досье и совершенно секретные правительственные отчеты.

Список членов логи "П-2" подобен знаменитым справочникам "Кто есть кто". Широко представлены в нем высокопоставленные военные руководители. "Братями" по ложе оказались более 50 генералов и адмиралов. Далее следовали имена двух министров, за ними — известные издатели, журналисты (включая главного редактора газеты "Коррьере делла sera" и его заместителя), видные промышленники, банкиры, представители секретных служб, офицеры полиции, 36 членов парламента, ученые мужи, звезды кино и эстрады. Прямо государство в государстве, если судить по влиятельности и известности членов этого списка!

В течение многих лет слышались предостережения, что Джелли готовится захватить власть в Италии. На самом деле он уже имел власть, творя то, что замыслил, и подчинял тех, кого хотел. И тем не менее ему пришлось бежать в Южную Америку, кстати, и здесь сказалась сила его власти: полицейская операция с целью его ареста готовилась, казалось бы, в обстановке полной секретности, но в Италии, как выяснилось, от Джелли секретов не было.

Масштабы разразившегося вслед за этими разоблачениями скандала хорошо известны: правительство вынуждено было подать в отставку. Взрыв общественного негодования дал новый импульс следствию по делу Кальви. Вместо судьи Муччи был назначен Джерардо д'Амброзио.

Прошло несколько лет после убийства Эмилио Алессандрини, то были годы необъяснимых и скрытых проволочек. Наконец после назначения нового судьи, ведущего расследование и располагавшего компрометирующими документами, найден-

ными на вилле Джелли полицией, Кальви оказался за решеткой.

Ватикан по-прежнему хранил гробовое молчание, демонстративно давая понять, что все его внимание целиком поглощено происшедшим за неделю до ареста Кальви покушением Мехмеда Али Агджи на папу Иоанна Павла II.

Пока весь католический мир молился за скорейшее выздоровление папы, Роберто Кальви в своей камере был занят более насущным делом: как ему спастись? С помощью родственников он усиливал давление на Марцинкуса, пытаясь добиться от епископа публичного признания того, что в течение многих лет они тесно сотрудничали.

После неоднократных и тщетных попыток дозвониться до Марцинкуса сыну Роберта Кальви, Карло, наконец повезло. Он стал умолять Марцинкуса поступить благородно и проявить милосердие, ибо положение отца значительно облегчилось бы в случае признания Ватиканом сотрудничества с ним. И действительно, большая часть совместных операций производилась через принадлежавший Кальви "Банка дель Готтардо", расположенный в Лугано (Швейцария). Но этот банк не мог предоставить никакой информации по причине чрезвычайной строгости швейцарских законов, стоящих на страже тайны банковских вкладов. Но ИРД вполне мог предоставить необходимые для Кальви сведения.

Однако Марцинкус был вовсе не склонен делить ответственность с Кальви, и его сыну он ответил: "Если я поступлю так, как вы хотите, то пострадает не только репутация ИРД и Ватикана, но в равной степени и вы, ибо наши и ваши проблемы давно уже неразделимы".

Епископ был по-своему прав. Оба банка были нерасторжимо связаны на протяжении ряда лет. Но признать правду означало бы навлечь на Ватикан ярость и гнев Италии. Суть дела для Марцинкуса сводилась к тому, чтобы оставить Кальви на милость правосудия и молить бога о том, чтобы его теснейшее сотрудничество с Ватиканом не всплыло наружу.

Естественно, Марцинкус избрал именно этот вариант действия. На решение повлияло, видимо, прежде всего соображение, что, несмотря на вереницу совершенных Кальви преступлений, пока ему инкриминировались лишь два: продажа принадлежавших ему акций компании "Торо" и банка "Кредито Варезино" по преднамеренно заниженным ценам, что подразумевало нелегальный экспорт валюты из Италии, наносивший ущерб и без того больной экономике страны. По мнению суда, этого было вполне достаточно, чтобы осудить Кальви. Марцинкус

решил, что если поднимать как можно меньше шума, то дело обойдется и все можно будет продолжать по-прежнему, как только утихнут страсти. Кальви же, находясь в тюрьме, не хотел соглашаться с такой постановкой вопроса. Он продолжал руководить "Банком Амброзиано" неслабеющей рукой в наручниках, что изумляло банкиров во всем мире.

Седьмого июля итальянское правительство выдвинуло против Синдоны обвинение в организации убийства Джорджо Амброзоли. Кальви, узнав об этом, пытался покончить с собой, выпив пригоршню таблеток снотворного и вскрыв себе вены. Но не удалось. Позднее он объяснял попытку самоубийства "приступом отчаяния, ибо и тени справедливости нет во всем, что чинит так называемое правосудие против меня. Я уже не говорю о предстоящем суде надо мной!" Если бы он действительно решил отдать богу душу, то выпил бы ту порцию дигиталиса, которую рекомендовал в таких случаях Джелли своим доверенным лицам. Достаточно было только организовать доставку яда в тюрьму.

Двадцатого июля Кальви был приговорен к четырем годам тюрьмы и уплате штрафа в размере 16 млрд. лир. Адвокаты тут же подали апелляцию, и Кальви был отпущен из тюрьмы под залог. Неделью спустя на заседании административного совета "Банко Амброзиано" он был единодушно избран председателем. Больше того, избравшие его встали и устроили овацию. В очередной раз выдавшие виды банкиры развели руками. Ложа "П-2" оставалась реальной и действенной силой. На Банк Италии метаморфозы с Кальви произвели большое впечатление. Старое было забыто. Неслыханно: итальянское правительство даже не пыталось прекратить бездарный спектакль и не препятствовало тому, что человек, приговоренный к тюремному заключению за совершенные финансовые преступления, остался во главе одного из крупнейших банков страны.

Не радовался только один банкир — главный управляющий "Банко Амброзиано" Роберто Розоне. Он потребовал, чтобы Банк Италии санкционировал смещение Кальви с поста председателя административного совета и восстановил на этом посту Руджеро Мощану. Однако руководство Банка Италии под давлением ложи "П-2" и политического веса, который снова приобрел Кальви, отказалось вмешиваться.

Однако угроза финансовой империи Кальви шла со стороны Перу и Никарагуа. И вновь Кальви необходим был Марцинкус. Епископ отказался помочь банкиру в ходе официального судебного разбирательства в Италии, но готов был сделать все, что в

его силах, лишь бы их совместные махинации не всплыли наружу. В то время, когда суд над Кальви еще продолжался, Ватикан официально сообщил, что папа Иоанн Павел II назначил комиссию из 15 кардиналов для изучения состояния финансов римской католической церкви. Эта мера была направлена в конечном итоге на поиски путей и возможностей увеличения прибылей Святого престола.

Епископ Пол Марцинкус официально не был включен в состав комиссии, но он не сомневался, что как президент самого могущественного финансового учреждения Ватикана может и должен сыграть решающую роль в выработке новой финансовой политики.

В обстановке сугубой секретности он неоднократно встречался с Кальви. В результате Ватикан официально признал свой долг на сумму в 1 млрд. долларов. Именно эту сумму ИРД задолжал Кальви в Перу и Никарагуа вследствие того, что щедро предоставлял ссуды на миллионы долларов по указанию того же Кальви многочисленным карликовым банкам, Перу и Никарагуа, которые Кальви воспринимал как филиалы своей финансовой империи, объявили, что обеспечение, предоставленное банкиром под его колоссальные займы, считают ничтожным. Перу и Никарагуа предпочли бы более надежное обеспечение. Кто заплатит, если Кальви станет банкротом? Волноваться было из-за чего: только джентльмены из Перу в общей сложности одолжили 900 млн. долларов.

Именно тогда, в августе 1981 года, Кальви и Марцинкус осуществили самую масштабную из своих махинаций. Позднее она получила известность как сделка под названием "письма утешения". Вряд ли, однако, они в действительности смогли утешить римскую католическую церковь или укрепить в вере тех, кто сомневался в кристальной честности Ватикана. Письма были написаны на бланке Института религиозных дел и датированы 1 сентября 1981 года. Адресатом был "Банко Амброзиано Андино" в Лиме, то есть перуанский филиал банка Кальви, а также его никарагуанское отделение. По указанию Марцинкуса их подписали Луиджи Меннини и Пеллигрино де Стробель. Письма гласили:

"Господа,

Настоящим подтверждаем, что в сфере нашего прямого или косвенного контроля находятся следующие компании:

"Манник А/О", Люксембург;

"Астольфин А/О", Панама;

"Нордойроп истэблишмент", Лихтенштейн;

"Юнайтед трейдинг корпорейшн" (ЮТК), Панама;

"Эрин А/О", Панама;

"А/О Беллатрикс", Панама;

"А/О Бельроза", Панама;

"А/О Старфильд", Панама.

Доводим также до Вашего сведения, что нам известно о существующей задолженности компаний по отношению к Вам, которая составляет на 10 июня 1981 года в соответствии с прилагаемыми счетами ...". Далее прилагались счета, из которых следовало, что лишь перуанскому филиалу "задолжали" 907 млн. долларов.

Члены административных советов перуанского и никарагуанского филиалов испытали чувство облегчения, получив письма, поскольку рассматривали это как официальное признание своих долгов Ватиканским банком: слово святой римской католической церкви представлялось им солидной гарантией. Однако было одно обстоятельство, о котором латиноамериканские банкиры и не подозревали. Дело в том, что существовало еще одно письмо, на этот раз адресованное ИРД и подписанное Роберто Кальви, датированное 27 августа 1981 года, то есть полученное Марцинкусом до того, как "письма утешения" были отправлены в Лиму и Манагуа.

Послание Кальви содержало требование о том, чтобы ИРД направил "письма утешения" с признанием долгов и, главное, того факта, что компании в Люксембурге, Лихтенштейне и Панама принадлежат Ватикану. Такое признание, заверял Кальви, "не повлечет для ИРД принятия на себя долговых обязательств". Письмо завершалось фразой, что в любом случае Ватиканский банк не понесет никаких убытков. Иными словами, Кальви давал понять, что на деле освобождает ИРД от тех долгов, которые просит признать на бумаге.

Но для того, чтобы письмо Кальви приобрело юридический вес, его содержание должно было быть доведено до сведения руководства отделений "Банко Амброзиано" в Лиме и Манагуа, а достигнутая между Марцинкусом и Кальви договоренность одобрена большинством членов административного совета головного банка в Милане. Больше того, договоренность не могла считаться действительной без того, чтобы содержание писем было сообщено всем акционерам "Банко Амброзиано", включая сотни мелких пайщиков, живущих в Милане и его окрестностях.

Иными словами, выясняется, что сделка между Кальви и Марцинкусом представляет собой не что иное, как вопиющее

злостное мошенничество. Волей судьбы оно совпало по времени с третьей годовщиной избрания Альбино Лучани папой. Лучани, неизменно боровшийся с коррупцией вокруг Святого престола, волей кардиналов уступил трон Иоанну Павлу II, полностью одобрявшему деятельность Марцинкуса.

Печальные совпадения не закончились: 28 сентября 1981 года, то есть ровно три года спустя после смерти Лучани, папа назначил Марцинкуса заместителем председателя Папской комиссии государства-города Ватикан, что возвело его практически в ранг губернатора Ватикана. За ним сохранялся пост главы ИРД, а новое назначение являлось повышением в церковной табели о рангах.

Неустанно демонстрируя новому папе, по происхождению поляку, что проблемы его родины, и прежде всего финансовые, весьма близки ему, Марцинкус, литовец по происхождению, скоро сблизился с Войтылой, исполняя функции личного телохранителя во время заграничных путешествий понтифика. В лице папы американский прелат получил мощную опору и защиту, о чем любому ватиканскому иерарху оставалось лишь мечтать. Синдона, Кальви и им подобные, как теперь заявлял Ватикан, оказались просто бесчестными обманщиками, которые легко провели наивных и доверчивых святых отцов. Такой поворот дела ставит перед альтернативой: либо Марцинкус лгал и скрывал правду от Войтылы с самого начала, либо самому папе тоже могут быть предъявлены претензии.

В то время как Войтыла разъезжал по всему миру, поучая свою паству в духе, что муж, с вожделением глядящий на жену, тем самым прелюбодействует в сердце своем, Марцинкус был целиком поглощен мыслью, как привлечь к финансовым делам Ватикана крупнейших в мире банкиров.

Правление Кароля Войтылы совпало с периодом, когда безбожник Джелли обретал власть над людьми через масонство. Проживая в Монтевидео, он поддерживал постоянный контакт с Кальви, ибо для "великого магистра" банкир был не просто одной из фигур театра масонских марионеток, а курицей, несущей золотые яйца. Он нередко звонил Кальви на виллу в Дреццо, пользуясь номером, который, как позже подтвердили жена и дочь Кальви, был известен лишь Джелли и Ортолани. Джелли никогда не называл себя, если трубку снимал не Кальви. Всем остальным он представлялся как Лучани.

Почему начиная именно с 1978 года, с года смерти Альбино Лучани, главарь подрывной масонской ложи называет его имя как пароль? Не есть ли это напоминание о событии, одна мысль

о котором, даже без прямой угрозы шантажа, заставляла Кальви переводить любые суммы на счета Джелли по первому требованию? Так, без лишних слов, большие деньги продолжали поступать в сейфы Джелли.

До самой смерти Кальви расплачивался с ним. Законы масонства беспощадны. Даже когда "великий магистр" находился в бегах и скрывался в Южной Америке, вряд ли представляя ценность для Кальви в качестве защитника и опоры, и тогда при одном упоминании имени Лучани миллионы долларов текли к Джелли. Сам Кальви подсчитал, что Джелли и Ортолани "стоили" ему 500 млн. долларов каждый.

За несколько месяцев до скандала вокруг ложи "П-2", глава которой еще находился в Италии, Кальви попытался порвать с ним все связи. Почему он стал избегать телефонных звонков Джелли, просить домашних не подзывать его к телефону и отвечать, что он болен или уехал? По словам родных Кальви, Джелли обладал загадочной и магической властью над циничным банкиром. Что за тайна, при одной мысли о которой банкир просьшался по ночам в холодном поту?

Власть Джелли над Кальви сохранялась до самой смерти последнего. Он безропотно выполнял все его указания. Например, в конце 1981 года по просьбе Кальви, уверенного, что такой жест послужит поднятию престижа "Банко Амброзиано" и поможет вернуть сильно пошатнувшийся авторитет, в административный совет банка в качестве одного из заместителей председателя был введен Карло де Бенедетти — член руководства всемирно известной итальянской фирмы "Оливетти". Эта новость, настигшая Джелли и Ортолани уже в Уругвае, привела их в ужас, ибо честный и неподкупный человек в руководстве банка был им вовсе ни к чему. На вилле в Ареццо раздался телефонный звонок и в трубке прозвучало: "Говорит Лучани". И Кальви, только что упросивший де Бенедетти войти в руководство своего банка, стал делать все, чтобы выжить его. "Вы должны быть максимально осторожны, — сказал он вскоре де Бенедетти, — ибо мне стало доподлинно известно, что ложа "П-2" готовит на вас досье. Еще раз умоляю, будьте максимально осторожны!" Менее чем через месяц де Бенедетти вышел из руководства банка.

Тем временем группа мелких акционеров "Банко Амброзиано" из Милана подала пространную жалобу Иоанну Павлу II. К письму прилагался длинный перечень документов, подтверждающих обоснованность претензий. Это письмо, датированное 12 января 1982 года, должно было стать серьезным предупреждением Святому престолу: в нем аргументированно разоблача-

лись махинации руководства банка. В письме указывалось на существование преступного альянса между Марцинкусом, Кальви, Джелли и Ортолани, а также выражалось сожаление по поводу того, что объединение в прошлом столь солидного католического "Банко Амброзиано" и главного финансового учреждения Ватикана — ИРД — породило такое сатанинское детище. В послании, в частности, указывалось: "Неверно мнение, будто ИРД является лишь крупным акционером "Банко Амброзиано". ИРД давно уже стал партнером и соучастником Роберто Кальви. Сегодня, после разоблачений, сделанных судебными органами, уже очевиден тот факт, что Кальви направляет сложные и запутанные отношения между такими богомерзкими учреждениями, как франкмасонская ложа "П-2" и итальянская мафия. И это стало возможным с помощью таких людей, выпестованных Ватиканом и облеченных его доверием, как Ортолани, осуществляющим связь Ватикана с могущественным международным преступным подпольем.

Оставаться партнером Кальви — значит участвовать в преступлениях Джелли и Ортолани, поскольку он полностью послушен их воле. Следовательно, Ватикан, нравится ему это или нет, через свое сотрудничество с Кальви стал партнером Джелли и Ортолани".

Письмо содержало просьбу к папе помочь и наставить. Миланцы считали свое послание столь важным, что, хотя папа говорит на многих языках, включая итальянский, перевели его на польский язык и сделали все, чтобы оно, минуя цензуру курии и преемника Вийо на посту государственного секретаря, кардинала Казароли, попало непосредственно в руки Иоанна Павла II. И тем не менее послание осталось без ответа. Миланских акционеров не удостоили традиционного в подобных случаях официального уведомления.

Кальви знал о существовании письма, а также о том, что до отправки с ним ознакомился и одобрил главный управляющий его банка и заместитель председателя совета директоров Роберто Розоне. Банкир даже обсуждал с "братом" по ложе "П-2" Флавио Карбони возможные последствия начатой против Кальви кампании.

У Карбони были обширные связи. Они включали, в частности, двух главарей римского преступного мира: Данило Аббручати и Эрнесто Диотавелли.

Утром 27 апреля 1982 года Розоне вышел из дверей своей квартиры около восьми утра. К счастью, Розоне жил в том же здании, где располагалось одно из миланских отделений "Банко

Амброзиано": оно тщательно и круглосуточно охранялось. Стоило Розоне ступить на тротуар, как к нему метнулся незнакомец и открыл огонь из автомата, успев ранить Розоне лишь в ноги, ибо в тот же момент по убийце открыл огонь охранник. Бандит упал замертво. Им оказался Данило Аббручати.

На следующий день после покушения, 28 апреля, Карбони выплатил оставшемуся в живых "коллеге" Аббручати по подпольному синдикату обещанные 530 тыс. долларов. Задание не выполнили, но Кальви всегда платил долги, правда деньгами, которые ему не принадлежали.

Сам же Кальви, организовавший преступление, не отходит от постели тяжелораненого Розоне, усыпав больничную палату цветами. "Мадонна! Отвратительный, сумасшедший мир! Они хотят запугать нас, Роберто, чтобы самим наложить лапу на банковскую группу, цена которой ни много ни мало 20 млрд. лир", — выкрикивал он с напусковой яростью.

В мае 1982 года петля все туже затягивалась вокруг шеи Кальви. "Консоб" — контрольное агентство миланской фондовой биржи — наконец заставило внести принадлежавшие Кальви акции в официальный список, что неминуемо повлекло бы за собой ревизию отчетности его банка.

Жена Кальви, Клара, в своих показаниях под присягой заявила, что незадолго до этого, во время аудиенции у папы Иоанна Павла II, Кальви поднял вопрос о пресловутом миллиардном долге Ватикана, которым Святой престол в значительной степени был обязан мошенничеству Кальви, Джелли, Ортолани и Марцинкуса. Папа при этом, по утверждениям сеньоры Кальви, сказал ее мужу: "Если вы освободите Ватикан от этого долга, получите полный контроль над восстановлением наших финансов".

Если эта история правдива, то напрашивается вывод, что Его святейшество молится тому же кумиру, что и Кальви, — бизнесу. Судя по всему, папа и банкир Кальви к тому времени были не единственными, кто ощутил беспокойство по поводу судьбы тех миллионов долларов, которые были вложены в заокеанские компании Ватикана.

Интересовался ими и Банк Италии, направивший 31 мая официальное письмо Кальви и членам административного совета его банка в Милане с просьбой безотлагательно дать полный отчет об иностранных кредитах, предоставленных группой "Банко Амброзиано". Совет директоров пошел наперекор Кальви и против его воли, 11 голосами против 3 высказался за выполнение указания центрального банка страны.

Личо Джелли, нелегально вернувшийся из Аргентины на родину, также предъявил Кальви свои требования. Он, пытаясь в сложной ситуации завоевать расположение аргентинского правительства, решил задобрить его покупкой новой партии ракет "Экскосет" в самый разгар фолклендского кризиса. Учитывая, что все авуары Аргентины за рубежом оказались замороженными, вступило в силу эмбарго на продажу ей оружия. Джелли был вынужден обратиться за помощью к подпольным торговцам, которые сомневались, сможет ли он оплатить такую покупку. Он обещал выплатить по 4 млн. долларов за каждую ракету, причем купить не менее двадцати. Сделка была весьма выгодной для поставщиков, учитывая, что цена предлагалась в шесть раз выше официальной. Только вот заплатит ли Джелли?

Торговцы оружием неоднократно и раньше заключали с ним крупные сделки. В частности, на покупку радиолокационного оборудования, бомбардировщиков, больших партий стрелкового оружия, танков и ракет того же типа. Но тут речь шла о 80 млн. долларов, и "товар" требовался срочно: война на Фолклендах вступила в решающую фазу.

Так на голову Кальви одновременно свалилась целая куча трудных проблем: просьба Его святейшества погасить миллиардный долг, требования клиентов из числа мафии, раздраженные акционеры его банка, ищейки с миланской биржи, внезапно взбунтовавшийся совет директоров, незадачливый убийца, преуспевший только в том, чтобы самому отправиться на тот свет, да еще Джелли с его обычной просьбой.

Кальви видел только два пути спасения: либо Ватикан поможет заткнуть все увеличивающуюся дыру в бюджете его банка, либо Джелли снова продемонстрирует, что по-прежнему является истинным правителем Италии. Кальви поделился своими сомнениями с Флавио Карбони, который уже давно стал записывать на магнитофонную пленку все их беседы.

Из его рассуждений следовало, что Ватикан обязательно придет на помощь в силу двух соображений: во-первых, потому, что немалая часть недостающих миллионов осела в ИРД, а во-вторых, "Банко Амброзиано" был связан со Святым престолом юридическими обязательствами. Кальви, в частности, заметил: "Ватикан должен подтвердить верность своим обязательствам, продав хотя бы часть имущества, находящегося под контролем ИРД. А это колоссальный капитал, думаю, около 10 млрд. долларов. Если удастся хоть что-то отхватить от этого пирога, "Банко Амброзиано" будет спасен".

Если уж кто-нибудь из мирян на свете и знал, сколько "сто-

ит" Ватикан, то это, конечно, Роберто Кальви. Он имел свободный доступ практически ко всем финансовым секретам Святого престола, ибо на протяжении более десяти лет именно к нему Ватикан обращался всякий раз, когда испытывал потребность в финансовой помощи и совете. Уже отмечалось, что к тому времени, когда папский престол занял Лучани, состояние обоих отделений Управления имуществом Святого престола и Ватиканского банка составляло около 3 млрд. долларов. Теперь же, в начале 1982 года, отнюдь не склонный к преувеличениям Роберто Кальви назвал цифру в 10 млрд., и это только применительно к ИРД.

Не приходится сомневаться, что в 1982 году тот, кого называли "банкиром господ", также тонул в море свалившихся на него проблем. Справедливее было бы назвать "мошенником господ" того, кто безбожно крал миллионы от имени Ватикана и тайного "масонского братства". Известно, что с конца 60-х годов только одного человека называли "банкиром господ" — архиепископа Пола Марцинкуса.

Несмотря на все проблемы и трудности, из которых лишь небольшая часть была в тот момент известна автору книги, Роберто Кальви сохранял поначалу олимпийское спокойствие, когда автор интервьюировал его по телефону вечером 9 июня 1982 года. Интервью было организовано посредником, которому банкир полностью доверял. Для обсуждения был намечен довольно широкий круг проблем. Прежде всего автор поставил ряд вопросов, касающихся, в частности, подробностей приобретения Марцинкусом "Банка каттолика дель Венето". Банкира предупредили, что я пишу книгу о Ватикане, и при упоминании о венецианском банке он тут же спросил, какова основная тема книги. "Это книга о жизни папы Иоанна Павла I, о папе Лучани", — ответил я.

Тут с моим собеседником стало происходить нечто странное. Мгновенно улетучились респектабельное спокойствие и привычное достоинство. Их сменил неистовый поток крайне эмоциональных восклицаний в мой адрес. Голос звучал взволнованно. Мой переводчик едва поспевал переводить не контролируемый разумом поток слов. "Кто навел вас на мой след? Кто посоветовал вам заняться этим делом? И всегда должен платить я, всегда я! Откуда вы знаете Джелли? Чего вы хотите? Сколько вы хотите?"

Напрасно я пытался уверять, что никогда и в глаза не видел Джелли. Кальви меня не слышал: "Кто бы вы ни были, никакой книги вы не напишите. Я ничего больше не могу вам сказать. И не смейте мне больше звонить, никогда! Понятно?"

Восемь дней спустя тело банкира Роберто Кальви нашли висевшим под мостом "Черных братьев" в лондонском Сити.

Еще через несколько дней зияющая финансовая пробоина была обнаружена в бюджете миланского "Банко Амброзиано". Для того чтобы ее заделать, понадобилось бы не менее 1,3 млрд. долларов.

Целью предпринятого мною расследования была совсем другая смерть — смерть Альбино Лучани. Смерть насильственная, в чем я не сомневаюсь, как не сомневаюсь и в том, что в центре заговора был кто-то из них: Вийо, Кальви, Марцинкус, Синдона, Джелли, Коуди. Прежде чем вынести окончательный приговор, предлагаю тебе, читатель, еще раз рассмотреть их всех 'с близкого расстояния'.

Кардинал Жан Вийо, которого Лучани собирался сместить, остался на своем посту после избрания папой Войтылы, сохранив за собой все ключевые позиции во многих важнейших сферах Ватикана, в частности в его "финансовом сердце" — в Управлении имуществом. Именно это управление содействовало созданию альянса между Синдоной и Святым престолом. Архиепископа Марцинкуса много раз упрекали за то, что он открыл Бронзовые врата для Синдоны. Но в данном случае он был исполнителем: епископ выполнял повеление папы Павла VI, а также его секретаря, всесильного монсеньора Макки, масона Ортолани и кардинала Вийо.

Ко времени избрания Лучани папой кардинал Вийо был неизлечимо болен, и он знал об этом. Он пережил Лучани всего на полгода.

Вийо намеревался подать в отставку, но не раньше, чем назначат преемника. Им стал бы не кардинал Бенелли, как того хотел Лучани, ибо в этом случае вскрылись бы неблагоприятные связи, в которые было втянуто Управление имуществом с благословения Вийо. Глава государственного секретариата, конечно боялся новых разоблачений, которые могли последовать в результате кадровых перемещений, намеченных Лучани. Иными словами, он был напрямую заинтересован в устранении папы. Вийо не просто стоял в центре заговора против Лучани. Им двигало принципиальное неприятие того пути, по которому хотел направить церковь Иоанн Павел I. Позднее, в беседе с автором, трое из представителей курии независимо друг от друга говорили, что были свидетелями того, как Вийо называл преобразования Лучани "предательством идей, завещанных папой Павлом VI". Не исключено, что Вийо был убежден, что смерть Лучани послужит процветанию церкви больше, чем его жизнь.

Некоторые выводы напрашиваются при анализе поведения кардинала после смерти Лучани. Возможно, он переживал глубокий моральный кризис. Вийо уничтожил все материальные свидетельства. Он беззастенчиво лгал. Он связал обетом молчания всех, кто находился в тот момент в папских покоях. Он приказал немедленно приступить к бальзамированию, не только не спросив мнения других членов коллегии кардиналов, но даже не дожидаясь их приезда. Это наводит на мысль, что если сам Вийо и не был непосредственным убийцей Лучани, то старался использовать все свои неограниченные полномочия для того, чтобы помочь убийце замести следы.

Я допускаю возможность, что кардинал Вийо поступил так после того, как увидел, что папа погиб от руки наемного убийцы. Возможно, им руководило желание сохранить престиж Ватикана. Но в любом случае его действия и поведение крайне сомнительны.

Кардинал Джон Коуди, один из тех, кого Лучани также намеревался сместить в числе первых, сохранил престол архиепископа Чикаго милостью Кароля Войтылы. В своей книге под названием "Как делают пап" американский священник Эндрю М. Грили пишет: "После избрания Иоанна Павла II кардинал Коуди, значительно увеличив финансовую помощь церкви в Польше, стал шумно рекламировать эту акцию перед верующими епархии, среди которых очень много поляков. Он много говорил о своей тесной дружбе с новым папой-поляком. Эти примитивные, но действенные в отношении паствы меры весьма укрепили его пошатнувшиеся позиции в борьбе с многочисленными противниками. Кардинал уверял, что папа Войтыла предлагал ему почетный пост в Риме, который Коуди отклонил, и папа, как доверительно добавил Коуди, дал понять, что вопрос исчерпан".

Мои собственные поиски подтвердили сказанное в книге. И в дальнейшем Коуди направлял финансовые средства в Ватикан, которые оттуда переправлялись в Польшу. Это было частью более крупной операции, которую осуществляли по поручению Иоанна Павла II Марцинкус и Кальви.

В октябре 1979 года папа Иоанн Павел II посетил США. В чикагском аэропорту его встречал среди прочих кардинал Коуди, неуловимым жестом вложивший в руку Его святейшества небольшую деревянную коробочку. Это был его личный подарок. Внутри шкатулки оказалось 50 тыс. долларов. Никто не станет спорить, что кардинал имеет право преподнести папе подарок, но в данном случае, помимо быющей в глаза неэлегантности жеста,

не может не возникнуть вопрос об источнике этих денег. Из своего собственного кармана? Или из фондов епархии?

Примерно год спустя после этого американские власти решили провести негласное расследование деятельности кардинала, поскольку скопище материалов, обличавших кардинала в казнокрадстве, росло, а общественное возмущение его автократическими замашками уже не могло остаться без внимания. Преобладали обвинения в том, что около 1 млн. долларов переведено на счет его подруги Эллен Уилсон. Кардинал давно уже перестал различать собственные деньги и церковные. В любом случае оснований для расследования было более чем достаточно. Официально оно было начато в сентябре 1980 года.

В январе 1981 года американские власти потребовали от Коуди предъявить сведения о личных доходах. Следует отметить, что факт расследования и все детали он тщательно скрывал и от своей паствы, и от Ватикана. В курсе были лишь его адвокаты и кое-кто из приближенных лиц. Очередная судебная повестка предписывала архиепископу передать судебным органам для изучения финансовую отчетность вверенной ему епархии. Коуди не подчинился этому требованию. Для рядового гражданина Соединенных Штатов подобный шаг означал бы неизбежное тюремное заключение. Кардинал считал себя вне опасности. Он заявил без ложной скромности: "Я не утверждаю, что правлю всей страной, я утверждаю только, что правлю в Чикаго!"

Через год после начала расследования, в сентябре 1981 года, когда история попала в печать и "Чикаго сан таймс" сообщила читателям сенсационные подробности, он по-прежнему высокомерно отказывался предъявить судебным властям финансовую документацию. Кстати, эта газета, ведя свое параллельное расследование деятельности Коуди уже в течение двух лет, поместила целую серию материалов, подробно рассказывая обо всем, в чем его обвиняли.

Кардинал не сделал даже попытки оправдаться в глазах общественного мнения. В качестве ответной меры он начал широкую пропагандистскую кампанию в свою защиту, пытаясь привлечь на свою сторону 2440 тыс. католиков епархии. Его лозунгом было: "Это не просто атака против меня. Это покушение на авторитет всей церкви".

На многих эта броская, но далекая от истины фраза подействовала. На многих, но не на всех. Общественность Чикаго оказалась поделенной на два враждующих лагеря. Поначалу большинство было на стороне князя церкви, но мало-помалу и среди его сторонников многие стали задаваться вопросом: почему кар-

динал столь упорно держит в тайне финансовые документы? Ряды сторонников начали заметно редеть. Даже самые стойкие настаивали на том, чтобы их духовный пастырь подчинился требованиям закона. В ответ на первую судебную повестку он заявил властям через адвокатов: "Я в ответе лишь перед Богом и Римом".

Вскоре после этого он скончался.

Свое предсмертное послание он завещал опубликовать после кончины. В письме не содержалось ни признания вины, ни попыток оправдаться. Напротив, оно было полно высокомерия и самонадеянности, столь свойственных ему при жизни, и заканчивалось словами: "Я прощаю своих врагов, но господь их не простит".

Смерть деспотичного Коуди, этого кардинала-тирана, вызвала бесконечные толки о его преемнике. Чаще всего называлось имя епископа Марцинкуса, который в тот момент был действующим лицом громкого скандала в Италии. Американский епископат, взвесив обстоятельства, просил Ватикан отказаться от этой кандидатуры, ибо воцарение Гориллы в Чикагской епархии могло бы усугубить и без того тяжелое положение. В конечном итоге преемником Коуди стал архиепископ Джозеф Бернардин из Цинциннати, обещавший немедленно начать расследование по "делу Коуди".

Правительство США официально заявило, что прекращает расследование. Не было вынесено никаких обвинений, поскольку обвиняемого уже не было в живых.

В декабре 1982 года Бернардин обратился к чикагским католикам с посланием. Обращение и выводы, содержащиеся в нем, не подкреплялись никакими документальными свидетельствами и сводились к тому, что проверка финансовой деятельности покойного кардинала не дает оснований подозревать его в злоупотреблениях или нарушениях существующего законодательства.

Ревизоры, которых привлек к расследованию Бернардин, отказались подтвердить достоверность размеров доходов и расходов, заявив лишь, что, по их мнению, "статьи доходов и расходов расходятся в пределах допустимого". Отказ ревизоров признать полностью удовлетворительным состояние представленной отчетности объяснялся отсутствием некоторых финансовых документов епархии, местонахождение которых Барнардину так и не удалось установить. "В случае же, — как было сказано, — если таковые будут найдены, возможно, возникнет необходимость в повторной ревизии". Однако и поныне, то есть два года

спустя, документы так и "не найдены".

Совершенно очевидно, что у самонадеянного кардинала Коуди могло быть по крайней мере одно и весьма веское основание пойти на соучастие в убийстве папы Иоанна Павла I: над ним нависла угроза разоблачения его финансовых злоупотреблений. Проведя много лет в Ватикане и изучив царящие там нравы, он ловко втерся в доверие к папе Пачелли — Пию XII, к папе Монтини — Павлу VI и создал в курии широкую сеть нужных ему людей и просто платных информаторов. Он делал щедрые подношения многим членам Римской курии.

Этот прием, пожалуй, более других укреплял его популярность в ватиканских лабиринтах власти. На Коуди работала там своя мафия, включавшая тех, кто пользовался постоянным доступом в папские покои.

Епископ Пол Марцинкус был третьим в списке тех, кого сразу по восшествии на престол хотел сместить Альбино Лучани. Он, как и Коуди, также сохранил и укрепил свое положение в Ватикане именно благодаря смерти Лучани и избранию Кароля Войтылы, который возвел его в сан архиепископа и расширил его полномочия. В результате он занял свое место в первых рядах тех, кто наносил большой ущерб престижу церкви.

Кальви и Марцинкус разработали широкомасштабную, крайне запутанную и преступную махинацию ради наживы, которая толкнула их и к другому совместному предприятию, одинаково выгодному и для Ватиканского банка, и для "Банко Амброзиано", — к созданию мелких компаний в Панаме и других странах Латинской Америки.

После смерти Кальви Ватикан сделал заявление, в котором утверждал, что ему впервые стало известно о существовании за океанских компаний и о их принадлежности ему лишь в августе 1981 года. Еще одна ложь Ватикана. Документально доказано, что еще в 1978 году епископ Марцинкус предпринимал энергичные меры с целью скрыть фактическую принадлежность этих компаний Ватикану. Что же касается "неведения" Ватикана относительно того, чем он сам владеет, полагаем, достаточно одного примера, чтобы показать несостоятельность подобного, с позволения сказать, "довода".

"Юнайтед трейдинг корпорейшн" (ЮТК), Панама — одна из тех компаний, о которых идет речь в пресловутых "письмах утешения" и о которых, как утверждают, ничего не знали чуть ли не до того самого дня, когда письма эти были написаны по указанию Марцинкуса. На деле же сохранились документы, свидетельствующие, что письмо датировано 21 ноября 1974 года и

подписано по всем правилам официальными лицами Ватиканского банка. Руководство ИРД обратилось с просьбой к принадлежавшему Кальви "Банка дель Готтардо" создать от имени Ватикана компанию под названием "ЮТК".

Кальви сказочно нажился на осуществлении подобных преступных замыслов. А какая корысть была в них для ИРД? Та же, что и для Кальви: прибыль, и прибыль колоссальная. Кальви покупал свои собственные акции по искусственно завышенным ценам. Юридически акции принадлежали, как принадлежат и до сих пор, панамским компаниям, которыми в свою очередь владеет Ватикан. Кальви неизменно выплачивал ежегодный дивиденд на прибыль от их деятельности пропорционально количеству акций их владельцу — Ватиканскому банку. Сумма выплат по дивидендам менялась из года в год и в среднем составляла около миллиона долларов.

Тем не менее эти махинации были лишь вершиной айсберга. Существовали значительно более крупные источники прибылей. Например, в 1980 году ИРД продал 2 млн. акций международной строительной компании со штаб-квартирой в Риме под названием "Вьянини". Акции были куплены небольшой панамской компанией "Ларами". Тем самым было положено начало многомиллионной афере, предусматривавшей затем покупку той же "Ларами" еще 9 млн. акций "Вьянини" по сильно завышенным ценам.

Таким образом, первая покупка обошлась панамской компании в 20 млн. долларов. "Ларами" тоже принадлежала Ватикану. Со стороны может показаться бессмысленной продажа акций самому себе, да еще по взвинченной цене. Но она приобретает смысл, если платят из чужого кармана. Именно этим многие годы пользовался Кальви. В итоге хитроумной махинации Ватикан оставался и владельцем акций "Вьянини", и прикарманил, помимо этого, 20 млн. наличными.

В марте 1982 года архиепископ Марцинкус дал интервью итальянскому еженедельнику "Панорама". Особенно интересны его замечания о Роберто Кальви, учитывая, что они были сделаны восемь месяцев спустя после того, как банкир был приговорен к четырем годам тюрьмы с уплатой штрафа в размере 13,7 млн. долларов, и семь месяцев спустя после того, как Ватикан и Марцинкус обнаружили, если верить их заверениям, что Кальви украл у них более 1 млрд. долларов. Марцинкус заявил: "Кальви вполне заслуживает нашего доверия. У меня нет ни малейших оснований сомневаться в этом. Мы также не собираемся продавать принадлежащие ИРД акции "Банко Амброзиа-

но". Более того, это отнюдь не единственный банк той группы, в которую мы сделали определенные капиталовложения. В частности, я имею в виду "Банка каттолика дель Венето", дела которого идут отлично".

Это заявление по духу весьма схоже с тем, которое Марцинкус сделал американским адвокатам в апреле 1973 года. Тогда он превозносил Микеле Синдону, афериста, виновного в крахе одного из крупнейших американских банков. Марцинкус почитал его как "человека, идущего намного впереди своего времени во всем, что касается финансов".

А вот как Синдона высказывался о президенте ИРД: "Мы неоднократно встречались в течение тех лет, когда нас связывали деловые отношения: Марцинкус был моим партнером в двух банках".

Сторонники Марцинкуса могут возразить, что эти слова были сказаны за год до знаменитого "краха Синдоны". Но ведь и шесть лет спустя, в 1980 году, Марцинкус готов был свидетельствовать в пользу Синдоны, и помешал в этом только кардинал Казароли, да и то в последнюю минуту, нарушив инструкции папы Иоанна Павла II.

Сегодня существует лишь одно препятствие на пути Марцинкуса к кардинальской шапке, препятствие это — Казароли. А сам папа проявляет к нему большую терпимость. Судя по всему, нынешний папа исходит из того, что к грехам, совершенным в банковских делах, следует относиться с большей терпимостью, чем к грехам чисто бытового характера.

Мог ли Марцинкус участвовать в заговоре с целью убийства Лучани? Нельзя не признать, что он имел и мотивы, и реальную возможность для этого. Напомним, что одной из его функций при папе Павле VI была роль личного телохранителя и советника по вопросам безопасности. Таким образом, он, как никто другой, был в курсе всех мер, которые принимаются для личной безопасности папы. До сих пор нет ответа на вопрос: почему президент ИРД решил выйти на прогулку вокруг папского дворца в 6.30 утра именно в тот день, когда был обнаружен труп папы? Как удалось выяснить, ни до, ни после этого его никогда не видели у здания Ватиканского банка в такое раннее время.

Появление Марцинкуса в Ватикане резко изменило стиль работы и атмосферу ИРД, где воцарился дух, скорее напоминавший нравы Чикаго тех времен, когда там господствовали банды Аль Капоне. "Как поживают ваши друзья в Чикаго, Пол?" — такова была распространенная шутка в Ватикане начала 70-х годов. После суда над Синдоной эта шутка все больше сливалась

с правдой и уже не казалась столь смешной. А после скандала вокруг Кальви ее уже никто не отважился себе позволить.

Роль Марцинкуса, судя по всему, сводилась не к прямому убийству Лучани, а к его попустительству убийце. Нет сомнений, что Марцинкус подробно рассказал Кальви о тревогах и опасениях, раньше других сообразив, что новый папа оказался совсем не тем человеком, которого хотели куриальные консерваторы. Вне сомнений и намерение Лучани сместить Марцинкуса с поста президента ИРД и прекратить все контакты Ватикана с "Банко Амброзиано".

Микеле Синдону иногда тоже называли "банкиром господ". В момент смерти Лучани Синдона находился в Нью-Йорке и был поглощен заботами о том, чтобы там и остаться, избежав выдачи итальянскому правосудию. Судебные органы не только Италии, но и других стран пытались привлечь Синдону к ответу за его многочисленные финансовые преступления, совершенные на территории этих стран.

В сентябре 1978 года стало очевидным, что суд над Синдой по обвинению в банкротстве "Фрэнклин нэшнл бэнк" неизбежен. С одной стороны, это спасало от выдачи итальянским властям, но, с другой — Синдона становился предметом судебного разбирательства в США. У Синдоны оставался последний козырь — Ватикан. Он точно рассчитал, что свидетельство в его защиту кардиналов Герри и Каприо, а также епископа Марцинкуса произведет должное впечатление на американский суд. Однако с восшествием на престол папы Лучани ни о каких свидетельствах по "делу Синдоны" в его пользу со стороны Ватикана не могло быть и речи.

Синдона, будучи одним из членов мафии и ложи "П-2", имел не только основания желать смерти Лучани, но и целый аппарат наемных убийц для осуществления этих желаний. Оказавшись почти в безвыходном положении, доведенный до полного отчаяния, он потерял чувство реальности, поверив в свое спасение через убийство федерального прокурора Кенни или итальянского юриста Амброзоли. Стоит ли сомневаться, что такой, как Синдона, мог не задумываясь пойти на убийство папы?

До сего дня Синдона остается безнаказанным. В Италии он должен отбыть три с половиной года в тюрьме. Американские власти были не прочь разобраться в остросюжетной истории с попыткой похищения Синдоны с помощью вертолета из американской тюрьмы в январе 1980 года. Итальянские органы правосудия в июле 1981 года признали банкира виновным в организации убийства Амброзоли, а его сына Нино и зятя Пьера Сандро Мань-

они — соучастниками.

В январе 1982 года суд в Палермо на Сицилии признал Синдону и 65 мафиози из преступных кланов Гамбино, Инцерилло и Спатоли виновными в контрабанде наркотиков в США на сумму в 600 млн. долларов ежегодно, а персонально Синдону — в незаконном владении оружием, мошенничестве, подделке выездных документов и нарушении валютного законодательства. В июле 1982 года итальянское правительство обвинило Синдону и прочих, включая Луиджи Меннини и Массимо Спаду из руководства ИРД, в совершении ряда преступлений, ставших причиной краха "Банка привата итальяна". Весьма показательно, что факты, на которых строились обвинения, были почерпнуты из материалов, собранных так дорого заплатившим за них Амброзоли. Ни автор, ни кто другой не смог бы красноречивее охарактеризовать Синдону и его антиморальные критерии, которыми руководствовались его близкие и он сам, чем это сделал его сын Нино в записанном на магнитофонную пленку разговоре с писателем Луиджи ди Фонцо. Беседа началась вечером 18 марта и продолжалась до рассвета 19 марта 1983 года. (Пленка эта, кстати, находится сейчас у нью-йорского прокурора.) "Отец сам сказал мне, — говорил Нино, — что убийца Амброзоли — Арико¹. Сначала они пытались угрозами запугать Амброзоли, но безуспешно. Тогда Венетуччи (контрабандист, переправлявший наркотики в США) послал в Милан Билли Арико по просьбе моего отца. Арико должен был стрелять в Амброзоли, но не убить, а только ранить. Но Арико убил... Семья Амброзоли не вызывает никакого сострадания у меня, а сам этот ублюдок еще не того заслуживал. Мне жаль только, что этот сукин сын умер без всяких страданий, в ту же секунду. Вот это прошу запомнить: я не осуждаю отца за это убийство, потому что таким, как Амброзоли, нечего коптить небо... Мой отец и так натерпелся, пусть теперь хлебнут горя и наши враги. Пусть теперь эти Гриезы и Кенни покрутятся, а не отец и не мы все. А что мы такого, собственно, сделали? Я, например, ни с чем не посчитался бы и пошел бы на любое преступление, чтобы добиться справедливости. А вот такие, как Кенни и Гриеза, должны подыхать в адских муках, а я по этому поводу устрою салют из шампанского. Я верю, что существуют оправданные преступления!"

¹19 февраля 1983 года, в воскресенье, Уильям Арико погиб при попытке к бегству из Манхэттенской тюрьмы, за два дня до того, как ему и Синдоне предстояло присутствовать на слушании дела об их выдаче итальянским властям, которые планировали вскоре начать судебное разбирательство по делу об убийстве Д. Амброзоли.

Томас Гриеза вел судебное дело, известное как "США против Синдоны". Джон Кенни выступал в качестве главного обвинителя на процессе. Луиджи ди Фонцо задал Нино вопрос: как бы он мог оправдать убийство?

"А очень просто! За секунду с половиной, точно так же как я считаю оправданным любое политическое убийство. Допустим, я считаю, что ради справедливости нужно убить Гриезу. Для меня это не более чем акт самообороны, потому что он совершил тяжкое преступление, засадив моего отца в тюрьму пожизненно без надежды на пересмотр дела. Значит, убив Гриеза, мы сможем рассчитывать на повторное разбирательство. Вот я и считаю, что в такой ситуации для меня убийство судьи было бы просто самообороной".

Таково это оправдание. Нам же остается выразить уверенность, что и Синдона, и его сынок с такой же легкостью квалифицировали бы убийство папы Лучани как акт "самообороны".

Первый состав суда присяжных, расследуя дело Кальви, пришел к заключению, что смерть наступила в результате самоубийства. Членов суда, казалось, ничуть не беспокоило то обстоятельство, что слушание было проведено всего лишь за один день, что отсутствовали многие свидетели, а те, что явились, давали заведомо ложные показания. Поэтому те показания, которые удалось получить, ничего, по существу, не проясняли. В Италии подобный ход дела вызвал скептицизм. В 1983 году новому суду присяжных удалось приблизиться к истине, но и тогда он не решился сделать окончательный вывод относительно причины и обстоятельств смерти человека, найденного висющим под лондонским мостом.

У автора нет никаких сомнений в том, что "самоубийство" Кальви было совершено "братьями" по ложе "П-2". Это — еще одно доказательство того, на какой риск идет каждый, кто хочет сделать карьеру банкира. За несколько часов до "самоубийства" Кальви совершила самоубийство его секретарша Грациелла Коррокер, выбросившись из окна "Банко Амброзиано" в Милане. Ее предсмертная записка, изобиловавшая проклятиями в адрес Роберто Кальви, была найдена Роберто Розоне, который передвигался с помощью костылей после совершенного на него покушения. Несколько месяцев спустя из окна того же здания "выбросился" Джузеппе Деллака, член руководства банка. Клара Кальви, вдова банкира, не раз утверждала, что тайна гибели ее мужа скрыта за Бронзовыми воротами Ватикана: "Это там, в Ватикане, приказали убить моего мужа, чтобы скрыть банкротство Ватиканского банка".

Если поверить сеньоре Кальви, а автор не склонен к этому, то остается предположить, что имел место акт возмездия. Кальви был непосредственным участником уникальной по масштабам суперкражи более 1 млрд. долларов, которую, безусловно, разоблачили бы, останься Альбино Лучани жив. Смерть Лучани развязала Кальви руки и предоставила возможность продолжать фантастические спекуляции и головокружительные аферы, оставаясь безнаказанным. В частности, уже после смерти Лучани самые крупные международные банки "одолжили" Кальви 400 млн. долларов. Деньги вскоре навсегда исчезли в пучине созданного мошенником "панамского треугольника".

Кальви всем рекомендовал читать "Крестного отца", так как эта книга "указывает пути, по которым движется мир". Мир "Крестного отца" — это та стихия, в которой Кальви чувствовал себя как рыба в воде.

Его банки, швейцарские и итальянские, одной из своих главных задач считали операции по "отбеливанию" преступно нажитых денег. Другая их задача — служить ложе "П-2". Все эти функции Кальви выполнял при активном содействии Ватиканского банка. Попадающие к нему огромные суммы проходили такой путь: из "Банко Амброзиано" они поступали на итальянский счет Ватикана, затем перечислялись в "Банка дель Готтардо" или в ЮБС (Швейцария). Таким способом, в несколько ступеней, и происходило "отбеливание" денег, на которых была печать многочисленных кровавых убийств, банковских грабежей, похищений людей, торговли наркотиками, краж произведений искусства и ювелирных изделий. Связи Кальви в мире преступности были необычайно широки. Среди его "ближних" находились представители "большой мафии" — своеобразной элиты мастерски организованной преступности, наемные убийцы, различные правозкстремистские террористические группировки.

Почти полуторамиллиардная пробоина "Банко Амброзиано" образовалась вследствие противозаконной скупки Кальви акций собственного банка. Кроме того, большая денежная сумма оказалась в руках Джелли и Ортолани. В частности, 55 млн. долларов были переведены Кальви из Перу на счет Джелли в швейцарский ЮБС. Еще 30 млн. долларов Кальви перечислил также на швейцарский счет Флавио Карбони. В начале 1982 года Кальви перевел 470 млн. долларов из головного банка в Милане в перуанское отделение.

Он выделял значительные суммы итальянским политическим партиям. Немало досталось реакционным военным режимам в Латинской Америке, в частности правительствам Арген-

тины, Уругвая и Парагвая.

Кальви нередко рассказывал об этих денежных субсидиях "близким и верным" друзьям, в частности Карбони, который, как заведено у масонов, тайно записывал эти признания на магнитофон. Вот одно из них: "Марцинкусу надо быть осторожнее с этим Казароли, поскольку кардинал возглавляет группу его противников. Не дай бог, Казароли столкнется в Нью-Йорке с кем-нибудь из финансистов, с которыми связан Марцинкус и через которых передает деньги "Солидарности". Тогда Ватикану не избежать провала. Даже если хоть одна из тех бумаг, что я видел у Марцинкуса, попадет на глаза Казароли — прощай Марцинкус. И тогда прощай Войтыла, прощай "Солидарность". Даже их последняя операция с 20 миллионами долларов может стать роковой, если о ней узнают. Я, кстати, сказал об этом Андреотти, но так и не понял, на чьей он стороне. Если дела в Италии пойдут так и дальше, Ватикану скоро надо будет переселяться в Вашингтон и купить здание где-нибудь на задворках Пентагона".

Мог ли участвовать Роберто Кальви в заговоре с целью покушения на жизнь Лучани? Несомненно, как и Синдона, он имел причины и практически неограниченные возможности для организации покушения. До того, как был убит Лучани, "братья" Кальви по ложу "П-2" наглядно продемонстрировали свой высокий профессионализм в "искусстве" убивать. После смерти папы убийства приняли угрожающие масштабы, по мере того как Кальви все больше запутывался в хитросплетениях многомиллионных афер, следовавших одна за другой. Длинная цепь убийств — Эмилио Алессандрини, Мино Пекорелли, Джорджо Амброзоли, Антонио Вариско, Борис Джулиано — такова "визитная карточка" Кальви и его окружения.

В руках Кальви была сосредоточена большая власть, опиравшаяся прежде всего на Личо Джелли, главаря ложы "П-2", с помощью которой многие были запуганы настолько, что не осмеливались сказать и слова правды.

"Великий магистр" Джелли держал в своих руках сотни нитей, приводивших в движение послушных. Нити вели в Ватикан и даже за океан, в Вашингтон, во многие правительственные резиденции в разных частях света. Среди послушных Джелли "кукол" (за что он и получил кличку "кукольник") были и такие, которые обязаны были всюду и всегда иметь при себе смертельную дозу дигиталиса, именно ту, которая вызывает разрыв сердца под видом инфаркта миокарда. Любой врач при осмотре такой жертвы масонов поставит именно этот диагноз. Яд не имеет

запах и не оставляет внешних следов. Обнаружить его можно лишь при вскрытии.

Как утверждают родственники покойного Кальви, в последнее время он часто говорил, что все его беды "из-за попов". Речь шла о "попах" ватиканских. Один из них вызывал у него страх и кошмары. В августе 1978 года Кальви провел немало времени в Южной Америке вместе с Джелли и Ортолани, разрабатывая с ними новые преступные планы. Перед Джелли и Ортолани Кальви настойчиво утверждал, что Альбино Лучани всерьез наметил ряд реформ, осуществление которых равносильно их гибели. Убить судью или прокурора можно даже на виду у всех. Преступление, если его тщательно подготовить, может остаться нераскрытым, тем более если его возьмет на себя одна из террористических организаций, которых немало в Италии. Другое дело — убийство папы римского. Тут был необходим тщательно разработанный план, в основе которого — наистрожайшая тайна. Смерть не должна была возбудить подозрений — вот где залог успеха. Иными словами, была необходима имитация естественной смерти.

Цель, по мнению заговорщиков, оправдывала любые средства — взятки, подарки, посулы, подкупы, комиссионные... Смерть папы обуславливала безопасность и благополучие Кальви. Поэтому он готов был не только убить папу, но и сделать все, что с этим связано и до и после убийства. Действия Кальви показали, что жизнь и смерть папы имеет свою цену. И цену огромную. Но она по плечу тому, у кого в распоряжении целый банк!

После смерти Роберто Кальви наиболее правдивый некролог вышел из-под пера Марио Сарчинелли, на себе испытавшего магическую силу власти покойного. Вот что он, в частности, написал: "Он начал как слуга, затем превратился в босса, но лишь для того, чтобы вновь стать слугой еще более могущественных господ".

И тут мы снова подходим к Личо Джелли. В сентябре 1978 года Джелли практически управлял Италией. И в Ватикане для него было все доступно благодаря стараниям Ортолани. То обстоятельство, что оба находились в момент убийства Лучани в Южной Америке, никак не может служить алиби в привычном смысле этого слова. Мы помним, как Синдона потягивал свой любимый martini в ту секунду, когда по его указанию оплаченный им убийца Арико выпустил очередь из автомата по Джорджо Амброзоли в Милане. Этого не произошло бы, если бы итальянские власти сумели к тому времени добиться его выдачи.

"Кукольник" Джелли, все чаще пользовавшийся паролем

"Лучани", вновь убедительно показал, что власть его практически безгранична.

Восьмого апреля 1980 года Джелли писал из Италии Филиппу Гуарино, занимавшему видное положение в национальном комитете республиканской партии США в тот период, когда комитет был всецело поглощен борьбой за избрание Рональда Рейгана президентом страны: "Если Вы сочтете, что для предвыборных целей может быть полезной публикация каких-либо материалов в итальянской печати в пользу кандидата от вашей партии, перешлите мне подборку статей, и я обеспечу их публикацию в одной из газет".

Если бы не было власти, сосредоточенной в руках Джелли, подобное предложение выглядело бы нелепым фанфаронством. Как может человек, не являющийся собственником какой-либо газеты, делать подобные предложения? Дело в том, что многие видные итальянские журналисты и издатели были членами ложи "П-2", а также в том, что Ватикан контролировал гигантский издательский концерн "Риццоли", финансовые интересы которого выходили далеко за пределы Италии, достигая, например, Буэнос-Айреса. И нет ничего удивительного, что среди газет, которые выполнили бы любое указание Джелли, была и самая крупная и престижная газета Италии "Коррьере делла сера". Другие члены ложи "П-2" действовали на радио, телевидении, в органах печати по всей стране. Поэтому слова Джелли, адресованные Ф. Гуарино, много значили: вскоре по всей Италии стали широко публиковаться материалы, до небес превозносившие Рональда Рейгана.

В январе 1981 года Личо Джелли был приглашен в качестве почетного гостя на торжества в Белый дом по случаю вступления Рейгана в должность президента. Как позднее не без зависти отметил Гуарино, Джелли "отвели лучшее место, чем мне".

В мае 1981 года, когда разразился скандал в связи с опубликованием списков членов ложи "П-2", Джелли, находясь в Латинской Америке, продолжал проявлять свою власть. Он отнюдь не считал, что его конец близок. Как и прежде, был активен и вскоре затеял очередную аферу, приказав Кальви перевести из "Банко Амброзиано" на счет контролируемой "П-2" панамской компании "Беллатрикс" 95 млн. долларов.

Год спустя, в разгар фолклендского кризиса, Джелли, в то время скрывавшийся, отправился в Европу, чтобы помочь своим аргентинским друзьям. Ракеты "Экскосет", которые он закупил для военного режима Аргентины, пришлись по вкусу, и Джелли решил сделать повторный заказ во Франции. Он и

Ортолани поселились на вилле в Кап-Ферра, где вели тайные переговоры с подпольными посредниками и с представителями "Аэроспастьяль" — фирмой, производившей смертоносное оружие. О переговорах тем не менее стало известно британской разведке, которая предупредила своих итальянских коллег об опасных контактах Джелли. За виллой в Кап-Ферра было установлено постоянное наблюдение. Но тут вмешалась французская контрразведка, сделавшая все возможное, чтобы предотвратить арест Джелли. И преуспела. Вот он, еще один пример могущества главаря ложи "П-2".

Ведя переговоры с поставщиками ракет "Экскосет", Джелли находил время и для ежедневных контактов с Кальви. "Тайных братьев" по-прежнему многое объединяло. Действительно, к середине 1982 года оба находились в бегах. Кальви, понимая, что полный крах его империи "Амброзиано" является делом нескольких дней, бежал из Италии сначала в Австрию, затем в Лондон. Схожесть ситуаций обусловила взаимозависимость двух мошенников: каждый из них мог быть весьма полезен для другого. Кальви нужна была защита от грозивших судом и тюремным заключением итальянских властей, а Джелли ради собственной безопасности должен был поставить Аргентине оружие, для чего нужны были большие деньги. Автору удалось выяснить, что немалую помощь в этом Джелли оказали французы, с большим рвением искавшие пути обхода эмбарго на продажу оружия Аргентине. Ракеты предполагалось поставить Аргентине через Перу. Французские специалисты уже ждали приказа отправиться в путь, чтобы там технически приспособить ракеты "Экскосет" к аргентинским самолетам.

Но фортуна изменила Джелли и Кальви. Война не ждала, пока Джелли даст команду действовать своим итальянским марионеткам. Кальви по требованию Джелли отправился в Лондон. И, как выяснилось, навстречу смерти. Он "покончил с собой" 17 июня 1982 года, в тот самый день, когда генерал Гальтиери уступил пост президента Аргентины генералу Биньоне. Аргентина проиграла войну, и "тайные братья" Кальви по ложе "П-2" сочли, что он содействовал поражению, не сумев вовремя найти денег для покупки ракет.

В августе 1982 года Аргентина решила возобновить военные действия против английских войск на Фолклендах. При этом аргентинские военные не сомневались, что залогом успеха операции стало бы оснащение армии дополнительным количеством ракет "Экскосет". На этот раз Джелли вошел в контакт с бывшим офицером итальянской военной разведки пол-

ковником Массимо Пульезе, членом ложи "П-2". И вновь британская разведка узнала о намечавшейся сделке и сорвала ее.

В течение августа 1982 года у Джелли возникли сложности с одним из его тайных банковских счетов в Швейцарии. Каждый раз, когда он из Южной Америки заявлял о переводе денег с его специального счета в ЮБС, банковские чиновники требовали, чтобы он присутствовал в банке лично. 13 сентября 1982 года Джелли с фальшивым аргентинским паспортом прилетел в Мадрид, откуда отправился в Женеву. Он предъявил свои поддельные документы. В ответ услышал, что ему придется немного подождать. Через несколько минут его арестовали. Джелли попался в расставленную властями ловушку. Его счет оказался заблокированным по просьбе итальянского правительства, которому Швейцария сообщала, кто является владельцем этого счета. Как выяснилось, счет открыл на его имя Роберто Кальви, который перевел на него 100 млн. долларов. В момент ареста Джелли пытался перевести в Уругвай оставшиеся на его счету 55 млн. долларов.

Началась долгая тяжба, связанная с его выдачей итальянским властям, похожая на ту, что имела место вокруг Синдоны и Кальви. Джелли, как и оба его "тайных брата", неустанно твердил, что "оказался жертвой политической интриги, организованной левыми". Швейцарские судебные власти, разбираясь в обоснованности жалоб, поместили на это время обвиняемого в одну из наиболее тщательно охраняемых тюрем "Шан Доллон". Как видно, любые судебные разбирательства, если они касаются членов ложи "П-2", затягиваются надолго.

Джелли находился в тюремной камере, когда наступило лето 1983 года. Приближались всеобщие выборы в Италии в июне 1983 года. Деятельность парламентской комиссии, занимавшейся расследованием, связанным с ложей "П-2", была приостановлена. Синьорина Тина Ансельми, председатель парламентской комиссии по расследованию, подведя итог двухлетнему судебному разбирательству этой антиконституционной организации, сказала: "П-2" ни в коем случае нельзя считать разгромленной и больше не существующей. Она по-прежнему действует. Ее члены активно работают во многих организациях и учреждениях. В ее руках деньги, связи, средства. Ее могущественные филиалы активно действуют в Латинской Америке. По-прежнему эта организация вполне способна определять развитие политических событий в Италии".

Время показало, насколько точен был вывод, сделанный синьориной Ансельми. Когда известия об аресте Джелли достигли

Аргентины, адмирал Эмилио Массера, член правящей хунты, заметил: "Синьор Джелли сделал очень много для нашей страны. Мы перед ним в долгу, который не скоро сможем оплатить".

Адмирал Массера, как и генерал Карлос Суарес Масон, главнокомандующий сухопутными войсками, и организатор аргентинских "эскадронов смерти" Хосе Лопес Рега, является членом аргентинской организации ложи "П-2". В Уругвае среди местного масонского братства числится бывший главнокомандующий генерал Грегорио Альварес.

Если кто-либо в Италии или за границей счел, что Тина Ансельми просто пыталась набрать очки в преддверии выборов, то они ошибались. 10 августа 1983 года в тюрьме "Шан Доллон" одним заключенным стало меньше: Личо Джелли бежал. Швейцарские власти в попытке скрыть охватившее их смятение пошли по самому ненадежному пути: они попытались свалить всю вину на одного подкупленного гвардейца из охраны тюрьмы по имени Умберто Чердана, который, как утверждали власти, получил от Джелли взятку в 6 тыс. фунтов стерлингов¹.

Видимо, тот, кто готов верить в версию, согласно которой Джелли смог бежать из Швейцарии благодаря стараниям одного-единственного охранника, легко поверит и в то, что Альбино Лучани умер естественной смертью. Подобное легкоеверие несостоятельно хотя бы потому, что охранник не пошел бы на это из-за суммы, равной его четырехмесячной зарплате, рискуя получить тюремное заключение на срок в семь с половиной лет.

Девять дней спустя после побега Джелли швейцарские власти ответили согласием на требование итальянских властей о его выдаче. Беда теперь была в том, что самого Джелли уже не было в Швейцарии. Вначале сын перевез его через границу во Францию во взятом напрокат "БМВ", а затем обоих доставил вертолетом в Монте-Карло анонимный пилот, которому хорошо заплатили. Пилоту сказали, что пассажира придется доставить из Ниццы в Монте-Карло. После этого, сев на яхту Франческо Пацценцы, заявлявшего о дружбе с покойным Кальви, Джелли направился в Уругвай. В момент, когда пишутся эти строки, он чувствует себя уже вполне здоровым, наслаждаясь жизнью на ранчо в нес-

¹ В начале 1984 года Чердана был приговорен к 18 месяцам тюрьмы. Однако исполнение приговора было отсрочено. Суд получил письмо от Джелли, где он рекомендовал отнестись к подсудимому со снисхождением и приносил свои извинения за совершенный побег, объясняя его тем, что оказался жертвой политических преследований.

кольных милях севернее Монтевидео. Его разыскивает полиция многих стран, его обвиняют во многих преступлениях одновременно, но, насколько можно судить, Джелли и на этот раз обеспечил для себя надежные гарантии безопасности.

В результате выборов в Италии в 1983 году премьер-министром страны стал Беттино Кракси. Услышав о побеге Джелли, он заметил: "Его побег подтверждает, что в распоряжении "достопочтенного магистра" целая сеть могущественных друзей".

Если Джелли вообще когда-либо окажется в руках правосудия (а на этот счет никаких надежных гарантий нет), ему будет предъявлен целый ряд тяжких обвинений: вымогательство, шантаж, контрабанда наркотиков и оружия, организация заговора с целью свержения законного правительства, политический и военный шантаж, незаконное владение государственной тайной, участие в серии террористических актов, включая взрыв на вокзале в Болонье, в результате которого погибло 85 человек.

Логическая цепь, ведущая от смерти папы к епископу Марцинкусу, Роберто Кальви, Умберто Ортолани и Личо Джелли, весьма прочна. Для того чтобы косвенные улики, которые удалось собрать автору, превратились в прямые, на основании которых суд присяжных вынесет приговор "виновен", они должны быть крайне убедительными и пройти многократную проверку и перепроверку, пополняясь новыми доказательствами и фактами. Но сегодня нет сомнений, что никто не смог бы, прочтя эту книгу, утверждать, будто Альбино Лучани умер естественной смертью. На основании приведенных доказательств ни один объективный судья в мире не согласится с таким выводом. Нет также и никаких свидетельств, доказывающих, что смерть Лучани явилась результатом несчастного случая. Методом исключения мы пришли к выводу о насильственной смерти.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга вышла в свет в июне 1984 года одновременно во многих странах. Сегодня, когда пишутся эти строки, распродано более полумиллиона экземпляров. Я получил тысячи писем: два из них содержали критику, остальные же не только с похвалой отзывались о ней, но и — это гораздо важнее — отмечали, что автор привел убедительные доказательства насильственного характера смерти Альбино Лучани.

Откликнулся и Ватикан. Через несколько дней после выхода книги в свет и до того, как с ней успели познакомиться, последовала именно та реакция, которую я ожидал. "Фантастические домыслы, доведенные до полного абсурда", "Ватиканские источники особо отметили, что апостолическая конституция однозначно запрещает посмертное вскрытие тел римских пап" — эта много раз повторенная ложь обошла средства массовой информации западного мира.

Несмотря на многочисленные нападки на меня со стороны многих иерархов римско-католической церкви, которые клялись и божились, что докажут несостоятельность моих обвинений, сегодня, год спустя после выхода книги, совершенно очевидно следующее: ни один факт, ни один из моих выводов, ни одно из утверждений относительно того, что папа Иоанн Павел I был убит, не опровергнуты. Напротив, все дополнительные сведения, которые мне удалось собрать в течение истекшего года после появления книги, лишь снова доказали мою правоту. События реальной жизни полностью подтвердили правдивость книги.

Микеле Синдона. Три месяца спустя после выхода книги Синдона был наконец выдан властями США в руки итальянского правосудия. Несмотря на то что в Соединенных Штатах Синдона был приговорен к 25 годам тюрьмы, министерство юстиции этой страны было вынуждено передать преступника властям Италии, где он в марте 1985 года был приговорен еще к 15 годам лишения свободы за умышленное банкротство, а также к выплате

1 млн. фунтов стерлингов своим кредиторам. Он должен предстать перед судом по обвинению в организации убийства Джорджо Амброзоли. В свете моего вывода о том, что Иоанн Павел I был отравлен, небезынтересна реакция Синдоны на известие о его выдаче итальянским властям. Он заявил: "Если я все-таки предстану перед судом в Италии и если меня не уберут еще до его начала — а уже поговаривают о приготовленной мне чашке отравленного кофе, — я привлеку всеобщее внимание к этому суду, будьте уверены! Я скажу абсолютно все!"

Однако после перевода Синдоны в Италию с ним связались члены ложи "П-2". В результате он изменил свое решение "сказать абсолютно все". Он потребовал, чтобы судебное разбирательство огромного числа обвинений, выдвинутых против него, проходило в зале суда в его отсутствие. И, как ни поразительно, его требование было удовлетворено. Остается надеяться, что дополнительную информацию относительно его причастности к убийству Альбино Лучани мы получим в ходе процесса по делу об убийстве Амброзоли.

Пол Марцинкус. Месяц спустя после того, как эта книга вышла, секретарь-инспектор Ватиканского банка Луиджи Менини был приговорен миланским судом к семи годам тюремного заключения. Он был признан виновным в финансовых преступлениях, имевших прямое отношение к "краху Синдоны". Самого же Марцинкуса, как главу Ватиканского банка, по-прежнему не удастся посадить на скамью подсудимых. У него могущественные покровители, и среди них сам папа и деятели нынешней американской администрации.

Опорой Марцинкусу в его стремлении избежать ареста служит посол США при Ватикане Уильям Уилсон, который не раз приходил на помощь своему другу. Его усилиями министерство юстиции США остановило расследование связей Марцинкуса и Синдоны. Посол Уилсон — близкий друг нынешнего хозяина Белого дома. В прессе его часто называют членом "закулисного кабинета" при президенте США.

Небезынтересно упомянуть и о том, что за истекший после появления книги год Ватикан, опровергавший в течение двух предыдущих лет любое утверждение о причастности Святого престола к краху "Банко Амброзиано", выплатил кредиторам 250 млн. долларов, хотя, как и раньше, продолжает настаивать, что не обязан был этого делать.

Личо Джелли. В июле 1984 года итальянская парламентская комиссия пришла к выводу, что список ложи "П-2", о котором речь идет в книге, был абсолютно точным. Следствием этого

явилась отставка министра финансов Италии Пьетро Лонго. Подобно Ватикану, Джелли отрицает свою ответственность за миллиардную аферу. Были получены также дополнительные доказательства того, насколько интересы Джелли переплелись с интересами главарей бывшей аргентинской хунты. По распоряжению члена масонской ложи адмирала Эмилио Массера для Джелли были изготовлены пять фальшивых паспортов, когда тот находился в швейцарской тюрьме. Ими Джелли и воспользовался после побега.

В октябре 1984 года бывший глава внутренней службы СИСМИ (итальянской военной разведки) генерал Пьетро Музумечи был арестован. Он обвинялся в том, что помог замести след террористам, организовавшим взрывы бомбы на железнодорожном вокзале в Болонье. Читатель, очевидно, помнит, что автор книги обвинил именно Джелли и руководимую им ложу "П-2" в подготовке этого чудовищного преступления, унесшего 85 жизней и сделавшего калеками 182 человека. Генерал Музумечи — член ложи "П-2".

Тринадцатого мая 1982 года турецкий террорист Агджа совершил покушение на папу Иоанна Павла II на площади Святого Петра в Риме. С того дня не прекращаются дебаты на тему о том, кто стоял за этим преступлением. Определенные силы предприняли меры, чтобы настроить общественное мнение против русских. К этому были привлечены сотрудники ЦРУ, Генри Киссинджер и другие видные политики США. Их "аргументы" основаны только на заявлениях самого Агджи, который после 18-месячного молчания и непрерывных визитов к нему представителей западных спецслужб "обвинил" болгарскую службу безопасности в заговоре с целью убийства Кароля Войтылы.

Я самым тщательным образом изучил все документальные свидетельства, имеющие отношение к делу, и твердо убежден, что все подобные обвинения совершенно беспочвенны. Пользуясь языком Ватикана, к которому он прибегнул в оценке моей книги, все это — "фантастические домыслы".

Представляется в высшей степени подозрительным, что при весьма большом количестве фактов, свидетельств и улик, подтверждающих в моей книге, что предшественник Войтылы на папском престоле погиб от руки убийцы, Ватикан упорно хранит молчание. спрашивается, почему бы Ватикану не продемонстрировать всему миру мою неправоту сразу же, не медля, по прочтении этих строк, которыми я бросаю ему вызов?

Если Ватикан способен опровергнуть мои выводы, а именно: доказать, что я был не прав, приводя данные о том, кто и когда

обнаружил труп папы Лучани, а также, что я в равной степени был не прав относительно тех бумаг, которые сжимал покойный уже мертвой рукой, то в этом случае я был бы готов отдать весь гонорар, полученный от продажи моей книги во всем мире, на цели лечения раковых больных.

В Ватикане полным ходом идет расследование. Цель его — отнюдь не установление истинной причины смерти Альбино Лучани. Идет настоящая охота на тех, кто оказался достаточно мужественным, чтобы решиться мне помочь установить истину. Отказ Ватикана дать серьезные объяснения по ряду крайне важных обвинений, выдвинутых в книге против Святого престола, уже убедил многих непредвзятых наблюдателей в том, что мои выводы относительно истинных причин смерти Лучани верны. На основе полученных писем могу с полной уверенностью заявить, что и читателям книги эти доводы представляются убедительными.

Но в Ватикане думают иначе. Один кардинал обронил фразу: "Мы находимся здесь уже почти две тысячи лет. Останемся здесь и после того, когда Дэвида Яллопа уже не будет".

Издательство "Прогресс"
Недавно вышла в свет

ЛЯХ М., УБЕРМАН В. Верю тебе, Килрой: Пер. с польск.

В документальной повести, ставшей в Польше бестселлером, разоблачается деятельность радиостанции "Свободная Европа". Авторы, польские публицисты, один из которых по заданию работал на этой радиостанции, показывают "кухню" этой подрывной организации, занимающейся сбором шпионской информации в соцстранах и ведущей против них "психологическую войну" под руководством и при прямом участии ЦРУ.

Издательство "Прогресс"
Выходит в свет

БРАНЧ Т., ПРОППЕР Ю. Лабиринт: Пер. с англ.

Своим появлением на свет книга американских публицистов обязана расследованию обстоятельств убийства в Вашингтоне чилийского патриота, борца против фашистской хунты, видного общественного и политического деятеля Орландо Летельера.

Авторы шаг за шагом ведут читателя по "лабиринту" международного террористического подполья, где царят корысть, трусость, шантаж и предательство. Остро разоблачительный в социальном и политическом отношении характер книги обретает тем большую убедительность, что она базируется на большом количестве документов, на личных свидетельствах людей, соприкасавшихся с "делом Летельера".

Материалы книги позволяют раскрыть социальную сущность международного терроризма, выявить империалистические силы, которые его инспирируют.

Издательство "Прогресс"
Готовится к печати

МЕРКС Ф. Наемники смерти: Пер. с нем.

Более 150 "локальных" войн с участием наемников было развязано империализмом после окончания второй мировой войны. Кровавый след оставлен ими на всех континентах планеты, особенно в Азии, Африке, Латинской Америке.

В предлагаемой книге прослеживается история наемничества, которое автор рассматривает как одну из форм классового насилия: феодальные ландскнехты, подавлявшие восстания крестьян и ремесленников, пресловутый Иностранный легион, действовавший полтора столетия и послуживший образцом для создания банд по борьбе с национально-освободительным, рабочим и коммунистическим движением, наемные отряды белоэмигрантов, боровшихся против Советской России, "добровольческие корпуса", подготовившие приход к власти фашистов, "силы быстрого развертывания" в наши дни.

Книга написана с привлечением большого количества документов, публицистична по форме.

ИБ № 14740

Редактор Шумский В. С.

Художник Егоров Ю. Н.

Художественный редактор Платонова М. А.

Технический редактор Юханова М. Г.

Корректор Ужтупене Н. Е.

Сдано в набор 07.08.85. Подписано в печать с РОМ 06.03.86. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс Роман. Печать офсетная. Условн. печ. л. 16,38 + 0,5 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд. л. 18,32. Тираж 50000 экз. Заказ № 253 Цена 1 р. 10 к. Изд. № 39833.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

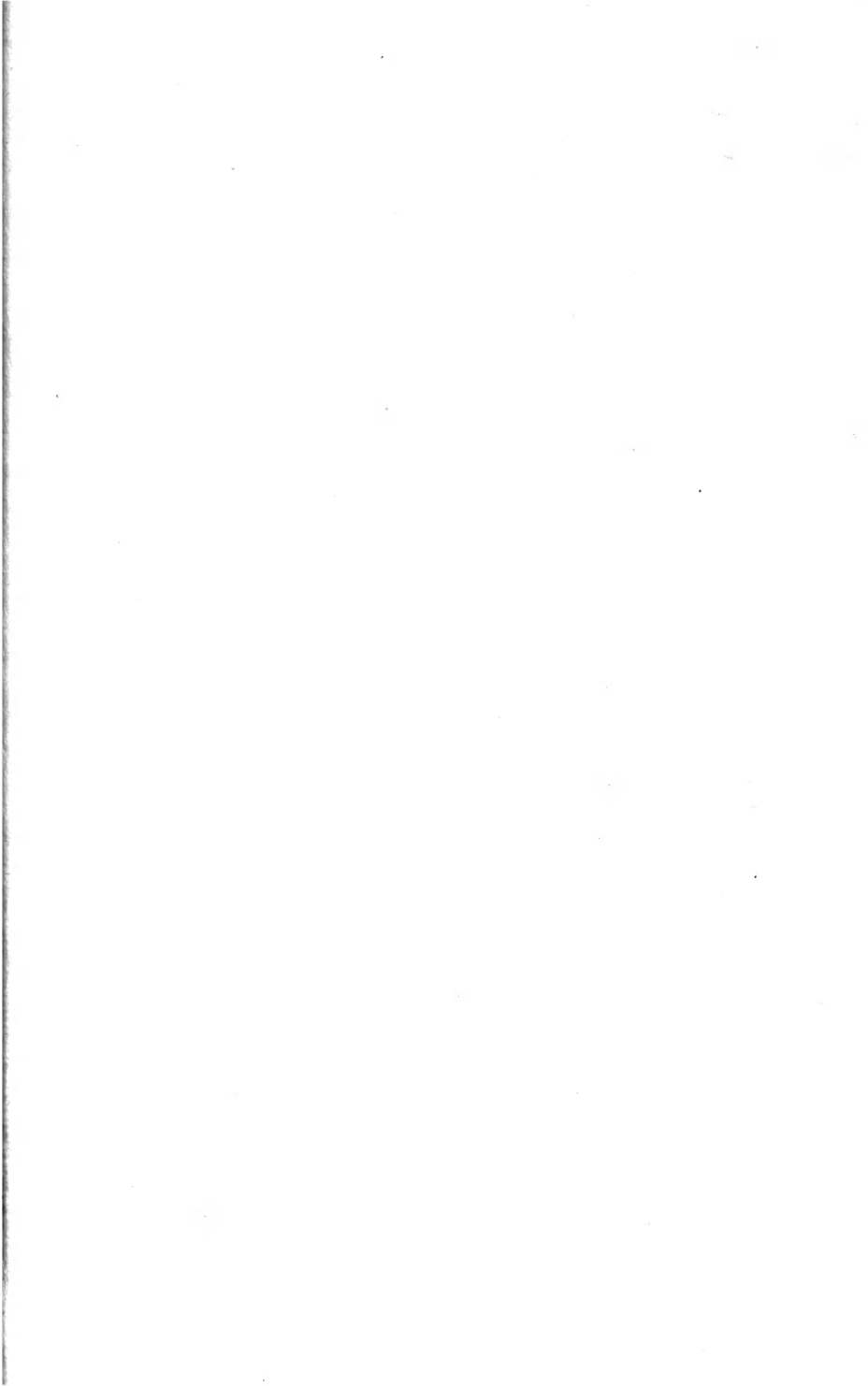
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

306000, г. Тула, проспект Ленина, 109.

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

196

197

198

199

200

201

202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

225

226

227

228

229

230

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

288

289

290

291

292

293

294

295

296

297

298

299

300

301

302

303

304

305

306

307

308

309

310

311

312

313

314

315

316

317

318

319

320

321

322

323

324

325

326

327

328

329

330

331

332

333

334

335

336

337

338

339

340

341

342

343

344

345

346

347

348

349

35